

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2021. Т. 14. № 3

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д.71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чжао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чжао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчики: *С. В. Джагрунов, Т. Н. Богрданова*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translators: *Sanal V. Dzhagrunov, T. N. Bogrdanova*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Жабаева Л. Б.</i> «Япония все ближе и ближе пробивается к границам Монголии... как думаете отстаивать свою независимость?» (О беседе Сталина с П. Гэндэном 24 ноября 1934 г.)	428
	<i>Макеева С. Б.</i> Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг.	436
Отечественная история	<i>Ряжнев А. С.</i> Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам Архива внешней политики Российской империи)	449
	<i>Султангузина Г. Ю.</i> Социальный статус женщины в семье Башкирии в первое десятилетие советской власти	459
	<i>Поляков В. Е.</i> Крымский период жизни Басана Городовикова	469
	<i>Ахмадиева Н. В.</i> Бесхозяйственность и хищения социалистической собственности в колхозах Башкирии в конце 1960-х — первой половине 1980-х гг. как системное явление	479
	<i>Манджикова Л. Б.</i> Архивное строительство Калмыцкой АССР. 1962–1980 гг.	488
Археология	<i>Рафикова Я. В.</i> Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы	501
	<i>Королев А. И., Мышкин В. Н., Шалапинин А. А.</i> Результаты работ на грунтовом могильнике Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2018 г.	515
Этнология и антропология	<i>Бадмаева Н. В.</i> Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	531
Источниковедение	<i>Ринчинов О. С.</i> Цифровые модели кодикологии тибетских книг	541
	<i>Цендина А. Д.</i> Гадание по <i>хулилам</i> среди монголов	550
	<i>Батомункеева С. Р.</i> Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилоствления и подношения тарма Быстродействующему Защитнику Мудрости – Шестирукому Махакале» (тиб. <i>myur mdzad ye shes kyi mgon po phyag drug pa'i gtor chog bskang gso cha lag dang bcas pa bzhu</i>)	568
	<i>Авдашкин А. А., Раева Т. В., Сибиряков И. В.</i> «Сталин и Мао слушают вас»: образы лидеров СССР и КНР на страницах журнала «Огонек» (1949–1953 гг.)	581
Языкознание	<i>Беленов Н. В.</i> Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей	595
Фольклористика	<i>Митруев Б. Л.</i> О переводе двух песен Гесера Б. Бергманом	606
	<i>Хусаинова Г. Р.</i> К вопросу о создании образа героя башкирской волшебной сказки	626
	<i>Берберов Б. А.</i> История и поэтика карачаево-балкарской загадки	635

CONTENTS

General History	Zhabaeva L. B. «Japan is encroaching on the borders of Mongolia ... How do you think to uphold your independence?»: I. V. Stalin Talking to P. Genden on November 24, 1934	428
	Makeeva S. B. Regional Industry of the PRC during the Implementation of the Strategy of Equalizing and Balanced Spatial Development in the 1950–1970s	436
National History	Ryazhev A. S. Catholic Missionaries on the Southern Russian Outskirts in the First Half of the 18 th Century (on the basis of documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)	449
	Sultanguzhina G. Yu. The Bashkir Woman's Social Status within the Family in the First Soviet Decade	459
	Polyakov V. E. The Crimean Period in the Life of Basan Gorodovikov	469
	Akhmadieva N. V. Mismanagement and Misappropriation of Collective-cooperative Property in the <i>Kolkhozes</i> of Bashkiria between the Late 1960s and the First Half of the 1980s as a Systemic Phenomenon	479
	Mandzhikova L. B. Archival Organization and Management in the Kalmyk ASSR, 1962–1980	488
Archaeology	Rafikova Ya. V. Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals	501
	Korolev A. I., Myshkin V. N., Shalapinin A. A. Results of the 2018 Archaeological Investigation at the Burial Ground of <i>Maksimovka I</i> in the Forest-steppe Volga Region	515
Ethnology & Anthropology	Badmaeva N. V. Migration from Rural Areas of Kalmykia to the Far North and to the Territories Equated to the Far North	531
Sources Studies	Rinchinov O. S. Digital Models of the Codicology of Tibetan Books	541
	Tsendina A. D. Divination with <i>Khulil</i> as Practiced by Mongolians	550
	Batomunkueva S. R. The Image of the Six-armed Mahakala and His Retinue in the Text «The Ritual of Propitiation and the Offering of the Torma for the Swift-acting Wisdom Protector, the Six-armed Mahakala»	568
	Avdashkin A. A., Sibiryakov I. V., Raeva T. V. «Stalin and Mao are listening to you»: Images of the Leaders of the USSR and the PRC on the Pages of the Magazine «Ogonyok» (1949–1953)	581
	Belenov N. V. Lexical and Semantic Analysis of the Toponymy of the Chuvash Village of Bolshoe Aldarkino, Borskiy District of the Samara Region	595
Linguistics	Mitruiev B. L. Two "Geser" Songs Translated by Benjamin Bergmann: Russian Translation and Discussion	606
Folklore Studies	Khusainova G. R. Hero in Bashkir Magic Tale: Means of Artistic Manifestation Revisited	626
	Berberov B. A. History and Poetics of the Karachay-Balkarian Riddle	635

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 428–435, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-428-435

«Япония все ближе и ближе пробивается к границам Монголии... Как думаете отстаивать свою независимость?» (О беседе Сталина с П. Гэндэном 24 ноября 1934 г.)

Лариса Будаевна Жабеева¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (стр. 1, д. 40 В,
 ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-1486-5959. E-mail: vsghistory@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жабеева Л. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* В начале 1930-х гг. происходит активизация двусторонних отношений между Россией и Монголией, проводятся регулярные встречи, доверительные беседы руководителей СССР и МНР. Высшее советское руководство стало более тщательно, детально заниматься монгольскими делами, внимание к которым во многом было обусловлено резким обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, связанным с началом агрессивных действий империалистической Японии, которая громко заявила о своих планах на азиатском континенте. Руководство СССР стремится обеспечить защиту своих интересов в регионе. *Целью* статьи является определение значимости советско-монгольской встречи на высшем уровне 24 ноября 1934 г. *Материалы и методы.* Автор опирается на сборник документов российско-монгольского военного сотрудничества, где опубликованы записи бесед высшего руководства двух стран о военном сотрудничестве. *Результаты.* В ходе доверительной беседы И. В. Сталина и узкого круга высшего советского руководства с монгольской делегацией во главе с премьер-министром П. Гэндэном главным вопросом стало обсуждение актуальных проблем отстаивания Монголией своей независимости в случае нападения со стороны Японии: что «будете делать, если Вам будет плохо» (И. В. Сталин). Материалы встречи позволяют понять роль внешней политики СССР по отношению к Монголии, рассмотреть ход обсуждения принципиальных проблем, которые интересовали обе стороны, влияние, оказанное Кремлем на выработку политики монгольского правительства в отношении путей защиты независимости МНР. И. В. Сталин акцентирует внимание на необходимости заключения пакта о взаимопомощи. П. Гэндэн дал согласие на переговоры и готовность договариваться практически. Монгольское руководство отчетливо осознает, что СССР является единственным союзником МНР на Дальнем Востоке. *Выводы.* Встреча на высшем уровне 24 ноября 1934 г. стала важной вехой в истории развития двусторонних отношений между СССР и МНР. Переговоры имели ключевое значение для дальнейшего

развития военного сотрудничества. Подписанный в 1936 г. пакт о взаимопомощи обеспечил присутствие советских вооруженных сил на территории Монголии и служил гарантией ее безопасности.

Ключевые слова: обострение, международная обстановка, агрессия Японии, СССР, Сталин, Монголия, отстаивание независимости, пакт о взаимопомощи

Для цитирования: Жабеева Л. Б. «Япония все ближе и ближе пробивается к границам Монголии... Как думаете отстаивать свою независимость?» (О беседе Сталина с П. Гэндэном 24 ноября 1934 г.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 428–435. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-428-435

«Japan is encroaching on the borders of Mongolia ... How do you think to uphold your independence?»: I. V. Stalin Talking to P. Genden on November 24, 1934

Larisa B. Zhabaeva¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-1486-5959. E-mail: vsgtuhistory@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhabaeva L. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The early 1930s saw a more active Russian-Mongolian interaction, including regular meetings and confidential conversations between the leaders of the USSR and the Mongolian People's Republic. I. V. Stalin and the others of the top Soviet leadership started to pay more attention to the situation in Mongolia. This was largely justified by the sharp aggravation of the international situation in the Far East, with aggressive acts of imperialist Japan in the region and its further plans on the Asian continent, of which they made no secret. Under the circumstances, the USSR leaders sought to ensure the protection of its interests in the region. This article *aims at* examining and interpreting the significance of the Soviet-Mongolian summit that took place on November 24, 1934. *Data and research methods.* The author draws on a collection of documents on Russian-Mongolian military cooperation, which contains recordings of conversations between the top leadership of the two countries on military cooperation. *Results.* The main issue of the confidential conversation between Stalin, with the closest to him in the top Soviet leadership, and the Mongolian delegation, with Prime Minister Peljidiin Genden at the head, was a discussion of the urgent problem of how Mongolia would uphold its independence in the event of an attack from Japan: “what will you do if your situation worsens”? (Stalin) The materials of the meeting allow to understand the role of the USSR's foreign policy in relation to Mongolia; to consider the course of discussions around the principal issues that interested both sides; and to shed light on the influence exerted by the Kremlin on the policy of the Mongolian government in terms of the ways of protecting the independence of the MPR. Stalin stressed the need to conclude a pact of mutual assistance; Genden agreed to start negotiations and was ready to elaborate practical steps. The Mongolian leadership was fully aware that the USSR was the only ally of the Mongolian People's Republic in the Far East. *Conclusions.* The summit meeting of November 24, 1934 became an important milestone in the history of bilateral relations between the USSR and the MPR. The negotiations proved to be of key importance for promoting their further military cooperation. The pact of mutual assistance signed in 1936 provided for the presence of the Soviet armed forces in Mongolia and served as a guarantee of the country's security.

Keywords: escalation, international situation, aggression by Japan, the USSR, Stalin, Mongolia, defense of independence, the pact of mutual assistance

For citation: Zhabaeva L. B. «Japan is encroaching on the borders of Mongolia ... How do you think to uphold your independence?»: I. V. Stalin Talking to P. Genden on November 24, 1934). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 428–435. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-428-435

Введение

В начале 1930-х гг. высшее советское руководство стало гораздо активнее заниматься монгольскими делами, внимание к которым стало более пристальным. Во многом это было обусловлено резким обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, связанным с началом агрессивных действий империалистической Японии, которая громко заявила о своих далеко идущих планах на азиатском континенте, захватив с начала 1930-х гг. территорию Северного Китая, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию, в результате чего было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

В 1931 г. в коминтерновской печати был опубликован меморандум генерала Танака от 25 июля 1927 г., содержащий подробную программу военно-политической экспансии Японии в Азии и, в частности, в отношении Монгольской Народной Республики (далее — МНР) [История Монголии 2007: 134]. Японские ученые Ф. Хироши и К. Танака утверждают, что ни сам документ, ни его копия не обнаружены [Лузянин, Грайворонский 2010: 158]. Возникает прямая угроза со стороны Японии, сильного в военном плане, экономически развитого противника не только для Монголии, но и непосредственно для советского Дальнего Востока.

Целью статьи является определение значимости советско-монгольской встречи на высшем уровне, произошедшей 24 ноября 1934 г.

Всемерная поддержка суверенитета Монголии

Внутренняя обстановка в Монголии в начале 1930-х гг. была сложной. В 1929–1931 гг. у крупных феодалов были изъяты скот и имущество, введена прогрессивная шкала налоговых выплат, предпринимались попытки закрытия буддийских монастырей, что привело к нарастанию недовольства, которое вылилось в 1932 г. в Хубсугульское восстание, направленное против политики партии и государства, за реставрацию теократической монархии в стране. По этому поводу И. В. Сталин в письме из Сочи от 4 июня 1932 г., адресованному Л. М. Кага-

новичу, члену Политбюро ЦК ВКП (б), его заместителю по партии, а также членам Политбюро, пишет: «Мой ответ о Монголии, должно быть, уже получили. Самое бы лучшее — обойтись без ввода войск. Нельзя смешивать Монголию с Казахстаном или Бурятией» [Сталин и Каганович 2001: 136]. Он подчеркивает, что главное — надо заставить монгольское правительство в корне изменить политический курс. Надо оттеснить (временно) «леваков» и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей Центрального комитета Монголии людей, способных проводить новый курс, т. е. политику советского государства [Сталин и Каганович 2001: 136]. И. В. Сталин пишет, что обновленное монгольское правительство должно всенародно объявить, что в области внутренней политики (хозяйство, религия и т. п.) допущены ошибки и что эти ошибки будут немедленно исправлены. Правительству следует объявить, что главарь повстанцев является агентами китайских и, особенно, японских империалистов, стремившихся лишить Монголию свободы и независимости [Сталин и Каганович 2001: 136]. В конце письма приписка о срочной необходимости организации отъезда Элиавы¹ в Монголию [Сталин и Каганович 2001: 137].

Когда правительственная комиссия МНР выехала в район с целью изучения характера и причин восстания, цирики² на полковом собрании задавали и такие вопросы: «Зачем понадобилась Маньчжурия для Японии, и как Япония Маньчжурию забрала — завоевала или нет?», «Какой национальности японцы — русской или китайской» [Монголия в документах 2019: 346].

Монгольское правительство направляло часть конфискованного у феодалов имущества на нужды армии. Так, на закрытом заседании правительства МНР от 27 февраля 1932 г. был заслушан доклад председателя Реввоенсовета Монгольской народной Крас-

¹ Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) — член Монгольской комиссии Политбюро, заместителя наркома внешней торговли СССР с 1931 г.

² Цирик — военнослужащий (рядовой) монгольской армии.

ной армии Демита об укреплении Красной армии и военном бюджете на 1932 г. [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 140. Л. 2]. В принятом постановлении военный бюджет был увеличен с 6 млн тугриков до 10 900 тыс., из которых 3 млн были за счет конфискованного у феодалов имущества [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 140. Л. 2].

Руководство СССР стало проявлять особую заинтересованность в отношениях с Монголией. Главный фактор, определявший советскую позицию, — крайне сложная международная обстановка на Дальнем Востоке (агрессия Японии, положение в Китае), заинтересованность Советского Союза иметь на Дальнем Востоке надежного союзника с теми же целями и идеалами [Рощин 2005: 61].

Отметим, что если раньше решение многих монгольских вопросов проходило через Исполнительный комитет Коммунистического интернационала, то теперь непосредственно через ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Причины тому понятны — позиция Советского Союза к тому времени окончательно определилась: всемерная поддержка статус-кво Монголии как независимого суверенного государства, всяческое содействие успешному проведению исторического эксперимента по некапиталистическому развитию отсталой страны [Рощин 1999: 277].

В 1934 г. состоялся визит монгольской правительственной делегации во главе с премьер-министром П. Гэндэном³, связанный с заключением советско-монгольского джентльменского соглашения о взаимной помощи, и, естественно, главным образом на встрече было обсуждение вопросов необходимости подписания пакта о взаимопомощи, военного сотрудничества, укрепления обороноспособности Монголии.

И. В. Сталин к тому времени уже неоднократно встречался с П. Гэндэном, авторитетным, влиятельным политиком, их встречи на высшем уровне состоялись в декабре 1932 г., затем в декабре 1933 г., а также доверительные беседы состоялись в ноябре 1934 г., кроме того, произойдет и еще одна встреча в декабре 1935 г. Тогда, в 1934 г., И. В. Сталин принимал делегацию трижды — 15, 24 и 27 ноября [Рощин 2008: 106].

³ Гэндэн П. (другой вариант передачи имени в архивных документах — Гендун) — премьер-министр МНР в 1932–1936 гг.

«Мы поднимаем тост за тех монголов, которые умеют сопротивляться, которые будут бороться» (И. В. Сталин)

Вечером 24 ноября в здании полпредства состоялся обед. С советской стороны в нем принимали участие И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян и другие советские руководители. С монгольской стороны список приглашенных на обед включал 20 человек, среди которых премьер-министр П. Гэндэн, министр скотоводства и земледелия Х. Чойбалсан, министр торговли и промышленности Р. Мэнд, заместитель главкома монгольской армии О. Дашчирав и другие высокопоставленные лица. Присутствовали жены: Дашидондок (супруга полпреда Дарижапа), Денсема (супруга Самбу, второго заместителя главкома монгольской армии), Напчи (супруга Демида, военного министра), Ичинхорло (супруга Идамсуруна, зам. министра юстиции). Переводчиком с монгольской стороны был Ильин, секретарь Гэндэна. Обед проходил в дружественной и теплой атмосфере. И. В. Сталин смеялся, шутил, интересовался монгольской музыкой, пением, хвалил артистов и артисток, спросил каждого из них, сколько получает жалованья. Когда они ответили, что 70, 80, 100, 120, 160 тугриков, говорил что мало, что они должны получать не меньше 300 руб.

Во время обеда был продолжен обмен мнениями о необходимости защиты независимости Монголии, данная тема была основной во время обеда. П. Гэндэн произнес речь в честь И. В. Сталина и других товарищей [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 294]. И. В. Сталин, поднимая тост за свободную и независимую Монголию, говорил о том, что «поднимать тост, говорить, пить и есть легко. И у вас, у монголов есть такие, которые не прочь выпить и поесть за троих, и у нас в деревне найдутся такие, которые смогут выпить и поесть за троих. Это значит, что и вы, и мы — богаты. Пить и есть легко, но независимость отстаивать труднее» [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 294–295].

Обращаясь к присутствующим товарищам монголам, среди которых были политики, хозяйственники, артисты, артистки, военные, И. В. Сталин говорит о том, что ходят слухи, что Япония, захватив Чахар,

намерена напасть на Внешнюю Монголию и что потребуются отстаивать свою независимость, и отстаивать ее трудно. Он говорит о том, что «одно для меня ясно, что если вы будете спать, то Япония слопаёт вас. Князья Внутренней Монголии сопротивляются Японии, но это сопротивление слабое. Сопротивление князей слабое, такое сопротивление не даст пользы. Мы поднимаем тост за тех монголов, которые умеют сопротивляться, которые будут бороться» [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 295].

П. Гэндэн кричит «ура». И. В. Сталин говорит, что кричать «ура» легко. «Нужно на деле отстаивать независимость Монголии, а это труднее, чем поднимать тост и разговаривать. Итак, поднимаю бокал за свободную, независимую Монголию» [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 295].

Далее премьер-министр Монголии П. Гэндэн поднимал тосты за здоровье тов. В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. С. Бубнова, Г. Н. Каминского, Р. Я. Сокольникова (как инициатора предложения ликвидировать долги Монголии Советскому Союзу в размере 100 млн. руб.) и М. З. Элиавы (как соплеменника и основателя нового курса).

После обеда делегация посетила Кремль, где был показан фильм «Чапаев». И. В. Сталин подчеркнул связь этой картины с проблемами независимости Монголии, с тем, что монголы должны двигаться дальше, поскольку существует угроза потерпеть поражение в борьбе с таким сильным врагом, как Япония.

Беседа Сталина и П. Гэндэна

После просмотра картины завязалась оживленная беседа между И. В. Сталиным, К. Е. Ворошиловым и В. М. Молотовым, с одной стороны, и П. Гэндэном — с другой. Приведем выдержки беседы.

Тов. Сталин: Япония все ближе и ближе пробивается к границам Монголии. Она не остановится на Чахаре, Долоноре, она не хочет ограничиться захватом Внутренней Монголии, а будет пытаться захватить и Внешнюю Монголию. Как думаете отстаивать свою независимость? Что будете делать, если Вам будет плохо?

Гендун: Для нас существует два пути: либо не сопротивляться, сдаться и стать колонией Японии, либо всеми силами бороться и отстаивать свою независимость.

Тов. Сталин: Сколько у Вас войска?

Гендун: 10–11 тыс. человек.

Тов. Сталин: Очень мало. Это составит не больше одной дивизии. Сколько имеете самолетов?

Гендун: Кажется, около 10 самолетов.

Тов. Шеко, Даши-Чариб, идите сюда (подходит Шеко и Даши-Чариб). Сколько самолетов?

Тов. Шеко: 33 самолета.

Тов. Сталин: Мало. Ведь ваши войска составляют не больше одной дивизии. Японцам достаточно послать одну кавалерийскую дивизию при поддержке мотомеханизированных частей и самолетов, и она захватит Улан-Батор. Вдобавок Ваши войска еще не испытали войны. Половина Ваших войск может сдаться японцам добровольно. Сколько процентов составят такие перебежчики?

Гендун: Командный состав очищен от таких элементов, и измены не будет. Все зависит от того, как правильно разъяснить цурикам новый курс.

[Тов.] Даши-Чариб: Это составит незначительный процент.

Тов. Шеко: И в командном составе найдутся такие, которые сдадутся добровольно.

Гендун: Главное, как будет вести себя командный состав.

Тов. Сталин: К сожалению, я не дипломат. Я говорю с Вами, как революционер. Что будете делать, когда Вам будет плохо? Ведь военные люди привыкли брать всегда худшее и из этого исходить при составлении плана. Иначе думать потом будет поздно.

Гендун: Из газетных сообщений и из всего положения я прихожу к т[аким] выводам: 1) соотношение сил между СССР и Японией таково, что не СССР боится Японии и оттягивает войну, а Япония боится СССР и всячески оттягивает войну. СССР гораздо сильнее, чем Япония, СССР — растущая страна, и его мощь признана во всем мире. Япония приходит в упадок, становится все слабее и слабее (Тов. Сталин: «Неправильно, я возьму слово»), 2) В случае войны Японии с СССР в тылу Японии будет восстание (т. Сталин: «Безоружными не выступают, требуется оружие»), Япония еще не закрепила в Маньчжурии, так как там усиливается партизанское движение, но все

это не означает, что Япония не будет нападать на нас. 3) Протяженность наших границ настолько велика, что в случае нападения Японии мы не сможем поставить заслон от Барги до Синьцзяна, ибо людей не хватит. Потребуется помощь СССР.

Тов. Сталин: Какая помощь?

Гендун: Техническая помощь. Мы будем драться всеми силами, а там будет видно.

Тов. Сталин: Неправильно, что Япония только приходит в упадок и гниет, что она слаба. Она, конечно, слабее СССР. СССР сильно окреп за эти два года, пока Япония пережевывала Маньчжурию. СССР готов к войне и не боится Японии. Военно-техническая мощь СССР выросла во много раз. У нас имеются бомбовозы, которые без посадки пролетают две тысячи километров. Кроме техники, наши войска будут драться беззаветно. В случае войны нам нетрудно будет достать до Токио, быть в Харбине, Мукдене. Если начнется война, мы не остановимся, будем крушить и крушить. Большевики не останавливаются и, если они возьмутся, то дело доводят до конца. Но дело сейчас не в этом. В помощи, конечно, мы нуждаемся, но не так, как Вы. Нам вашей помощи особенно не требуется. А вот что будете делать, когда вам будет плохо?

Гендун: Защищаться всеми силами, пользуясь помощью СССР.

Тов. Сталин: Какой помощью?

Гендун: В первую очередь технической, а если понадобится, то и людьми (войсками).

Тов. Сталин: На каком основании? Вашу независимость мы (большевики) понимаем в полном смысле. На вашей территории нет ни одного нашего красноармейца. Инструкторов даем по Вашему желанию. Если они не нужны вам, мы сразу отзовем их. Если берем скот, то платим за него и будем платить. Нам ваших богатств не нужно, своих много. У нас немало еще неосвоенных земель и в чужих территориях не нуждаемся. На каком основании мы должны вводить на вашу территорию наши войска? Когда идет война между двумя странами, то всегда возникает вопрос — кто помогает и на каком основании.

Гендун: СССР помогал войсками в первый период революции и сейчас также будет помогать.

Тов. Сталин: Меня нечего агитировать. Я не циррик, которого вы можете агитировать. Я ставлю вопрос прямо. Я по своему положению не являюсь дипломатом. Если хотите дипломатничать, то прошу извинения, что я так прямо ставлю вопрос. Монголия является независимой страной в полном смысле этого слова. На каком основании СССР должен помогать, и что будете делать, когда будет плохо? Что будете делать, когда вас прижмут к стенке?

Гендун: СССР призван помогать, и он будет помогать так же, как и раньше. Мы не скрываем, что пользуемся помощью СССР. Все знают, что Монголия опирается на СССР.

Тов. Ворошилов: Проводить аналогию между 1920–[19]21 гг. и настоящим периодом нельзя. Тогда и ваше, и наше государство еще не являлись оформившимися государствами. Сейчас СССР имеет дипломатические отношения со всеми крупными державами и является членом Лиги Наций.

Тов. Сталин: Нужно говорить проще, а не по-интеллигентски, а то не пойму. У нас могут быть две позиции — держаться нейтралитета, сказать, что пусть Монголия и Япония воюют, а нас не касается; или сказать: Монголия — наш друг и союзник, не смей трогать ее. У вас тоже могут быть позиции: сохранять нейтралитет или же сказать, что СССР — наш друг и союзник.

Сохранять нейтралитет или быть на стороне Японии — это ваша добрая воля. Хотите быть с Японией — пожалуйста. Хотите быть с нами — тоже пожалуйста. Часть монгол того мнения, что нужно придерживаться нейтралитета, что если придерживаться такой позиции, то, мол, Япония не будет трогать Монголию; что Монголия будет иметь возможность свободно развивать свое скотоводство. Отсюда вытекает такое настроение, что военную технику и советских людей нужно побольше возвращать обратно в СССР и т.д. Эту позицию я считаю неверной. Существует поговорка, что волк грозил ягненку съесть его за то, что тот мутит воду, стоя ниже по течению, чем волк. Эту угрозу волк и осуществил — съел ягненка. Точно так же и здесь. Япония все равно постарается слопать Монголию. С кем хотите вы быть — это ваше дело. С Японией

или с нами. Если хотите с нами и желаете помощи, то пожалуйста.

Гендун: *Мы будем с Вами и хотим помощи.*

Тов. Сталин: *Существует в между-народных отношениях так наз[ываемый] пакт взаимопомощи, согласно которого⁴ государства, заключившие этот пакт, в случае нападения со стороны, помогают друг другу. Такой пакт может существовать между СССР и Францией. Если Германия нападет на Францию, то СССР помогает Франции, и, наоборот, если Германия нападет на СССР, то Франция помогает СССР. Если хотите помощи, то нужно договориться конкретно, а то будет поздно.*

Гендун: *Я сейчас только понимаю, хотя об этом я и думал, и ставил этот вопрос перед т. Ворошиловым в 1929 г., но потом его не ставил. Нам нужна помощь, и я готов договариваться конкретно.*

Тов. Сталин: *Так просто помогать нельзя, нужно конкретно договариваться, какую помощь оказывать. Этот вопрос очень серьезный. Одно дело — вопросы хозяйственные, другое дело, когда речь идет о политических, военных вопросах. Ваши долги по займам и по торговле мы можем просто простить или свести до копейки, поскольку мы сильнее и богаче вас. А тут вопрос более серьезный.*

Гендун: *Это я не учел. Я согласен договориться с Вами практически.*

Т. т. Сталин и Молотов: *Мы поговорим о пакте взаимопомощи.*

Т. т. Сталин, Молотов и Ворошилов договариваются с Гендуном собраться и поговорить на эту тему 27 ноября [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 351. Л. 68–73].

Заключение

В условиях резкого обострения международной обстановки на Дальнем Востоке, вызванного агрессивными действиями империалистической Японии, экономически развитого государства, мощного в военном отношении, стремившегося к обширным территориальным завоеваниям на азиатском континенте, происходит активное укрепление двусторонних отношений между СССР и МНР. Уже в первой половине 1930-х гг. происходит ряд встреч на высшем уровне в Кремле, которые определили дальнейшее

развитие сотрудничества, направленного на реализацию твердого и последовательного курса по развитию вооруженных сил Монголии, ее обороноспособности. Состоявшиеся встречи были весьма знаменательными. Так, в доверительной беседе лицом к лицу 24 ноября 1934 г. И. В. Сталин обсудил с П. Гэндэном актуальные проблемы защиты страны в случае нападения Японии, которая все ближе и ближе приближалась к ее границам. основополагающая позиция внешнего курса Советского Союза в отношении Монголии сводилась не только к всемерной поддержке ее как независимого суверенного государства, но и защите своих национально-государственных интересов и безопасности.

На этой встрече И. В. Сталин также говорил о необходимости заключения пакта о взаимопомощи, на что П. Гэндэн дал согласие. Встреча на высшем уровне в ноябре 1934 г. стала важной вехой в истории развития двусторонних отношений между СССР и МНР. С этого периода между обеими странами существовало устное («джентльменское») соглашение, в соответствии с которым стороны обязались оказывать поддержку друг другу в деле предотвращения угрозы военного нападения или в случае нападения со стороны третьих стран. Переговоры имели ключевое значение для дальнейшего развития военного сотрудничества. Подписанный 12 марта 1936 г. Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР был этапным событием, соглашением, имеющим важнейшее значение в деле развития стратегического взаимодействия СССР и Монголии.

Внешнеполитический курс СССР в отношениях с Монголией, направленный на развитие равноправных, взаимовыгодных отношений, способствовал дальнейшему укреплению доверия и взаимопонимания, созданию наилучших внешних условий для развития страны и защиты ее территориальной целостности. События 1939 г. на Халхин-Голе в восточной Монголии, когда вооруженные силы СССР и МНР одержали сокрушительную победу над войсками Японии, не только способствовали сохранению суверенитета и целостности территории Монголии, но и оказали в дальнейшем значительное влияние на результаты Второй мировой войны.

⁴ Так в документе. — Л. Ж.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Sources

Russian State Archive of Socio-Political History.

Литература

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.

Лузянин, Грайворонский 2010 — Лузянин С. Г., Грайворонский В. В. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 156–164.

Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док.

в 2 ч. Ч. I. М.; Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.

Рошин 1999 — Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Рошин 2005 — Рошин С. К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 160 с.

Рошин 2008 — Рошин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 160 с.

Сталин и Каганович 2001 — Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 798 с.; ил.

References

Khlevnyuk O. V. et al. (comps.) Stalin and Kaganovich: Correspondence, 1931–1936. Moscow: ROSSPEN, 2001. 798 p. (In Russ.)

Kudryavtsev I. I. et al. (comps.), Kozlov V. P. (eds.) Russian-Mongolian Military Cooperation, 1911–1946: Collected Documents. In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture, 2008. 349 p. (In Russ.)

Luzyanin S. G., Graivoronsky V. V. The war of Khalkhin Gol and its place in world history. *The Far Eastern Affairs*. 2010. №1. Pp. 156–164. (In Russ.)

Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow:

Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)

Roshchin S. K. P. Genden, a National Leader of Mongolia: Biographical Sketches. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2008. 160 p. (In Russ.)

Roshchin S. K. Political History of Mongolia, 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)

Roshchin S. K. The Marshal of Mongolia Kh. Choibalsan: Biographical Sketches. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2005. 160 p. (In Russ.)

Yaskina G. S. (ed.) History of Mongolia: 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 436–448, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(510)(=091)+(045)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг.

Светлана Борисовна Макеева¹

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Макеева С. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Хронологические рамки статьи включают в себя период развития Китая в 1950–1970-е гг., когда реализовывалась стратегия выравнивающего и сбалансированного пространственного развития (区域均衡发展战略), которая оказала значительное влияние на формирование промышленных комплексов и основных производственных отраслей КНР. *Цели исследования* заключаются в рассмотрении особенностей реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития КНР в 1950–1970-е гг., выявлении основных тенденций динамики китайской региональной промышленности; анализе ключевых региональных проектов, концепций, идей по развитию добывающей и перерабатывающей китайской промышленности в указанный период. *Материалы и методы.* Статья написана на основе источников по экономической истории КНР: статистических сборников, материалов пятилетних планов, собрания сочинений Мао Цзэдуна. В исследовании использовались такие специальные исторические методы, как проблемно-хронологический и ретроспективный. *Результаты.* Деформации в развитии региональной промышленности в ходе проведения кампании «Большого скачка» (1958–1960 гг.), подготовительные с 1964 г. мероприятия к предполагаемой войне, годы «культурной революции» обусловили формирование системы региональной промышленности КНР. В рассматриваемый период в ходе реализации первых пятилетних планов социально-экономического строительства народного хозяйства Китая (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980), создания региональных зон экономического сотрудничества, выполнения задач по «трехлинейному» региональному строительству, активной научно-технической и финансовой помощи Советского Союза были заложены основы, продолжено формирование и модернизированы такие отрасли китайской региональной промышленности, как электроэнергетика, металлургия, производство строительных материалов, машиностроение и металлообработка, топливная и химическая промышленности. *Выводы.* Этап выравнивающего и сбалансированного регионального развития КНР характери-

зовался тем, что впервые в истории Китая были предприняты меры для сокращения разрыва в развитии внутренних и прибрежных районов, позволявшие решать проблемы восстановления страны в рамках повсеместной индустриализации КНР.

Ключевые слова: история КНР, региональная промышленность, стратегия, «156 объектов», «трёхлинейное» региональное строительство, зоны сотрудничества, отрасли промышленности, народное хозяйство, пятилетнее планирование

Для цитирования: Макеева С. Б. Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 436–448. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

Regional Industry of the PRC during the Implementation of the Strategy of Equalizing and Balanced Spatial Development in the 1950–1970s

Svetlana B. Makeeva¹

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 Fotieva street, 119333 Moscow, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Makeeva S. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The chronological framework of the article includes the period of China's development in the 1950–1970s, when the strategy of equalizing and balanced spatial development was being implemented; this had a significant impact on the formation of industrial complexes and main production sectors of the PRC. The *aim and objectives* of this study are to examine the characteristic features of the implementation of the strategy of equalizing and balanced spatial development of the PRC in the 1950–1970s, to identify the main trends in the dynamics of the Chinese regional industry; and to analyze key regional projects, concepts, ideas for the development of the mining and processing industry in China during the period under study. *Data and research methods.* The article draws on the main sources on the economic history of the PRC, including statistical collections, materials of five-year plans, and collected works of Mao Zedong. Special historical methods such as thematic chronological research method and retrospective method were applied to the study of the data. *Results.* Deformations in regional industrial transformations during the *Great Leap Forward* campaign in China (1958–1960); activities since 1964 in preparation to a war, which was being expected at the time; and the period of *Cultural Revolution* significantly influenced the formation of the system of regional industry in China. In the period under study, the implementation of five-year plans for the socio-economic construction of the Chinese national economy (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980); the formation of regional zones for economic cooperation; the implementation of the objectives for regional «three lines» transformations; and an active scientific-technological and financial assistance of the Soviet Union laid the foundations, fostered further development and modernization of regional industries in China, such as electric power industry, metallurgy, production of building materials, mechanical engineering and metalworking, fuel and chemical industries. *Conclusions.* For the first time in the history of China, the period of equalizing and balanced regional development of the PRC saw the implementation of measures designed to narrow the gaps in the development of inland and coastal regions; these would help to solve the problems of the country's reconstruction within the framework of industrialization of the PRC at large.

Keywords: history of the PRC, regional industry, strategy, «156 sites», «three-line» regional construction, cooperation zones, industries, national economy, five-year planning, history of economics, Mao Zedong, metallurgy, regional equilibrium, regionalization

For citation: Makeeva S. B. Regional Industry of the PRC during the Implementation of the Strategy of Equalizing and Balanced Spatial Development in the 1950–1970s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 436–448. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

Введение

В региональной истории Китая период 1950–1970-х гг. стал этапом реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития (区域均衡发展战略), оказавшей влияние на формирование промышленных комплексов и основных производственных отраслей КНР. Тяжелые последствия послевоенного времени, деформации в развитии региональной промышленности в ходе проведения кампании «Большого скачка» (1958–1960 гг.), подготовительные мероприятия к войне с 1964 г., годы «культурной революции» оказали значительное влияние на формирование системы региональной промышленности КНР. Но именно в рассматриваемый период в ходе реализации первых пятилетних планов социально-экономического строительства народного хозяйства Китая (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980), создания региональных зон экономического сотрудничества, выполнения задач по «трехлинейному» региональному строительству, активной научно-технической и финансовой помощи Советского Союза были заложены основы, продолжено формирование и модернизированы такие отрасли китайской региональной промышленности, как электроэнергетика, металлургия, производство строительных материалов, машиностроение и металлообработка, топливная и химическая промышленность. Цель работы — рассмотреть особенности реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития КНР (1950–1970-е гг.); выявить основные тенденции динамики китайской региональной промышленности; проанализировать ключевые региональные проекты, концепции, идеи по развитию добывающей и перерабатывающей китайской промышленности в указанный период.

Тема регионального промышленного развития в основном исследована в трудах

китайских ученых, специализирующихся на вопросах экономической истории Китая с опорой на китайские источники по региональному индустриальному планированию. Так, вопросы приоритетного промышленного развития восточных прибрежных районов КНР находили отражение в работах Сунь Цзювэня и Нянь Мэна [Sun, Nian 2011: 13].

Различные аспекты политики регионального планирования развития промышленности Китая в 1950–1970-е гг. анализировались в трудах китайских исследователей У Чэнмина, Хуан Чжикая, Чэнь Чжихуа, Линь Чжию [Wu, Huang 2010: 32–48; Chen 2007: 3–13; Lin 2015: 51–55].

Особенности реализации региональных проектов в рамках развития тяжелой промышленности в КНР рассмотрены в работах таких китайских ученых, как Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу [Lin, Cai, Li 2002: 108]. Региональные проблемы, связанные со строительством крупных металлургических центров в КНР проанализированы китайскими специалистами в области экономической истории Хуан Чжикаем и У Ли [Huang, Wu 2011: 1033].

Вопросы реализации региональной политики КНР в ходе третьего пятилетнего плана с 1966 по 1970 гг. находят отражение в публикациях Ли Гопина, Чэнь Яо, Чжу Дэгуя, Чжоу Минчжана, У Иго, Ван Цзяцуня, Мэй Сину, Ло Шэнмэя, Лю Хэбо [Li 2016: 405; Chen 2018: 11–19; Zhu 2012: 27–31; Zhou 2018: 129–138; Wu 2019: 236; Wang 2015: 38–43; Mei 2019: 15–18; Luo 2019: 102–111; Liu 2019: 74–78], где проанализированы социальные, экономические аспекты реализации «трехлинейного» регионального строительства.

Региональные преобразования в сфере добывающей и перерабатывающей промышленности Китая в рамках реализации четвертого пятилетнего плана (1971–1975 гг.) и пятого пятилетнего плана (1976–

1980 гг.) описаны в работах китайских исследователей Го Дэхуна, Чэнь Сюшаня, Ян Яня, Чжао Шуана, Юй Пэна [Guo 2006: 276; Chen, Yang 2008: 5–18; Zhao 2001: 4–7; Yu 2007: 131–133].

В отечественной историографии вопросы развития региональной промышленности в период после основания КНР представлены в публикациях китаеведов М. В. Александровой, А. Л. Верченко, Н. Л. Мамаевой, И. Н. Сотниковой [Александрова 2013: 326–348; Мамаева, Сотникова, Верченко 2018: 608], посвященных рассмотрению форм научно-технической и финансовой помощи СССР по строительству «156 объектов» на территории КНР. Особенности развития китайской региональной промышленности в 1950–1970-е гг. позволяют проанализировать ключевые составляющие стратегии пространственного развития КНР в интересах выравнивания и баланса, а также проследить уникальный исторический опыт организации территориально-промышленных комплексов в сложных исторических условиях развития Китая в рассматриваемый период.

Материалы и методы

В статье использованы основные исторические источники, характеризующие систему пространственных преобразований КНР в период 1950–1970-х гг.: пятилетние планы национального социально-экономического строительства (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980) [Guo 2006; Zhonghua 1955], а также статистические сборники, отражающие региональное экономическое развитие Китая и предоставляющие показатели регионального развития по всем основным регионам КНР [Guojia 1985; Zhongguo 1957], основные документы ЦК Коммунистической партии Китая по региональным преобразованиям [Zhonggong 1993], собрания сочинений Мао Цзэдуна [Zhonggong 1999].

Основными методами исследования являлись проблемно-хронологический и ретроспективный, которые позволили изучить историю развития региональной промышленности в последовательности с основными направлениями реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития Китая.

Влияние стратегических региональных преобразований на развитие промышленности КНР в 1950–1970-е гг.

Причины реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития КНР

Региональное развитие Китая в 1950–1970-е гг. было ориентировано на формирование китайских регионов с развитой тяжелой промышленностью. После основания КНР в 1949 г. возникла на общегосударственном уровне необходимость в разработке стратегии регионального экономического развития, отвечающей требованиям строительства народного хозяйства, а также общим планам и направлениям региональной политики китайского правительства. Первые годы после основания КНР характеризовались экономическим упадком, социальной нестабильностью и острой необходимостью создания правовых основ деятельности нового государства. Единой концепции развития центральных, прибрежных восточных, приграничных северо-восточных и западных районов Китая не существовало. Наблюдался большой дисбаланс в развитии прибрежных районов КНР, где располагались основные центры промышленности и торговли, и преимущественно аграрных внутренних территорий республики. Для того чтобы уравновесить и упорядочить размещение производительных сил, ЦК КПК и Мао Цзэдун в начале 1950-х гг. выдвинули стратегию выравнивающего и сбалансированного пространственного развития. Согласно данной стратегии, территория страны условно разделялась на прибрежный и внутренний регионы, при этом приоритет в развитии отводился внутренним областям. Мао Цзэдун отмечал: «Новая промышленность по большей части должна располагаться во внутренних областях страны, с тем чтобы выровнять размещение производственных центров, а также способствовать подготовке на случай войны, это не подвергается сомнению... Промышленность внутренних областей необходимо активно развивать»¹ [Zhonggong 1999: 313–316].

Китайское региональное развитие было ориентировано на комплексное использование внутреннего пространства территории

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

республики. Как утверждают китайские исследователи У Чэнмин и Хуан Чжикай, «в начале создания Китайской Народной Республики, когда международная обстановка не способствовала развитию Китая, а лидеры высказывали нереалистичные суждения о возможности новых войн, политика выравнивающего развития легла в основу стратегии региональных экономических преобразований Китая с приоритетом развития внутренних областей» [Wu, Huang 2010: 768].

Китайское промышленное развитие в условиях реализации регионального планирования

Реализация стратегии пространственного развития КНР в 1950–1970-е гг. осуществлялась в соответствии с региональным планированием, задачи которого были отражены в пятилетних планах социально-экономического строительства китайского народного хозяйства. В начале 1950-х гг. общая ситуация в развитии региональной промышленности Китая характеризовалась серьезной отсталостью, вызванной последствиями исторических событий в КНР в первой половине XX в. Стремление к скорейшей индустриализации и усиление национально-оборонительной политики являлись определяющими факторами в ходе выполнения проектов пространственного развития.

С 1952 г. китайские регионы развивались в соответствии с первым пятилетним планом национального социально-экономического строительства страны (1953–1957 гг.) [Guo 2006: 180]. Основной принцип региональных преобразований, закреплённый в первой пятилетке: «С одной стороны, рационально использовать промышленные базы северо-востока, Шанхая и других городов, расширять их влияние, а также поддерживать строительство новых промышленных баз; с другой стороны, активно вести промышленное строительство в северном, северо-западном и центральном Китае, начать промышленное строительство в юго-западном Китае» [Zhonghua 2019: 194].

Китайский исследователь Линь Чжию отмечает, что «первоначально китайская промышленность была неравномерно сконцентрирована на одной стороне страны, что неразумно с точки зрения экономики.

Региональная стратегия сбалансированного экономического развития КНР была направлена на то, чтобы надлежащим образом распределить промышленность во всех регионах страны» [Lin 2015: 51–55].

Первый пятилетний план был направлен на региональные преобразования промышленной инфраструктуры Китая. Проекты капитального строительства промышленных объектов в основном были сконцентрированы в северо-восточном, восточном и северном регионах КНР. Помимо капитального ремонта металлургического комбината в Аньшане, также были реконструированы многие предприятия на северо-востоке [Guo 2006: 180].

Преобразования коснулись угольной промышленности в Фушуне, Фусине и Хэгане, сталелитейной промышленности в Бэньси, машиностроительной промышленности в Шэньяне и энергетической промышленности в Цзилينه. Доля промышленности на территории северо-запада и юго-запада Китая была небольшая, в основном строились железные дороги и шоссе. Северо-восточный регион специализировался на тяжелой и оборонной промышленности, Восточный регион сосредоточился на проектах по охране водных ресурсов, например проект по очистке реки Хуайхэ (治淮工程占突), а в центральном и южном регионах Китая было начато строительство объектов текстильной промышленности [Wu, Huang 2010: 768].

Кроме того, на участке реки Чжицзян до устья озера Дунтин посреди реки Янцзы был реализован крупнейший проект по устранению наводнений — Динцзянское водоотводное сооружение (荆江分洪工程) [Guo 2006: 180]. Также активно осуществлялось строительство новых промышленных зон в северном, северо-западном и центральном регионах Китая. Однако крупные промышленные проекты требовали значительного притока капитала, новых технологий, высококвалифицированных рабочих, т. е. ресурсов, которыми Китай того времени не располагал. Поэтому промышленное строительство в КНР на начальном этапе зависело от помощи других стран социалистического блока и в особенности от инвестиций СССР. К середине 1950-х гг. Советский Союз уже построил 50 предприятий на северо-востоке, севере и северо-западе Китая [Huang 2009: 86–89]. Впоследствии ито-

говое число в 141 предприятие возросло до 156, а «Проект 156» (156 项重点工程) стал одним из центральных в первой пятилетке (рис. 1).

Характеризуя в целом развитие региональной промышленности в период послевоенного восстановления народного хозяйства и в годы реализации первого пятилетнего плана, необходимо отметить, что это был период сбалансированного развития тяжелой промышленности на основе использования советской модели региональной индустриализации. Обращение к опыту регионального экономического строительства Советского Союза было вызвано потребностью китайского правительства в скорейшей индустриализации большей части территории КНР [Chen 2007: 3–13; Chen, Li 2012: 3–17].

Основная характеристика региональных проектов на период реализации второго пятилетнего плана (1958–1962 гг.) содержится в официальном документе «Доклад о предложении по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства», подготовленном Чжоу Эньлаем в сентябре 1956 г. [Guo 2006: 180]. В период реализации вто-

рой пятилетки было создано два новых крупных промышленных региональных центра: металлургический комбинат в Бао-тоу и металлургический комплекс в Ухане [Huang 2009: 86–89].

В соответствии с региональной политикой китайского правительства по развитию внутренних регионов в 1950–1960-е гг. некоторые промышленные предприятия Китая из восточных прибрежных районов постепенно перемещались на территорию внутренних регионов КНР.

Региональные преобразования китайской электроэнергетической отрасли коснулись основных регионов Китая в конце 1950-х гг. В северо-восточных провинциях было построено и модернизировано девять новых электростанций, в том числе восемь тепловых электростанций и одна гидроэлектростанция. После завершения проекта гидроэлектростанции Фэнман в 1959 г. мощность производства электроэнергии стала достигать 560 000 кВт. Основные работы по строительству тепловых электростанций в Фусине, Фушуне и Далине были завершены в течение первой и второй пятилеток [Guojia 1985: 58].

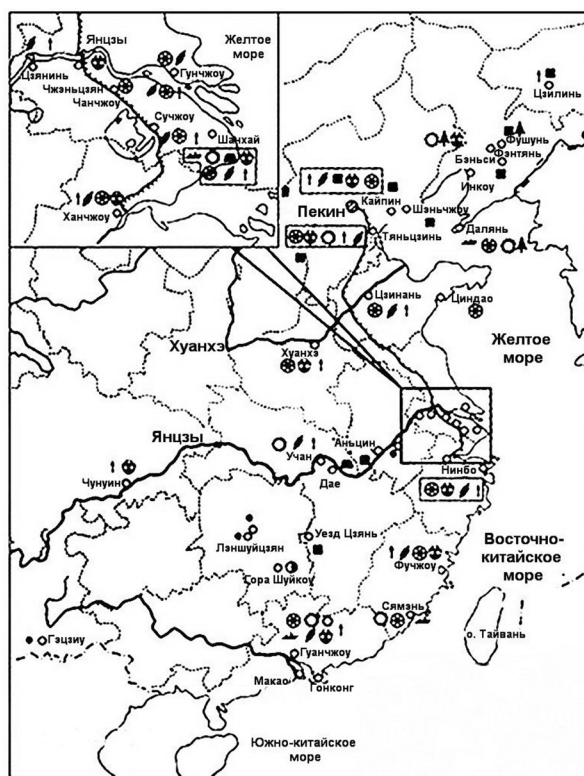

Рис. 1. Обзорная карта 156 ключевых проектов [https://www.osgeo.cn/]
[Fig. 1. Overview map of 156 key projects. Available at: https://www.osgeo.cn/]

Региональные преобразования по обеспечению электроэнергией Автономного района Внутренняя Монголия, провинций восточного Китая, а также центрального, северного и юго-западного региона КНР являлись основными проектами первого десятилетия социально-экономического строительства Китая [Huihuang 2019: 348].

Создание зон экономического сотрудничества в целях сбалансированного пространственного развития в 1958 г.

В ходе реализации стратегии пространственного развития в 1958 г. было опубликовано «Решение ЦК КПК об усилении работы в зонах экономического сотрудничества», где существовавшие ранее шесть административных районов были преобразованы в семь зон экономического сотрудничества, которые включали в себя северо-восточный, северный, северо-западный, восточный, центральный, южный и юго-западный регионы КНР [Huihuang 2019: 341]. Районирование территории страны проходило не только по административно-территориальному, но и по экономическому принципу. Данное разделение было основано на классификации районов по обладанию теми или иными природными ресурсами и степени их промышленного развития, и было проведено для того, чтобы уравновесить и выровнять развитие различных регионов, закрепить в них самостоятельные добывающие и промышленные системы.

Сформированные зоны экономического сотрудничества развивались в соответствии с принципами регионального равновесия. В 1961 г. китайское правительство объединило центральную и южную экономические зоны в южно-центральную экономическую зону, в результате количество зон экономического сотрудничества в Китае составило шесть. В каждой из них были созданы главное управление и комиссия по планированию, ответственные за организацию и координацию всех видов регионального экономического взаимодействия.

На развитие китайской региональной промышленности в 1958–1960 гг. оказала значительное влияние уже ранее упоминавшаяся экономическая и политическая кампания «Большой скачок» («大跃进»). Среди стратегических целей индустриализация по-прежнему была основной и соответствовала принципам «вырваться

вперёд» («一马当先») и «мчаться, словно десять тысяч коней» («万马奔腾»), т. е. в неудержимом порыве стремиться вперед в развитии промышленности. При этом сталелитейная промышленность становилась приоритетной в региональной политике по размещению производства согласно принципу «считать сталь основным звеном» или «поставить металлургическую отрасль в центр развития промышленности» («以钢为纲») [Lin 2015: 51–55]. Что касается институциональных механизмов региональной промышленной политики в период «Большого скачка», то в приоритете была реализация огромного потенциала всей китайской территории. Несмотря на это, ускоренные темпы развития региональной промышленности и повсеместные требования в достижении результатов индустриализации за короткие промежутки времени привели к искажению принципов развития тяжелой промышленности, заложенные в ходе реализации первого пятилетнего плана строительства народного хозяйства КНР.

«Трёхлинейное» региональное строительство и перенос промышленности из восточного в западный регион Китая

В 1960-е гг. вслед за растущей напряжённостью в отношениях Китая с СССР и США, резким изменением внешнеполитического курса стратегия регионального развития КНР также претерпела определённые изменения. В отчёте Генерального штаба Центрального Военного совета КНР от апреля 1964 г. было указано, что в ходе экономического строительства в Китае возникли такие проблемы, как чрезмерная концентрация промышленности и уязвимость крупных городов в прибрежной зоне для ударов с воздуха [Zhonggong 1993: 278].

Мао Цзэдун придавал большое значение этому отчёту. Речь Мао Цзэдуна на рабочем заседании ЦК КПК чётко отразила то, что экономическое строительство впредь будет связано с подготовкой к войне: «В эпоху атомных бомб у страны не может быть тыла. Пока существует империализм, существует и опасность войны. Я не начальник штаба империалистов, поэтому не могу знать, когда она начнётся» [Zhonggong 1993: 278].

В сложившихся условиях китайское руководство переходит к «трёхлинейному» строительству, а именно переносу производительных сил из восточного в западный

регион Китая. В основе данной региональной политики лежала концепция «трёх линий строительства» («三线建设»), которая представляла собой масштабную подготовку китайских регионов к возможной войне (рис. 2). Реализация «трёхлинейного» регионального строительства стала одной из центральных задач третьей пятилетки КНР (1966–1970 гг.) [Liu 2019: 74–78].

При этом под «первой линией» подразумевалась возможная линия фронта вдоль прибрежной полосы, под «второй линией» — регионы центрального Китая, а к «третьей линии» относились регионы западного Китая, которые должны были стать тылом для армии и обеспечить её промышленной продукцией. Третья линия составляла большой район, ограниченный на севере Великой Китайской стеной, на юге — городским округом Шаогуань в провинции Гуандун, на востоке — железной дорогой Пекин — Гуанчжоу и на западе — горами Ушаолин. В состав входили провинция Сычуань с городом Чунцин, провинции Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, а

также частично провинции Шаньси, Хэбэй, Хэнань, Хунань, Хубэй, Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район [Li 2016: 45; Luo 2019: 102–111; Mei 2019: 15–18; Wang 2015: 38–43; Wu 2019: 101; Zhou 2018: 129–138; Zhu 2012: 27–31].

Именно на этой обширной территории, состоящей из 13 провинций и автономных районов, планировалось широкомасштабное строительство в области национальной обороны, науки и техники, промышленности и транспортной инфраструктуры в целях подготовки к войне. Мао Цзэдун утверждал, что, «чтобы построить промышленные базы на третьей линии, необходимо задействовать военную промышленность первой и второй линий» [Zhonggong 1999: 408].

Региональное развитие концентрировалось на строительстве национально-оборонных комплексов, промышленной и научно-технической сферы, логистики провинций в районе данных «трёх линий».

Неожиданная трансформация стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития КНР и формирова-

Рис. 2. Карта «трёхлинейного» строительства [https://www.osgeo.cn/]
[Fig. 2. Map of China's Third Front Movement. Available at: https://www.osgeo.cn/]

ние тактики региональных преобразований в соответствии с задачами подготовки к войне оказали глубокое влияние на национальную экономику и развитие регионов Китая. На первое место вышла стратегическая цель по усилению готовности страны к обороне, повышению региональной обороноспособности и развитию региональной промышленности в соответствии с конкретными задачами по подготовке к войне [Chen 2018: 11–19].

Следует отметить, что результаты региональной политики в рамках «трёхлинейного» строительства далеко не всегда были успешными, а выдвинутые задачи пространственных преобразований не охватывали всего комплекса существовавших в тот период проблем. Установленные в пятилетних планах сроки были слишком короткими, а ускорение строительства требовало всё больших и больших инвестиций. Строительство проводилось неравномерно, и зачастую цеха одного и того же предприятия располагались в различных районах, что способствовало сохранности промышленной базы от нападения противника, но увеличивало расходы на транспортировку. Кроме того, военная и оборонная отрасли в промышленной структуре регионально-го производства были самыми крупными, строительство военных предприятий осуществлялось в провинциях первой, второй и третьей линий, что привело к игнорированию сравнительных преимуществ регионов, низкой экономической отдачи, обострению противоречий в пространственной экономической структуре всего Китая.

Региональное промышленное развитие КНР в ходе реализации четвертого и пятого пятилетних планов (1971–1975, 1976–1980)

В начале 1970-х гг. региональная промышленная политика осуществлялась в соответствии с положениями четвертого пятилетнего плана социально-экономического строительства народного хозяйства КНР (1971–1975 гг.), согласно которому в северо-западном, центральном, южном, восточном, северо-восточном регионах Китая предполагалось поэтапное формирование металлургического, топливно-энергетического, нефтехимического промышленных комплексов и развития оборонной

промышленности. В течение 1970-х гг. приоритетными направлениями в развитии центрального Китая и Внутренней Монголии являлась металлургическая промышленность, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе преимущество отводилось химической и металлургической промышленности, а Тибетский автономный район специализировался на добывающей отрасли промышленности. С 1970 по 1978 гг. количество крупных и средних промышленных предприятий составляло от 0,4 % до 0,6 % от всех промышленных предприятий Китая. К 1978 г. занятость в промышленности составляла 17,3 % [Chen, Yang 2008: 7–8].

1970-е гг. являются периодом активного развития угольной и нефтяной промышленности в КНР. К 1976 г. добыча угля достигла 484 млн тонн, а в 1977 г. — 550 млн тонн. По сравнению с 30 млн тонн в 1949 г. это было увеличение почти в 16 раз [Wu, Huang 2010: 608].

Открытие в 1960-е гг. Дацинского нефтяного месторождения, дальнейшее строительство в 1970-е гг. крупных месторождений нефти и газа Шэнли, Даган и Чжанцин являлись историческим поворотным моментом в развитии нефтяной промышленности Китая [Bao 1997: 186].

Добыча нефти в КНР быстро увеличилась с 5,2 млн тонн в 1960 г. до 11,32 млн тонн в 1965 г., в 1969 г. она превысила 20 млн тонн, в 1972 г. составило 40 млн тонн, достигнув отметку в 80 млн тонн в 1976 г. [Chen, Yang 2008: 7–8]. В 1978 г. добыча китайской нефти превысила отметку в 100 млн тонн и КНР вошла в число крупнейших нефтедобывающих стран мира [Wu, Huang 2010: 608].

В 1978 г. состоялся третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, после которого региональная промышленность Китая вступила в период модернизации и трансформации. Сфера производства постепенно стала перестраиваться и была уже более ориентирована на формирование лёгкой и пищевой отраслей промышленности, при этом сохранились достигнутые темпы в развитии тяжелой промышленности и добычи металлов.

Заключение

Стратегия выравнивающего и сбалансированного пространственного развития Китая (1950–1970-е гг.) была адаптирована под внутренние проблемы строительства народ-

ного хозяйства, идейные требования Коммунистической партии КНР, а также сложную международную обстановку послевоенного времени. В развитии региональной промышленности Китая в рассматриваемый период четко можно выделить следующие тенденции, соответствующие определенным хронологическим рамкам: приоритетное направление строительства и модернизации объектов тяжелой промышленности и их сбалансированное размещение по всей территории страны в период реализации первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.), при активной научно-технической, информационно-технологической и финансово-экономической помощи Советского Союза; деформации в региональных промышленных преобразованиях в период проведения экономической и политической кампаний в Китае с 1958 по 1960 гг.; приоритетное развитие тяжелой промышленности в ходе

подготовки с 1964 г. к предполагаемой войне; строительство промышленных баз и усиление обороны китайских границ; региональные преобразования в районе «трех линий» (первая — прибрежные районы, вторая — провинции Аньхой и Цзянси, третья линия — провинции Ганьсу, Сычуань, Гуйчжоу, Цинхай, Юньнань, Шэньси, Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы); особенности развития региональной промышленной политики в ходе и после окончания «культурной революции» (1966–1976 гг.). Этап выравнивающего и сбалансированного регионального развития КНР характеризовался тем, что впервые в истории Китая были предприняты меры для сокращения разрыва в развитии внутренних и прибрежных районов, позволявшие решать проблемы восстановления страны в рамках повсеместной индустриализации КНР.

Литература

- Александрова 2013 — Александрова М. В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 326–348.
- Мамаева, Сотникова, Верченко 2018 — Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М.: Весь мир, 2018. 608 с.
- Bao 1997 — Bao Yibo. Ruogan zhongda juece yu shijian de huigu (= Обзор нескольких важных решений и событий). Beijing: Renmin chubanshe, 1997. 281 p.
- Chen, Yang 2008 — Chen Xiushan. Woguo quyu fazhan zhanlue de yanbian yu quyu xietiao fazhan de mubiao xuanze (= Эволюция стратегии регионального развития Китая и выбор скоординированных региональных целей развития) // Jiaoxue yu yanjiu (= Обучение и исследования). 2008. Vol. 5. Pp. 5–18.
- Chen 2018 — Chen Yao. Xin shidai woguo quyu xietiao fazhan zhanlue ruogan sikao (= Некоторые мысли о стратегии регионального скоординированного развития Китая в новую эру) // Qiye jingji (= Экономика и бизнес). 2018. Vol. 2. Pp. 11–19.
- Chen 2007 — Chen Zhihua. Maozedong, he lu xiaofu yu yijiuwuqi nian mosike huiyi (= Мао Цзедун, Хрущев и Московская конференция 1957 года) // Lishi yanjiu (= Исторические исследования). 2007. Vol. 6. Pp. 3–13.
- Chen, Li 2012 — Chen Zhihua, Li Danhui. Jiegou shiheng: Zhongguo tongmeng polie de shengceng yuanyin (= Структурный дисбаланс: глубокие причины распада советско-китайского альянса) // Tansuo yu zhengming (= Исследование и дискуссия). 2012. Vol. 10. Pp. 3–17.
- Guo 2006 — Guo Dehong. Lishi de kuayue: Zhonghua renmin gongheguo guomin jingji he shehui fazhan «yiwu» jinhua zhi «shiyiwu» guihua yao lan (1953–2010) (= Исторический переход: обзор национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики от первой пятилетки до одиннадцатой пятилетки (1953–2010)). Beijing: Zhonggong dang shi chubanshe, 2006. 276 p.
- Guojia 1985 — Guojia tongji ju. Zhongguo gongye de fazhan (1949–1984) (= Государственное статистическое управление. Развитие промышленности Китая (1949–1984 гг.)). Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 1985. 876 p.
- Huang 2009 — Huang Zhikai. Gongheguo jingji fengyun huimou (= Оглядываясь назад на экономическое положение республики). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2009. 328 p.

- Huang, Wu 2011 — *Huang Zhikai, Wu Li. Zhonghua renmin gongheguo jingji shi (1953–1957) (= Экономическая история Китайской Народной Республики (1953–1957))*. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2011. 1033 p.
- Huihuang 2019 — *Huihuang 70 nian: Xin zhongguo jingji shehui fazhan chengjiu: 1949–2019 (= 70 лет славы: новые достижения Китая в области экономического и социального развития: 1949–2019 гг.)*. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2019. 474 p.
- Li 2016 — *Li Guoping. Chanye zhuan yi yu zhongguo quyu kongjian jigou youhua (= Перенос производства и пространственная оптимизация регионов Китая)*. Beijing: Kexue chubanshe, 2016. 405 p.
- Lin, Cai, Li 2002 — *Lin Yifu, Cai Fang, Li Zhou. Zhongguo de qiji: Fazhan zhanlue yu jingji gaige (zengding ban) (= Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа)*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2002. 219 p.
- Lin 2015 — *Lin Zhiyou. 1958–1960 Nian maozedong shangpin jingji sixiang ji qi pingjia (= Мысли Мао Цзэдуна о товарном хозяйстве в 1958–1960) // Nenpan shifan daxue xuebao (= Вестник Хэнаньского педагогического университета)*. 2015. Vol. 13. Pp. 51–55.
- Liu 2019 — *Liu Hebo. Sanxian jianshe shiqi zhongguo dui ziyuan, renkou de dongyuan yu shengtai huanjing de bianqian (= Мобилизация населения и изменения экологической среды в период трехлинейного строительства) // Jining xueyuan xuebao (= Журнал Цзининского университета)*. 2019. Vol. 1. Pp. 74–78.
- Luo 2019 — *Luo Shengmei. Guizhou gaoxiao tushu guan dui “sanxian jianshe” wenxian ziyuan de kaifa yu liyong yanjiu (= Исследования по разработке и использованию «трехлинейного строительства» по материалам библиотеки университета Гуйчжоу) // Liupanshui shifan xueyuan xuebao (= Вестник Педагогического университета Люпаньшуй)*. 2019. Vol. 10. Pp. 102–111.
- Mei 2019 — *Mei Xingwu. Sanxian jianshe: Xin zhongguo de yizuo buxiu fengbei (= Трехлинейное строительство: бессмертный памятник Новому Китаю) // Xin zhongguo chengli 70 zhounian zhuan ti (= Специальная тема к 70-летию основания Нового Китая)*. 2019. Vol. 2. Pp. 15–18.
- Sun, Nian 2011 — *Sun Jiuwen, Nian Meng. Zhongguo guotu kaifa kongjian geju de yanbian yanjiu (= Исследование изменений территориального развития пространственной структуры Китая) // Nanjing Nanjing shehui kexue (= Социальные науки Нанкина)*. 2011. Vol. 11. Pp. 8–14.
- Wang 2015 — *Wang Jiawei. Sanxian jianshe yu guizhou chengzhen fazhan (1964–1978) (= Трехлинейное строительство и городское развитие в Гуйчжоу (1964–1978)) // Shehui kexue (= Социальные науки)*. 2015. Vol. 8. Pp. 38–43.
- Wu, Huang 2010 — *Wu Chengming, Huang Zhikai. Zhonghua renmin gongheguo jingji shi (1919–1952) (= Экономическая история Китайской Народной Республики (1919–1952))*. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2010. 878 p.
- Wu 2019 — *Wu Yiguo. Sanxian jianshe zai hunan (= Трехлинейное строительство в Хунани) // Jinian zhonghua renmin gongheguo chengli 70 zhounian (= К 70-летию основания КНР)*. 2019. 236 p.
- Yu 2007 — *Yu Peng. Cong maozedong dao hujintao – zhongguo quyu jingji sixiang de lishi yanbian (= От Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао: Историческая эволюция региональной экономической мысли Китая) // Jingji yanjiu dao kan (= Руководство по экономическим исследованиям)*. 2007. Vol. 1. Pp. 131–133.
- Zhao 2001 — *Zhao Shuang. Cong maozedong dao jiangzemin – xin zhongguo quyu jingji fazhan sixiang de lishi yanbian (= От Мао Цзэдуна до Цзян Цзэминя: Историческая эволюция концепции регионального экономического развития Нового Китая) // Jingji wenti tansuo (= Исследование экономических проблем)*. 2001. Vol. 11. Pp. 4–7.
- Zhonggong 1993 — *Zhonggong zhongyang wenxian yanjiu shi. Jianguo yilai zhongyao wenxian xuanbian (= Отдел исследований ЦК КПК. Подборка важных документов с момента основания Китайской Народной Республики)*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1993. 368 p.
- Zhonggong 1999 — *Zhonggong zhongyang wenxian yanjiu shi. Maozedong wenji (= Отдел исследований ЦК КПК. Собрание сочинений Мао Цзэдуна)*. Beijing: Renmin chubanshe, 1999. 503 p.
- Zhongguo 1957 — *Zhongguo gongchandang di ba ci quanguo daibiao dahui wenxian (= Государственное статистическое управление. Статистические данные по развитию промышленности Китая)*. Beijing: Renmin chubanshe, 1957. 790 p.
- Zhonghua 1955 — *Zhonghua renmin gongheguo fazhan guomin jingji de di yi ge wu nian jihua (1953–1957) (= Первый пятилетний план развития народного хозяйства Китайской*

- Народной Республики (1953–1957)). Beijing: Renmin chubanshe, 1955. 238 p.
- Zhonghua 2019 — Zhonghua renmin gongheguo da jian shi: 1949–2019 (= История Китайской Народной Республики: 1949–2019 гг.). Beijing: Dangdai zhongguo chubanshe, 2019. 194 p.
- Zhou 2018 — Zhou Mingzhang. Sanxian jianshe yu ningxia chengshi hua (= Строительство третьей линии и урбанизация в Нинся-Хуэйском автономном районе) // Ningxia shehui kexue (= Социальные науки Нинся-Хуэйского автономного района). 2018. Vol. 3. Pp. 129–138.
- Zhu 2012 — Zhu Degui. Nian de sanxian jianshe dui guizhou shehui jingji fazhan de zhongyao yiyi 1964–1978 (= Значение строительства третьей линии с 1964 по 1978 год для социально-экономического развития Гуйчжоу) // Guizhou wenshi congkan (= Литература и история Гуйчжоу). 2012. Vol. 5. Pp. 27–31.
- References**
- Aleksandrova M. V. Economy of Northeastern China and Soviet assistance to the PRC in the 1950s. Safronova E. I. (comp., ed.) China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2013. Vol. 18. Pp. 326–348. (In Russ.)
- Bao Yibo. An Overview of Several Important Decisions and Events. Beijing: People's Publ. House, 1997. 281 p. (In Chin.)
- Chen Xiushan, Yang Yan. China's evolution and the choice of coordinated regional development goals. *Education and Research*. 2008. No. 5. Pp. 5–18. (In Chin.)
- Chen Yao. Some thoughts on China's regional coordinated development strategy for the new era. *Economy and Business*. 2008. No. 2. Pp. 11–19. (In Chin.)
- Chen Zhihua, Li Danhui. Structural imbalance: deep reasons for the collapse of the Soviet-Chinese alliance. *Research and Discussion*. 2012. No. 10. Pp. 3–17. (In Chin.)
- Chen Zhihua. Mao Zedong, Khrushchev and the 1957 Moscow Conference. *Historical Studies*. 2007. No. 6. Pp. 3–13. (In Chin.)
- Guo Dehong. Historical Transition: An Overview of the National Economic and Social Development of the People's Republic of China, from the First Five-Year Plan to the Eleventh Five-Year Plan, 1953–2010. Beijing: Communist Party History Publ. House, 2006. 276 p. (In Chin.)
- History of the People's Republic of China: 1949–2019. Beijing: Contemporary China Publ. House, 2019. 194 p. (In Chin.)
- Huang Zhikai, Wu Li. Economic History of the People's Republic of China, 1953–1957. Beijing: Social Science Literature Press, 2011. 1033 p. (In Chin.)
- Huang Zhikai. Looking back at the Economic Situation in the Republic. Beijing: China Social Sciences Press, 2009. 328 p. (In Chin.)
- Li Guoping. Production Relocation and Spatial Optimization of Regions in China. Beijing: Science Press, 2016. 405 p. (In Chin.)
- Lin Yifu, Cai Fang, Li Zhou. The Chinese Miracle: Development Strategy and Economic Reform. Shanghai: Shanghai Press, 2002. 219 p. (In Chin.)
- Lin Zhiyou. Thoughts of Mao Zedong on the commodity economy in 1958–1960. *Journal of Henan Normal University*. 2015. No. 13. Pp. 51–55. (In Chin.)
- Liu Hebo. Mobilization of the population and changes in the ecological environment during the three-line construction period. *Journal of Jining University*. 2019. No. 1. Pp. 74–78. (In Chin.)
- Luo Shengmei. Research on the development and use of 'three-line construction': a case study of materials from the Guizhou University Library. *Journal of Liupanshui Normal University*. 2019. No. 10. Pp. 102–111. (In Chin.)
- Mamaeva N. L., Sotnikova I. N., Verchenko A. L. Participation of the USSR in the Reconstruction and Building of '156 Production Facilities' in the PRC, 1950s: New Facts and Circumstances of Soviet-Chinese Cooperation. Moscow: Ves Mir, 2018. 608 p. (In Russ.)
- Mei Xingwu. Three-Line Construction: Immortal Monument to New China. *70th Anniversary Special Theme China*. 2019. No. 2. Pp. 15–18. (In Chin.)
- Research Department of the CPC Central Committee. Collected Works of Mao Zedong. Beijing: People's Publ. House, 1999. 503 p. (In Chin.)
- Research Department of the CPC Central Committee. Selected Important Documents: From the Founding of the People's Republic of China. Beijing: Central Literature Publ. House, 1993. 368 p. (In Chin.)
- Significance of the three-line construction of the third line for the socio-economic development of Guizhou, 1964–1978. *Guizhou Literature and History*. 2012. No. 5. Pp. 27–31. (In Chin.)
- State Statistical Office. China's Industrial Development Statistics. Beijing: People's Publ. House, 1957. 790 p. (In Chin.)
- State Statistical Office. The Development of China's Industry, 1949–1984. Beijing: China Statistics Press, 1985. 876 p. (In Chin.)

- Sun Jiuwen, Nian Meng. Study of changes in the territorial development of China's spatial structure. *Social Sciences of Nanjing*. 2011. No. 11. Pp. 8–14. (In Chin.)
- The First Five-Year Plan for the Development of the PRC's National Economy, 1953–1957. Beijing: People's Publ. House, 1955. 238 p. (In Chin.)
- The Seventy Years of glory: China's New Achievements in Economic and Social Development, 1949–2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. 474 p. (In Chin.)
- Three-line construction and urbanization in the Ningxia Hui Autonomous Region. *Social Sciences of Ningxia Hui Autonomous Region*. 2018. No. 3. Pp. 129–138. (In Chin.)
- Wang Jiacui. Three-line construction and urban development in Guizhou, 1964–1978. *Social Sciences*. 2015. No. 8. Pp. 38–43. (In Chin.)
- Wu Chengming, Huang Zhikai. Economic History of the People's Republic of China, 1919–1952. Beijing: Social Science Literature Press, 2010. 878 p. (In Chin.)
- Wu Yiguo. Three-Line Construction in Hunan: Celebrating the 70th Anniversary of the PRC. 2019. 236 p. (In Chin.)
- Yu Peng. From Mao Zedong to Hu Jintao: historical evolution of regional economic thought in China. *Economic Research Manual*. 2007. No. 1. Pp. 131–133. (In Chin.)
- Zhao Shuang. From Mao Zedong to Jiang Zemin: historical evolution of the concept of regional economic development of new China. *Study of Economic Problems*. 2001. No. 11. Pp. 4–7. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 449–458, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).05–06

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-449-458

Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам Архива внешней политики Российской империи)

Андрей Сергеевич Рязжев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Рязжев А. С., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена вероисповедной политике Российской империи в раннее Новое время. Впервые в историографии изучено место католических миссионеров, оседавших на южных окраинах страны, в мероприятиях светских и духовных инстанций России по части религии. *Материалы и методы.* В основу исследования положена переписка Коллегии иностранных дел со Святейшим Синодом, а также другими учреждениями и должностными лицами, характеризующая масштабы присутствия и направления деятельности католических орденов на российской территории. Методология предлагаемой работы определена структурно-функциональным подходом к системе государственных органов России. В сочетании с подобным подходом использован историко-генетический метод, оптимальный для понимания эволюции уклада власти Российской империи со времён Петра I и до середины царствования Елизаветы Петровны. *Результаты.* Среди католических миссионеров на юге России к середине XVIII в. орден капуцинов представлял наиболее активную силу, сумевшую взять верх над другими орденами в споре за влияние на этноконфессиональные группы региона. Установлено, что капуцины в России пользовались постоянной поддержкой Австрийской монархии. Прослежена деятельность миссионеров в Астрахани и Нежине, показано место армянских общин в планах капуцинов в России. Подчеркнуто влияние на положение капуцинов российско-австрийских отношений, в особенности «австрийской системы» — российской ориентации на австрийский двор. Проведена мысль о том, что в таких условиях капуцинов принимали в центре и на местах индифферентно или покровительственно, при этом на деле российские светские институты оставляли без внимания нарушение прерогатив правившей греко-российской церкви. В порядке *дискуссии* выявлены основные трактовки католического миссионерства, встречающиеся в литературе о католицизме в России. *Заключение.* Автор констатирует, что причины интереса миссионеров к южным российским окраинам и их населению имели объективную природу. Российские светские власти реагировали на возникавший интерес слабо, а осознание правовой необходимости соответствующего регулятивного воздействия с их стороны развивалось медленно.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Пётр I, Елизавета Петровна, южные окраины России, этноконфессиональные группы, католические ордены, католические миссионеры, капуцины, дипломатия; российско-австрийские отношения, вероисповедная политика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Ряжев А. С. Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам Архива внешней политики Российской империи) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 449–458. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-449-458

Catholic Missionaries on the Southern Russian Outskirts in the First Half of the 18th Century (on the basis of documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)

Andrey S. Ryazhev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Ryazhev A. S., 2021

Abstract. Introduction. The article concentrates on the religious policy of the Russian Empire in the Early Modern Time. For the first time in historiography, a study was carried out concerning the place of Catholic missionaries who settled on the southern outskirts of Russia, in the religious policy of Russian secular and spiritual authorities. *Materials and methods.* The base of the study was the correspondence of the Collegium of Foreign Affairs with the Holy Synod, as well as other institutions and officials, characterizing the scale of the presence and direction of activity of Catholic orders on the territory of Russia. The methodology of the study has been determined by the structural and functional approach to the system of state bodies of Russia. In combination with this approach, a historical-genetic method was used, which is optimal for understanding the evolution of the structure of power in the Russian Empire from the time of Peter the Great to the middle of the reign of Empress Elizaveta Petrovna. *The results* of the research are presented in the section “Catholic missionaries in the south of Russia by the middle of the 18th century: political and diplomatic aspects”. In it, the Capuchin Order is designated as the most active force of Catholic missionary work in the Russian south, which managed to prevail over others Catholic orders in dispute for influencing on the ethno-confessional groups of the studied region. It has been determined that the Capuchins in Russia gained constant diplomatic support from the Austrian monarchy. The activity of missionaries in Astrakhan and Nizhyn was traced, the place of the Armenian communities in the missionary plans of the Capuchins on the territory of Russia is shown. The influence on the position of the Capuchins of Russian-Austrian relations is emphasized, in particular of the “Austrian system” — the orientation of Russian diplomacy towards the Austrian court. The idea is carried out that the attitude of the Russian authorities in the capital and in the localities towards the Capuchins in such conditions was indifferent or patronizing, while in fact the Russian secular authorities did not take into account the violation of the prerogatives of the ruling Orthodox (Greek-Russian) church. In order of *discussion* (part “Missionaries in the Russian Borderlands: source study and historiographical observations” of the abovementioned section of the article), the main interpretations of Catholic missionaryism, found in the literature on Catholicism in Russia, have been identified. *Conclusion.* The author states that the reasons for the interest of Catholic missionaries to the southern Russian outskirts and their population were objective. The reaction of the Russian secular authorities to such an interest was little, and their awareness of the legal necessity of appropriate regulatory measures developed slowly.

Keywords: Russian Empire, Early Modern times, Peter the Great, Empress Elizaveta Petrovna, southern outskirts of Russia, ethno-religious groups, Catholic orders, Catholic missionaries, Capuchins, diplomacy, Russian-Austrian relations, religious policy

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ryazhev A. S. Catholic Missionaries on the Southern Russian Outskirts in the First Half of the 18th century (on the basis of documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 449–458. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-449-458

Введение

Вероисповедная политика Российской империи, двинувшейся в раннее Новое время по пути европеизации, является актуальной историографической темой. Одним из важных аспектов темы выступает отношение центральных и местных властей к католическим миссионерам, проникавшим в приобщавшуюся к европейским порядкам страну. Цель статьи — анализ роли католических миссионеров, оседавших на южных окраинах страны, в мероприятиях светских и духовных инстанций России по части религии.

С началом преобразований Петра I российская монархия стимулировала въезд европейцев-христиан, в известной степени связывая с ними успех соответствующих изменений жизни. Возникновение в России миссионерских европейских институций, первыми из которых и явились католические, стало побочным следствием европеизации. На протяжении первой половины XVIII в. оно осознавалось государством поверхностно и, несмотря на очевидное несходство с интересами греко-российской церкви, не было предметом системного правового воздействия.

Значительный отпечаток на меры светских органов в данной сфере оказывала внешняя конъюнктура, в которую при Петре Великом и после него все более вовлекалась Россия. Здесь первое место для нее занимали контакты с Австрийской монархией, обернувшиеся господством в дипломатии России «австрийской системы» — ориентации на австрийский двор. Приходилось брать во внимание и франко-австрийские коллизии, во многом задававшие об-

щеевропейский тон. Позиция австрийских Габсбургов и французских Бурбонов — номинальных покровителей католичества вне Европы, во многом определяла поведение российских инстанций применительно к активности католиков в стране, в том числе и активности миссионерской. Вплоть до середины XVIII в. оно служило одной из конкретных форм процесса европеизации в целом и одним из залогов формирования ее очагов на южнороссийских окраинах.

Материалы и методы

Середина 1750 – начало 1760-х гг. ознаменовались дипломатическими русско-австрийскими коллизиями по поводу правового и фактического положения в изучаемом регионе членов ордена капуцинов, пользовавшихся австрийским покровительством. В этой связи Коллегия иностранных дел провела систематизацию накопленных ею документов и законодательства, регулировавших статус и возможности католических орденов в России с середины 1710-х гг., то есть по окончании наиболее напряженного для России периода Северной войны. Подобные документы и служат источником, способным раскрыть масштабы присутствия и содержание деятельности миссионеров-католиков на российском крайнем юге. Документальные комплексы, сформированные тогда в коллегии и включившие в себя коллежскую переписку со Св. Синодом, а также светскими учреждениями и должностными лицами, ныне хранятся в Архиве внешней политики Российской империи [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758); АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761); АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762); АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1738);

АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760); АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Оп. 10/2. Д. 2 (1721)]. В их свете капуцины предстают наиболее активной миссионерской силой на юге, и посему значение бумаг трудно переоценить.

Методология исследования определена структурно-функциональным подходом к системе государственных органов России. В его рамках, прежде всего, обеспечено понимание различий между формальной специализацией и фактической компетенцией органов, включавшихся в сферу вероисповедной политики в центре и на местах. Кроме того, он дает возможность учитывать порядок взаимодействия светских и духовных институций в разнообразных ситуациях — и обычных, и представлявших в верхах экстраординарными. В сочетании с намеченным подходом оправданным является применение историко-генетического метода, оптимального для постижения эволюции уклада власти Российской империи на протяжении первой половины XVIII в.

Католические миссионеры на юге России к середине XVIII в.: политико-дипломатические аспекты

В поисках «русского пути» на Восток

Проникновение католических миссионеров в Россию в конце XVII – первые десятилетия XVIII в. было вызвано активностью Австрийской монархии, которая преследовала две важные цели. Во-первых, она добивалась русского участия в антиосманской борьбе и, соответственно, наращивания восточноевропейского фланга против Турции. Во-вторых, австрийские Габсбурги и близкие к ним торговые круги стремились проникнуть на Восток, укрепиться на путях, ведущих туда через Восточную и Юго-Восточную Европу, Средиземноморье, Кавказ. Российская территория давала одну из удобных возможностей доступа, посему австрийский курс в этом плане оказывался весьма последовательным.

Миссионерство было способом обеспечить присутствие и получить резерв влияния на обстановку в стране пребывания, в том числе на юге. Иезуиты составили здесь головной отряд — их первые миссии организовывались в Москве за австрийский счет [Кучумов 1996: 183–186]. В южные обла-

сти России они проникали также из Речи Посполитой и Закавказья. Впоследствии к ним добавились, воспользовавшись путями, проторенными иезуитами, капуцины и францисканцы. В целом положение орденов в России зависело от состояния российско-австрийских и российско-французских отношений, претерпевавших известные колебания при Петре I и позже [Ряжев 2018: 92–94].

В петровские времена российское восприятие католицизма в сфере политики и дипломатии определялось взаимодействиями с австрийским двором и папством. Лично у Петра I иезуиты вызывали негативную оценку. Вместе с тем он хотел использовать их для идеологического обоснования своих позиций в Европе, обещая Риму открытую дорогу миссионерам-иезуитам в Китай через Россию в обмен на признание императорского титула. Подобные притязания не нашли понимания: с позиции папского универсализма императором тогда мог называться лишь католик — глава Священной Римской империи. Не сыграла роли гарантия транзита для папы Климента XI (Дж. Ф. Альбани) и по конкретным причинам. Орден иезуитов утратил единство, часть ордена в давнем конфликте папства и португальских королей выступала на стороне последних, и римские правители не находили резона поддерживать иезуитов в целом. Кроме того, Климент XI ставил другие приоритеты: миссию в ближайших не-католических регионах Европы, например, в Далмации и Албании, он считал для судеб католической веры более существенной, нежели в далеком Китае [Verducci 1979: 298–300].

Значение работы в России полагали во многом спорным и в «Обществе Иисуса». Миссионеров — адептов португальской монополии на морское сообщение (через Бендер-Аббас, Гоа, Макао) со Средним и Дальним Востоком — сухой путь через «Московию» не привлекал. Небесспорными его достоинства выглядели и для представителей других орденов. С учетом стабильного морского и сухопутного обмена со Средним Востоком, Китаем, Индией, установившимся в раннее Новое время, доступ в Центральную Азию из Персии или Индии представлялся более предпочтительным.

В частности, именно так осуществил свое путешествие патер Ипполито Дезидери — последний иезуит, побывавший в Тибете [Wessels 1992: 205–272]. К тому же в условиях глубоких разногласий между иезуитами и капуцинами из-за полномочий в Тибете и Центральной Азии, развивавшихся в 1712–1732 гг., перспективы пропаганды католичества в указанных регионах выглядели тогда в принципе неясными [Beltramini 2021: 69, 70].

На положение иезуитов в России негативно влияло и непризнание австрийской стороной императорского титула Петра I, порождавшее трения между дворами. В итоге русско-австрийский кризис 1719 г., дополненный делом царевича Алексея, вина за которое возлагалась и на иезуитов, привел к их изгнанию из страны. Но позже к услугам иезуитов российская дипломатия прибегала. Так, в 1722 г. миссионер Н. Джанприамо, будучи в России проездом из Китая, доставил ко двору папы Иннокентия XIII (М. А. Конти) грамоту канцлера Г. И. Головина с просьбой остановить гонения униат на православных в Речи Посполитой [Соловьев 1993: 406].

Однако контакты с Австрией удалось вскоре восстановить. С поручением Петра I при австрийском дворе в 1719–1720 гг. находился и готовил почву для обоюдной нормализации силезский уроженец на русской службе И. Б. Вейсбах, позже генерал [Петрухинцев 2010: 220].

Место иезуитов в австрийских планах относительно России заняли капуцины. Начало 1720-х гг. для капуцинов ознаменовалось борьбой за влияние в Санкт-Петербурге против францисканцев, за которыми стоял французский посол Ж. де Кампредон. Коллегия иностранных дел в процессе расследования споров, касавшихся имущества приходов и прав клириков в них, констатировала: «ордена... живут беспокойно, во всякие не надлежащие им дела вступаются и у чужестранных министров протекции ищут». Коллегия даже предлагала Петру I выслать и капуцинов, и францисканцев, заменив их доминиканцами. Столичный конфликт в 1725 г. завершился в пользу францисканцев [Кузнецов 1898: 69–75], но на южных окраинах России капуцины оказывались более влиятельными.

Миссионеры в обстановке российского пограничья: источниковедческие и историографические наблюдения

В централизованном движении капуцинов на Восток заметное место отводилось армянам, взаимосвязи которых покрывали все интересовавшие капуцинов регионы вплоть до Индии. Армяне как экономически активное этноконфессиональное сообщество были для капуцинов желанным объектом пропаганды и в России. Посему капуцины в первую очередь направлялись в те российские города, в которых существовали сильные объединения армян, задействованные в восточной торговле — в Астрахань и Нежин.

Источники демонстрируют, что капуцины, давая знать о своих устремлениях властям в столице и на местах, очень скоро добились нужных разрешений. Так, в документах зафиксирована просьба главы клириков-католиков в Санкт-Петербурге, «начального капуцинского патера Патрициуса», позволить пребывание монахов в Астрахани для нужд немцев, французов, «цесарцев» и иных европейцев-католиков на русской службе. Из них же следует, что соответствующий указ Посольского приказа астраханскому губернатору А. П. Волынскому вышел через непродолжительное время и датировался 16-м февраля 1716 г.

Аналогичным был и результат обращения, которое выдвигал затем патер Венуст, новый глава капуцинов в России. В бумаге, поданной в Коллегию иностранных дел 31 января 1721 г., он просил позволить отправку двух членов ордена в Астрахань и Нежин. Губернатор А. П. Волынский воспринял прибытие монахов благожелательно, известив Коллегию, что со временем от них можно ждать пользы [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 19; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 37, 55, 55об.]. Сановник полагал присутствие европейцев-миссионеров полезным для здешней окраины, по составу населения преимущественно инородческой, особенно при нехватке и слабой проповеднической подготовке клириков господствовавшей греко-российской церкви [Толстой 1876: 173]. Преемники А. П. Волынского мыслили в похожем ключе, а значительная внешнеполитическая самостоятельность астраханских губерна-

торов способствовала их свободе в отношении иноземцев [Торопицын 2017: 218–220].

В переписке Коллегии в этой связи отложилось, что в 1720–1721 гг. в Россию через Ригу и Киев прибыло по меньшей мере восемь капуцинов и францисканцев [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 2 (1721). Л. 1–5; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 36, 36об.]. Из материалов коллежского делопроизводства можно вывести, что в 1721 г. астраханский католический приход оформился окончательно: обер-комендант Чириков дал санкцию, «не имея никакого о том указа», как обвинял его епископ Илларион, построить для католиков гарнизона «римского закона костел» и состоять при нем «католицим патерам» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 17об.].

Известное число армян-католиков — пришельцев из Персии и Закавказья — в Астрахани проживало издавна, и миссионеры, взяв их под крыло, развернули нужную работу. С этого периода в Коллегию иностранных дел стали поступать жалобы армяно-григорианского духовенства на вторжение капуцинов в его астраханские приходы. Разбирая их, дипломатическое ведомство в 1721 г. посылало запрос на имя А. П. Волынского. Русский консул в Гиляне сообщал о прозелитизме капуцинов среди армян в Персии и негласной переписке миссионеров с астраханскими собратьями, по причине чего в Коллегии задумались о высылке капуцинов из Астрахани. Однако ее намерение столкнулось с позицией губернатора, ограничившегося только предупреждением [Толстой 1876: 173].

Активность капуцинов, особенно их деятельность вне контроля властей, отразилась и в документах Св. Синода, шедших в Коллегию иностранных дел. Они демонстрируют, что Синод испытывал по означенному поводу значительное беспокойство. Синодское ведение (записка) от 15 марта 1722 г. со ссылкой на претензию астраханского епископа Иоакима указывало, что в 1718 г. в Астрахань из Персии выехал капуцин «патер Антоний», который в 1721 г. построил там свой «костел». Из текста также вытекало, что имел место и случай насильственного венчания миссионерами некой русской «женки от живого мужа» с иноверцем, причем губернатор организовать дознание не разрешил. Соот-

ветственно, Синод был вынужден свернуть свои опасения и расширить свободы католиков. Согласие на проведение домашних богослужений, адресованное астраханским капуцинам, последовало 27 апреля 1722 г. Через несколько дней, 5 мая, Синод дал согласие на прибытие сюда еще двух патеров на подобном основании, о чем известил Коллегию иностранных дел [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–61). Л. 184–187]. В итоге капуцины получили фактическую свободу рук.

Тему миссионеров на отдаленных российских окраинах литература освещала слабо. В истории тех или иных орденов на территории России главное место в связи с политическими коллизиями раннего Нового времени всегда закреплялось за иезуитами [Яковенко 2006]. Практика других орденов, в частности ордена капуцинов, затрагивалась лишь вследствие их специализации по Востоку [Coccia 1873: 188–378]. Классики вопроса о католицизме в России более всего места отводили отношениям монархии с папством. Присутствие же католических институций в стране трактовалось с диаметрально противоположных позиций: католическими авторами — как безусловное благо [Pierling 1907], официально-православными — как вредное для государства, народа и греко-российской церкви [Толстой 1876: 173–176]. Итог изучению русско-папских перипетий удалось подвести с марксистских позиций в середине XX в. [Винтер 1964]. В наши дни шагом вперед стало освещение роли католицизма в европеизировавшемся российском обществе [Андреев 2010: 8, 9; Самыловская 2016; Амбурцев, Колодина 2016]. В перспективе не лишено интереса осмысление миссионерских практик католических орденов на окраинах с позиции теории российской фронтальной модернизации [Побережников 2018: 74–76; Актовы 2016: 80, 81]. Здесь стоит отметить, что именно А. П. Волынский в свое время отводил миссионерам-европейцам роль акторов означенной модернизации, осмысливая ее, разумеется, в понятиях века Просвещения.

Российские власти и миссионеры-капуцины к середине XVIII в.: «эффект А. П. Волынского»

В послепетровское время ориентация на Австрию в течение многих лет, вплоть

до начала царствования Екатерины II, являлась основой российского курса в европейских делах. В 1726 г. Австрия заключила союз с Россией, признание же Веной русского императорского титула в 1742 г. в ходе войны за австрийское наследство и новый союзный договор 1746 г. еще более укрепили двусторонние отношения [Собко 2006: 157]. Капуцины продолжали работу на российском юге, не упуская из виду, в частности, армянскую общину в Нежине, и «австрийская система», господствовавшая во внешнем курсе канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, расширяла их влияние.

Дальнейшие события в Нежине вполне подтвердили обозначенное обстоятельство. В первые годы пребывания на престоле императрицы Анны Ивановны там осел «один римский поп, именем Петр Эфендии», служивший при католической часовне. В 1738 г. генерал А. И. Румянцев, новоназначенный правитель Малороссии, заподозрил, что он не обычный католический «ксенз», как полагал его предшественник И. Ф. Барятинский, а «эзуит», нахождение которых в России с петровских времен запрещалось. Скрытыми от верховного начальства оказались и основания, на которых патер «в доме у себя по закону своему и церковные службы отправляет», ибо «по какому указу он тамо живет, о том тамо неизвестно». В данной связи в Коллегию иностранных дел поступила записка из Кабинета с поручением о расследовании [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1738). Л. 1].

Сведений о судьбе вышеназванного «римского попа» не найдено, а при часовне, как установили власти, пребывали не иезуиты, а капуцины. Окончательно существование «капеллы» (часовни) в 1741 г. признал киевский архиепископ Рафаил (Заборовский) по челобитью патера Иосифа, пребывавшего при ней. Из бумаг Коллегии явствует, что патер обладал и «аттестатом», то есть разрешением на въезд в страну и отправление культа, выданным по распоряжению А. П. Бестужева-Рюмина [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 5].

Выяснился и порядок финансирования духовенства при часовне, который некогда утвердил киевский генерал-губернатор и командующий Украинским корпусом генерал-аншеф И. Б. фон Вейсбах. Генерал умер в августе 1735 г. [Петрухинцев 2010: 211,

223, 225]. В копии патента на имя патера Иосифа, датированной 1746 г. и отложившейся в коллежских бумагах, указывалось, что штат часовни включал двух клириков, причем одного с обязательным знанием армянского языка. В соответствии с завещанием генерала на духовенство и часовню в год выделялась одна тысяча «реинских гулденов». Сумма шла «из получаемых с вершков с того капитала, которой у Его римско-императорского Величества находится», то есть процентов по вкладу, хранившемуся в Австрийской империи. Выплаты надлежало контролировать душеприказчикам покойного генерала, которыми в завещании значились директор «Шлезского [Силезского. — А. Р.] обер-амтманства» Шафюс и «бреславской прелат» Санкт-Матеус, а после их кончины — их наследники [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 6, 7]. Прелат из Бреслау (Breslau, ныне Вроцлав/ Wrocław, Польша) — главного города Силезии и силезский чиновник фигурируют в бумагах не случайно: сам Вейсбах был уроженцем Силезии, входившей некогда в состав Австрийской империи, но затем отторгнутой у последней Пруссией.

Если в Астрахани покровителем капуцинов выступал А. П. Волынский, то в целом подобное отношение к миссионерам в 1730–1740-е гг. представляло отнюдь не местным или персонализированным явлением. Расследование о католической общине Нежина выявило это в полной мере.

Как значится выше, не знали капуцины проблем и в Астрахани. В частности, 31 марта 1747 г. Коллегия выдала указ, разрешавший отправлять здесь службу капуцину Иоаннесу. Орден планировал наладить транзит между Персией и Европой через Северный Кавказ, однако Коллегия иностранных дел не желала допускать присутствия, пусть и временного, миссионеров, формально не подчиненных российским властям. Из указа известно: первым о нежелательности миссионерских трансграничных переездов заявил Бакунин, российский консул в Гиляне. Он доносил, что «в Гиляне находятся их езуиты, а в протчих местах по Персии многое число живущих при персичких командирах не отлучно находится разных ординов их римского исповедания попов, с которыми они из России,

а особенно из Астрахани переписку имеют и иметь могут, а пресечь оную не токмо трудно, но и невозможно...». Между тем, добавлял дипломат, из Персии видно, что астраханские католики образовали объединение откровенно миссионерского характера: «... в Астрахане живущий капуцин Иоаннис ни в чем ином, как в превращении армян и других иноверцев в папешество упражняется, и такое они своих попов житие явно именуют и пишут римскою астраханскою проповедническою миссией». Пополнения астраханских католиков из Персии, заключал Бакунин, допускать нельзя: для российских властей из этого, «кроме предосудительности, иного отродится не может». Коллегия прислушалась к консулу и закрыла патерам путь: «Рящ» (Решт) и Астрабад не превратились в перевалочные пункты для поездок миссионеров в Астрахань, Кизляр, Моздок. Решение вызвало австрийский демарш. Ответа не последовало, но фактические уступки российской стороне, тем не менее, пришлось допустить [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 27–29; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–61). Л. 184–187; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 20]. Дальнейшие инструкции насчет капуцинов из центра в Астрахань не пришли, региональные же инстанции долгое время, вплоть до середины 50-х гг. XVIII в., смотрели на патеров сквозь пальцы, следуя заложенной А. П. Волынским традиции.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Литература

- Актеры 2016 — Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Амбурцев, Колодина 2016 — Амбурцев Р. А., Колодина А. К. Католическая община Санкт-Петербурга в XVIII веке: изучение вопроса в историографии // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 6 (58). С. 25–31.
- Андреев 2010 — Андреев А. Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Соци-

Заключение

Южные рубежи империи привлекали зарубежных миссионеров-христиан по вполне понятным причинам. Складывание к XVIII в. новой сети торговых путей, возникновение ранее неизвестных способов и акторов взаимодействия европейских держав с остальным миром оказали влияние на христианское миссионерство, усилив, в частности, его движение в восточном направлении. Католики — тогда основные проводники европейского христианства вне Европы — шли здесь в первых рядах. Россия, вступившая на путь европеизации, вызвала в данной связи большой интерес. В понимании европейцев она была территорией условно безопасного транзита в Центральную Азию и Индию. Кроме того, российские окраины, близкие к регионам давнего европейского миссионерства — Святой земле, Персии, Закавказью или смежные с ними, населялись народами, в отношении которых также возникали миссионерские намерения. Приток иноземцев делал неизбежным формирование в российских границах духовных институций, свойственных европейским исповеданиям. Это затрагивало престиж греко-российской церкви и требовало регламентации их деятельности со стороны государства, однако в течение длительного времени его вмешательство оставалось sporadическим и поверхностным. Лишь с середины XVIII в. задача подобной регламентации вошла в порядок дня правовой политики российской монархии.

Sources

AVPRI — [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

- ально-гуманитарные науки. 2010. Вып. 15. № 28 (204). С. 6–11.
- Винтер 1964 — Винтер Э. Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964. 536 с.
- Кузнецов 1898 — Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 75. С. 65–104.
- Кучумов 1996 — Кучумов В. А. Первая католическая миссия в Москве 1684–1689 гг. (по дневникам Иржи Давида) // Древняя Русь и Запад. М.: Наследие, 1996. С. 183–186.
- Петрухинцев 2010 — Петрухинцев Н. Н. Путь иноземца в военную элиту России (петров-

- ский генерал И. Б. Вейсбах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб.: Изд-во Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2010. Ч. II. С. 210–228.
- Побережников 2018 — *Побережников И. В.* Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.
- Ряжев 2018 — *Ряжев А. С.* Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 88–100.
- Самыловская 2016 — *Самыловская Е. А.* К вопросу о численности и национальном составе римско-католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и Филология». 2016. Т. 1. № 1. С. 76–81.
- Собко 2006 — *Собко Е. М.* Участие России в войне австрийское наследство (1740–1748 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 156–159.
- Соловьев 1993 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 18 // *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. IX. М.: Мысль, 1993. 671 с.
- Толстой 1876 — *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. Т. 1. СПб: Издание и типография В. Ф. Демакова, 1876. VIII, 538 с.
- Торопицын 2017 — *Торопицын И. В.* Участие астраханских губернаторов в реализации внешнеполитического курса страны на юго-восточном направлении в XVIII веке // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52). С. 217–221.
- Яковенко 2006 — *Яковенко С. Г.* Иезуиты и Россия: историографический аспект, материалы российских архивов по истории иезуитов в России // Россия и иезуиты. 177–1820 / отв. ред. М. Инглот (S. J.), Е. С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 27–47.
- Beltramini 2021 — *Beltramini E.* Roman Catholic Government and Mission to Tibet: A Historical and Theological Study // *International Bulletin of Mission Research*. 2021. Vol. 45. Is. 1. Pp. 68–72.
- Coccia 1873 — *Coccia, P[adre] Rocco da Cesinale.* Storia delle Missioni dei Cappuchini. Tomo III. Roma: Tipografia Barbèra, 1873. 711 p.
- Pierling 1907 — *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège; études diplomatiques. Tome 4: Pierre le Grand. La Sorbonne. Les Dolgorouki. Le duc de Liria. Jubé de la Cour. Paris; Plon-Nourritet C-ie, Imprimeurs-Editeurs, 1907. 464 p.
- Verducci 1979 — *Verducci C.* Uloga Herskog kolegija u odnosima sa balkansim pokrajinami // *Godišnik društva istoričara Bosne i Hercegovine*. 1979. Godina XXVIII–XXX. 1977–1979. Sarajevo. Pp. 295–302.
- Wessels 1992 — *Wessels C.* Early Jesuit travellers in Central Asia 1603–1721. New Delhi; Madras, 1992. XVI, 346 p.

References

- Actory 2016 — [Actors of Russian Imperial Modernization (from the 18th century through the beginning of the 20th century): regional dimension]. Ekaterinburg, 2016. 316 p. (In Russ.).
- Amburtsev, Kolodina 2016 — *Amburtsev R. A., Kolodina A. K.* [The Catholic community of St. Petersburg in the 18th century: a study of the issue in historiography] // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2016. № 6 (58). Pp. 25–31. (In Russ.).
- Andreev 2010 — *Andreev A. N.* [Russian “foreigners” in the 18th century and Western Christian influence] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Seriya “Social’no-gumanitarnye nauki”. Is. 15. № 28 (204). Pp. 6–11. (In Russ.).
- Beltramini 2021 — *Beltramini E.* Roman Catholic Government and Mission to Tibet: A Historical and Theological Study // *International Bulletin of Mission Research*. 2021. Vol. 45. Is. 1. Pp. 68–72.
- Coccia 1873 — *Coccia, P[adre] Rocco da Cesinale.* [History of the Capuchin Missions. Vol. 3]. Roma: Tipografia Barbèra, 1873. 711 p. (In Italian).
- Kuchumov 1996 — *Kuchumov V. A.* [The First Catholic Mission in Moscow, 1684–1689 (according to the Diaries of Irji David)] // *Drevnyaya Rus’ i Zapad*. [Ancient Rus’ and the West]. Moscow: “Naslediye” Publishers, 1996. Pp. 183–186. (In Russ.).
- Kuznetsov 1898 — *Kuznetsov N.D.* [The field of administration of Foreign Religions in Russia in its Historical Development]. // *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*. 1898. Is. 75. Pp. 65–104. (In Russ.).
- Mackiewicz 2012 — *Waldemar, Mackiewicz (OFM Conv).* [The History of the Catholic Church in the Astrakhan land]. Astrakhan’: LLC “The typography “New Line””, 2012. 245 p. (In Russ.).

- Petruhintsev 2010 — *Petruhintsev N. N.* [The path of a foreigner in the military elite of Russia (I. B. Weisbach, General of Emperor Peter the Great)] // *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy.* [War and Weapons: New research and materials]. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya 12–14 maya 2010 g. St. Petersburg. Part. II. Pp. 210–228. (In Russ.).
- Pierling 1907 — *Pierling P.* [Russia and the Holy See; diplomatic studies. Volume 4: Peter the Great. The Sorbonne University. Princes Dolgoruky. The Duke of Liria. Abbot Jubé de la Cour]. Paris; Plon-Nourreitet C-ie, Imprimeurs-Editeurs, 1907. 464 p. (In French).
- Poberezhnikov 2018 — *Poberezhnikov I. V.* [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations] // *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal]. 2018. No. 4 (61). Pp. 72–80. (In Russ.).
- Ryazhev 2018 — *Ryazhev A. S.* [The Religious Policy of Peter I on the Southern Borders of Russia before and during the Great Northern War] // *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical bulletin]. 2018. No. 4 (58). Pp. 88–100. (In Russ.).
- Sobko 2006 — *Sobko E. M.* [Russia's participation in the war of the Austrian Succession, 1740–1748] // *Voprosy istorii* [Issues of history]. 2006. No. 1. Pp. 156–159. (In Russ.).
- Samylovskaya 2016 — *Samylovskaya E. A.* [On the issue of the number and national composition of the Roman Catholic community of St. Petersburg in the first half of the 18th century] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i Philologiya"*. 2016. Vol. 1. No. 1. Pp. 76–81. (In Russ.).
- Solov'iov 1993 — *Solov'iov S. M.* *Istoriya Rossii s drevneishih vremion.* Vol. 18 [The history of Russia from the ancient times] // *Solov'iov S. M. Sochineniya. Kniga IX* [Selected works. Vol. 9]. Moscow: Mysl' Publishers, 1993. 671 p. (In Russ.).
- Tolstoy 1876 — *Tolstoy D. A.* [Roman Catholicism in Russia: a historical study of Count Dmitry A. Tolstoy]. St. Peterburg: V. F. Demakov Publisher and printing house, 1876. Vol. 1. VIII, 538 p. (In Russ.).
- Toropitsyn 2017 — *Toropitsyn I. V.* [Participation of Astrakhan governors in the implementation of the country's foreign policy in the south-east direction in the 18th century] // *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura.* 2017. No. 3 (52). Pp. 217–221. (In Russ.).
- Verducci 1979 — *Verducci C.* [The role of the Illyrian college in the relations of the Papacy with the Balkans] // *Godišć društva istoričara Bosne i Hercegovine.* 1979. Godina XXVIII–XXX. 1977–1979. Sarajevo. Pp. 295–302. (In Serbo-Croatian).
- Wessels 1992 — *Wessels C., S. J.* *Early Jesuit travellers in Central Asia 1603–1721.* New Delhi; Madras, 1992. XVI, 346 p.
- Winter 1964 — *Winter E.* [Papacy and Tsarism]. Moscow: Progress Publishers, 1964. 536 p. (In Russ.).
- Yakovenko 2006 — *Yakovenko S. G.* [The Jesuits and Russia: historiographical aspect, materials of the Russian archives on the history of the Jesuits in Russia] // *Rossiya i iezuity. 1772–1820.* [Russia and the Jesuits. 1772–1820] Ed. by Marek Inglot (S. J.), E. S. Tokareva. Moscow: Nauka Publishers, 2006. Pp. 27–47. (In Russ.).

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 459–468, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-459-468

Социальный статус женщины в семье Башкирии в первое десятилетие советской власти

Гульфия Юнировна Султангужина¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0003-2533-5045. E-mail: Gulfiyasultan@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Султангужина Г. Ю., 2021

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье предпринята попытка осветить место и роль женщины в семье Башкирии в 1917–1927 гг. *Цель* исследования — на основе нового материала показать особенности семейного статуса женщины в 1920-е гг. *Материалы и методы.* Основными источниками стали документы Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Башкортостан. Большое значение в раскрытии темы сыграли опубликованные источники. В ходе исследования применялись статистический, описательный, сравнительно-исторический методы исследования. *Результаты* исследования показывают, что этот период был наполнен самоотверженной борьбой женщин за улучшение своего положения в различных сферах жизни и деятельности. Эта борьба была долгой и трудной. В Башкирии старый уклад жизни менялся медленно. В эти годы в Башкирии старые обычаи и нравы продолжали играть важную роль в регулировании семейно-брачных отношений. В частности многоженство, ранние браки, выдача замуж против воли девушек, калым и т. д. были обычным явлением. При этом первое десятилетие советской власти — это период, когда были достигнуты серьезные успехи в укреплении фактического равноправия женщины в семье. Законодательные мероприятия были направлены на повышение семейного статуса женщины. В рассматриваемый период положение женщины в семейно-бытовой сфере начинает меняться. В эти годы стал формироваться образ «новой женщины» в семье.

Ключевые слова: семейное законодательство, Башкирия, социальный статус женщины, равноправие, семья, пережитки старого быта

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-17-117040350082-3).

Для цитирования: Султангужина Г. Ю. Социальный статус женщины в семье Башкирии в первое десятилетие советской власти // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 459–468. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-459-468

The Bashkir Woman's Social Status within the Family in the First Soviet Decade

Gulfiya Yu. Sultanguzhina¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-2533-5045. E-mail: Gulfiyasultan@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Sultanguzhina G. Yu., 2021

Abstract. *Introduction.* This article attempts a review of key trends in the transformation of Bashkir women's social status within the family framework between 1917 and 1927. *Goals.* The study employs newly discovered data to show some specific features in the marital status of Bashkiria's women in the 1920s. *Materials and Methods.* Relevant documents from the Russian State Archive of Social and Political History and the National Archive of the Republic of Bashkortostan served as the main sources for the research; published materials on the subject also proved as instrumental and efficient. The research methods employed include statistical, descriptive, and comparative historical ones. *Results.* The research indicates that the period under consideration was marked by the struggle of dedicated women to improve their positions in various spheres including that of the family. The struggle was long and painstaking. In Bashkiria, the old ways were changing slowly, and throughout those years traditional Bashkir customs and perceptions continued to play an important role in regulating family and marriage institutions. Such phenomena as polygamy, early marriages (including unwilling and unequal ones), *kalym* and others were still quite common. Nevertheless, the first decade of Soviet rule in the republic was also a period of serious success marked by advancing the de facto equality of women in the family, and the legislative measures did seek to improve the marital status of women. The analysis shows that in the period in question was witnessing a radical transformation in women's positions in the family and everyday life contexts. The research allows for a conclusion that the image of a 'new woman' in the family sphere was being shaped during the first Soviet decade. **Keywords:** family legislation, Bashkiria, the social status of women, equality, family, the vestiges of the old way of life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Sultanguzhina G. Yu. The Bashkir Woman's Social Status within the Family in the First Soviet Decade. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 459–468. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-459-468

Введение

В современном обществе женщины обладают равными юридическими правами с мужчинами. Однако, как отмечают специалисты (историки, социологи, демографы, психологи), в Башкирии дискриминация женщин продолжает существовать [Сулейманова 1998; Сулейманова 2008; Сулейманова 2013; Хилажева 2010; Хилажева 2015; и др.].

Многие проблемы в семье, которые стояли перед женщиной в 1920-е гг., актуальны и сегодня. Так, проблема насилия женщин в семье довольно часто освещается средствами массовой информации. Общественностью обсуждаются вопросы легализации многоженства, ранних браков. Споры по вопросу законодательного закрепления полигинии не утихают в парламенте Башкортостана протяжении последних 20 лет. Поэ-

тому опыт борьбы за равноправие женщин в семье в первое десятилетие советской власти имеет неоценимое значение.

В свете требований современности исторический опыт нуждается в тщательном изучении и освещении. Данное исследование поможет использовать положительные результаты и учесть ошибки прошлого.

Историография проблемы

В советской историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные этой теме. Все труды носили пропагандистский характер и давали общую характеристику положения женщин в СССР, региональный компонент зачастую затрагивается поверхностно [Зуева 1925; Намитоков 1929; Бильшай 1959; и др.]

Имеются отдельные работы, в которых рассматривалась деятельность государственных и партийных организаций по защите прав женщин [10 лет работы 1927; Стина 1928; Нухрат 1932; и др.]. Анализировались вопросы положения женщины у башкир, вскрывались проблемы женского равноправия и пути их решения [Женщины Башкирии 1968; Нафиков 1974].

Среди фундаментальных работ по женской истории особое место занимают работы Р. Н. Сулеймановой. В них на материале разнообразных источников рассматривается положение женщины в семье во второй половине прошлого века [Сулейманова 2014; Сулейманова, Исянгулов 2020; и др.].

Среди работ, затрагивающих эту тему, следует выделить также исследования [Сытник 2006; Градскова 2011; Мирошниченко 2015а; Мирошниченко 2015б; Журавлева, Мирошниченко 2017; Гниятуллина 2017].

Источниковую базу исследования составляют следующие виды документов: циркуляры, протоколы партийных конференций, резолюции конференций работников и крестьянок, беспартийных женских конференций, доклады, отчеты женорганизаторов, отчеты женотделов, отчеты комиссии и т. д., извлеченные из архивохранилищ и из периодической печати. Документы представляют ценность в раскрытии политики государства в отношении женщины в семье. Особый интерес представляют деятельность судебных учреждений в сфере брака и семьи. Уникальность представляют документы личного происхождения — письма

женщин, заявления активисток, воспоминания женработников [НА РБ. Ф. 122].

Закрепление нового правового статуса женщины в семье

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала собой коренные изменения в положении женщины в различных сферах жизни общества, в том числе в брачно-семейных отношениях. В центре внимания стояли вопросы предоставления женщине равных с мужчиной прав и свобод в организации семейной жизни. Уже первые советские декреты позволили не только очистить семейные отношения от отживших обычаев, которые часто ставили женщину в неравноправное положение в семье, но и установить демократические принципы построения семьи.

Декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. закреплено полное равноправие супругов в области семьи и брака. Устанавливалась моногамная форма брака, и был четко определен возраст вступающих, закреплен принцип свободы и добровольности заключения брака между мужчиной и женщиной. Впредь законными признавались только гражданские браки, зарегистрированные в соответствующих государственных органах. Брак, совершенный по религиозным нормам после принятия декрета, терял юридическую силу. Большое значение имело формулирование декретом правил о правовом положении детей. В статье 10 декрета указывалось, что «дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям» [СУ РСФСР 1942 (1917а): № 11. Ст. 160].

Декрет «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. сыграл в борьбе за равноправие женщин большую роль. Согласно этому декрету, процедура развода упрощалась. Декрет устанавливал, что брак расторгается по обоюдному согласию в отделе записей браков или по одностороннему — в суде [СУ РСФСР 1942 (1917б): № 10. Ст. 152].

Следующим этапом в совершенствовании законодательства о браке и семье явилось принятие 16 сентября 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Семейный кодекс продолжил реализацию идеи, направленной на уравнивание прав

мужчины и женщины в семье. Тем не менее сохранялся режим раздельности супружеского имущества [СУ РСФСР 1942 (1918): № 76–77. Ст. 818].

Как впоследствии показало время, это привело к существенному ущемлению прав и интересов женщин, когда, будучи в браке, они не имели собственного заработка. В 1922 г. Высший судебный контроль Наркомата юстиции РСФСР, не разделяя такой подход, указал, что «при расторжении брака народный суд должен войти в обсуждение того, насколько по обстоятельствам дела был значителен труд, вкладываемый женой за время супружества в общий хозяйстве» [Еженедельник 1922: 12].

Особенности быта некоторых автономных республик и областей РСФСР побудили ВЦИК РСФСР 16 октября 1924 г. внести изменения в нормы действовавшего уголовного законодательства. Установлена была уголовная ответственность за бытовые преступления, которые были включены отдельную главу кодекса. В нем были сформулированы такие составы преступлений, как многоженство, уплата и принятие выкупа за невесту, умыкание и т. д. [Постановление ВЦИК 1924].

1 января 1927 г. вступил в силу новый Кодекс законов о браке, семье и опеке (КзобСО), который приравнивал незарегистрированные браки к бракам зарегистрированным. Доказательством наличия фактического брака являлись: совместное проживание, воспитание детей, ведение при этом общего быта и т. д. В эти годы существовало большое количество незарегистрированных браков в ЗАГСе. Поэтому признание юридической силы за фактическим браком было направлено на защиту прав женщин и имело чрезвычайно большое значение для них.

Кодексом РСФСР 1926 г. нажитое в браке имущество признавалось совместным имуществом супругов, что было выгодно для женщин. Кодекс упорядочил процедуру установления отцовства [Постановление ВЦИК 1926].

Большое значение имели некоторые изменения правовых форм борьбы с бытовой преступностью. 6 апреля 1928 г. ВЦИК принял постановление, которым были внесены дополнения в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. В систему уголовных наказаний введены меры ответственности в отношении

лиц (ст. ст. 196–199 УК РСФСР), посягающих на свободу и равноправие женщины в семье [Постановление ВЦИК 1928].

Становление и развитие образа «новой женщины» в семье

Новые правовые нормы утверждались в Башкирии постепенно. В первую половину 1920-х гг. старые обычаи и нравы все еще продолжали играть важную роль в урегулировании семейных отношений. Полигиния, принуждение девушек в раннем возрасте выйти замуж, калым, левират и другие семейные традиции, ущемляющие права женщин, продолжали устойчиво сохраняться. В Зилайском кантоне «жизнь башкирской женщины часто тяжела. В большинстве неграмотная, она все еще раба своего мужа, все еще находится в экономической от него зависимости» [10 лет работы 1927: 63].

В Аргаяшском и Месягутовском кантонах в 1924 г. «очень молодых продают за престарелых... Жена умершего брата как приложение к имуществу переходит в жены к следующему брату» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 44. Л. 133]. При этом мужчины имели право бросать своих жен. К примеру, в 1923 г. в Юрматинской волости около 100 женщин были оставлены своими мужьями [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 352. Л. 183об.].

В эти годы полигиния приобретала скрытый характер. Мужчины, зарегистрировав в органах ЗАГС один брак, другой заключали по нормам шариата [НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 151. Л. 11об.].

В 1928 г. в Стерлитамакском кантоне многоженцы, имея по 3 жены, ловко выдавали своих жен за «домработниц» [Мужчина 1928: 4]. Латентная преступность порождала среди женской части населения скептическое отношение к преобразованиям в сфере семьи.

Традиционного патриархального уклада жизни в семье продолжали придерживаться даже в конце 1920-х гг. Так, полигиния и калым особенно были распространены в Зилайском, Тамьян-Катайском, Месягутовском, Аргаяшском кантонах. Так, Зилайский кантженотдел (с 1 декабря 1927 г. по 15 апреля 1928 г.) сообщал, что случаев многоженства и бытовых преступлений наблюдается много, а также обращал внимание на низкую степень правовой грамот-

ности женского населения [НА РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 126. Л. 49].

В 1928 г. в Темясовской волости было выявлено 229 случаев многоженства [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 602. Л. 144об., 145]. Полигиния наблюдалась даже среди членов партии. К примеру, 23-летний член ВКП(б) в Усмангалинской волости Тамьян-Катайского кантона, 39-летний кандидат в члены ВКП(б) в Зилаирском кантоне обвинялись в многоженстве [НА РБ. Ф. 122. Оп. 5 Д. 201. Л. 33об., 34].

Законодательство о браке и разводе вызвало сопротивление у части населения, в первую очередь религиозных деятелей. Заведующий женотделом Башобкома партии сообщала, что в Месягутовском кантоне «очень сильно влияние мулл, они работают против ЗАГСа, муллы учат продавать девчат, под влиянием мулл процветает многоженство» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 12].

В 1929 г. в деревне Стерлибашево мулла вел активную работу против нововведений в области брака и семьи. В результате за его противозаконную деятельность ему было назначено наказание в виде условного осуждения [НА РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 136. Л. 56].

Преобразования в брачно-семейных отношениях, начатые советской властью, наталкивались на сопротивление со стороны некоторых женщин, предпочитавших сохранять верность сложившимся традициям. Они соглашались быть второй или третьей женой, потому что экономически зависели от мужчин. При этом по статистике мужчин было меньше, чем женщин [Недолин 1924: 5]. Делегаты первой Всебашкирской беспартийной женской конференции в ноябре 1924 г. говорили, что после войны много одиноких женщин и вдов. Многие из них нуждались в материальной поддержке, поэтому соглашались на роль второй жены [Недолин 1924: 5].

В одной из волостей Аргаяшского кантона насчитывалось 500 вдов. Мужчины добивались, чтобы их жены на собраниях, конференциях требовали законного разрешения многоженства [Как сотни лет 1927: 3]. Возмущенные женщины решительно выступали против нового законодательства о браке и семье. На женской конференции в феврале 1927 г. в Дуван-Мечетлинской волости высказывались мнения о целесообразности сохранить калым [Сулейманова 2014: 136].

В 1928 г. на совещании волостных организаторов среди женщин Стерлитамакского кантона было сказано: «Работа по борьбе с бытовыми преступлениями ведется слабо, как в отношении разъяснения, а также и в части привлечения виновных к ответственности» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 600. Л. 70].

Бытовая преступность принимала латентный характер. Факты полигинии, умыкания и уплата калыма часто скрывались. Очень редко женщины обращались с изнасилованием в судебно-следственные органы. Связано это с тем, что в эти годы не принято было предавать огласке факт насилия, потерпевшая всячески старалась скрыть информацию о случившемся [Нами-токов 1929: 15].

В основном женщины обращались в суд с исковым заявлением, где просили взыскать алименты с бывшего мужа [НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 202. Л. 22]. Однако находились среди женщин и те, которые не подавали заявления об алиментах в суд. Это происходило потому, что судебные разбирательства тянулись месяцами, а то и годами, по разным причинам значительное количество решений судов не исполнялось [НА РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 126. Л. 6].

Нелегко доставались женщине свобода и равноправие. В 1928 г. в Больше-Окинской волости мужчина бросил свою бывшую супругу в реку Ай, чтобы не платить алименты. Еще более дикий случай произошел на почве ревности в Месягутово — муж зарезал жену. В деревне Арсланово Айлинской волости Месягутовского кантона мужчина убил свою жену за то, что, поскольку она была занята детьми, не досмотрела, как ушла корова со двора [НА РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 126. Л. 2об., 3].

Тем не менее ключевые принципы семейного права постепенно начали входить в жизнь. Вмешательство государства в брачно-семейные отношения привело к тому, что привычный уклад жизни стал меняться. Семейные традиции (многоженство, левират, ранние браки, калым и др.) стали отмирать. Росла популярность новых законов среди женщин. Так, в отчете отдела по работе среди работниц и крестьянок Башобкома партии за ноябрь 1923 г. говорилось: «В отдел ежедневно приходят десятки женщин татаро-башкирок и русских за

советами о разводах, детях и проч. Сидя в женотделах, особенно ярко замечаешь, как лопаются и рассыпаются изжившая себя мещанская семья» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 39. Л. 47]. В докладе Аргаяшского кантженотдела за ноябрь–июнь 1926 г., направленном в областной женотдел, отмечалось, что женщины стали активно бороться с многоженством [НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 204. Л. 33, 34].

К середине 1920-х гг. снизилось количество религиозных браков. Постепенно происходило становление и укрепление нового быта. Рождались новые праздники и традиции. Особое место получило проведение так называемых советских «красных свадеб» вместо никаха и венчания. В организации «красных свадеб» принимали участие местные партийные и советские руководители. Так, например, в деревне Мухамедярово 1 октября 1927 г. провели «красную свадьбу» [Иванова 1927: 3]. В Стерлитамаке «красная свадьба» была открыта докладом о новом быте и «красных свадьбах». Во время бракосочетания молодожены торжественно заявили об отказе от традиций и религиозной жизни [Красную свадьбу 1928: 2].

Постепенно работа в отношении лиц, совершивших преступления, стала проводиться более упорядоченно и прозрачно. Повысилась эффективность деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с бытовой преступностью. В результате оправдательных приговоров стало меньше. В первой половине 1928 г., по сравнению с 1927 г., их доля снизилась с 60 % до 19 % [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 61. Л. 220].

Значительную работу по изменению статуса женщин в семье выполняли женотделы. Они вели активную работу среди женщин через делегатские собрания, конференции, съезды работниц и крестьянок и т. д. Национальные праздники, 8 марта использовались женотделами БАССР для агитационно-пропагандистской работы среди женского населения и разъяснения новых законов, прав женщин. В деятельности женотделов особое место занимало повышение правовой грамотности женского населения. Например, созданы секции при делегатских собраниях по правовой защите женщин. Сотрудники секции оказывали юридическую помощь в виде консультирования, составления документов правового характера, пред-

ставления интересов женщин в суде и т. д. [НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 28. Л. 32; НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 202. Л. 22].

Другой формой работы женотделов являлась организация красных уголков, где женщины могли получить юридическую и психологическую помощь. В Тамьян-Тангаурской волости «каждый день по вечерам в красных уголках проводятся громкие читки материалов газет и журналов с последующей беседой по ним, а затем — игры и танцы под курай» [Сулейманова 2014: 154].

Весной 1924 г. при областном женотделе было создано бюро по оказанию правовой помощи. Газета «Власть труда» писала: «Учитывая все громадные задачи, стоящие перед женотделом в деле осуществления действительного равноправия женщин, Женотдел Башобкома организовал к международному дню работницы, бюро юридической помощи... которое должно дать новые знания... для борьбы до окончательного, фактического раскрепощения женщины» [Княжинская 1924: 3]. Позже они были открыты в кантонах республики. Так, в мае 1924 г. бюро было организовано в Зилаирском кантоне. Женщины обращались с целью получить юридическую поддержку. Для распространения правовых знаний среди женщин бюро юридической помощи проводило многочисленные публичные лекции и беседы. Основные вопросы — взыскание алиментов на детей, телесные повреждения и насилие над личностью [НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 24. Л. 102; НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 44. Л. 120; НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 177. Л. 34]. Так, за два года работы сотрудники бюро юридической помощи дали свыше 3 тыс. правовых консультаций в письменной и устной форме. Отдельное внимание уделялось положению башкирской женщины [Сулейманова 2014: 145].

Работавшая в 1920-е гг. в Стерлитамаке, а потом в Уфе юрисконсульт Е. А. Княжинская вспоминала: «Мне запомнилась одна из наших посетительниц Ш. из отдаленной волости Уфимского кантона... Когда-то ее насильно выдали замуж, у нее было двое детей. Когда жизнь в семье стала невыносимой, она приехала в юрбюро... Мы узнали все подробности о жизни Ш. и помогли ей получить развод, обеспечить детей. С тех пор Ш. стала активисткой женотдела» [Женщины Башкирии 1968: 100].

Однако отделения бюро созданы были не везде. Это связано с тем, что не хватало специалистов в этой сфере. В частности, в Архангельской волости Уфимского кантона отмечалось, что «юридическое бюро в волости не имеется... нет работников» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 175. Л. 7об.]. К сожалению, вскоре бюро юридической помощи было упразднено. Тем не менее на протяжении всего периода деятельности оно оказывало помощь женщинам в правовой области.

В эти годы в целях профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере и повышения доверия женщин к правоохранительным органам проводились открытые судебные заседания. Посещая гласные судебные разбирательства, женщины получали правовую информацию, ближе знакомились с деятельностью судов. Между тем уделялось недостаточное внимание этой форме правовой пропаганды среди женщин. Так, в 1928 г. всего в республике было проведено всего 57 открытых судебных заседаний [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 61. Л. 220].

Значительный вклад в дело борьбы за равноправие женщин внесла специальная комиссия по улучшению труда и быта женщин (КУТБ) при БЦИК, которая начала свою деятельность в мае 1927 г. [Сулейманова 2014: 156]. КУТБ уделяла особое внимание кооперативному строительству среди женщин. Была развернута работа по организации сети женских артелей по птицеводству, огородничеству, маслоделию и т. д. Кооперация способствовала улучшению экономической самостоятельности женского населения.

Женщин стали вовлекать в общественно-политическую жизнь. В частности, в 1929 г. доля женщин в составе сельсоветов составляла 26 %, хотя в 1928 г. — 18 %. Если в 1928 г. председателями сельсоветов стали 9 женщин, то в 1929 г. — 114 [Женское движение 2008: 173].

Заключение

Октябрьская революция 1917 г., давшая толчок к проведению преобразований в семейно-брачных отношениях, утвердила новый правовой статус женщины в семье. В семейном законодательстве были определены основные принципы полного равноправия женщины и мужчины в семейно-брачных отношениях. В то же время в сознании части населения, особенно мужской, сохранялись пережитки старых взглядов, не были преодолены до конца имевшиеся трудности и недостатки, препятствовавшие изменению роли и места женщины в семье, повышению ее социального статуса. Сохранявшаяся неграмотность, особенно среди женского населения, не давала возможности решения за кратчайшие сроки такой важнейшей задачи, как улучшение положения женщины в семье, тому наглядным подтверждением является Башкирия. Так, в 1926 г. уровень грамотности среди женщин был в 2 раза ниже, чем среди мужчин. Процент грамотных среди русских женщин составлял 25 %, татарок — 22,5 %, башкирок — 14,4 %, чувашек — 11,9 %, мариек — 5,7 % [Барсов 1929: 220]. Несмотря на сложности, работа по улучшению положения женщин в семье дала положительные результаты.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

Барсов 1929 — Барсов Н. Н. Грамотность основных народностей БАССР // Хозяйство Башкирии. 1929. № 4–5. С. 200–221.
Бильшай 1959 — Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. 264 с.
Гниатуллина 2017 — Гниатуллина Г. Г. Государственная политика в отношении семьи в

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Archive of Socio-Political History.

Башкирии в 1917–1941 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 30 с.
Градскова 2011 — Градскова Ю. В. «Раскрепощение националки» — социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 45–58.

- 10 лет работы 1927 — 10 лет работы партии среди женщин Башкирии. Уфа: Отд. работников и крестьянок Башкобкома ВКП(б), 1927. 183 с.
- Еженедельник 1922 — Еженедельник советской юстиции. М.: НКЮ, 1922. № 11. 16 марта. С. 12.
- Женщины Башкирии 1968 — Женщины Башкирии. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1968. 452 с.
- Женское движение 2008 — Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сб. док. и мат-лов / Р. Н. Сулейманова (отв. ред.), Ш. Н. Исянгулов, Г. Ю. Султангузина. Уфа: Гилем, 2008. 272 с.
- Журавлева, Мирошниченко 2017 — Журавлева В. А., Мирошниченко М. И. Брачное состояние городского населения Урала по материалам переписей 1923 и 1926 гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 68–72.
- Зуева 1925 — Зуева Е. Женщины в Советской России. М.: Госиздат, 1925. 25 с.
- Иванова 1927 — Иванова Е. Горе башкирской женщины // Красная Башкирия. 1927. № 266 (2487). 20 ноября. С. 3.
- Как сотни лет 1927 — Как сотни лет назад // Красная Башкирия. 1927. № 55 (2276). 8 марта. С. 3.
- Княжинская 1924 — Княжинская Бюро юридической помощи женщине при женотделе обкома РКП(б) // Власть труда. 1924. № 57. 8 марта. С. 3.
- Красную свадьбу 1928 — Красную свадьбу считаем открытой // Красная Башкирия. 1928. № 32 (2553). 7 февраля. С. 2.
- Мирошниченко 2015а — Мирошниченко М. И. «Мусульманки интересуются советским законодательством гораздо больше, чем русские крестьянки»: мусульманки Урала и новая жизнь (1920-е годы – первая половина 1930-х годов) // Общество, гендер, история. Мат-лы VIII междунар. науч. конф. Липецк: Гравис, 2015. С. 41–43.
- Мирошниченко 2015б — Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 1. С. 35–42.
- Мужчина 1928 — Мужчина, который женился 18 раз... // Красная Башкирия. 1928. № 115 (2636). 18 мая. С. 4.
- Намиток 1929 — Намиток А. Пережитки родового быта и советский закон. М.; Л.: Госиздат, 1929. 54 с.
- Нафиков 1974 — Нафиков З. З. Социалистическая семья. Вопросы становления и развития (на примере Башкирской АССР). Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1974. 142 с.
- Недолин 1924 — Недолин И. Прорыв в грядущее // Власть труда. 1924. № 259. 14 ноября. С. 5.
- Нухрат 1932 — Нухрат А. И. Октябрь и женщина Востока. М.: Партиздат, 1932. 56 с.
- Стина 1928 — Стина И. А. Башкирка. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. 40 с.
- Сулейманова 1998 — Сулейманова Р. Н. Женщины Башкортостана. Социальный облик (конец 50-х – начало 90-х годов). Уфа: Китап, 1998. 224 с.
- Сулейманова 2008 — Сулейманова Р. Н. Семейная политика РБ: состояние и задачи // Семья и семейные традиции у народов Башкортостана. Мат-лы Межрегиональной науч.-практ. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. С. 118–121.
- Сулейманова 2013 — Сулейманова Р. Н. Башкирская женщина раньше и теперь: традиции и новации в социальном статусе башкирской женщины в XX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Т. 2. Нальчик; М.: КБГУ им. Х. М. Бербекова, 2013. С. 84–86.
- Сулейманова 2014 — Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 336 с.
- Сулейманова, Исянгулов 2020 — Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н. Семья в условиях трансформации традиционного общества. Уфа: Мир печати, 2020. 155 с.
- СУ РСФСР 1942 (1917а) — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Отдел первый. От 29 декабря 1917 г. М.: Управделами СНК СССР, 1942. 1483 с.
- СУ РСФСР 1942 (1917б) — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Отдел первый. От 28 декабря 1917 г. М.: Управделами СНК СССР, 1942. 1483 с.
- СУ РСФСР 1942 (1918) — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Отдел первый. От 22 октября 1918 г. М.: Управделами СНК СССР, 1942. 1483 с.

Постановление ВЦИК 1924 — Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. для автономных республик и областей» [электронный архив] // Акты с 1924 по 1934 гг. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Интернет-архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2208.htm (дата обращения: 11.05.2013).

Постановление ВЦИК 1926 — Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» [электронный архив] // Акты с 1924 по 1934 гг. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Интернет-архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (дата обращения: 11.05.2013).

Постановление ВЦИК 1928 — Постановление ВЦИК от 06.04.1928 «О дополнении Уголовного Кодекса РСФСР главой X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», примечанием 2 статьи 66 Земельного Кодекса РСФСР, примечанием к статье 11 и примечанием 3 к статье 26 Уголовно-Процессуального кодекса РСФСР»

[электронный архив] // Акты с 1924 по 1934 гг. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Интернет-архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3363.htm (дата обращения: 11.05.2013).

Сытник 2006 — Сытник И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале (1918–1930 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 26 с.

Сытник 2010 — Сытник И. Г. Религиозный аспект решения женского вопроса на Южном Урале в 1920–1930 гг. // Государственно-конфессиональные отношения: теория и практика. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2010. С. 311–317.

Хилажева 2010 — Хилажева Г. Ф. Гендерные стереотипы и нормы поведения в современном башкирском обществе // Проблемы востоковедения. 2010. № 1(47). С. 27–32.

Хилажева 2015 — Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 61–65.

References

Barsov N. N. Literacy rates among ethnic groups of the Bashkir ASSR. *Khozyaystvo Bashkirii*. 1929. No. 4–5. Pp. 200–221. (In Russ.)

Bilshay V. L. Solving the Women's Question in the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 264 p. (In Russ.)

Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 16 October 1924 On Changes to the Criminal Code of the R.S.F.S.R. for Autonomous Republics and Oblasts. On: Legislative Acts, 1924 to 1934. Library of Soviet Laws and Regulations. Online archives of Soviet legislation. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2208.htm (accessed: May 11, 2013). (In Russ.)

Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 19 November 1926 On Enforcement of the Code for Marriage, Family and Guardianship. On: Legislative Acts, 1924 to 1934. Library of Soviet Laws and Regulations. Online archives of Soviet legislation. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (accessed: May 11, 2013). (In Russ.)

Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 6 April 1928 On Introduction of Section X to the Criminal Code of the R.S.F.S.R. (Crimes Resulting from Vestiges of Clan System), Note 2 to Article 66 of the Land Code of

the R.S.F.S.R., a Note to Article 11 and Note 3 to Article 26 of the Criminal Procedure Code of the R.S.F.S.R. On: Legislative Acts, 1924 to 1934. Library of Soviet Laws and Regulations. Online archives of Soviet legislation. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3363.htm (accessed: May 11, 2013). (In Russ.)

Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii (The Weekly of Soviet Justice). 1922, March 16. No. 11. P. 12. (In Russ.)

Gniyatullina G. G. State Family Policy in Bashkiria, 1917–1941. Cand. Sc (history) thesis abstract. Yekaterinburg, 2017. 30 p. (In Russ.)

Gradskova Yu. V. 'Emancipation of non-Russian women' — Soviet sociocultural policy towards ethnic minority women: a case study of the Volga-Ural region, 1920s. *The Journal of Social Policy Studies*. 2011. Vol. 9. No. 1. Pp. 45–58. (In Russ.)

Ivanova E. The grief of Bashkir women. *Krasnaya Bashkiriya*. 1927, November 20. No. 266 (2487). P. 3. (In Russ.)

Khilazheva G. F. Domestic violence as a social problem of contemporary society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 8. Pp. 61–65. (In Russ.)

Khilazheva G. F. Gender stereotypes and norms of behavior in modern Bashkir society. *The Problems of Oriental Studies*. 2010. No. 1(47). Pp. 27–32. (In Russ.)

- Khisamitdinova F. G., Suleymanova R. N. et al. (eds.), Isyngulov Sh. N., Sultanguzhina G. Yu. (comps.) *The Women's Movement in Bashkortostan, 1900–1941: Collected Documents and Materials*. Ufa: Gilem, 2008. 272 p. (In Russ.)
- Knyazhinskaya. Women's Department of the RK-P(b) and its Legal Assistance Bureau. *Vlast' truda*. 1924, March 8. No. 57. P. 3. (In Russ.)
- Like hundreds of years ago. *Krasnaya Bashkiriya*. 1927, March 8. No. 55 (2276). P. 3. (In Russ.)
- Man who was married for 18 times... *Krasnaya Bashkiriya*. 1928, May 18. No. 115 (2636). P. 4. (In Russ.)
- Miroshnichenko M. I. 'The interest in Soviet legislation shown by Muslim women is far deeper than that of Russian female peasants': Muslim women of the Urals and the new life, 1920s – mid-1930s. In: *Society, Gender, History. Conference proceedings*. Lipetsk: Gravis, 2015. Pp. 41–43. (In Russ.)
- Miroshnichenko M. I. Contents of the first Soviet gender patterns in 1920-s. *Bulletin of the South Ural State University. Series 'Social Sciences and the Humanities'*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 35–42. (In Russ.)
- Nafikov Z. Z. *Socialist Family, Issues of Formation and Development: A Case Study of the Bashkir ASSR*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1974. P. 142. (In Russ.)
- Namitokov A. *Vestiges of Clan System and Soviet Law*. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1929. 54 p. (In Russ.)
- Nedolin I. Breakthrough into future. *Vlast' truda*. 1924, November 14. No. 259. P. 5. (In Russ.)
- Nukhrat A. I. *The October Revolution and Oriental Woman*. Moscow: Partizdat, 1932. 56 p. (In Russ.)
- Red wedding considered open. *Krasnaya Bashkiriya*. 1928, February 7. No. 32 (2553). P. 2. (In Russ.)
- Stina I. A. *Bashkir Woman*. Moscow: Okhrana Materinstva i Mladenchestva, 1928. 40 p. (In Russ.)
- Suleimanova R. N. Bashkir woman in past and present: traditions and innovations in social status throughout the 20th century. In: *Russian Gender History from the 'South' towards the 'West': How the Past Predetermines the Present. Conference proceedings*. Vol. 2. Nalchik; Moscow: Berbekov Kabardino-Balkarian State University, 2013. Pp. 84–86. (In Russ.)
- Suleimanova R. N. Family policy in the Republic of Bashkortostan: current state and objectives. In: *Family and Family Traditions among Peoples of Bashkortostan. Conference proceedings*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ural Research Centre of RAS), 2008. Pp. 118–121. (In Russ.)
- Suleimanova R. N. Women in Sociopolitical Life of 20th-Century Bashkiria: Social Activity Patterns and Dynamics of Sociopolitical Status. Ufa: Gilem, Bashkirskaya Entsiklopediya, 2014. 336 p. (In Russ.)
- Suleimanova R. N. Women of Bashkortostan: Social Appearances, Late 1950s – Early 1990s. Ufa: Kitap, 1998. 224 p. (In Russ.)
- Suleimanova R. N., Isyngulov Sh. N. Family in the Context of Transformed Traditional Society. Ufa: Mir Pechati, 2020. 155 p. (In Russ.)
- Sytnik I. G. Solving the women's question in the Southern Urals, 1920s–1930s: religious aspect revisited. In: *State and Confessional Relations in Theory and Practice. Conference proceedings*. Orenburg: Pressa, 2010. Pp. 311–317. (In Russ.)
- Sytnik I. G. The Women's Question in State Policies and Its Solution in the Southern Urals, 1918–1930s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Orenburg, 2006. 26 p. (In Russ.)
- Ten Years of the Party's Work among Bashkiria's Women. Ufa: Department of Female Workers and Peasants (VKP(b) Bashkiria Regional Committee), 1927. 183 p. (In Russ.)
- Women of Bashkiria. Ufa: Bashkir Book Publ., 1968. 452 p. (In Russ.)
- Workers and Peasants Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: Collected Laws and Decrees. December 29, 1917. Part One. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union (Executive Office), 1942. 1483 p. (In Russ.)
- Workers and Peasants Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: Collected Laws and Decrees. December 28, 1917. Part One. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union (Executive Office), 1942. 1483 p. (In Russ.)
- Workers and Peasants Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: Collected Laws and Decrees. October 22, 1918. Part One. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union (Executive Office), 1942. 1483 p. (In Russ.)
- Zhuravleva V. A., Miroshnichenko M. I. Marital status of the urban population of the Ural according to the 1923 and 1926 censuses data. *Ural Historical Journal*. 2017. No. 4(57). Pp. 68–72. (In Russ.)
- Zueva E. *Women in Soviet Russia*. Moscow: Gosizdat, 1925. 25 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 469–478, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-469-478

Крымский период жизни Басана Городовикова

Владимир Евгеньевич Поляков¹

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (д. 8, пер. Учебный, 295018 Симферополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории

 0000-0003-1420-6459. E-mail: turahu@inbox.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Поляков В. Е., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена малоизученному, но очень яркому и насыщенному драматическими событиями крымскому периоду жизни крупного военного и политического деятеля Калмыкии, Героя Советского Союза Басана Бадьминовича Городовикова с августа 1941 г. по июнь 1942 г. *Цель* — описать и проанализировать крымский период в биографии Б. Б. Городовикова. *Материалы и методы.* В ходе исследования автор использовал широкий круг архивных материалов, а также мемуары участников партизанского движения в Крыму (в том числе неопубликованные). *Результаты.* Автор в ходе исследования описал участие полка Басана Городовикова в первых боях на севере Крыма, его отступление в горы и переход к партизанам, создание партизанского отряда и его действия в тылу врага. Активная деятельность отряда Б. Б. Городовикова показана на фоне объективной картины организации партизанского движения в Крыму. В статье раскрывается специфичность условий борьбы на полуострове. Прослежена роль военнослужащих, особенно на первом этапе партизанской борьбы, показаны сложности взаимоотношений командного состава 48-й кавдивизии и руководства партизанским движением в Крыму. Впервые документально освещена история награждения Б. Б. Городовикова орденом Красного Знамени, что явилось первым награждением крымских партизан. Детально отслежена драматическая история его эвакуации из партизанского леса на «Большую землю». Ряд неизвестных ранее документов и материалов введен в научный оборот впервые. Полученные результаты позволили прийти к *выводу*, что крымский период жизни Басана Городовикова был одним из самых драматичных в его жизни. В трудный для Крыма период он стал командиром одного из самых успешных партизанских отрядов, который после его эвакуации официально стал носить имя первого командира. Примечательно, что Басан Городовиков в числе первых крымских партизан был награжден боевым орденом, повышен в звании и в должности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, Крым, Калмыкия, партизаны, Басан Городовиков, Мокроусов, крымские татары

Для цитирования: Поляков В. Е. Крымский период жизни Басана Городовикова // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 469–478. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-469-478

The Crimean Period in the Life of Basan Gorodovikov

Vladimir E. Polyakov¹

¹ Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8 Uchebnyi alley, 295018 Simferopol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor

 0000-0003-1420-6459. E-mail: turahu@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Polyakov V. E., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with the Crimean period (August 1941 – June 1942) in the life of Basan Badminovich Gorodovikov, Hero of the Soviet Union and a major military and political figure of Kalmykia. The present article *aims at* describing and analyzing this less-known period of his biography, which was significant and full of dramatic events. *Data and research methods.* For the purposes of this research, the author has used a wide range of archival materials, as well as memoirs of participants of the partisan movement in the Crimea (including unpublished papers). *Results.* The author describes the first battles in the north of the Crimea in which Gorodovikov's regiment was engaged; then, its retreat into the mountains and transition to partisans, the creation of a partisan detachment and the actions behind enemy lines. The activities of Gorodovikov's detachment are shown against the general background of the partisan movement in the Crimea; special attention given to the discussion of warfare under the specific conditions on the peninsula. The article focuses on the role of the military personnel, especially at the first stage of the partisan movement, revealing, among other things, the problems in the relationship between the command staff of the 48th cavalry division and the partisan leaders in the Crimea. For the first time, the article sheds light on the history of awarding Gorodovikov with the Order of the Red Banner, which was the first award of the Crimean partisans. The dramatic story of his evacuation from the partisan forest to the “Bol'shaia zemlia” is also documented in detail; with previously unknown documents and materials introduced in this paper. The undertaken research allows to *conclude* that the Crimean period in the life of Gorodovikov was one of the most dramatic in his biography. During a difficult period for the Crimea, he became the commander of one of the most successful partisan detachments, which after he left was officially named after him, its first commander. Notably, Gorodovikov was among the first Crimean partisans to be awarded a military order and to get a promotion in rank and in office.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army, Crimea, Kalmykia, partisans, Basan Gorodovikov, Mokrousov, Crimean Tatars

For citation: Polyakov V. E. The Crimean Period in the Life of Basan Gorodovikov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 469–478. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-469-478

Введение

В яркой и насыщенной биографии крупного военного и политического деятеля Калмыкии, Героя Советского Союза Басана Бадминовича Городовикова период его пребывания в Крыму с августа 1941 г. по июнь 1942 г. является одним из самых драматичных. К сожалению, эта часть в его биографии относится к одному из самых крупных «белых пятен», а имеющаяся историография по данному вопросу насыщена разного рода мифами и только запутывает

читателя [Городовиков 1960; Шамко 1976; и др.].

Материалы и методы

Данная статья основана на широком круге документальных материалов, выявленных в Государственном архиве Республики Крым, а также мемуаров участников партизанского движения. В ходе работы использовался широкий спектр исследовательских методов — как общенаучных (объективность, синтез, историзм), так и

специальных исторических (историко-генеалогический, историко-сравнительный, историко-системный). Например, при изучении действий крымских партизан сведения из архивных документов сопоставлялись с воспоминаниями участников событий, что позволило выявить ряд неточностей в описании истории тех событий.

В Крымских горах В обороне Крыма

В начале войны 30-летний Басан Бадминович Городовиков, только что закончивший Военно-воздушную академию командного и штабного состава, был произведен в подполковники и вернулся в родной род войск — кавалерию. Он был назначен командиром вновь сформированного 71-го кавалерийского полка (далее — кп) 48-й кавалерийской дивизии (далее — кд), которую в августе 1941 г. передислоцировали в Крым. Здесь для защиты полуострова формировалась 51-я Отдельная армия, в которую вошли: 106, 156, 172, 184, 271, 276, 320, 321-я стрелковые дивизии (далее — сд), 40, 42 и 48-я кд. Фактически 4 стрелковые дивизии из 8 являлись ополчением, причем частично даже не имели вооружения; 2 стрелковые дивизии и 3 кавалерийские дивизии были только сформированы [Басов 1987: 34, 37–38; Исаев и др. 2016: 5, 8].

К сожалению, Ставка Верховного Главнокомандующего и командующий 51-й армии генерал-полковник Ф. И. Кузнецов по неизвестным нам причинам опасались угрозы высадки в Крыму воздушного или морского десанта, для которых на тот момент вермахт не имел реальных возможностей. Вместо того чтобы усилить наиболее реальное для прорыва в Крым перекопское направление, они разместили имеющиеся дивизии по всему периметру Крыма. 48-я кд под руководством генерал-майора Д. И. Аверкина находилась в центре полуострова, являясь резервом командующего.

24 сентября противник начал штурм Перекопского перешейка, который защищала только 156-я сд, но лишь 30 сентября из Москвы поступил приказ: «все силы — на крымские перешейки». Батов с горечью писал в своих мемуарах: «Если бы эти слова были сказаны месяц назад» [Батов 1984: 90]. Тогда же в его воспоминаниях впервые упоминается 48-я кд, которая занималась подготовкой противотанковых препятствий вдоль русла реки Чатырлык. В чис-

ле ее офицеров он назвал и подполковника Б. Б. Городовикова, взвод из полка которого успешно провел разведку позиций противника [Батов 1984: 98].

18 октября 11-я армия Э. фон Манштейна начала новое наступление на Перекопском перешейке. Комиссар 48-й кд Е. А. Попов впоследствии вспоминал, что соединение вступило в бой в пешем строю 19 октября под Ишунью и вскоре потеряло почти половину состава из 2 900 человек [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 17. Л. 32].

Сам Басан Городовиков в своем письме к дяде — генерал-инспектору кавалерии Красной армии О. И. Городовикову об этих боях вспоминал так: «Впервые полк (71) вступил в бой с врагом 19 октября 1941 года в самый критический период, когда враг захватил Перекоп, Армянск, Ишунь. Полк сражался героически, выдержал 8 дневных атак с танками и 4 ночных... Полк удерживал противника в течение 9 дней. Я сам был три раза ранен, мне было предложено уйти. Я оставался до тех пор, пока не было приказано всей 48 кд отойти, и 29 октября наша дивизия отошла. Надо сказать, 48 кд дралась так, что если бы все так дрались, Крым бы мы никогда не отдали» (цит. по: [Балакаев 1995: 17]).

На помощь 51-й армии была переброшена Приморская армия, эвакуированная из Одессы. Однако 28 октября Манштейн прорвал фронт [Исаев и др. 2016: 27].

Немецкие войска устремились к Керчи и Севастополю. Когда катастрофа оборонявших Крым войск стала свершившимся фактом, остатки 156, 271 и 157-й сд начали отступать к Керчи. Туда же со второстепенных участков отходили 106-я, 276-я и 320-я сд. Прибывшая из Одессы Приморская армия и влившиеся в нее 172-я сд, 40-я и 42-я кд стали отходить на Севастополь. Остальные дивизии (421-я сд из Одессы, 184-я сд и 48-я кд) отступили к горным перевалам, по направлению к Алуште. Там якобы их ждали специально направленные суда. Однако никаких кораблей в порту не оказалось. Эти соединения почти трое суток отражали атаки противника, но затем были вынуждены пойти на прорыв из образовавшейся ловушки. Положение окруженных серьезно затрудняли ухудшившиеся погодные условия: с 5 ноября в Крыму начались снегопады и морозы.

Остатки 48-й кд попытались прорваться в сторону Судак для того, чтобы затем уйти

на Керчь, но успеха не достигли и были вынуждены уйти в горы. Во время перехода пропал начдив — генерал Д. И. Аверкин. Как выяснилось впоследствии, он, не поставив в известность своего начальника штаба М. Т. Лобова, с небольшой группой бойцов и командиров пошел в сторону Севастополя. Не зная, что случилось с начдивом, его сутки разыскивали, а затем кавалеристы стали пробиваться в Карасубазарские леса, где только 10 ноября они встретились с партизанами 2-го района [Партизанское движение 2006: 181].

У истоков формирования партизанского движения Крыма

Следует пояснить, что организация партизанского движения в Крыму имела свою специфику. Поскольку считалось, что Крым оккупирован не будет, его организацией здесь первоначально не занимались. Только 22 октября, когда катастрофа на Перекопе стала очевидной, были назначены руководители партизанского движения Крыма: командующим — А. В. Мокроусов (командующий истребительными батальонами Крыма), комиссаром — С. В. Мартынов (1-й секретарь Симферопольского горкома ВКП(б)). 23 октября приступили к созданию партизанских отрядов. Между тем до вступления немецко-румынских войск в Симферополь оставалась неделя.

При этом партизанские отряды стали формировать не на базе населения горно-лесной местности, а из партийно-советского актива всего Крыма, включая степные районы. Весь горно-лесной массив Крыма был условно разбит на пять районов. В Карасубазарских лесах развернулся 2-й партизанский район (командир — И. Г. Геннов), в который входили Биюк-Онларский, Джанкойский, Зуйский, Ичкинский, Карасубазарский, Колайский и Сейтлерский партизанские отряды, созданные на базе партийно-советского актива одноименных районов. Предполагалось, что партизанская эпопея продлится не более трех месяцев, потому в лес шли с женами и даже с детьми. В результате этого среди партизан района оказалось 208 женщин и даже 8 детей [Геннов 1983: 58].

Вместо того чтобы укрепить свои семь отрядов прибывшими опытными военно-служащими, И. Г. Геннов сформировал из них три самостоятельных так называемых красноармейских отряда по 100–120 чело-

век в каждом [Партизанское движение 2006: 84]. Комиссар 48-й кд Е. А. Попов был назначен комиссаром района. Подполковник Б. Б. Городовиков возглавил 1-й Красноармейский отряд, созданный из остатков его полка. Этот отряд сразу начал проводить боевые операции: 10 ноября участвовал в бою под Молбаем, 13 ноября — в налете на Верхний Кокасан, 14 ноября — в налете на Нижний Кокасан [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 270].

Вскоре от стихийно сложившихся названий отказались, и все крымские отряды официально получили единую нумерацию. 1-й Красноармейский отряд стал называться 15-м партизанским. Следует заметить, что красноармейские отряды, в отличие от местных, не имели запасов продовольствия, а делиться с ними никто не стал. Мало того, ряд имеющихся продовольственных баз оказался захвачен противником, в результате чего в некоторых отрядах начался голод. К тому же суровая зима наступила очень рано. Поэтому красноармейские отряды были вынуждены вести активные действия и добывать запасы в окрестных селах [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 17. Л. 32].

В приказе № 21 командующий партизанским движением Крыма отмечал, что «многие отряды, потерявшие свои продбазы, находятся в условиях полуголодного существования, несмотря на то, что продукты этих отрядов разграбили местные жители, у которых можно легко изъять эти продукты и жить сытной жизнью. Однако некоторые начальники р[айо]нов не делают этого, боясь заходить в деревню, хотя в этих деревнях нет противника и вооруженных банд. Примером этой болезни боязни может служить начальник 5-го района т. Красников и некоторые отряды 3 и 4 районов. Наряду с этим мы имеем много случаев проявления подлинных партизанских действий. Так, например, командир отряда 3-го р[айо]на т. Городовиков не имел баз, но он сумел отобрать у жителей награбленное на базах других отрядов и теперь обеспечен продовольствием; командир Ичкинского отряда т. Чуб потерял свои базы и теперь так же, как и т. Городовиков, отобрал награбленное и живет великолепно. Т.т. Городовиков и Чуб не только отобрали у жителей наши продукты, а выбили из нескольких деревень вооруженные отряды и теперь живут в населенных пунктах, пользуясь поддержкой жителей» [Партизанское движение 2006: 42–43].

Отряд Б. Б. Городовикова в течение двух с половиной месяцев располагался в селах Айлярма, Чермалык, Бешуй [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 17. Л. 34]. Первые попытки выбить партизан силами отрядов самообороны из сел успеха не имели. 18 декабря отряд Б. Б. Городовикова в бою уничтожил 12 «карателей» [Партизанское движение 2006: 38]. 20 декабря Айлярма была атакована отрядом румын. После захвата села каратели расстреляли 18 местных жителей за связь с партизанами [Книга Памяти 1995: 140].

Достаточно активно действовали и другие красноармейские отряды, например, отряд капитана И. Г. Куракова, который занял с. Сартана. Спустя много месяцев после этого новый командующий партизанским движением Крыма, анализируя эти события, подчеркнул, что «Благодаря этому 2-й район получил дополнительные продукты, в частности в большом количестве было получено картофеля. Можно сказать, что 2-й район в этот период примерно до апреля был обеспечен продовольствием» [Партизанское движение 2006: 157]. При этом 1-й район, который таких акций не проводил, уже к 15 февраля «лишился своих баз и перешел на иждивение 2-го района» [Партизанское движение 2006: 157]. Об активности красноармейских отрядов писал и И. Г. Генов в донесении от 20 февраля 1942 г.: «Отряды 15, 17, 18 сумели пополнить свои продбазы за счет враждебного населения» [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 13. Л. 33].

Фраза «враждебное население» требует пояснения. Дело в том, что систематические набеги партизан на близлежащие села, сопровождавшиеся насильственным изъятием скота, продуктов питания, вызвали конфликт с партийно-советским активом других отрядов, многие из которых были жителями этих районов. Командующий партизанским движением А. В. Мокроусов в данном конфликте поддержал «военных», поскольку оценивал эти действия как боевую активность, в то время как другие отряды, у которых еще было продовольствие, по его мнению, «только отсиживались в лесу». Конфликт с местным населением был умело использован оккупантами. В горных селах разрешили создавать отряды самообороны и носить стрелковое оружие в пределах своего села. В ряде сел компактно проживали

болгары, греки, татары, значительная часть которых не владела русским языком. Все это создало стену недопонимания, недоверия, а затем и открытой враждебности между партизанами и населением. Не разбираясь в национальной мозаике полуострова, «военные» всех жителей горного Крыма считали «татарами», что и породило миф о массовом предательстве крымских татар. В какой-то степени эта версия была удобной и партизанскому руководству, которое теперь могло заявить, что против партизан выступает не всё население горного Крыма, а лишь только татары. Понимая несправедливость таких «продовольственных операций», партизаны в отчетах стали использовать выражения типа «забрали корову у брата старосты» [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 414. Л. 32].

Первые месяцы немецко-румынские войска были прикованы к осажденному Севастополю, поэтому партизаны чувствовали себя относительно безопасно. С началом Керченско-Феодосийской десантной операции партизаны через армейских разведчиков установили радиосвязь с командованием фронта и начали проводить акции в интересах Крымского фронта. Уже 29 декабря партизанские отряды № 10 и 15 в ходе налета на вражескую колонну уничтожили 3 грузовых автомашины и 64 человека, большинство из которых оказались офицерами. По предположению И. Г. Генова и Е. А. Попова, эта колонна была каким-то штабом жандармерии или гестапо, бегущим из Феодосии, занятой советским десантом [Партизанское движение 2006: 38]. 3 января 1942 г. отряд № 15 произвел налет на с. Капырликой, 7 января — устроил засаду на дороге Карасу – Феодосия, 19–20 января — на дороге Судак – Суук-Су. Одновременно партизаны Б. Б. Городовикова активно вели разведку в интересах Крымского фронта, уничтожали линии связи. Только по данным на 1 февраля, «городовиковцы» в ходе 23 акций вырезали 3 200 метров кабеля [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 271].

20 февраля 1942 г. 5 отрядов 2-го района (Джанкойский, Карасубазарский, Ичкинский и красноармейские — Б. Б. Городовикова и И. Г. Куракова) при поддержке авиации Крымского фронта отразили атаку карательных отрядов противника в районе гор Аю-Кая и Берлюк.

Конфликт

В конце января 1942 г. в Карасубазарские леса прорвались остатки Судакского десанта под командованием майора Н. Г. Селихова. На их базе были сформированы 1-й и 4-й Красноармейские отряды. Руководство Крымским фронтом, установив с ними связь, стало сбрасывать на парашютах продовольствие, которое предназначалось только для «селиховцев». Подобная нелепица была обусловлена тем, что командование фронта имело право отпускать продовольствие находящимся в окружении своим частям, но партизанам, подчинявшимся другой инстанции, передавать его было нельзя. Если раньше «местные» отказывали «военным» в передаче продуктов питания, то теперь сложилась противоположная ситуация: продуктами снабжали только «военных». Конфликт между «военными» и «местными» обострился еще больше, но приобрел новый вектор. Если раньше А. В. Мокроусов был на стороне «военных», то теперь стал выступать против них. Однако с установлением радиосвязи «военные» получили мощную поддержку от командования Крымского фронта. Был отстранен от своей должности командир 2-го района И. Г. Генов, которого сменил майор Н. Г. Селихов — командир 226-го горнострелкового полка из Судакского десанта.

Конфликт обострился до предела, когда А. В. Мокроусов расстрелял командира партизанского отряда капитана Алдарова. Комиссар 2-го района Е. А. Попов (бывший комиссар 48-й кд) в одном из своих докладов охарактеризовал А. В. Мокроусова, как «выжившего из ума старика», а в другом докладе подчеркивал: «Мокроусов вместо того, чтобы целиком опереться на знания, умения и силы военных, создал условия бойкота руководящего состава воинских частей. Мокроусов и Мартынов считают, что военные, пришедшие в лес, уже не военные и в связи с этим запрещалось бойцам и командирам говорить о своих частях. Мокроусов ненавидит командиров из 48 кд за их сплоченность. Неоднократно Мокроусов в пьяном виде, в присутствии многих кричал: „Эти паршивые полковники“, „паршивой 48-й дивизии“... Желая разобщить командный состав дивизии, он распорядился отправить отряд Городовикова в Бахчисарайские леса на голодную смерть, и только Ваше вмешательство помешало этому» [ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 34, 93, 94].

Несмотря на конфликт в руководстве, партизанские отряды продолжали свои акции против оккупантов. 11 марта отряд Б. Б. Городовикова произвел налет на д. Орталан, а 14 марта отразил вражескую атаку на Айлянму, записав на свой счет 85 солдат противника. Кроме того, 15-й отряд осуществлял походы в район партизанских аэродромов для получения грузов для военных. Всего к концу марта отряд Б. Б. Городовикова уничтожил 247 чел. и 10 автомашин, в ходе 27 акций вырезал 3 750 м кабеля, взорвал мост [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 272].

Следует заметить, что Басан Городовиков обладал не только хорошими командными качествами, но имел и отличную индивидуальную подготовку, был снайпером. Бывший танкист 48-й кд и пулеметчик 15-го отряда Э. М. Грабовецкий вспоминал, что однажды в Карасубазарских лесах во время перехода к горе Средней отряд Б. Б. Городовикова попал в засаду. «Каратели» начали наступать на залегших партизан, но «вот тут и выручили нас его верный глаз и руки. За несколько минут он снял один за другим шесть фашистов. Этого было достаточно, чтобы они бежали» (цит. по: [Балакаев 1995: 15]).

Заслуги Басана Городовикова были по достоинству оценены командованием. 7 апреля 1942 г. командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов приказом № 0463 наградил 3 партизан из числа «военных» орденом Красного Знамени и 4 — орденом Красной Звезды [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 608. Л. 156]. Первым в этом списке значился Б. Б. Городовиков. Впрочем, он об этом даже не знал, как и о складе в руководстве партизанским движением Крыма, начавшейся по вопросу награждений.

Еще в феврале 1942 г. с установлением воздушного моста, из привезенных газет в Крыму узнали о щедром награждении партизан Керчи (зимой 1941 г. заблокированных в каменоломнях), явно несоответствующем их подлинной деятельности. На этом фоне «лесные» крымские партизаны, которые за три месяца оккупации провели десятки реальных боев с противником, выглядели куда более предпочтительно. Командующий партизанским движением А. В. Мокроусов послал представление на награждение 67 партизан, наиболее отличившихся на его взгляд. «Военные», которых в этом списке

не оказалось, послали свое представление. Крымский обком ВКП(б) в лице его первого секретаря В. С. Булатова принял сторону А. В. Мокроусова, командование Крымского фронта — сторону «военных».

Началась война компроматов: «На Ваше письмо от 5.03.42 о представлении к ордену Ленина командира партизанского движения Крыма полковника Лобова Михаила Тихоновича и комиссара партизанского движения полкового комиссара Попова Ефима Абрамовича сообщая: С первых дней прибытия в район действий партизанских отрядов Лобов и Попов начали противопоставлять себя командованию, внося раздор между военными и гражданскими товарищами. С этой целью группировали вокруг себя командиров частей РККА, попавших в партизаны из вражеского окружения и вообще недовольных, обиженных, снятых с командных постов за те или иные поступки.

Затеянная склока Поповым и Лобовым привела к обострению до крайности взаимоотношений между командирами и отразилась на боевой деятельности партизанских отрядов в тот период.

Лобов и Попов за время пребывания в партизанах в боевых делах ничем себя не проявили, больше того, Лобов систематически пьянствовал.

Категорически возражаю и прошу Вас к награде их не представлять.

Уполномоченный штаба в/ч 00125 Булатов» [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 199. Л. 101].

В результате этого вопрос о награждении М. Т. Лобова, Е. А. Попова и некоторых «военных», так же как А. В. Мокроусова и его протеже, «завис в воздухе». Лишь семеро крымских партизан из числа «военных» были награждены вышеупомянутым приказом командования Крымского фронта.

21 апреля 1942 г. было создано Главное командование Северо-Кавказского направления, которое возглавил маршал С. М. Буденный. Первоначально главком решил отложить вопрос о награждениях до окончательного освобождения Крыма. После поражения немецких войск под Москвой, Ростовом и Тихвином, первоначального успеха Керченско-Феодосийской десантной операции освобождение Крыма казалось вопросом ближайшего будущего. Однако в мае 1942 г. 11-я армия Э. фон Манштейна разгромила Крымский фронт, сбросив его остатки в море. Командующий партизан-

ским движением А. В. Мокроусов, наряду с руководством Крымского фронта, был отнесен к виновникам этого поражения. 19 мая 1942 г. Главное командование Северо-Кавказского направления было упразднено, а на базе его управления сформировали управление Северо-Кавказского фронта.

По мере того как маршал вникал в положение дел в Крыму, его отношение к А. В. Мокроусову стало заметно ухудшаться, в итоге в конфликте в руководстве партизанского движения Крыма главком принял сторону «военных». Например, в докладной И. В. Сталину маршал С. М. Буденный и адмирал И. С. Исаков писали: «Неприязнь Мокроусова к военным товарищам дошла до того, что он начал буквально третировать и издеваться над такими командирами, как полковник Лобов, назначенный начальником главного штаба партизан, полковым комиссаром Поповым, которого Мокроусов после назначения его военкомом 2-го партизанского района арестовал; полковника Городовикова, который своей храбростью и смелыми боевыми операциями в тылу противника снискал себе всеобщее уважение и любовь всех партизан» [ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 17. Л. 15]. На постановлении бюро Крымского обкома ВКП(б) за подписью В. С. Булатова от 15 июля 1942 г. по отчету о деятельности партизанских отрядов Крыма с ноября 1941 г. С. М. Буденный начертал такую резолюцию: «Все это выдуманная ложь, так как партизан Крыма не было и нет, есть остатки воинских частей, которые действуют партизанскими методами. Мокроусов и обком (Булатов) принимают все меры, чтобы разложить эти остатки воинских частей» [Партизанское движение 2006: 95].

В июле 1942 г. маршал С. М. Буденный добился отзыва командующего А. В. Мокроусова и комиссара С. В. Мартынова на «большую землю» и назначил на их место полковника М. Т. Лобова (бывшего начальника штаба 48-й кд) и находившегося в оппозиции к А. В. Мокроусову секретаря Зуйского райкома партии, комиссара Зуйского отряда Лугового. Таким образом, вся власть в партизанском Крыму сосредоточилась в руках «военных».

Следует подчеркнуть, что Б. Б. Городовиков не участвовал в этих склоках. И в рапортах «военных» (фактически его сослуживцев по 48-й кд), и в рапортах «местных» во главе с Булатовым его отряд неизмен-

но перечислялся в числе лучших. Неудивительно, что Басан Городовиков в числе первых был награжден орденом Красного Знамени. 26 апреля ему присвоили звание полковника, а 27 апреля — назначили командиром 1-го партизанского района (Старо-Крымские леса). Согласно документам, Б. Б. Городовиков руководил этим районом до 30 мая, но фактически это назначение осталось «на бумаге»: в Старо-Крымских лесах он никогда не был.

Эвакуация

Разгром Крымского фронта привел к серьезным переменам в судьбе Б. Б. Городовикова. Дело в том, что он являлся родственником крупного советского военачальника — генерал-инспектора кавалерии Красной армии Оки Городовикова. После пленения Якова Джугашвили, факт которого активно использовался в нацистской пропаганде, угроза захвата в плен (в отличие от гибели в бою) родственников высокопоставленных лиц государства стала серьезным политическим вопросом. Весной 1942 г., когда перспективы освобождения Крыма казались весьма близкими, вероятность возможного пленения Б. Б. Городовикова была низкой. Однако после разгрома Крымского фронта этот вопрос заметно актуализировался. Следует заметить, что маршал С. М. Буденный был одностаничником О. И. Городовикова, с которым служил и дружил еще со времен Гражданской войны. Поэтому в начале июня 1942 г. командование Северо-Кавказского фронта было принято решение об эвакуации Б. Б. Городовикова на «большую землю».

Для эвакуации маршал приказал выбрать лучшего летчика из числа летавших ранее к крымским партизанам. Командующий 4-й воздушной армией генерал-майор К. А. Вершинин выбрал для этой операции летчика 764-го ночного бомбардировочного авиаполка лейтенанта И. И. Молчанова, который до этого летал с Керченского полуострова к партизанам и чудом вышел из окружения. Маршал С. М. Буденный лично поставил задачу молодому летчику.

И. И. Молчанову на выбор предоставили два самолета С-1 (санитарная версия У-2), но у обоих аэропланов оказались очень слабые моторы. Раньше он летал к партизанам с Керченского полуострова, но теперь предстояло лететь через море с Кубани, что для С-1 было весьма сложной задачей. Однако

приказ надо было выполнять, несмотря ни на что. По радиации партизанам дали указание о подготовке сигнальных костров. После начала вылета И. И. Молчанов у мыса Чауда почувствовал в кабине запах бензина и повернул обратно. На аэродроме в станице Славянской техники обнаружили трещину в трубке бензопровода: самолет только чудом не загорелся в воздухе. Тем не менее командарм К. А. Вершинин, отругав за невыполненное задание, приказал пилоту вылетать вновь. Не отдохнув, И. И. Молчанов вновь взял курс на Крым. На высоте 1 500 м он вышел к маяку на мысе Меганом, но при приближении к хребту самолет стремительно потянуло вниз, на высоту около 1 000 м, что было заметно ниже горных вершин. И. И. Молчанов еще два раза пытался пересечь хребет в других местах, но самолет, словно магнитом, тянуло вниз. Короткая июньская ночь заканчивалась, пришлось возвращаться в Славянскую.

Командарм был весьма раздражен невыполнением задания и еще сильнее отругал молодого пилота. На следующую ночь И. И. Молчанов взял другой С-1. После долгого полета над морем пилот вдруг обнаружил, что компас неисправен, а когда приземлился, то оказался в Майкопе. Во время вылета в третью ночь в полете почувствовал себя очень плохо и повернул назад. Врач, услышав жалобы летчика на «огоньки перед глазами», отправил его отсыпаться.

Наутро из Краснодара пригнали капитально отремонтированный С-2 с более мощным мотором. Благодаря этому вылет в ночь на 15 июня наконец оказался успешным. И. И. Молчанов смог перевалить через горы, заметил сигнальные костры на Орта-Сырте и посадил машину на партизанском аэродроме. Летчика узнали, стали радостно «качать». Партизаны уже хотели приступить к погрузке раненых, но И. И. Молчанов твердо заявил, что имеет приказ вывезти в первую очередь Б. Б. Городовикова. Поскольку командир отряда был в лагере в нескольких километрах от аэродрома, то пришлось за ним послать гонца. Через некоторое время Басан Городовиков пришел в сопровождении двух партизан, которые помогали ему идти [Емельяненко 1998: 196].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В течение нескольких лет автор вел и ведет прием граждан из числа крымских татар, которые приносят доку-

менты своих отцов, дедов — участников Великой Отечественной войны. Среди них была Эмине Велишаева — дочь Сеит-Али Велишаева. До войны он был членом бюро обкома комсомола, возглавлял пионерскую организацию Крыма. В 1941 г. Сеит-Али служил в полку Б. Б. Городовикова политруком, а в партизанском отряде был рядовым бойцом, кстати, единственным из числа крымских татар. Оказалось, что именно он вместе с Василием Олейниковым сопровождал, фактически нес обессиленного от голода Б. Б. Городовикова из лагеря к аэродрому.

После освобождения Крыма С.-А. Велишаев разделил судьбу своего народа, был депортирован в Узбекистан, не смог восстановиться в партии, так как в партизанских скитаниях потерял партийный билет. По прошествии лет он узнал из газет, что его командир отряда стал «большим человеком»: Герой Советского Союза, генерал, первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС. Сеит-Али написал ему письмо, где напомнил о своей службе, о том, как с В. Олейниковым нес Б. Б. Городовикова на аэродром, и попросил рекомендацию для восстановления в партии. Первый секретарь тут же ответил теплым дружеским письмом, в самых лучших словах отозвался о боевом прошлом С.-А. Велишаева и прислал официально заверенную рекомендацию на восстановление в партии. Вторую рекомендацию прислал бывший командир отряда Куликовский, который к тому времени был начальником милиции в Феодосии и хорошо помнил своего товарища по партизанскому прошлому. Благодаря таким рекомендациям С.-А. Велишаева восстановили в партии и выбрали должность, соответствующую его опыту. Б. Б. Городовиков и С.-А. Велишаев до конца своих дней поздравляли друг друга с праздниками, обменивались короткими письмами, в которых Б. Б. Городовиков по-стариковски сетовал на плохое здоровье, врачей, которые ничего не понимают. В их письмах совершенно не чувствовалась разделявшая их социальная пропасть. Это была переписка двух боевых товарищей [ЛАА].

Вернемся в 1942 год. По прилете в станцию Славянская И. И. Молчанов позвонил в штаб воздушной армии, доложил о выполненном задании и получил приказ лететь в Краснодар. Там их встретил инженер-полковник Руденко, который усадил обоих в легковой «ЗИС-101» и сказал летчику:

«Тебе вместе с Городовиковым будут орден на вручать... А то ведь над тобой, брат, уже трибунал висел» [Емельяненко 1998: 197].

Отряд, которым до своего отлета на «большую землю» командовал Басан Городовиков, официально стал носить его имя. 24 октября 1942 г. был издан приказ № 018 командующего Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И. Е. Петрова о награждении 288 крымских партизан: 6 — орденами Ленина, 112 — Красного Знамени, 109 — Красной Звезды, 29 — медалью «За отвагу», 25 — медалью «За боевые заслуги», 25 — «Партизану Отечественной войны» 1-й степ. [Поляков 2009: 106–110]. Среди них было 20 бойцов и командиров из отряда имени Б. Б. Городовикова: 7 чел. получили орден Красного Знамени, 8 — орден Красной Звезды, 4 — медаль «За отвагу», 1 — медаль «За боевые заслуги» [Брошеван 2001: 47].

Заключение

Крымский период был самым драматичным в жизни Басана Городовикова. Здесь он пережил отступление, бои в окружении, голод, стал невольным участником конфликта «военных» и партийно-советской элиты в партизанском движении Крыма.

Поскольку историю пишут победители, а Крымский обком ВКП(б) уже в 1944 г. монополизировал все, что было связано с оценкой партизанского движения в Крыму, имена «военных» из числа старших командиров 48-й кд, ставшей ядром партизанского движения в Зуйских лесах, подвергались либо шельмованию, либо забвению. Есть в Симферополе школа имени А. В. Мокроусова, улицы А. В. Мокроусова, И. Г. Генова, многих других партизан, но нет ни одной улицы, названной в память командиров-партизан из числа «военных». Писать о конфликте в крымском партизанском сообществе в 1942 г. считалось моветоном. Только в последние годы в музейных экспозициях стали появляться фотографии М. Т. Лобова, Е. А. Попова, Б. Б. Городовикова... Время идет. Оценки меняются.

Почти сразу после войны знаменитый украинский партизан П. П. Вершигора издал книгу «Люди с чистой совестью», которую посвятил своим прославленным соратникам из соединения С. А. Ковпака. На мой взгляд, эти слова можно однозначно сказать и о Басане Бадьминовиче Городовикове.

Источники

ГАРК — Государственный архив Республики Крым.
 ЛАА — Личный архив автора.
 ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ.

Литература

Балакаев 1995 — *Балакаев А. Г.* Народный генерал. Элиста: РИП «Ботхн», 1995. 400 с.
 Басов 1987 — *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1987. 336 с.
 Батов 1984 — *Батов П. И.* В походах и боях. 4-е изд. М.: ДОСААФ, 1984. 511 с.
 Брошеван 2001 — *Брошеван В. М.* Крымский штаб партизанского движения: Хроника в документах и материалах. Симферополь: [б. и.], 2001. 101 с.
 Генов 1983 — *Генов И. Г.* Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1983. 279 с.
 Городовиков 1960 — *Городовиков О. И.* Мой племянник Басанг // Наши земляки — Герои Советского Союза. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. С. 25–27.

References

Balakaev A. G. The People's General. Elista: Botkhn, 1995. 400 p. (In Russ.)
 Basov A. V. Crimea in the Great Patriotic War, 1941–1945. Moscow: Nauka. 1987. 336 p. (In Russ.)
 Batov P. I. In Military Campaigns and Battles. 4th ed. Moscow: DOSAAF, 1970. 170 p. (In Russ.)
 Broshevan V. M. Crimean Headquarters of the Partisan Movement: The Chronicle in Documents and Materials. Simferopol, 2001. 101 p. (In Russ.)
 Emelianenko V. B. Air Bridge — Rescue in the Dark. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985. 352 p. (In Russ.)
 Genov I. G. Diary of a Partisan. Simferopol: Krymizdat, 1983. 279 p. (In Russ.)
 Gorodovikov O. I. My nephew Basang. In: Our Fellow Countrymen — Heroes of the Soviet

Sources

Ministry of Defense of the Russian Federation. Central Archives.
 State Archive of the Republic of Crimea.
 Personal archives of the author.

Емельяненко 1998 — *Емельяненко В. Б.* Воздушный мост — спасение во тьме. М.: Сов. Россия, 1998. 352 с.
 Исаев и др. 2016 — *Исаев А., Глухарев Н., Романько О., Хазанов Д.* Битва за Крым 1941–1944. М.: Эксмо; Яуза, 2016. 896 с.
 Книга Памяти 1995 — Книга Памяти Республики Крым. Т. 6. Партизаны и подпольщики. Симферополь: Таврида, 1995. 271 с.
 Партизанское движение 2006 — Партизанское движение в Крыму (1941–42). Симферополь: СОНАТ, 2006. 244 с.
 Поляков 2009 — *Поляков В. Е.* Награждение крымских партизан в 1941–1945 гг. // Культура народов Причерноморья. 2009. № 154. С. 106–110.
 Шамко 1976 — *Шамко Е. Н.* Дорогами крымских партизан. Симферополь: Таврия, 1976. 114 с.

Union. Elista: Kalmizdat, 1960. Pp. 25–27. (In Russ.)

Isaev A., Glukharev N., Romanko O., Khazanov D. The Battle for Crimea, 1941–1944. Moscow: Eksmo; Yauza, 2016. 896 p. (In Russ.)
 Memorial Book of the Republic of Crimea. Vol. 6: Partisans and Resistance Fighters. Simferopol: Tavrida, 1995. 271 p. (In Russ.)
 Polyakov V. E. Awards for Crimean partisans, 1941–1945. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. 2009. No. 154. Pp. 106–110. (In Russ.)
 Rybina O. V. (ed.) Partisan Movement in Crimea, 1941–1942. Simferopol: SONAT, 2006. 244 p. (In Russ.)
 Shamko E. N. Following the Routes of Crimean Partisans. Simferopol: Tavriya, 1976. 114 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 479–487, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-479-487

Бесхозяйственность и хищения колхозно-кооперативной собственности в колхозах Башкирии в конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. как системное явление

Наркас Вафиевна Ахмадиева¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-5049-6337. E-mail: ahmadieva72@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ахмадиева Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В конце 1960-х – середине 1980-х гг. в Башкирии обозначилась тенденция увеличения фактов бесхозяйственности и роста хозяйственно-корыстной преступности в колхозах, что проявлялось в активном хищении социалистической собственности. Исследование данных форм антиобщественного, криминального поведения граждан представляется актуальным. *Целью* научной статьи является анализ проблем бесхозяйственности и хищений колхозно-кооперативной собственности в колхозах Башкирии в конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. Для этого выделено несколько *задач*: определить виды хищений соцсобственности в колхозах республики, рассмотреть их в динамике; отразить деятельность контрольно-ревизионных органов в колхозах; проанализировать комплексные меры, принятые партийно-государственными и другими контролирующими органами для противодействия росту хозяйственно-корыстной преступности в колхозах. *Материалы* Национального архива Республики Башкортостан дают детальное представление о динамике роста фактов бесхозяйственности и хищений колхозной собственности в Башкирии, о мерах противодействия этим негативным явлениям. *Методы исследования.* Проблемно-хронологический метод исследования дал возможность проанализировать и выделить проблемы, связанные с сохранностью соцсобственности в сельхозартелях, и мерами, направленными на противодействие хищениям и бесхозяйственности. Принципы объективности и историзма способствовали непредвзятой оценке событий. *Результаты.* Выявлено, что в исследуемый период, вопреки мерам, принятым властями, во многих колхозах Башкирии имела место преступная бесхозяйственность, шло активное расхищение социалистической (колхозно-кооперативной) собственности. Хозяйственно-корыстные преступления зачастую совершались представителями хозяйственной номенклатуры, имевшей неограниченный доступ к ресурсам. *Вывод.* В конце 1960-х – середине 1980-х гг. процессы хищений колхозно-кооперативной собственности и бесхозяйственности к ней отношения стали трудноискоренимым системным явлением, усиливая антиобщественные настроения в сельском социуме и обществе в целом.

Ключевые слова: преступная бесхозяйственность, хищения социалистической собственности, хозяйственно-корыстная преступность, Башкирия в 1960-х – середине 1980-х гг., колхозы
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Ахмадиева Н. В. Бесхозяйственность и хищения колхозно-кооперативной собственности в колхозах Башкирии в конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. как системное явление // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 479–487. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-479-487

Mismanagement and Misappropriation of Collective-cooperative Property in the *Kolkhozes* of Bashkiria between the Late 1960s and the First Half of the 1980s as a Systemic Phenomenon

Narkas V. Akhmadieva¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5049-6337. E-mail: Ahmadieva72@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Akhmadieva N. V., 2021

Abstract. Introduction. The late 1960s and the first half of the 1980s saw a significant growth of the tendency for mismanagement and misappropriation of socialist property in the *kolkhozes* (collective farms) of Bashkiria. Such forms of antisocial and criminal behavior of the citizens appears to be a relevant subject. The *aim* of the present article is to analyze the issues of mismanagement and theft of socialist property in the *kolkhozes* of Bashkiria in the late 1960s — the first half of the 1980s. In this aspect, several lines of research have been identified: i) to analyze the forms of illegal use of funds and of material values of the farms, examining the phenomena in their dynamics; ii) to examine the work of the control and auditing bodies in the farms; and iii) to analyze a complex of measures taken by the party, state, and other supervisory bodies to counter the growth of economic crimes in *kolkhozes*. **Sources.** The archival documents from the National Archive of the Republic of Bashkortostan help to draw a detailed picture of the dynamics in the growth of mismanagement and stealing of collective farm property in Bashkiria, as well as of measures taken to counter these negative phenomena. **Methods.** The thematic chronological research method proved to be relevant for the analysis and identification of the issues related to the preservation of social property in the farms of Bashkiria, as well as of measures taken by the authorities to stop the facts of misappropriation and mismanagement. The principles of objectivity and historicism applied to a concrete historical situation made it possible to draw a non-partisan picture of the period in question. **Results.** The research has shown that during the period under study criminal mismanagement in the region took place in many collective farms, accompanied by numerous thefts of socialist property and this happened despite measures taken by the authorities. These crimes were often committed by representatives of the economic nomenclature, who had unlimited access to resources. **Conclusion.** Between the late 1960s and mid-1980s, the thefts of socialist property and mismanagement events in the collective farms of Bashkiria acquired an intractable systemic character, fostering antisocial sentiments in the rural section and society at large. **Keywords:** criminal mismanagement, theft of socialist property, economic crime, Bashkiria in the 1960s – mid 1980s, *kolkhozes* (collective farms)

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Akhmadieva N. V. Mismanagement and Misappropriation of Collective-cooperative Property in the *Kolkhozes* of Bashkiria between the Late 1960s and the First Half of the 1980s as a Systemic Phenomenon. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 479–487. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-479-487

Введение

В конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. в колхозах Башкирии значительно усилились процессы роста бесхозяйственности и хищений колхозно-кооперативной собственности. Следует отметить, что, согласно статье 5 Конституции СССР 1936 г. и статье 10 Конституции СССР 1977 г., основу экономической системы СССР составляла социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Никто не вправе был использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях.

Однако вследствие имевшихся дефектов в организации, планировании и управлении в сфере аграрного производства, а также из-за несовершенства системы учета и охраны материально-финансовых ресурсов сельхозартелей эти негативные явления стали весьма распространенными. Они были взаимосвязаны с растущей в данный период в стране хозяйственно-корыстной преступностью. Относительная гуманизация судебной-правовой системы, существенное ослабление, по сравнению со сталинским периодом, методов административного, уголовного и гражданско-правового контроля над сохранностью государственной, общественной, колхозно-кооперативной собственности вызвали увеличение числа корыстных преступлений в сфере народного хозяйства. Так, количество судимостей за хищения государственного имущества в Башкирии возросло в 1966–1971 гг. с 1 634 до 1 766 случаев, в том числе путем кражи с 876 до 1 113. В пять раз увеличилось число судимостей за хищения государственного имущества в особо крупных размерах [НА РБ. Ф. Р-323. Оп. 4. Д. 8. Л. 82–83].

Целью статьи является исследование проблем бесхозяйственности и хищений собственности в колхозах Башкирии в конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. **Источниковая база** исследования состоит из архивных материалов фондов Национального архива Республики Башкортостан

(НА РБ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), фонда Р-9492 Министерства юстиции СССР. Основные архивные источники, используемые в статье, были выделены из фонда 122 Башобкома КПСС НА РБ. Среди них стенограммы и протоколы заседаний Башкирского обкома КПСС по вопросам усиления борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством, спекуляцией; справки о состоянии работы контрольно-ревизионных комиссий в колхозах, сведения по основным показателям работы Министерства внутренних дел Башкирской АССР (далее — БАССР) и т. п. Документальные источники, впервые вводимые в научный оборот, дали четкое представление о развитии элементов бесхозяйственности и росте хозяйственно-корыстных преступлений в колхозах Башкирии исследуемого периода. При анализе архивных источников применялся принцип историзма, объективности, с учетом социально-экономических и общественных процессов, соответствующих данной конкретно-исторической ситуации.

Историография. В 1960–1980-е гг. углубленное внимание проблемам бесхозяйственности и хищений соцсобственности, в силу их криминологической специфики, уделяли ученые-правоведы, пытавшиеся классифицировать эти негативные явления, дать им правовую оценку, выработать действенные меры пресечения правонарушений и преступлений в сфере народного хозяйства [Бородин 1960; Буларгин 1963; Леонтьев 1963; Корноухов 1970; Бабаев, Шляпочников 1979; Ляпунов 1984; Гельфер 1986; Козлов, Осипенко 1988; Ястребов 1983; Кривенко, Чернова 1982].

Среди сугубо исторических работ по проблеме на общероссийском и общесоюзных уровнях следует выделить диссертационное исследование С. В. Богданова, где проведен детальный анализ развития корыстно-хозяйственной преступности в стране в 1945–1990-е гг., включавшей хищения госсобственности путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, а также рассмотрены взяточни-

чество, спекуляция и пр. негативные явления [Богданов 2010].

Интересно и динамично исследован опыт противодействия данным явлениям органами ОБХСС (Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности) в изучаемый период [Тишков, Алабердеев, Латов 2007].

В последние годы историками рассматривались отдельные аспекты проблем борьбы за сохранность соцсобственности в 1940-е гг. [Клинова, Трофимов 2019], особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х гг. [Столетова 2019], хищения общественной собственности в послевоенной колхозной деревне Среднего Поволжья [Хасянов 2016].

Проблемы возникновения и развития форм хозяйственно-корыстной преступности при социализме недостаточно отражены в современных исторических работах. Отсутствуют научные труды, посвященные проблемам роста бесхозяйственности и хищений социалистической собственности в колхозах Башкирии в 1960-е – середине 1980-х гг. Фрагментарно данная проблема затрагивалась в ряде научных публикаций, анализирующих рост преступности в республике в указанный период, в том числе рассматривались вопросы развития хозяйственно-корыстной преступности [Ахмадиева 2017а; Ахмадиева 2017б; Ахмадиева, Исянгулов, Сулейманова 2019].

Говоря о росте хищений и фактах бесхозяйственности в колхозах Башкирии указанного периода, следует подчеркнуть, что анализ формирования и функционирования государственной нормативно-правовой базы, направленной на обеспечение сохранности колхозной собственности в союзных и автономных республиках, краях и областях СССР не является целью данной работы. Тем не менее, отметим, что защита колхозно-кооперативной собственности была подтверждена Конституциями 1936 (статьи 5, 7–8) и 1977 гг. (статья 12) и соответствующими статьями гражданско-правового, административно-правового и уголовного-правового кодексов.

В целом на протяжении рассматриваемого периода система мер правового регулирования, нормативно-правового противодействия хищениям колхозно-кооперативной собственности была достаточно

жесткой. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. защиту соцсобственности определял как приоритетную задачу и отделял понятия государственной, общественной и личной собственности, причем более жесткое наказание устанавливалось за посягательство именно на социалистическую собственность.

Так, Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. (с поправками действовал до конца анализируемого периода) предусматривался ряд мер пресечения преступлений против социалистической собственности, такие как: ст. 89 — хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи; ст. 92 — хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением; ст. 93 — хищение государственного имущества, совершенное путем мошенничества; ст. 93–1 предусматривала наказание вплоть до смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения, — на сумму свыше 10 000 руб.; ст. 96 — мелкое хищение государственного или общественного имущества; ст. 99 — неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества; ст. 100 — недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества и др. [УК РСФСР 1986: 65–73]. Вышеперечисленные статьи Уголовного кодекса РСФСР имеют важное значение в раскрытии проблемы хищений и фактов бесхозяйственного отношения к колхозно-кооперативной собственности в колхозах Башкирии.

Проверка финансово-хозяйственной деятельности колхозов Башкирии в конце 1960-х гг. – начале 1970 г.

Анализ архивных источников из Национального архива Республики Башкортостан наглядно демонстрирует, что в колхозах республики была плохо поставлена ревизионная работа, слабо осуществлялся контроль над соблюдением требований финансовой дисциплины и Устава колхоза. Во многих сельхозартелях ревизии их финансово-хозяйственной деятельности не проводились годами. Ревизионные комиссии своей пас-

сивностью в отношении бесхозяйственности и расточительства фактически способствовали хищению денежных средств и материальных ценностей в хозяйствах. Административно-управленческие кадры сельхозартелей (председатель, бригадиры, заведующие фермами, заведующие производственными участками, счетно-бухгалтерские работники), обязанные осуществлять контроль над производственными и финансовыми ресурсами колхозов, нередко являлись участниками, либо провоцировали факты бесхозяйственного и хищнического отношения к колхозной собственности.

Осуществленная в 1970 г. органами народного контроля выборочная проверка финансово-хозяйственной деятельности колхозов Башкирии выявила ряд грубых несоответствий в расходовании денежных средств и товарно-материальных ценностей. Финансовые и кассовые операции также осуществлялись с серьезными нарушениями. В 98 сельхозартелях более чем 30 районов (Будзякский, Стерлибашевский, Чишминский, Миякинский и др.) допускались различные злоупотребления, имело место присвоение денежных средств и материальных ценностей [Ахмадиева 2017б: 56–57]. Крупноразмерные, масштабные хищения подрывали экономику аграрного сектора.

В колхозе «Кызыл Чишма» Бакалинского района на конец 1969 г. задолженность подотчетных лиц по авансам составляла 1 675 руб., по переполученной зарплате — 4 200 руб. Факты бесхозяйственности и нарушения финансовой дисциплины имели место в сельхозартелях Балтачевского, Миякинского, Баймакского, Бижбулякского и других районов. Например, бесхозяйственно расходовались средства в колхозе «Октябрь» Миякинского района на строительство клуба. Так, заработная плата наемным рабочим была выплачена в сумме 103,0 тыс. руб., что составило 64 % от сметной стоимости клуба. Кроме того, по случаю открытия клуба было организовано угощение, на что израсходовали 283 кг птичьего и говяжьего мяса, 900 яиц и других продуктов на сумму 549 руб. На проведение праздника 7 ноября списали продуктов на 145 руб. Значительная сумма денежных средств числилась за колхозниками как долг, в том числе за руководителями колхозов, многие из

них задолжали колхозу с 1960 г. В колхозе «Ленинский путь» этого же района образовалась дебиторская задолженность за счет переплат по работе и авансам в сумме более 30,0 тыс. руб. [НА РБ. Ф. 122. Оп. 81. Д. 169. Л. 202–203].

Руководители колхоза им. XXII партсъезда Абзелиловского района необоснованно получили 3 648 руб. премии за счет приписок и искажений в отделах о выполнении планов 1969 г. В ряде колхозов нарушался порядок оплаты служебных командировок. В колхозах Бакалинского, Федоровского и других районов выплачивались суточные при поездке руководителей, специалистов и других должностных лиц в районные центры на однодневные совещания, семинары, в отделение Госбанка, в райобъединение «Сельхозтехника» и в другие учреждения. Колхоз «Заря» Калтасинского района, помимо стипендии и заработной платы, незаконно выплатил командировочные специалистам, которые находились на двухмесячных курсах. В 1968–1969 гг. колхоз реализовывал продукцию на сумму 71,1 тыс. руб., из этой суммы израсходовали 52,0 тыс. руб. на разные цели, минуя Госбанк [НА РБ. Ф. 122. Оп. 81. Д. 169. Л. 204].

Столь многочисленные факты незаконного использования денежных средств и материальных ценностей колхозов явились следствием индифферентного отношения партийно-хозяйственной номенклатуры к общественной собственности, этой отрицательной и тревожной тенденции в развитии советского общества. В ряде случаев счетно-бухгалтерские работники вполне сознательно злоупотребляли служебным положением. В среде хозяйственной номенклатуры, имевшей доступ к финансовым и материальным средствам сельхозартелей, создавались предпосылки для возникновения коррупции.

Рост бесхозяйственности и хищений социалистического имущества в сельхозартелях Башкирии в 1970-е – первой половине 1980-х гг.

В докладе первого секретаря Башобкома КПСС М. 3. Шакирова на собрании республиканского партийного актива 14 июля 1972 г. отмечалось, что отдельные работники из корыстных, карьеристских побуждений, не желая признать допущенные про-

счета, шли на обман государства, допуская «приписки и очковтирательство». За 1968–1972 гг. в ряде сельских районов (Гафурийском, Благоварском, Калтасинском, Янаульском, Дуванском, Стерлитамакском и др.) число преступных проявлений возросло. В них не проводилась предупредительная работа, отсутствовало моральное осуждение антиобщественных поступков в трудовых коллективах. Значительные потери несли от бесхозяйственности, отсутствия должного контроля и ответственности отдельные колхозы и совхозы. За 1971 г. был допущен падеж крупного рогатого скота 3,6 % к обороту стада, свиней — 9 % и овец — 9,5 %. В то же время возмещено за счет виновных было лишь 5,2 % причиненного ущерба. Руководство Башкирии потребовало усилить внимание административных органов и хозяйственных руководителей в данном вопросе, добиваться устранения причин, порождающих бесхозяйственность, строго взыскивать с тех, кто своей безответственностью наносил ущерб государству [НА РБ. Ф. 122. Оп. 185. Д. 133. Л. 57–60].

Правоохранительные органы республики принимали определенные меры по пресечению фактов хищений соцсобственности. В 1974 г. в сельском хозяйстве Башкирии было выявлено 189 случаев хищений на сумму в 94,2 тыс. руб., возмещение ущерба составило всего лишь 76,6 % от его суммы. В том числе в колхозах выявили 113 случаев хищений на сумму 72,8 тыс. руб., с 78,4-процентным возмещением ущерба [НА РБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 303. Л. 19–20]. Следует отметить, что середина 1970-х гг. в республике обострила рост корыстных преступлений в общей структуре преступности. В 1976 г. по ст. 92 Уголовного кодекса (хищение путем присвоения и растраты, либо злоупотребления служебным положением) были осуждены 430 чел., в том числе к 95 (22,1 %) подсудимым применили меру наказания в виде лишения свободы. За мелкое хищение осудили 786 чел., из них только 244 (31 %) были приговорены к лишению свободы [НА РБ. Ф. 122. Оп. 190. Д. 348. Л. 5]. В целом по России удельный вес осужденных по данной статье оставался достаточно стабильным. Так, в 1976 г. он составил 19,2 %, в 1982 г. — 19,1 % к общему числу осужденных за хищения [ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 375. Л. 45].

В противодействии росту хищений соцсобственности большое значение придавалось деятельности Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС), созданного в 1937 г. при Наркомате внутренних дел СССР. В 1975 г. принятые правительственные постановления, направленные на защиту социалистического (государственного, общественного) имущества, заметно улучшили функционирование данной правоохранительной структуры. В 1975–1976 гг. операция «Урожай» выявила порядка 17 тыс. фактов правонарушений и преступлений, аграрной отрасли вернули различной продукции на сумму около 2 млн руб. [Тишков, Алабердеев, Латов 2007: 69–70]. Бесхозяйственность и хищения соцсобственности как негативные явления советской экономики присутствовали во всех отраслях народного хозяйства страны, что подтверждало их системный характер.

В условиях нарастания масштабов хозяйственно-корыстных преступлений в стране, власти прибегли к помощи общественности, расширив деятельность органов народного контроля. В январе 1980 г. правительство приняло меры, направленные на улучшение деятельности данной организации. Особое значение придавалось моральным и идейным качествам народных контролеров, более одной трети которых составляли члены партии [НА РБ. Ф. 122. Оп. 200. Д. 56. Л. 10–11].

Рядовые колхозники, сознательные граждане писали письма, обращались во власть с требованиями усилить контроль над растущими антиобщественными проявлениями, бесхозяйственностью и экономическими преступлениями. Письма из Аскинского, Бижбулякского, Ишимбайского, Кугарчинского, Шаранского районов указывали на недостатки в деятельности сельскохозяйственных органов, упущении в планировании, вскрывались факты нерадивого отношения к государственной и общественной собственности, бесхозяйственности. Актуализировались вопросы наказания лиц, причастных к хищениям государственной и общественной собственности, допускающих злоупотребления служебным положением. В связи с этим Прокурору БАССР, министру внутренних дел было предписано усилить охрану правопорядка в городах и сельских

населенных пунктах, сконцентрироваться на имеющихся сигналах, оперативно устранять нарушения в этом деле [НА РБ. Ф. 122. Оп. 206. Д. 143. Л. 2–7].

Несмотря на совместные усилия партийно-государственных, правоохранительных, хозяйственных органов, хозяйственно-корыстная преступность в республике продолжала набирать обороты. Налицо были факты коррумпированности некоторых представителей правоохранительных структур. В 1983 г. в республике были вскрыты факты посягательств на социалистическую собственность, бесхозяйственности, взяточничества и спекуляции. За хищения были привлечены к уголовной ответственности ряд номенклатурных и хозяйственных работников аграрной отрасли [НА РБ. Ф. 122. Оп. 209. Д. 4. Л. 23–25].

Для более полного возмещения экономического ущерба прокуратура БАССР активизировала применение гражданско-правовых средств. Суды республики также ужесточили меры наказания по делам о хищениях соцсобственности в виде конфискации имущества, лишения права занимать руководящие, материально ответственные должности. В 1983 г. меру наказания в виде лишения свободы применили к 41,5 % подсудимым. В судах рассмотрели 226 исков и возместили 252 тыс. руб.; у более половины осужденных произвели конфискацию имущества. Возросла доля судебных исков о возмещении ущерба от нерационального использования топливно-энергетических ресурсов, разуклоптования и порчи сельхозтехники, грубых нарушений правил техники безопасности и т. п. [Ахмадиева 2017а: 59].

Несмотря на принимаемые комплексные меры в отношении роста хозяйственно-корыстных преступлений, хищений соцсобственности в аграрном секторе, снизить масштабы данных негативных процессов не удавалось. В 1984 г. в отдельных колхозах и совхозах Башкирии продолжились хищения, недостачи, порча материальных ценностей, случаи небрежного отношения к сельскохозяйственной технике. Гибель общественного скота причиняла значительный ущерб некоторым хозяйствам. Наиболее серьезные нарушения законов об охране социалистической собственности допускались в колхозах и совхозах Аскинского, Баймакского, Белокатайского, Бижбулякского, Га-

фурийского, Караидельского, Краснокамского, Мечетлинского районов. Так, в хозяйствах Баймакского района в 1983 г. была допущена недостача материальных ценностей на 128 тыс. руб., ущерб от гибели скота оценивался на сумму 1 371 тыс. руб. Колхозы и совхозы Мечетлинского района допустили падеж скота на 506 тыс. руб. Вследствие ненадлежащей подготовки помещений к зимовке скота в колхозе «Заря» Белокатайского района от простудных заболеваний пало 228 голов свиней, чем хозяйству причинен убыток на сумму 5 377 руб. [НА РБ. Ф. 122. Оп. 212. Д. 120. Л. 18–25]. Объемы ущерба существенно возрастали, принимаемые меры противодействия распространению бесхозяйственности и хищения соцсобственности работали очень слабо.

Заключение

В конце 1960-х – первой половине 1980-х гг., несмотря на все принимаемые партийно-государственными органами меры, во многих колхозах Башкирии имела место бесхозяйственность, происходило активное хищение колхозно-кооперативной собственности. Это было связано с существующими изъянами в самой системе общественного (планового) хозяйства сельхозартелей. Так, система учета, хранения и расходования ресурсов аграрной отрасли находилась не на должном уровне. Антиобщественное поведение ряда руководителей сельхозартелей, местных партийных, советских, контрольно-ревизионных органов, которые не только не противодействовали нерадивому отношению к соцсобственности, попустительствовали развитию хищений и бесхозяйственности, но зачастую сами совершали хозяйственно-корыстные преступления, способствовало формированию негативных установок у части рядовых колхозников.

Общественность Башкирии слабо привлекалась к обеспечению сохранности народного достояния. Процессы разворовывания колхозной собственности, бесхозяйственного отношения к «народному добру» затрагивали все слои сельского сообщества, формируя девиантное поведение у части населения. Бесхозяйственность и хищение социалистической собственности были системными, трудноискоренимыми явлениями, негативными издержками советской действительности.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.
 State Archive of the Russian Federation.

Литература

Ахмадиева 2017а — *Ахмадиева Н. В.* Экономические девиации в советском обществе (на примере БАССР 1960-х – начала 1980-х гг.) // Социальные девиации в советском обществе: региональный аспект (на примере Башкирской АССР 1960-х – начала 1980-х гг.): Сб. ст. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 47–64.
 Ахмадиева 2017б — *Ахмадиева Н. В.* Экономическая преступность в Башкирии в 1960-е – начале 1980-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 54–66. DOI: 10.32516/2303-9922
 Ахмадиева, Исянгулов, Сулейманова 2019 — *Ахмадиева Н. В., Исянгулов Ш. Н., Сулейманова Р. Н.* Асоциальные явления в общественной жизни Башкирии в 1960 – начале 1980-х годов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 32. № 3 (95). С. 65–73. DOI: 10.24411/1728-5283-2019-10308
 Бабаев, Шляпочников 1979 — *Бабаев М. М., Шляпочников А. С.* Экономические факторы в механизме преступного поведения // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 60–67.
 Богданов 2010 — *Богданов С. В.* Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945–1990-е гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Курск, 2010. 50 с.
 Бородин 1960 — *Бородин С. В.* Из практики судов РСФСР по рассмотрению дел о растратах и хищениях социалистической собственности // Советское государство и право. 1960. № 6. С. 111–116.
 Буларгин 1963 — *Буларгин В.* Борьба с хищениями социалистической собственности в сельском хозяйстве, совершаемыми путем приписок // Социалистическая законность. 1963. № 1. С. 33–36.
 Гельфер 1986 — *Гельфер М. А.* Хозяйственные преступления: Уч. пособ. М.: ВЮЗИ, 1988. 56 с.
 Клинова, Трофимов 2019 — *Клинова М. А., Трофимов А. В.* «Установить строжайший кон-

троль за сохранностью социалистической собственности»: кампания по борьбе с хищениями во второй половине 1940-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 1. С. 82–86.
 Козлов, Осипенко 1988 — *Козлов Ю. Г., Осипенко О. В.* Недостатки материально-технического снабжения и хозяйственно-корыстная преступность // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 78–85.
 Корноухов 1970 — *Корноухов В. Е.* Планирование расследования преступлений по делам о хищении колхозного имущества, совершаемого путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением // Ученые записки Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. Сборник работ соискателей и аспирантов. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1970. Вып. 19. Ч. 1. С. 288–295.
 Кривенко, Чернова 1982 — *Кривенко Т. Д., Чернова К. Т.* Преступная бесхозяйственность и ее предупреждение // Советское государство и право. 1982. № 12. 1982. С. 76–84.
 Леонтьев 1963 — *Леонтьев Б. М.* Ответственность за хозяйственные преступления. М.: Госюриздат, 1963. 192 с.
 Ляпунов 1984 — *Ляпунов Ю. И.* Хищение как форма преступного использования служебного положения // Советское государство и право. 1984. № 10. 1984. С. 95–102.
 Столетова 2019 — *Столетова А. С.* Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391
 Тишков, Алабердеев, Латов 2007 — *Тишков С. В., Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В.* История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС / ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. № 1. Т. 8. С. 51–80.
 УК РСФСР 1986 — Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юрид. лит. 1986. 191 с.
 Хасянов 2016 — *Хасянов О. Р.* Хищение общественной собственности в послевоенной колхозной деревне: от стратегии крестьянского повседневногo сопротивления //

Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 63–69.

Ястребов 1983 — Ястребов В. Б. Причины хищений социалистического имущества // Советское государство и право. 1983. № 8. С. 81–89.

References

- Akhmadieva N. V. Economic crimes in Bashkiria in the 1960s – early 1980s. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. Electronic scientific journal. 2017. No. 4 (24). Pp. 54–66. DOI: 10.32516/2303-9922 (In Russ.)
- Akhmadieva N. V. Economic deviations in Soviet society: a case study of the Bashkir ASSR, 1960s – early 1980s. In: Akhmadieva N. V. (ed.) *Social Deviations of Soviet Society in a Regional Perspective: A Case Study of the Bashkir ASSR, 1960s – early 1980s*. Collected papers. Ufa: Institute of History, Language and History (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2017. Pp. 47–64. (In Russ.)
- Akhmadieva N. V., Isyngulov Sh. N., Suleimanova R. N. Anti-social phenomena in the public life of Bashkiria in the 1960s – early 1980s. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2019. Vol. 32. No. 3 (95). Pp. 65–73. DOI: 10.24411/1728-5283-2019-10308 (In Russ.)
- Babaev M. M., Shlyapochnikov A. S. Economic factors in the mechanism of criminal behavior. *Soviet State and Law*. 1979. No. 2. Pp. 60–67. (In Russ.)
- Bogdanov S. V. Economic Crimes in the USSR, 1945–1990s: Factors of Reproduction, Key Indicators, Features of State Resistance. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Kursk, 2010. 50 p. (In Russ.)
- Borodin S. V. Mismanagement and embezzlement of socialist property: glimpses of RSFSR court practices. *Soviet State and Law*. 1960. No. 6. Pp. 111–116. (In Russ.)
- Bulargin V. Struggling against figure falsification thefts of socialist property in agriculture. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1963. No. 1. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Criminal Code of the RSFSR. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1986. 191 p. (In Russ.)
- Gelfer M. A. Economic Crimes. Moscow: All-Union Correspondence University of Law, 1988. 56 p. (In Russ.)
- Khasyanov O. R. Theft of public ownership in the postwar collective farms: from the strategy of peasant resistance to routine tactics devices. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2016. No. 1. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. 'Establish strict control over the safety of socialist property': campaign against embezzlements in the second half of the 1940s. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2019. No. 1. Pp. 82–86. (In Russ.)
- Kornoukhov V. E. Embezzlement of collective farm property via misappropriation or abuse of official position: planning investigations of crimes. In: Kursky Saratov Institute of Law. Scientific Notes. Collected papers. Saratov: Saratov Institute of Law, 1970. Vol. 19. Part 1. Pp. 288–295. (In Russ.)
- Kozlov Yu. G., Osipenko O. V. Deficits in material and technical supply and economic crime. *Soviet State and Law*. 1988. No. 6. Pp. 78–85. (In Russ.)
- Krivenko T. D., Chernova K. T. Criminal mismanagement and its prevention. *Soviet State and Law*. 1982. No. 12. Pp. 76–84. (In Russ.)
- Leontiev B. M. Responsibility for Economic Crimes. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 192 p. (In Russ.)
- Lyapunov Yu. I. Theft as a form of criminal abuse of official position. *Soviet State and Law*. 1984. No. 10. 1984. Pp. 95–102. (In Russ.)
- Stoletova A. S. Specifics of theft of state property in the RSFSR of 1960s–1980s. *Scientific Dialogue*. 2019. No. 12. Pp. 379–391. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391 (In Russ.)
- Tishkov S. V., Alaberdeev R. R., Latov Yu. V. History of struggle against thefts of socialist property in the USSR: celebrating the 70th anniversary of the OBKhSS and Economic Security Department. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2007. Vol. 8. No. 1. Pp. 51–80. (In Russ.)
- Yastrebov V. B. Causes of socialist property thefts. *Soviet State and Law*. 1983. No. 8. Pp. 81–89. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 488–500, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(97)+930.25

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-488-500

Архивное строительство Калмыцкой АССР. 1962–1980 гг.

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Манджикова Л. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье автор исследует историю развития архивного дела Калмыкии. Хронологические рамки охватывают период с момента передачи в январе 1962 г. Архивного отдела МВД Калмыцкой АССР и государственных архивов республики в ведение Совета Министров Калмыцкой АССР до реорганизации в 1980 г. Архивного отдела при Совете Министров Калмыцкой АССР в Архивное управление при Совете Министров Калмыцкой АССР. *Цель статьи* — исследовать историю организации архивного дела в период с 1962 по 1980 гг. и влияние изменений в административно-территориальном делении республики на формирование сети архивных учреждений Калмыкии. Рассматриваются проблемы комплектования государственных архивов, обеспечения сохранности архивных документов на стадии ведомственного хранения и в государственных архивах, вопросы использования архивных документов в народно-хозяйственных, научно-исследовательских целях. *Материалы и методы.* Источниками послужили архивные документы Национального архива Республики Калмыкия, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. *Результаты.* Показано, что в рассматриваемый период произошли кардинальные изменения в архивном строительстве Калмыкии. Архивные учреждения республики организовывали свою работу в соответствии с принятыми нормативными правовыми актами, указаниями вышестоящих организаций и исходя из состояния развития архивного дела в республике. В целом в этот период архивисты республики смогли не только достичь уровня развития архивного дела в стране, но и создать базу для дальнейшего совершенствования их деятельности в области архивного дела и делопроизводства.

Ключевые слова: архивное дело, архивное управление, госархивы, райархивы, обеспечение сохранности, комплектование, научно-исследовательская деятельность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Архивное строительство Калмыцкой АССР. 1962–1980 гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 488–500. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-488-500

Archival Organization and Management in the Kalmyk ASSR, 1962–1980

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mandzhikova L. B., 2021

Abstract. *Introduction.* In the article, the author examines the history of archives in Kalmykia within the 1962–1980 chronological framework. In 1962, the Archive Department of the Ministry of Internal Affairs of the KASSR and the State Archives of the Republic were transferred to the jurisdiction of the Council of Ministers of the KASSR; and in 1980, the Archive Department under the Council of Ministers of the Kalmyk ASSR was reorganized into the Archive Department of the Council of Ministers of the Kalmyk ASSR. The article *aims at* examining the history of archives and archiving in this period, focusing on the impact of changes in the administrative-territorial division of the Republic on the formation of a network of archival institutions in Kalmykia. This has involved the study of issues of archival acquisition in the state archives, methods of preservation of archival records at the stage of departmental storage and in the state archives, and the use of archival documents for the purposes of national economic and scientific research. *Data and research methods.* The sources for the research were archival records of the National Archives of the Republic of Kalmykia, many of which are introduced for the first time. *Results.* The study indicates that the period under consideration saw radical changes in the archival organization in Kalmykia. The archival institutions of the Republic organized their work in accordance with the adopted normative legal acts, the instructions of the higher organizations, and the state of local archiving. In general, during this period, the archivists of the Republic succeeded in reaching the standards required in their professional field in the country at large, and, also, in creating the foundation for further improvement in the field.

Keywords: archiving, archival management, state archives, district archives, preservation, acquisition, research activities

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Mandzhikova L. B. Archival Organization and Management in the Kalmyk ASSR, 1962–1980. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 488–500. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-488-500

Введение

История создания и развития архивной службы Калмыкии в период с 1962 по 1980 гг. является в калмыковедении не-

достаточно исследованной темой. Цель статьи — исследовать историю архивного строительства Калмыкии после передачи Архивного отдела МВД Калмыцкой АССР

и государственных архивов республики в ведение Совета Министров Калмыцкой АССР (далее — СМ КАССР) и до 1980 г., даты реорганизации архивной службы республики — создания Архивного управления при СМ КАССР. Кроме этого, ставятся задачи рассмотреть влияние изменений в административно-территориальном делении республики на формирование сети архивных учреждений Калмыкии; проблемы комплектования государственных архивов, обеспечения сохранности архивных документов на стадии ведомственного хранения и в государственных архивах, вопросы использования архивных документов в народно-хозяйственных, научно-исследовательских целях.

Актуальность и практическая значимость данного исследования заключается в том, что в статье впервые изучены и описаны основные направления деятельности государственных архивов в 1960–1970-е гг., рассмотрен вклад руководителей и сотрудников госархивов в развитие архивного дела республики.

Материалы и методы

Автор при исследовании проблемы применял принципы научного исследования: историзм, научная объективность, историко-ведческий анализ и использовал комплексный подход к изучаемой теме. В работе использованы ранее не введенные в научный оборот источники из фонда Архивного управления при Совете Министров КАССР Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. Р-71].

Автор также обращался к опубликованным материалам, в первую очередь к нормативным правовым актам по архивному делу, принятым вышестоящими органами СССР, РСФСР и Калмыцкой АССР. К анализу привлекались данные из работ современных авторов — Т. И. Хорхординой, С. И. Цеменковой [Хорхордина 1994; Цеменкова 2019].

Отдельные сведения, касающиеся данной темы, представлены в разделах книги, посвященной юбилейной дате архивной службы Республики Калмыкия [Архивная летопись 2006]: «Национальный архив Республики Калмыкия — особо ценный объект культурного достояния народов Республики Калмыкия» [Коженбаева 2006: 97–128], «История создания районных архивов» [Кутушова 2006: 171–188], «Архивное строи-

тельство в Калмыкии» [Шалданова 2006: 11–30]. В предисловии к справочному изданию Национального архива Республики Калмыкия дана краткая история создания и развития архивного дела Калмыкии, описаны состав и содержание архивных документов по истории Калмыкии за период с 1920 по 1993 гг. [Фонды... 2002].

Краткие сведения об архивном строительстве в Калмыкии до 1962 г.

С 1938 г. Главное архивное управление (далее — ГАУ) и сеть государственных архивов страны находились в ведении Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) СССР. В Калмыкии приказом НКВД Калмыцкой АССР от 27 июля 1939 г. Центральное архивное управление Калмыцкой АССР было реорганизовано в Архивное отделение НКВД Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 449. Л. 12]. Архивное отделение НКВД КАССР действовало до декабря 1943 г., до ликвидации калмыцкой автономии. С восстановлением в 1957 г. автономии калмыцкого народа была воссоздана архивная служба Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края, которая подчинялась Архивному отделу Управления внутренних дел Ставропольского крайисполкома [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 25. Л. 6].

29 июля 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР принял решение о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР [Восстановление автономии 2004: 296–297].

Соответственно, произошли изменения в архивном строительстве Калмыкии. В марте 1959 г. Калмыцкий Облархив был преобразован в Центральный государственный архив Калмыцкой АССР (далее — ЦГА КАССР), в апреле того же года образован Архивный отдел МВД Калмыцкой АССР (далее — Архивный отдел) [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 14. Л. 3].

После принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1961 г. о переводе архивной отрасли в ведение Совета Министров СССР архивная служба Калмыкии также претерпела кардинальные изменения. В январе 1962 г. Архивный отдел МВД КАССР был передан в ведение Совета Министров КАССР [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 53. Л. 37].

Административно-территориальные преобразования в Калмыкии и сеть государственных архивов

На развитие архивного дела Калмыкии оказали влияния административно-территориальные преобразования, происходившие после восстановления автономии калмыцкого народа. В конце 1950-х и в 1960-х гг. в основном было завершено восстановление прежних наименований многих населенных пунктов, административно-территориальных единиц, изменивших наименование в связи с ликвидацией автономии калмыцкого народа в 1943 г. Последующие преобразования в административно-территориальном устройстве республики происходили в связи с переименованием населенных пунктов, местных советов; образованием новых районов, городов районного подчинения, рабочих поселков; изменением границ административных единиц [Республика Калмыкия 2019].

Так, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1960 г. в связи с увековечением памяти Героя Советского Союза, генерал-полковника О. И. Городовикова Западный район был переименован в Городовиковский [Республика Калмыкия: 2019: 184]. В 1963 г. рабочему поселку Каспийский был присвоен статус города районного подчинения. Город Каспийский стал административным центром Каспийского района [Республика Калмыкия 2019: 20].

В 1962–1963 гг. в стране прошла очередная административная реформа. Планировалось найти оптимальную форму руководства экономикой страны, при этом было принято решение об изменении сложившейся системы органов местного управления по «производственному принципу» путем их значительного сокращения за счет укрупнения сельских районов [Максимов 2002: 181–182]. Калмыкия была включена в Приволжский совнархоз. Образование совнархозов привело к тому, что в регионах управление по экономическим вопросам стало более усложненным, поскольку сохранялись и Госплан, Госнаб, Госстрой, отраслевые министерства, госкомитеты [Максимов 2002: 392–393].

В Калмыцкой АССР перестройка местных органов власти и укрупнение районов были проведены в соответствии с указами Президиума Верховного Совета РСФСР от

1 февраля 1963 г. и Президиума Верховного Совета Калмыкии от 11 февраля 1963 г. В республике вместо 11 районов было образовано 6 сельских районов, управление которыми осуществляли сельские районные исполкомы и районные сельскохозяйственные производственные комитеты партии. Такая система руководства не оправдала себя, так как из-за отсутствия местного административного управления невозможно было осуществлять хозяйственное управление. В 1965 г. совнархозы были упразднены, и страна вернулась к отраслевому принципу руководства [Максимов 2002: 392–393].

В 1963 г. в связи с укрупнением районов республики был ликвидирован ряд райгосархивов [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 50. Л. 68]. Новая сеть госархивов с переменным составом документальных материалов была утверждена. Данное постановление обязывало председателей Элистинского городского и 6 районных (Городовиковского, Сарпинского, Приозерного, Целинного, Юстинского, Черноземельского) исполкомов советов депутатов трудящихся принять документы 4 упраздненных районов [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 66. Л. 1]. При этом Приютненский район вошел в состав Целинного района, Яшалтинский район — в состав Городовиковского района. Вместо бывших Яшкульского, Черноземельского, Каспийского районов был создан один — Черноземельский район с центром в рабочем поселке Комсомольский. Однако Архивный отдел СМ КАССР совместно с администрацией Черноземельского райисполкома приняли решение о размещении объединенного районного архива в г. Каспийском. Такое решение было принято исходя из того, что основной массив документов составлял архив бывшего Каспийского района, а также из-за отсутствия подходящего помещения в Черноземельском районе.

В период слияния и создания новых райгосархивов Архивный отдел при СМ КАССР осуществлял контроль и оказывал работникам архивов методическую и практическую помощь по проверке наличия и шифровке документальных материалов, составлению научно-справочного аппарата, ведению учета и своевременной передаче документов в укрупненные архивы.

В январе 1965 г. было возвращено прежнее районирование республики. Воссозда-

ны ликвидированные районы, за исключением Яшалтинского района. Количество районов увеличилось в связи с образованием Ики-Бурульского района, выделенного из Приютненского, Целинного и Яшкульского районов.

В этом же году в соответствии с указом Верховного Совета КАССР от 17 января 1965 г. поселок Башанта — административный центр Городовиковского района получил статус рабочего поселка Башанта, который в 1971 г. был преобразован в город районного подчинения — город Городовиковск [Республика Калмыкия 2019: 190–192; НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 710. Л. 3].

В районах вновь создавались государственные учреждения, в том числе и райгосархивы. Постановлением СМ КАССР от 12 марта 1965 г. была утверждена сеть архивов с переменным составом документальных материалов. Также председателям исполкомов Советов народных депутатов трудящихся поручалось в кратчайшие сроки утвердить заведующих райгосархивами и выделить помещения для размещения архивных документов [Кутушова 2006: 177].

В связи с восстановлением и строительством новых населенных пунктов, развитием экономики в 1960–1980 гг. произошли заметные изменения в административно-территориальном устройстве республики. За эти годы количество районов увеличилось с 10 до 13, соответственно изменилось число районных архивов.

Сеть архивных учреждений республики расширилась:

- в связи с восстановлением Яшалтинского района (1967 г.);
- за счет разукрупнения Сарпинского района был создан Малодербетовской район (1970 г.);
- в связи с образованием Октябрьского района, выделенного из состава Приозерного, Юстинского и Малодербетовского районов (в 1977 г.) [Республика Калмыкия 2019: 21].

С 1977 г. сеть архивных учреждений республики состояла из:

- Центрального государственного архива Калмыцкой АССР (ЦГА КАССР);
- Элистинского городского архива;
- Городовиковского райгосархива (г. Городовиковск);

- Ики-Бурульского райгосархива (п. Ики-Бурул);
- Каспийского райгосархива (г. Каспийский);
- Малодербетовского райгосархива (с. Малые Дербеты);
- Приозерного райгосархива (с. Советское);
- Приютненского райгосархива (с. Приютное);
- Октябрьского райгосархива (п. Большой Царын);
- Сарпинского райгосархива (с. Садовое);
- Целинного райгосархива (с. Троицкое);
- Черноземельского райгосархива (п. Комсомольский);
- Юстинского райгосархива (п. Буруный);
- Яшалтинского райгосархива (с. Яшалта);
- Яшкульского райгосархива (п. Яшкуль) [Кутушова 2006: 178].

Впервые вопрос о деятельности районных архивов был рассмотрен на заседании СМ КАССР 14 декабря 1977 г. Было принято постановление «Об утверждении положения о районном государственном архиве Калмыцкой АССР», определены цели и задачи деятельности райгосархивов, права и обязанности заведующего архивом.

Проблемы архивного дела в Калмыцкой АССР и мероприятия, проводимые архивными учреждениями

После передачи органов управления архивным делом и государственных архивов республики в ведение СМ КАССР и последовавшего преобразования Архивного отдела МВД КАССР в Архивный отдел при СМ КАССР особых изменений в работе архивных учреждений не последовало. Продолжалась работа по комплектованию, обеспечению сохранности документов. Перед архивными учреждениями были поставлены новые задачи: обеспечить документной информацией «колоссальную систему правительственных органов, требующих полного и немедленного удовлетворения своих потребностей в ретроспективной информации» [Хорхордина 1994: 316–317].

Второй проблемой, требующей решения, стало ведение делопроизводства в ор-

ганизациях, учреждениях и предприятиях, их обеспечение методическими разработками по организации работы с документами с момента их создания и до передачи на государственное хранение. О существовании данной проблемы стало известно после принятия постановления СМ СССР от 28 июля 1961 г., утвердившего «Положение о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР». Также ведомства и учреждениям было дано предписание о сдаче управленческой документации в государственные архивы. При проведении научно-технической обработки документов, поступивших в госархивы в неупорядоченном виде, «выяснилось, что делопроизводство страны находится в запущенном состоянии» [Цеменкова 2019: 109]. Для урегулирования этих и других назревших проблем необходимо было принять неотложные меры по их решению.

В целях централизации и улучшения постановки архивного дела в республике СМ КАССР принимает постановление от 30 декабря 1963 г., согласно которому Архивный отдел и ЦГА Калмыцкой АССР были объединены в одно архивное учреждение с единым штатным расписанием. Должность директора госархива упразднилась [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 196. Л. 51]. Возможно, в рассматриваемый период архивного строительства решение об объединении архивного органа и учреждения было оправданным. Учитывая малочисленный штат работников архива (9 чел.), заведующий Архивным отделом, совмещавший должность директора госархива, мог единолично принимать решения и организовывать мобильное выполнение поставленных задач.

Одним из положительных моментов в реализации данного постановления стало выделение в 1963 г. нового помещения ЦГА Калмыцкой АССР, что позволило перевезти из г. Астрахани научно-справочную библиотеку архива [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 68а. Л. 79]. Данные действия сыграли положительную роль в улучшении условий хранения и использования документов.

Для выполнения поставленных задач, особенно для решения проблемы обеспечения государства и общества документной информацией, были проведены кадровые перестановки. Заведующим Архивным отделом при СМ КАССР (6 августа 1965 г.)

был назначен Б. С. Санджиев¹. До назначения на эту должность он работал заведующим сектором истории и этнографии Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) и имел научные труды. Б. С. Санджиев многое сделал для дальнейшего развития архивной службы республики.

В первую очередь Б. С. Санджиев поставил перед руководством республики вопрос о строительстве нового здания госархива или о выделении другого помещения для приема всевозрастающего объема документов. В ЦГА КАССР архивохранилища были перегружены, резерва архивных площадей не было, поэтому остро встал вопрос о приеме документов на государственное хранение. В начале 1970-х гг. распоряжением СМ КАССР от 20 октября 1970 г. № 559-р было принято решение «разместить хранилище ЦГА Калмыцкой АССР в освободившемся помещении Управления трудовых ресурсов» [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 243. Л. 7].

Вопрос о строительстве нового здания долгое время оставался открытым. Достижением в архивном строительстве республики стало рассмотрение СМ КАССР в июле 1968 г. вопроса о строительстве нового типового здания ЦГА КАССР в г. Элисте. Было принято решение о начале строительства с 1970 г. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 542. Л. 20; Шалданова 2006: 18].

Строительство и ввод в действие нового здания госархива координировал М. И. Гу-

¹ Санджиев Босхомджи Санджиевич родился в 1906 г. в с. Ханата Малодербетовского улуса Калмыцкой степи. Обучался в начальной школе с. Ханата, среднее образование получил в интернатной школе с. Садового. После окончания Калмыцкого педагогического техникума в г. Астрахани работал учителем. В 1929 г. он поступил в Саратовский государственный университет им. Чернышевского (исторический факультет). До войны работал на разных должностях. Являлся участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С 1946 г. работал в Историческом архиве МВД Казахской ССР, потом в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. С восстановлением автономии Калмыкии работал инструктором Калмыцкого Обкома КПСС. С 1957 по 1965 гг. трудился в КНИИЯЛИ. Постановлением СМ КАССР от 6 августа 1965 г. № 394 Б. С. Санджиев назначен заведующим Архивным отделом при СМ КАССР [Архивная летопись 2006: 69–72].

чинов², назначенный в июле 1971 г. на должность заведующего Архивным отделом при СМ КАССР. Новое типовое здание архива было построено и сдано в эксплуатацию лишь в ноябре 1978 г. Госархив получил необходимые площади для размещения имевшихся архивных фондов и комплектации новыми документами [Коженбаева 2006: 99].

До этого знаменательного события в истории архивного строительства Калмыкии архивистам республики необходимо было решать текущие вопросы. В 1963 г. в Калмыкию с целью проведения комплексной проверки ЦГА КАССР и оказания действенной помощи ГАУ при СМ СССР командировал В. В. Мирошникова, старшего научного сотрудника — старшего инспектора отдела архивных учреждений РСФСР. В «Справке о результатах проверки работы архивных учреждений Калмыцкой АССР по выполнению постановления СМ СССР № 829 от 25 июля 1963 г.» от 26 декабря 1966 г. отмечались значительный рост темпов приведения в порядок документальных материалов ведомственных архивов Калмыцкой АССР, грамотная работа ЦГА КАССР по усовершенствованию научно-справочного аппарата и имеющиеся недочеты в работе по использованию документов. Архивному отделу было рекомендовано поставить вопрос перед СМ Калмыцкой АССР о выделении штатной освобожденной должности директора архива и об увеличении штатной численности госархива [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 122. Л. 48–53].

Только через три года, учитывая состояние архивного дела в республике, СМ Калмыцкой АССР вернулся к рассмотре-

нию рекомендаций ГАУ СССР и принял постановление от 13 мая 1966 г. «Об утверждении Положений об Архивном отделе при СМ Калмыцкой АССР и о Центральном государственном архиве республики». В соответствии с постановлением произошло разделение органа исполнительной власти в лице Архивного отдела и архивного учреждения — ЦГА Калмыцкой АССР, но штатная освобожденная должность директора госархива не вводилась. Заведующий Архивным отделом продолжал выполнять функции руководителя исполнительного органа и руководителя государственного учреждения. И только при поддержке Главархива СССР в апреле 1968 г. ЦГА КАССР восстановил свое правовое положение, СМ КАССР утвердил должность директора ЦГА КАССР. Встал вопрос о выборе кандидата на должность директора госархива.

К этому времени в республике был решен вопрос о подготовке кадров архивистов. Руководство республики направляло на обучение в Московский государственный историко-архивный институт выпускников школ и молодых специалистов госархивов для получения профессионального образования. Успешно окончив обучение, дипломированные специалисты А. И. Наберухин, А. О. Тапкина, З. Б. Очирова, В. А. Босхомджиева, В. Э. Эрендженова пополнили ряды архивистов республики. На должность директора ЦГА КАССР в 1968 г. была назначена А. О. Тапкина³. С появлением истори-

² Гучинов Мацак Идрисович (1921–1980) родился в с. Улан-Хол Эркетеновского улуса Калмыцкой автономной области. Окончил в 1937 г. неполную среднюю школу. С 1938 по 1941 гг. учился и работал в республиканской политпросветшколе Наркомпроса КАССР. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вследствие ранений комиссован в 1943 г. По прибытии в Калмыкию назначен заместителем Наркома просвещения КАССР по всеобучу. В декабре 1943 г., с связи с ликвидацией автономии калмыцкого народа, депортирован в Новосибирскую область. После восстановления автономии Калмыкии работал на разных должностях. В июле 1971 г. М. И. Гучинов назначен заведующим Архивным отделом КАССР. Он вел и большую научную работу [Архивная летопись 2006: 73–75].

³ Тапкина (Гильджирова) Анна Очировна родилась 14 февраля 1942 г. в урочище Улан-худук Черноземельского улуса. Позже семья Гильджировых переезжает в с. Доценг Приютненского района, откуда в декабре 1943 г. она была депортирована в Сибирь. В 1957 г. семья Гильджировых вернулась в с. Доценг Приютненского района. После окончания с серебряной медалью Приютненской средней школы А. О. Тапкина продолжила обучение в Московском государственном историко-архивном институте. В 1964 г. начала свою трудовую деятельность в ЦГА КАССР. В 1964–1968 — старший научный сотрудник, 1968–1980 гг. — директор ЦГА КАССР. В 1980–1998 гг. — руководитель Архивной службы Калмыкии. После выхода на пенсию продолжала работать в Национальном архиве Республики Калмыкия до февраля 2021 г. А. О. Тапкина — почетный гражданин Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Калмыцкой АССР [Архивная летопись 2006: 76–80; Кутушова 2017].

ков-архивистов деятельность ЦГА КАССР перешла на новый качественный уровень.

Одним из первых вопросов, который решила А. О. Тапкина, было расширение штатов госархива. Были введены должности старшего научного сотрудника по работе с документами на старокалмыцкой письменности и научного сотрудника по работе с фотодокументами, который наладил планомерное комплектование госархива фотодокументами из редакций республиканских газет [Архивная летопись 2006: 70–71]. Если в 1967 г. штатная численность госархива составляла всего 9 человек, то в 1970 г. общая численность составляла 14 человек, в том числе руководитель — 1, научных сотрудников — 9, архивно-технических — 3. Расширение штатов позволило создать в ЦГА Калмыцкой АССР секторы (отделы): комплектования и ведомственных архивов, использования научной информации, учета и хранения документов (дел), что заметно улучшило работу архива по всем направлениям деятельности. В 1975 г. начал функционировать методкабинет, который приступил к составлению методических разработок, оказанию методической и практической помощи государственным и ведомственным архивам республики.

В 1973 г. СМ РСФСР принял постановление «Об образовании при министерствах сельского хозяйства автономных республик, управлениях сельского хозяйства крайисполкомов и облисполкомов объединенных междуведомственных архивов». В развитие данного постановления в Калмыкии был организован объединенный Межведомственный архив Министерства сельского хозяйства Калмыцкой АССР. Позже были созданы объединенные ведомственные архивы Министерства торговли КАССР, Калмыцкого респотребсоюза, Облсовпрофа [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 299. Л. 1].

Данные решения сняли некоторую напряженность с проблемой своевременной передачи документов на госхранение и обеспечили сохранность их на стадии ведомственного хранения.

Проблема комплектования госархива решилась после ввода в эксплуатацию нового здания ЦГА КАССР. Архивный отдел при СМ КАССР обеспечил перемещение и размещение архивных документов в архи-

воохранилищах. ЦГА КАССР организовал плановый прием документов, прошедших архивно-техническую обработку [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 386. Л. 1; Шалданова 2006: 18].

На долгие годы проблема приема документов на госхранение была решена. Вопрос об отсутствии резерва площадей возник в конце 1990-х гг., когда госархив принял на госхранение документы ликвидированных организаций, учреждений и предприятий. Впервые на хранение в госархив стали поступать документы по личному составу, ранее хранившиеся в организациях 75 лет.

Государственные архивы продолжали контролировать работу ведомственных архивов, проводить общественные смотры, оказывать методическую и практическую помощь работникам делопроизводственных служб и ответственным лицам за организацию работы ведомственных архивов по вопросам постановки делопроизводства, обеспечения сохранности документов, подготовки их к передаче на госхранение.

Несмотря на принимаемые меры, состояние работы ведомственных архивов не отвечало требованиям, предъявляемым к ним. Нарушались сроки ведомственного хранения, качество архивно-технической обработки документов не соответствовало нормативам. В районном звене также были проблемы со своевременной научно-технической обработкой документов учреждений, организаций и предприятий. Кроме того, в районных архивах работал один специалист, который был не в силах выполнять возложенные на него служебные обязанности по упорядочению документов и организации приема документов на хранение. Решению данной проблемы способствовали принятые нормативные правовые акты: решение коллегии ГАУ при СМ СССР от 25 августа 1965 г. «О состоянии ведомственных архивов и мероприятиях по улучшению их работы» и постановление СМ КАССР от 19 ноября 1965 г. № 543 «О хозрасчетной группе архивного отдела Совета Министров Калмыцкой АССР» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 466. Л. 33].

Основной задачей хозрасчетной группы стала обработка документальных материалов учреждений, организаций и предприятий республиканского, городского значения, а также колхозов, совхозов республи-

ки, подлежащих передаче в госархивы [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 489. Л. 33]. За годы существования хозрасчетной группы, вплоть до начала 1990-х гг., ее сотрудники производили отбор документов на госхранение, описывали документы, разрабатывали номенклатуры дел, инструкции по делопроизводству и др. нормативные документы. Деятельность хозрасчетной группы способствовала планомерному и качественному комплектованию госархивов, способствовала укреплению взаимоотношений архивных учреждений и ведомственных архивов. Значительным шагом в работе по комплектованию ЦГА КАССР стали приемы-передачи архивных документов от районных архивов. Первая передача документов произошла в 1967 г. из Каспийского райгосархива в количестве 3 366 ед. хр. и от ведомственных архивов — 3 400 ед. хр. [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 108. Л. 43]. В районные архивы поступили на хранение 6 962 ед. хр. Этому способствовали распоряжение СМ КАССР от 25 марта 1967 г. № 117-р, предписывавшее «всем учреждениям, включенным в график, привести свои документальные материалы в порядок в назначенные для них сроки» [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 141. Л. 1], а также организационно-методическая работа инспекторов Архивного отдела и работников ЦГА КАССР.

Руководствуясь протокольным решением Президиума СМ РСФСР от 11 июня 1975 г. № 22 «О делопроизводстве в учреждениях и организациях РСФСР», ГАУ при СМ РСФСР своим приказом от 18.06.1975 г. № 54 возложил на архивные учреждения обязанности по оказанию организациям методической помощи в вопросах практического применения Единой государственной системы делопроизводства (далее — ЕГСД) [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 349. Л. 37].

Внедрению ЕГСД, контролю за ведением делопроизводства в организациях способствовали общественные смотры. В ходе проведения таких проверок организации принимали меры по обеспечению сохранности документов на стадии ведомственного хранения, соблюдали сроки подготовки и передачи архивных документов на государственное хранение. Необходимо отметить, что общественные смотры проводились в соответствии с постановлениями правительства, по результатам проверок прини-

мались решения по принятию мер, направленных на устранение выявленных недочетов в работе [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 31. Л. 40; Д. 40. Л. 10; Д. 352. Л. 5].

В целях закрепления достигнутых успехов и для оказания систематической помощи архивным учреждениям постановлением СМ КАССР от 27 сентября 1978 г. № 533 республиканская смотровая комиссия была преобразована в постоянно действующую комиссию по содействию архивному делу. Впервые была поставлена задача по обеспечению сохранности документов по личному составу [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 386. Л. 32].

Госархивы начали комплектоваться новыми видами архивных документов. Архивисты провели выявление и сбор материалов личного происхождения, составили список бывших номенклатурных работников, участников становления Советской власти на территории Калмыкии, участников Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Согласно списку, были направлены письма-обращения с просьбой записать воспоминания, прислать сохранившиеся документы, фотографии или их копии. На обращения откликнулись А. Г. Мещеряков, первый представитель Калмыкии при Наркомнаце в 1918–1919 гг., А. Г. Маслов, военный комиссар Калмыкии в период 1918–1923 гг. и др.

В ЦГА КАССР поступили ценные материалы о калмыках-партизанах (10 человек), воевавших на территории Белоруссии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В Партархиве ЦК КП Белоруссии и Госархиве Белоруссии были выявлены наградные листы, боевые характеристики и др. документы в объеме около 40 машинописных страниц. В 1967 г. из Астраханского областного архива поступили 4 машинописные копии по Первому Калмыцкому революционному конному полку за 1918–1919 гг. Райгосархивы также начали принимать на хранение воспоминания бывших партийных и советских деятелей, участников Октябрьской революции и Гражданской войны и др.

20 сентября 1978 г. было принято постановление «Об улучшении организации архивного дела в центральных государственных архивах СССР», в соответствии с которым ЦГА КАССР начал комплектоваться

республиканскими и районными газетами. Проблема сохранения печатных изданий была решена.

Остро стояла проблема комплектования архивов фотодокументами. ЦГА КАССР разработал инструкции по обеспечению сохранности фотоматериалов, которые были разосланы в редакции газет. Поступлений от редакций газет не последовало. Корреспонденты редакций газет отказывались передавать негативы фотоснимков, ссылаясь на то, что они являются внештатными сотрудниками [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 474а. Л. 12].

Самым сложным являлся вопрос комплектования госархивов аудиовизуальными документами. В целях обеспечения сохранности этих видов документов СМ КАССР принял постановление от 21 августа 1968 г. № 400 «Об обеспечении сохранности и передаче на госхранение кинофотофонодокументов, отлагающихся в учреждениях и на предприятиях». Согласно постановлению, при ЦГА КАССР в пределах существующего штатного расписания был организован отдел кинофотофонодокументов. Данный отдел приступил к выявлению, сбору и приобретению аудиовизуальных документов, созданных в организациях республики, а также хранящихся в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Саратова, Астрахани и других городов [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 122. Л. 82]. ЦГА кинофотофонодокументов (ЦГА КФД) сообщил о наличии более 40 наименований кинодокументов об О. И. Городовикове [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 474а. Л. 13].

С 1968 по 1980 гг. в ЦГА КАССР были переданы документы из:

- ЦГА Советской армии (г. Москва) — 3 ед. хр. за 1920–1923 гг. по Калмыцкому областному военкомату;

- ЦГА древних актов (г. Москва) — 64 фотокопии писем калмыцких тайшей русским правителям XVII в.;

- Ставропольского краевого архива — 1 ед. хр. по Калмыкотоводтресту;

- Ленинградского исторического архива — 914 микрофотокопий документальных материалов по истории Калмыкии о преобразовании административного, общественного и судебного устройства калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и 3 500 кадров микрофотокопий по истории Калмыкии XIX в.;

- ЦГА Татарской АССР — 1 ед. хр. за 1923–1934 гг.;

- Ленинской библиотеки — более 500 кадров газет [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 122. Л. 82].

Калмыцкий архивный фонд, наряду с традиционными видами документов на бумажной основе, пополнялся документами на иных носителях. Многие из них были использованы при подготовке к изданию научных трудов.

Развитие научно-исследовательской деятельности архивных учреждений республики активизировалась после принятия ЦК КПСС постановления «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.). Тематика исследовательской работы расширилась. Особое внимание уделялось публикации документов по истории КПСС и советского общества, а также улучшению научно-справочного аппарата архивов. ЦГА КАССР подготовил к изданию сборники документов и материалов: «Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации 1921–1931 гг.» [Первые десять лет 1963], «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Калмыкия 1966], «Первый общекалмыцкий съезд Советов» [Первый 1971], «Кануков. Избранные статьи, речи, выступления 1918–1927 гг.» [Кануков 1973], «В. И. Ленин и Калмыкия» [В. И. Ленин и Калмыкия 1976], Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ [Сборник документов 1978].

Некоторые сборники документов и материалов были подготовлены при участии научных работников ЦГА КАССР и ученых Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее — КНИИЯЛИ; в настоящее время Калмыцкий научный центр РАН). Так, в порядке оказания помощи КНИИЯЛИ в подготовке к изданию сборника документов «Участие калмыков в Отечественной войне 1812 г.» [Участие калмыков 1964] архивистами были выявлено 53 документа. Проводилась работа по выявлению документальных материалов по теме «Народное образование в Калмыкии 1920–1940 гг.», были составлены карточки и перечень документальных материалов, которые были переданы в КНИИЯЛИ для информации.

Одновременно по фондам Калмыцкого областного исполкома, Калмыцкого областного архивного бюро, по личному фонду Н. Н. Пальмова проводилась работа по выявлению научных трудов профессора Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела, внесшего значительный вклад в историческую науку Калмыкии.

Прежде всего в архиве занимались исследователи. Благодаря работе с первоисточниками в 1960–1980 гг. учеными — историками Калмыкии был подготовлен ряд крупных работ, изданы книги, защищены диссертации. Так, на основе анализа архивных материалов из ЦГА КАССР были подготовлены и защищены диссертации по истории Калмыкии: А. И. Наберухина, М. П. Иванова, М. Л. Кичикова, В. Б. Убушаева, К. Н. Максимова, М. М. Батмаева, Г. Ш. Дорджиевой, Ю. О. Оглаева, И. В. Борисенко, С. И. Убушиевой, И. И. Орехова, А. Г. Митирова, К. П. Шовунова, А. Н. Команджаева и других. Документы из архивного фонда ЦГА КАССР привлекал к работе в своей докторской диссертации и У. Э. Эрдниев, хотя основными источниками в этнографической работе являлись полевые материалы автора.

Кроме того, в архиве проводили работу и студенты Калмыцкого государственного университета, аспиранты. В последующие годы этими исследователями в их научных работах были использованы архивные источники в качестве материала для научных работ, в том числе научно-квалификационных.

На основании архивных документов государственные архивы республики исполняли запросы граждан социально-правового характера. Тематика запросов касалась трудового стажа работы и размера заработной платы, необходимых при оформлении на пенсию.

13 августа 1980 г. СМ РСФСР принял постановление № 394 «Об утверждении Положения о Главном архивном управлении при СМ РСФСР и сети центральных государственных архивов РСФСР», повлиявшее на развитие архивного дела Калмыкии. Руководствуясь данным решением СМ КАССР принял постановление от 10 декабря 1980 г. о реорганизации Архивного отдела при СМ КАССР в Архивное управление при СМ КАССР [[НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 827. Л. 15](#)].

Заключение

В рассматриваемый период произошли изменения в архивном строительстве Калмыкии. В 1962 г. были осуществлены передача органов управления архивным делом и государственных архивов республики из ведения Министерства внутренних дел Калмыцкой АССР в ведение Совета Министров Калмыцкой АССР и преобразование Архивного отдела МВД Калмыцкой АССР в Архивный отдел при Совете Министров Калмыцкой АССР.

Архивные учреждения республики организовывали свою работу в соответствии с принятыми нормативными правовыми актами, указаниями вышестоящих организаций и исходя из состояния развития архивного дела в республике.

Архивный отдел при СМ КАССР организовал выполнение задач по предоставлению ретроспективной информации учреждениям и гражданам республики; обеспечению сохранности архивных документов на стадии ведомственного хранения и на государственном хранении; оказанию методической и практической помощи организациям по ведению делопроизводства и архивного дела; проведению научно-методической и научно-исследовательской работы.

Особое внимание архивные учреждения республики уделяли вопросам комплектования документами не только на бумажной основе, но и кинофотодокументами, экземплярами республиканских и районных печатных изданий (газет).

В 1978 г. было сдано в эксплуатацию новое типовое здание ЦГА КАССР, что создало условия для длительного хранения архивных документов, организации планового приема документов от министерств и ведомств, районных и городских госархивов.

На изменение сети архивных учреждений республики оказали влияние административно-территориальные изменения, происходившие в Калмыкии.

Можно констатировать, что в рассматриваемый период после восстановления автономии Калмыкии архивисты республики смогли не только достичь уровня развития архивного дела в стране, но и создать базу для дальнейшего совершенствования их деятельности в области архивного дела и делопроизводства.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Архивная летопись 2006 — Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 256 с.
- Восстановление автономии 2004 — Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3-я. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 587 с.
- В. И. Ленин и Калмыкия 1976 — В. И. Ленин и Калмыкия. Сборник документов и материалов / сост.: З. Б. Очирова, Б. С. Санджиев, А. О. Тапкина, А. И. Наберухин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 213 с.
- Калмыкия 1966 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста: Калмиздат, 1966. 551 с.
- Кануков 1973 — Кануков Х. Б. Избранные статьи, речи, выступления. 1918–1927 гг. / сост. В. Ш. Бембеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 187 с.
- Коженбаева 2006 — Коженбаева Л. П. Национальный архив — особо ценный объект культурного достояния народов Республики Калмыкия // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 97–128.
- Кутушова 2006 — Кутушова Н. Н. История создания районных архивов // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 171–188.
- Кутушова 2017 — Кутушова Н. Н. Вырастила целую команду архивистов [электронный ресурс] // Степные вести. 14.02.2017. URL: <http://tegrk.ru/archives/9426> (дата обращения: 15.03.2021 г.)
- Максимов 2002 — Максимов К. Н. Калмыкия в

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)

- национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука. 2002. 523 с.
- Первые десять лет 1963 — Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации 1921–1931 гг. Элиста: Калмиздат, 1963. 184 с.
- Первый 1971 — Первый общекалмыцкий съезд Советов. 2–9 июля 1920 года. Протоколы / сост.: А. И. Наберухин, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмиздат, 1971. 220 с.
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление 1918–2017. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Сборник документов 1978 — Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ / сост.: З. Б. Очирова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 307 с.
- Участие калмыков 1964 — Участие калмыков в Отечественной войне 1812 г. / под общ. ред. Б. С. Санджиева. Элиста: Калмиздат, 1964. 163 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / Ком. по делам архивов Респ. Калмыкия, Нац. архив Респ. Калмыкия; сост.: В. З. Атуева [и др.]. 2. изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.
- Хорхордина 1994 — Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: РГГУ, 1994. 360 с.
- Цеменкова 2019 — Цеменкова С. И. История архивов России: XX – начало XXI века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 200 с.
- Шалданова 2006 — Шалданова (Манджикова) Л. Б. Архивное строительство в Калмыкии // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 11–30.

References

- Atueva V. Z. et al. (comps.) National Archive of the Republic of Kalmykia: Collections Reviewed, 1713–1993. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 205 p. (In Russ.)
- Kalmykia in the Great Patriotic War, 1941–1945. Documents and materials. Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, Archives of Kalmykia's CPSU Regional

- Committee. Elista: Kalmizdat, 1966. 551 p. (In Russ.)
- Kanukov Kh. B. Selected Articles, Speeches, Lectures: 1918–1927. V. Bembeev (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 187 p. (In Russ.)
- Khorkhordina T. I. History of Motherland and Archives, 1917–1980. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1994. 360 p. (In Russ.)

- Kozhenbaeva L. P. The National Archive — a special cultural heritage resource for peoples inhabiting the Republic of Kalmykia. In: *The Archival Chronicle: Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival Service*. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 97–128. (In Russ.)
- Kutushova N. N. She brought up a pro team of archivists. On: *Stepnye Vesti* (news website). Posted on February 14, 2017. Available at: <http://tegrk.ru/archives/9426> (accessed: March 15, 2021). (In Russ.)
- Kutushova N. N. The shaping of Kalmykia's western districts: a historical review. In: *The Archival Chronicle: Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival Service*. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 171–188. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies. Moscow: Nauka. 2002. 523 p. (In Russ.)
- Miroshnichenko A. V. et al. (comps.) *Kalmyk Autonomous Oblast: First Ten Years of the Region's Komsomol Organization, 1921–1931*. Elista: Kalmizdat, 1963. 184 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I., Sandzhiev B. S. (comps.) *The First All-Kalmyk Congress of Soviets, 2–9 July 1920: Minutes and Verbatim Records*. Elista: Kalmizdat, 1971. 220 p. (In Russ.)
- Ochirova Z. B. et al. (comps.) *History of Kalmykia's Komsomol Organization: Collected Documents and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 307 p. (In Russ.)
- Ochirova Z. B. et al. (comps.) *Vladimir Lenin and Kalmykia: Collected Documents and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 213 p. (In Russ.)
- Restoration of Autonomy and Rehabilitation of the Kalmyk People: Collected Documents and Materials*. Vol. 1. Book 3. Part 1: *Restoration of Autonomy, 1956–1963*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 587 p. (In Russ.)
- Sandzhiev B. S. (ed.) *Kalmyks in the Patriotic War of 1812*. Elista: Kalmizdat. 1964. 163 p. (In Russ.)
- Shaldanova [Mandzhikova] L. B. Constructing Kalmykia's archival service. In: *The Archival Chronicle: Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival Service*. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 11–30. (In Russ.)
- Tapkina A. O. et al. (comps.) *Republic of Kalmykia: Administrative Structure, 1918–2017*. Reference book. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p. (In Russ.)
- The Archival Chronicle: Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival Service*. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Tsemenkova S. I. *History of Russia's Archives: 20th – Early 21st Centuries*. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2019. 200 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 501–514, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902 (470.55/58)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Зауралья

Янина Валерьевна Рафикова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-2393-9366. E-mail: ziada@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Рафикова Я. В., 2021

Аннотация. Цель статьи — определение времени и характера (прагматичного / ритуального) нарушения парных погребений кожумбердынской культурной группы алакульской культуры эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана. *Материалы.* Объектом исследования явились намеренно потревоженные кожумбердынские парные погребения: 19 одновременных и 3 неодновременных. *Результаты.* По степени нарушенности скелетов погребения разделяются на 2 группы. В 1-й останки обоих погребенных нарушены в равной степени — 10 (52,6 %). Преобладают погребения с нарушениями скелетов до костей таза и / или бедренных. Во 2-й группе останки одного из покойников потревожены больше, таких погребений 9 (47,4 %). Как правило, в большей степени нарушены женские костяки, характерной особенностью таких погребений являются манипуляции с их черепом (изъятие, разбивание). Нахождение в подавляющем большинстве могил сосудов *in situ* и точность проникновения в могилы является доказательством их нарушения современниками погребенных. Отсутствие прагматичной цели нарушения косвенно диагностируется отсутствием престижного инвентаря в большинстве непотревоженных парных погребений. Имеется и прямое свидетельство отсутствия интереса нарушителей к ценным украшениям — оставление их в потревоженной части погребения. *Вывод.* Нарушение кожумбердынских парных погребений выполнялось в ходе постпогребальных ритуалов, проводившихся современниками покойных.

Ключевые слова: эпоха бронзы, алакульская культура, кожумбердынская культурная группа, парные погребения, потревоженные погребения, постпогребальные ритуалы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Рафикова Я. В. Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 501–514. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals

Yanina V. Rafikova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2393-9366. E-mail: ziada@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Rafikova Ya. V., 2021

Abstract. This article *aims at* discussing the time and the character (pragmatic or ritual) of disturbances in paired burials of Kozhumberdy cultural group of Late Bronze Alakul' Culture in the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Data.* The object of the study are Kozhumberdy paired burials, which were deliberately disturbed, including 19 simultaneous and 3 non-simultaneous graves. *Results.* The simultaneous burials are divided into two groups according to the degree of skeletal impairment. In the first group the remains of both deceased are equally broken; there are 10 of such burials. The skeletal impairment of pelvic and/or femur bones prevail. In the second group the remains of one of the deceased are broken to a greater degree; there are 9 such burials. As a rule, the female bones suffered more: the skull manipulation (removal, breaking) is their characteristic feature. The fact of the presence of vessels in situ in most graves and the accuracy with which the penetration was accomplished may serve as the evidence of the disturbances made by the contemporaries of the buried. There seems to be no pragmatic purpose for such disturbances: the absence of prestigious grave-goods in most undisturbed paired burials may serve as the indirect indication of this fact. This is supported by direct evidence as well because those who disturbed the graves were apparently not interested in the valuable jewelry; it was left in the disturbed part of the grave. Notably, the disturbance of non-simultaneous burials is like that of simultaneous graves: the skeletons are broken down to the pelvic and/or femur bones (1) and the skulls are removed (2). *Conclusions.* The disturbance of Kozhumberdy paired burials was carried out during post-burial rituals performed by the contemporaries of the deceased.

Keywords: Bronze Epoch, Alakul Culture, Kozhumberdy cultural group, paired burials, disturbed burials, post-burial rituals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Rafikova Ya. V. Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 501–514. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Введение

Проблема потревоженности большинства погребений эпохи бронзы Северной Евразии является актуальной, поскольку причины их нарушения не очевидны. В последнее время ей была посвящена серия докладов на IV (XX) Археологическом съезде [Бондаренко 2014; Гришин 2014; Епимахов 2014; Новоженев 2014; Подобед, Усачук, Цимиданов 2014], ряд

статей в специальном сборнике [Бондаренко 2016; Гришин 2016; Куприянова 2016; Усманова 2016]. В них рассматриваются 3 версии цели нарушения: 1) прагматичная, 2) ритуальная и 3) прагматично-ритуальная.

Большинство погребений в могильниках эпохи бронзы Северной Евразии одиночные, и они преобладают среди нарушенных, поэтому в объективе внимания исследова-

телей находятся, прежде всего, именно они. Между тем интерес вызывает проникновение в парные погребения, поскольку здесь мы видим не всегда одинаковое отношение нарушителей к покойникам, и благодаря этому мотивы их становятся яснее.

Наибольшее количество парных погребений эпохи бронзы выявлено в могильниках алакульской культуры [Рафикова 2014], и более половины из них происходит из некрополей кожумбердынской культурной группы, время существования которой определяется в рамках сер. 18–12 вв. до н. э. [Ткачев 2016: 73].

Целью исследования кожумбердынских потревоженных парных погребений является определение времени и характера (прагматичного и / или ритуального) их нарушения. Для этого решались задачи: выделение и характеристика групп нарушенных парных погребений; их анализ по наиболее значимым критериям: наличие / отсутствие черепов; оставленные / выброшенные кости нарушенных частей скелетов; наличие / отсутствие / состояние личного инвентаря; целые / разбитые сосуды.

Материалы

По публикациям и архивным материалам известно 43 кожумбердынских парных погребения, из них намеренно потревоженных 22 (51,2 %).

Значительную часть (34 или 79,1 %) кожумбердынских парных погребений составляют одновременные погребения, неодновременных — 9 (20,9 %). Намеренно нарушенных среди одновременных — 19 (55,9 %), неодновременных — 3 (33,3 %). Они происходят из 9 могильников (рис. 1).

Нарушенные одновременные парные погребения

По степени нарушенности костяков погребения разделяются на 2 группы: 1) оба скелета потревожены примерно в равной степени (10 погребений, 52,6 %) и 2) один из скелетов потревожен больше, чем второй¹ — 9 (47,4 %).

Несмотря на однотипное нарушение скелетов, действия нарушителей отличались нюансами, результаты которых выразились в: целых / разбитых сосудах; на-

личии / отсутствии черепов; оставленных / выброшенных костях нарушенных частей скелетов.

В первой группе преобладают случаи с нарушениями скелетов до тазовых и / или бедренных костей (7, или 70 %) (рис. 2, 1–7). В единичных случаях (по 10 %) скелеты потревожены до середины груди (рис. 2, 8); до костей стоп (рис. 2, 9); смещены отдельные кости (рис. 2, 10).

Среди погребений с нарушениями скелетов до тазовых и / или бедренных костей по 3 захоронения взрослых (*Кунакбай-сай огр.*² 1, *Тасты-Бутак 1 огр.* 38, *Кожумберды огр.* 2) и подростков (*Ново-Аккермановка огр.* 8, *Чапаевский ОК*, *Ташла-1 2/12*) и 1 детское (*Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2).

Сосуды не тронуты в трех погребениях (*Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2 и *огр.* 38, *Ново-Аккермановка огр.* 8). В одном случае уцелел сосуд у головы мужчины, а у головы женщины разбит горшок (*Кожумберды огр.* 2). Еще в одном (*Кунакбай-сай огр.* 2) поврежден единственный (?) сосуд у головы мужчины (рис. 2, 1). Видимо, для нарушавших было важно уничтожить верхние части останков, сосуды здесь не являлись объектами их интереса. Только в двух погребениях (*Чапаевском* и *Ташла-1 2/12*) верхние части могил нарушены полностью, включая и места расположения сосудов (рис. 2, 5).

Обломки черепов обоих костяков находились в могиле в 3-х случаях (*Кунакбай-сай огр.* 2, *Ташла-1 2/12*, *Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2), в 2-х — черепа отсутствовали, как и почти все кости верхних частей скелетов (*Кожумберды огр.* 2, *Ново-Аккермановка огр.* 8). В одном случае череп мужчины был целым, а женский — в обломках (*Тасты-Бутак огр.* 38), и в одном — только один череп в обломках (*Чапаевский*). Ситуации с черепами показывают, что нарушителям они были безразличны. Даже в двух случаях их отсутствия, речь не идет о намеренном изъятии, поскольку вместе с ними не было и костей верхних частей скелетов (рис. 2, 3, 6). В единственном случае с целым мужским и пострадавшим женским черепом (*Тасты-Бутак огр.* 38) возможно считать его разбитость преднамеренной (рис. 2, 2).

¹ В эту группу с оговоркой включено и одно погребение, в котором второй скелет не поврежден.

² Оградка.

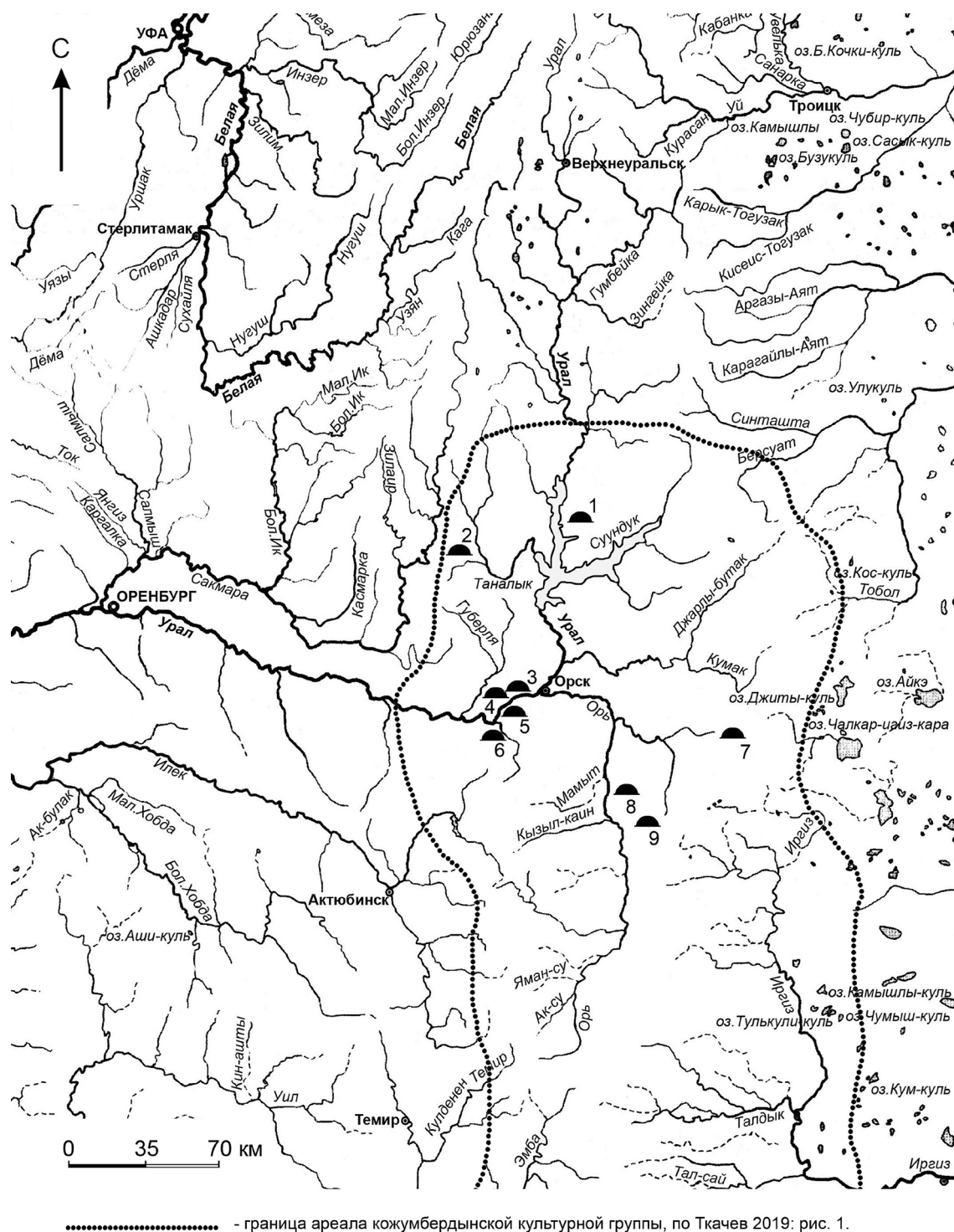

Рис. 1. Могильники кожумбердынской культурной группы с нарушенными парными погребениями: 1 — Чапаевский, 2 — Ташла-1, 3 — Ново-Аккермановка, 4 — Хабарное I, 5 — Кунакбай-сай, 6 — Урал-сай, 7 — Турсумбай II, 8 — Кожумберды, 9 — Тасты-Бутак I

[Fig. 1. Burial grounds of the Kozhumberdy cultural group with disturbed paired burials:

1 — Chapayevskiy, 2 — Tashla-1, 3 — Novo-Akkermanovka, 4 — Khabarnoe I, 5 — Kunakbai-sai, 6 — Ural-sai, 7 — Tursunbai II, 8 — Kozhumberdy, 9 — Tasty-Butak I]

Рис. 2. Нарушенные одновременные парные кожумбердынские погребения 1-й группы (с нарушением обоих костяков в равной степени):

1 — Кунакбай-сай огр. 2 [по: Грязнов 1927: рис. 8], 2 — Тасты-Бутак 1 огр. 38 [по: Сорокин 1962: табл. XXIV], 3 — Кожумберды огр. 2 [по: Кузьмина 1965], 4 — Чапаевский [по: Васильев, Федоров, Рафикова 2008: рис. 4, 2], 5 — Ташла-1 2/12 [по: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, I], 6 — Ново-Аккермановка огр. 8 [по: Подгаецкий 1940: рис. 14], 7 — Тасты-Бутак 1 огр. 25/2 [по: Сорокин 1962: табл. XVII], 8 — Кожумберды D/1 [по: Кривцова-Гракова 1947: рис. 76, 3], 9 — Урал-сай огр. 8 [по: Грязнов 1927: рис. 18], 10 — Тасты-Бутак 1 огр. 48 [по: Сорокин 1962: табл. XXXI]

[Fig. 2. Broken simultaneous paired Kozhumberdy burial of group 1 (with disturbance of both backbone equally):

1 — Kunakbai-sai ogr. 2 [by: Gryaznov 1927: fig. 8], 2 — Tasty-Butak 1 ogr. 38 [by: Sorokin 1962: Table XXIV], 3 — Kozhumberdy ogr. 2 [by: Kuzmina 1965], 4 — Chapayevsky [by: Vasiliev, Fedorov, Rafikova 2008: fig. 4, 2], 5 — Tashla-1 2/12 [by: Rafikova, Savelyev 2015a: fig. 3, I], 6 — Novo-Akkermanovka ogr. 8 [by: Podgaetsky 1940: fig. 14], 7 — Tasty-Butak 1 ogr. 25/2 [by: Sorokin 1962: Table XVII], 8 — Kozhumberdy D/1 [by: Krivtsova-Grakova 1947: fig. 76, 3], 9 — Ural-sai ogr. 8 [by: Gryaznov 1927: fig. 18], 10 — Tasty-Butak 1 ogr. 48 [by: Sorokin 1962: Table XXXI]

Обращение со смещенными останками в могиле различно. Наиболее полная комплектность нарушенных костей скелетов в *Кунакбай-сай огр. 2*, где они находились: «в беспорядке и на разной глубине» [Грязнов 1927: 12]. В остальных случаях в нарушенной части могилы — отдельные кости и их обломки (*Тасты-Бутак 1 огр. 38, 25/2*, *Чапаевский, Ташла-1 2/12*) или кости вообще отсутствовали (*Ново-Аккермановка огр. 8*, *Кожумберды огр. 2*). Видимо, лишь случайно в нарушенной половине могилы детей (*Тасты-Бутак 1 огр. 25/2*) остался нетронутым участок, где *in situ* находились ребра мальчика и фрагмент предплечья девочки с brasлетом (рис. 2, 7).

Очевидно, что целью нарушителей во всех рассмотренных случаях было разрушение верхних частей скелетов.

В двух из трех могил рассматриваемой группы с нетипичным характером нарушений они реализованы по тому же сценарию, что и в выше рассмотренных погребениях — костяки разрушены до определенного уровня, но уровень этот иной. В *Кожумберды D/1* костяки нарушены чуть выше уровня таза, до средней части грудных клеток. Сосуды не тронуты (рис. 2, 8). В *Урал-сай огр. 8* могила нарушена почти полностью, целым остался только ее юго-восточный угол, где *in situ* находились «обе берцовые и ступня правой ноги, обломок малой берцовой и ступня левой ноги мужского костяка, обе ступни женского костяка» [Грязнов 1927: 185]. Нарушенные кости скелетов находятся в полном беспорядке, но в двух компактных скоплениях (рис. 2, 9). Фрагменты двух разбитых сосудов расположены в изголовье женского костяка. Несмотря на сильную нарушенность, по составу и количеству украшений, обнаруженных в погребении, оно является самым «богатым».

Иной, избирательный сценарий нарушений в погребении взрослой женщины с подростком (*Тасты-Бутак 1 огр. 48*). Сдвинуты с мест черепа погребенных, отсутствуют (частично?) кости их рук, не хватает ребер у женского костяка, сдвинуты с места кости левой ноги подростка. Два сосуда в головах погребенных *in situ* (рис. 2, 10). Нарушенными оказались те части тела женщины, где обычно находятся украшения, изъятие которых и было, возможно, целью проник-

новения, а кости подростка, вероятно, сдвинуты случайно.

Характер нарушений погребений этой группы, за исключением *Тасты-Бутак 1 огр. 48*, свидетельствует об отношении нарушителей к обоим покойникам как к единому целому. Нетронутые в большинстве случаев сосуды в головах погребенных говорят об осведомленности нарушителей об их расположении. Погребение *Кожумберды огр. 2*, по мнению автора раскопок, «было разграблено в древности, когда скелеты еще не распались» [Кузьмина 1965: 22]. Данные факты свидетельствуют о нарушении могил современниками усопших.

В трех (30 %) случаях в нарушенной части могил обнаружены украшения. В нетронутой части могил инвентарь обнаружен в четырех (40 %) случаях. Большинство целых парных погребений не содержали богатого набора украшений, и нет оснований предполагать, что в нарушенных захоронениях этот набор был значительно богаче. Видимо, целью нарушения не являлось изъятие украшений.

Во второй группе (рис. 3) погребения разделяются на те, где более потревожен женский скелет, и на те, где больше нарушен мужской. Преобладают случаи большего нарушения женского скелета — 6 (66,7 %), значительно меньше случаев большей нарушенности мужского — 2 (22,2 %). В одном (11,1 %) погребении сложно судить, чей скелет нарушен больше, поскольку пол погребенных определить сложно.

Из 6 погребений с большей нарушенностью женского скелета в трех находились взрослые, в трех — подростки.

В *Кунакбай-сай огр. 1* у скелета мужчины в беспорядке находились череп, кости рук и верхней части грудной клетки (рис. 3, 4). Скелет женщины в этом погребении нарушен до костей таза [Грязнов 1927: 12]. О черепе женщины сведений нет. Инвентарь не обнаружен.

В *Кожумберды огр. 3* у скелета № 1 на левом боку *in situ* сохранились ребра, таз и левая нога, перекрывавшая берцовую кость скелета № 2 на правом боку. Все остальные его кости смещены. В нарушенной части могилы под большим скоплением костей найдены две бронзовые височные подвески, плакированные золотой фольгой [Кузьмина 1965: 22–24].

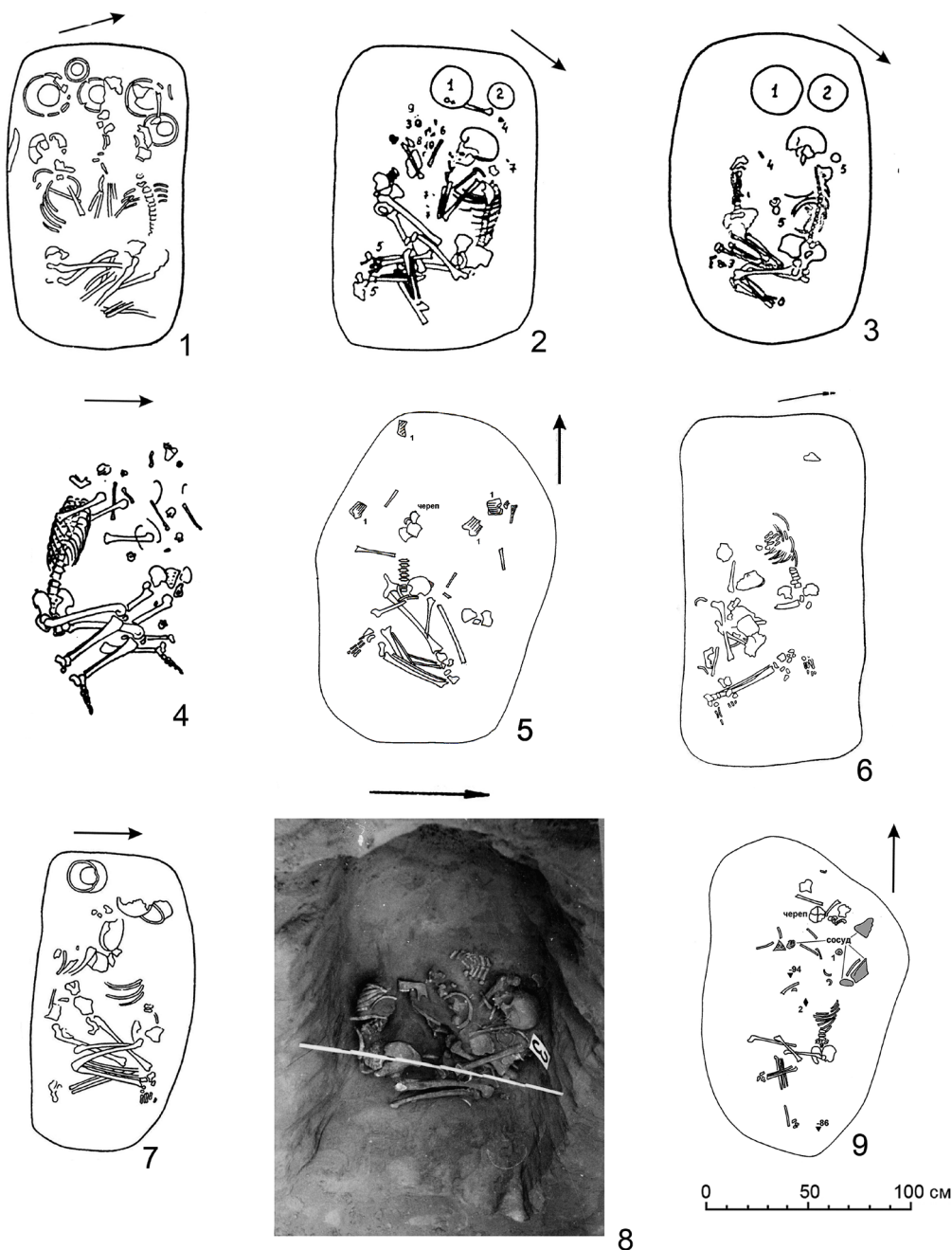

Рис. 3. Нарушенные одновременные парные кожумбердынские погребения 2-й группы (с большей степенью нарушения одного из костяков):

1 — Тасты-Бутак 1 огр. 20/3 [по: Сорокин 1962: табл. XIV], 2 — Турсумбай II 6/3 [по: Кузьмина 1962: 78], 3 — Турсумбай II 6/2 [по: Кузьмина 1962: 78], 4 — Кунакбай-сай огр. 1 [по: Грязнов 1927: рис. 7], 5 — Ташла-1 4/2 [по: Рафикова, Савельев 2015б: рис. 2, 3], 6 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/2 [по: Сорокин 1962: табл. XV], 7 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/4 [по: Сорокин 1962: табл. XV], 8 — Кожумберды огр. 3 [по: Кузьмина 1965], 9 — Ташла-1 2/14 [по: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, 4]

[Fig. 3. Disturbed simultaneous paired Kozhumberdy burials of group 2 (with a greater degree of disturbance of one of the bones).

1 — Tasty-Butak 1 ogr. 20/3 [in: Сорокин 1962: табл. XIV], 2 — Tursumbai II 6/3 [in: Кузьмина 1962: 78], 3 — Tursumbai II 6/2 [in: Кузьмина 1962: 78], 4 — Kunakbay-sai ogr. 1 [by: Грязнов 1927: рис. 7], 5 — Tashla-1 4/2 [by: Рафикова, Савельев 2015б: рис. 2, 3], 6 — Tasty-Butak 1 ogr. 22/2 [in: Сорокин 1962: табл. XV], 7 — Tasty-Butak 1 ogr. 22/4 [in: Сорокин 1962: табл. XV], 8 — Kozhumberdy ogr. 3 [in: Кузьмина 1965], 9 — Tashla-1 2/14 [by: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, 4]

По наблюдению Е. Е. Кузьминой, сдвинутые с места «грабителями» кости одного из погребенных в *Кожумберды огр. 3* еще находились в сочлененном состоянии. В западной части *in situ* стояли два сосуда [Кузьмина 1965: 23]. По определению антрополога В. В. Куфтерина, которому автор выражает глубокую признательность, на левом боку лежал мужчина.

В *Таила-1 4/2* скелет мужчины нарушен до нижней части позвоночника, от черепа остался лишь один смещенный фрагмент. От женского скелета в положении *in situ* остались таз, левая бедренная кость и фрагменты левых берцовых костей, череп отсутствовал. Разрозненные фрагменты сосуда перемешаны с обломками костей в головной части могилы (рис. 3, 5).

Два погребения подростков происходят из оградки 6 погребения *Турсумбай II*. В основном погребении 3 скелет мальчика и два сосуда находились *in situ*, а у скелета девочки отсутствовал череп, «от верхней части скелета уцелела лопатка, кости рук и нижняя челюсть» [Кузьмина 1962: 28] (рис. 3, 2). В периферийном погребении 2 у девочки череп, кости рук и несколько ребер отсутствуют, *in situ* находится позвоночник, часть ребер, таз и кости ног. У скелета мальчика отсутствовали нижняя челюсть, кости рук и несколько ребер. Остальные кости его скелета находились *in situ*, как и сосуды, стоявшие в головах погребенных (рис. 3, 3). В нарушенной части погребения *огр. 6/3* найдены: «за отсутствующей головой — раковина», «рядом с челюстью, где должен быть череп бронзовая бляшка Д³ 4 см, рядом с ней — пастовые бусы», «под обломками рук найдены фрагменты бронзового браслета», вблизи от скелета — обломки бронзы [Кузьмина 1962: 29]. В *огр. 6/2* найдены также раковина в месте «за черепом» девочки, на месте рук — обломок бронзы, две другие раковины — рядом с тазом между скелетами [Кузьмина 1962: 27]. Мелкие разрозненные предметы, обнаруженные в могиле, свидетельствуют, что ими просто пренебрегли.

Детско-подростковые погребения менее нарушены, чем взрослые, в них и сосуды, стоявшие в головах, не пострадали. Проникновение в могилы было «точечным»,

объектом внимания нарушителей являлись верхние части скелетов девочек-подростков, их черепа изъяты. Есть еще один случай «особого отношения» к женскому черепу (*Тасты-Бутак 1 огр. 20/3*), где, по словам автора раскопок, череп скелета, лежавшего на правом боку, «в результате нарушения могилы разломан на две части» [Сорокин 1962: 18]. Других нарушений костяков в могиле нет, и все 5 сосудов, стоящие в головах погребенных остались целыми (рис. 3, 1). Это случай «сверхточечного» проникновения в могилу. По данным антрополога В. В. Гинзбурга, у этого черепа «в области затылочной кости следы удара тупым оружием» [Гинзбург 1962: 188].

Во всех рассмотренных случаях мужские черепа или их обломки находились в могилах, в то время как женские черепа отсутствовали или подвергались разрушению.

В детско-подростковых погребениях только единожды пострадал скелет мальчика (*Турсумбай II 6/2*), и, вероятно, это произошло не намеренно: при манипуляциях с останками девочки нарушители зацепили и нижнюю челюсть, и руки, и верхнюю часть ребер мальчика.

Два погребения, где более нарушены мужские останки, происходят из *огр. 22 Тасты-Бутак 1* (погребения 2 и 4). Головная часть основного погребения 2 взрослого с девочкой-подростком нарушена полностью — ни сосудов, ни черепов погребенных нет (рис. 3, 6). Большинство костей мужчины, в том числе и нижняя челюсть, находятся в перемешанном состоянии вместе с фрагментами разбитого сосуда, «на месте только кости левой голени и стопы», у девочки-подростка в «первоначальном положении часть позвонков и ребер, одно бедро и несколько костей правой стопы» [Сорокин 1962: 19]. Ее черепа или его обломков в могиле нет. Основной целью нарушения здесь являлись останки мужчины, но нельзя обойти вниманием и отсутствие в могиле женского черепа.

В детско-подростковом погребении 4 скелет мальчика нарушен до костей таза, у девочки — до нижних ребер (рис. 3, 7). Большинство костей нарушенных частей скелетов отсутствуют. В ситуации с черепами нет ясности. В головах погребенных 2 сосуда: над головой мальчика *in situ*, над головой девочки разбит. Могила нарушена примерно до середины, и неравномерность

³ Диаметром.

нарушений скелетов обусловлена несимметричным расположением тел погребенных: таз мальчика находится на уровне грудной клетки девочки. Фактически мы имеем только одно погребение, где целенаправленно в большей степени были нарушены мужские останки (*Тасты-Бутак I* 22/2).

В погребении подростков (*Таила-1* 2/14) их пол не устанавливается даже по косвенным признакам. Наибольшие нарушения зафиксированы у скелета на левом боку (рис. 3, 9).

В большинстве погребений этой группы нарушены женские останки, и особое внимание уделено женским черепам. В детско-подростковых могилах сосуды в большинстве случаев не тронуты. Проникновение в них было «точечным», в отличие от погребений взрослых, где сосуды разбиты и нарушения костяков более масштабные. Судя по «точечности» проникновения в детско-подростковые могилы, нарушать их могли очевидцы погребальных церемоний. О проникновении в могилу современников погребенных, можно говорить и в отношении одного из погребений взрослых — *Кожумберды огр. 3*, в котором сочленения костей одного из погребенных к моменту нарушения еще не распались.

Инвентарь в нарушенной части могил обнаружен в 4 (44,4 %) случаях. Кроме одного погребения с относительно ценными предметами — парой бронзовых подвесок, плакированных золотом (*Кожумберды огр. 3*), в остальных это довольно скромные вещи. В нетронутой части могил инвентарь обнаружен в 4 (44,4 %) случаях: бронзовые бусы на щиколотках ног (*Турсумбай II* 6/2 и 6/3, *Тасты-Бутак-I* 22/4) и бараньи астрагалы в сосуде и около него (*Тасты-Бутак-I* 20/3). В рассмотренной группе как будто больше оснований считать, что целью проникновений было изъятие украшений, поскольку в большей степени нарушались женские останки и изымались их черепа, на которых они могли быть. Отметим однако, что в ненарушенном парном погребении подростков *Турсумбай II* 26/1 украшением головы девочки являлась единственная бронзовая височная подвеска [Кузьмина 1962: 36]. В вышеупомянутом погребении взрослых *Кожумберды огр. 3* височные подвески, плакированные золотом, по-видимому, не привлекли внимание нарушителей. Скорее всего, изъятие ценностей не являлось их целью при вторжении и в могилы этой группы.

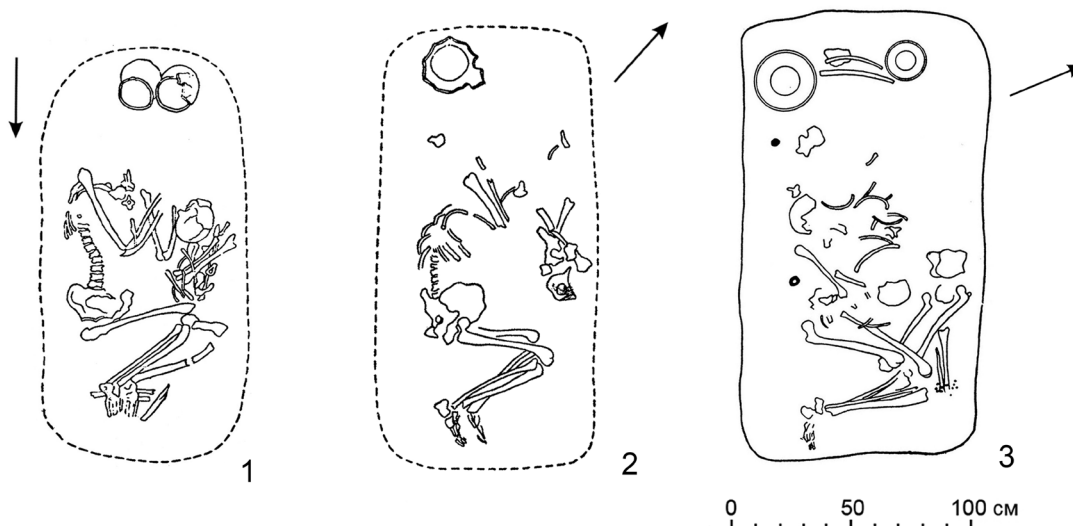

Рис. 4. Нарушенные неодновременные парные кожумбердынские погребения:

1 — *Тасты-Бутак I* огр. 30/1 [по: Сорокин 1962: табл. XXI], 2 — *Тасты-Бутак I* огр. 4 [по: Сорокин 1962: табл. II], 3 — *Тасты-Бутак I* огр. 43 [по: Сорокин 1962: табл. XXVII]

[Fig. 4. Violated non-simultaneous paired Kozhumberdy burial:

1 — *Tasty-Butak I* огр. 30/1 [in: Сорокин 1962: табл. XXI], 2 — *Tasty-Butak I* огр. 4 [in: Сорокин 1962: табл. II], 3 — *Tasty-Butak I* огр. 43 [in: Сорокин 1962: табл. XXVII]

Нарушенные неодновременные парные погребения

Из 9 кожумбердынских неодновременных парных погребений преднамеренно нарушено 3 (33,3 %). Все они происходят из одного могильника — *Тасты-Бутак I* (рис. 4). В двух из них мужчина подхоронен к женщине (огр. 4 и 43), в одном — женщина к мужчине (огр. 30/1).

Два погребения относятся к тем, где подхоронение второго покойника произведено по истечении значительного временного промежутка и останки первого покойника расположены грудой (огр. 30/1 — подхоронена женщина, огр. 4 — подхоронен мужчина). В одном случае подхоронение мужчины совершено к покойнице по истечении менее значительного временного промежутка, когда сочленения ее суставов разложились, но не настолько, чтобы распались все кости (огр. 43).

В первых двух погребениях нарушение останков позднее захороненных покойных однотипно — в области их головы. В огр. 30/1 череп подхороненной женщины сдвинут в сторону груды костей второго покойника, череп которого, в свою очередь, отсутствовал (рис. 4, 1). В огр. 4 изъят череп у обоих останков (рис. 4, 2).

В огр. 43 нарушение имеет иной характер: костяк мужчины нарушен до бедренных костей, женщины — до тазовых. В нарушенной части мужского костяка группируются обломки костей, среди которых, возможно, имеется обломок черепа (?). Кости же верхней части скелета девушки отсутствуют вместе с ее черепом (рис. 4, 3).

Во всех целых неодновременных парных погребениях у обоих покойников черепа были на месте, в том числе и в тех случаях, когда останки ранее захороненного представляли собой груды костей [Рафикова 2018а: рис. 3]. Не исключено, что одной из целей проникновения нарушителей здесь являлось изъятие черепов у мужчины (огр. 30/1), женщины (огр. 43) и обоих (огр. 4).

Сосуды *in situ* находились в двух могилах — огр. 30/1 и 43, в огр. 4 обломки двух сосудов оказались в заполнении не в результате нарушения, а, видимо, при вскрытии могилы для захоронения второго покойника [Сорокин 1962: 101].

Во всех случаях в нарушенной части могил обнаружены мелкие предметы

украшений [Сорокин 1962: 12, 20–21, 23]. В остальных могильниках, где исследованы неодновременные погребения, — *Ново-Аккермановка*, *Байту II*, *Гюрюльдек*, *Березовский V*, они не тронуты, притом, что все они находились в центральных могилах, а, как известно, именно они более всего подвергались нарушению. Возможно, существовало табу на их нарушение. Так, в *Березовском V* могильнике в 4-х из 5 исследованных курганов все центральные могилы нарушены, нетронутой осталась только одна — с неодновременным парным захоронением [Федоров, Рафикова 1996; Рафикова 2018б].

В могильнике *Гюрюльдек* из 4 раскопанных курганов центральные погребения не потревожены только в двух самых крупных, в которых находились неодновременные захоронения [Бисембаев, Умрихин 2011]. Не исключено, что акт подхоронения был в чем-то равнозначен акту нарушения.

Заключение

В обеих рассмотренных группах кожумбердынских нарушенных погребений преобладают случаи нахождения сосудов *in situ* и имеются хоть и единичные (Кожумберды огр. 2 и 3), но все же находки сочлененных костей. Отмечается «точечность» и «сверхточечность» проникновений. Все это свидетельствует о том, что погребения нарушались очевидцами погребальных церемоний.

В обеих группах оставшийся в нарушенной части могил личный инвентарь, состоявший, как правило, из мелких украшений, с одной стороны, дает почву для предположения об их нарушении с целью изъятия более ценных вещей. Особенно это касается погребений, где от вторжения более всего пострадали женские останки. С другой стороны, большинство потревоженных кожумбердынских парных погребений не содержат «богатых» украшений. Красноречивый случай с оставлением бронзовых подвесок, плакированных золотом из *Кожумберды* огр. 3, не привлечших нарушителей. Это ослабевает прагматичную версию нарушения, при принятии которой и нарушения мужских костяков выглядят избыточными.

Исследователями было высказано мнение, что нарушение могил эпохи бронзы связано с идеей обезвреживания покойников [Корочкова, Стефанов 1999: 82; Подо-

бед, Усачук, Цимидапов 2014: 630]. По мнению Е. В. Куприяновой, именно нарушение верхней части тел погребенных делало их безопасными [Куприянова 2016: 93]. Такую картину мы видим в погребениях 1 группы. Что касается 2-й группы погребений, где более всего нарушен женский скелет, то в свете высказанной специалистами идеи, напрашивается предположение о большей опасности покойниц.

В целом ритуал нарушения парных погребений оставляет противоречивые впечатления. С одной стороны, в 1-й группе погребений — отношение к погребенным как

единому целому. С другой стороны, большая нарушенность женских останков, чем мужских, возможно, отражает отношение к женщинам в обществе. Нарушения неодновременных погребений осуществлялись реже, они показывают более «ровное» отношение к обоим покойникам. Нам уже приходилось писать о том, что в неодновременных погребениях мужчина и женщина, как правило, имеют равный статус [Рафикова 2020].

Таким образом, кожумбердынские парные погребения нарушались современниками погребенных в процессе исполнения постпогребальных ритуалов.

Источники

- Кузьмина 1962 — Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2500.
- Кузьмина 1965 — Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3081.
- Федорова-Давыдова 1959 — Федорова-Давыдова Э. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ за 1959 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2227.

Литература

- Бисембаев, Умрихин 2011 — Бисембаев А. А., Умрихин С. М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // Краткие сообщения института археологии РАН. 2011. Вып. 225. С. 263–274.
- Бондаренко 2014 — Бондаренко А. В. Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам федоровской культуры) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 539–542.
- Бондаренко 2016 — Бондаренко А. В. Нарушенные погребения андроновской, еловской и ирменской культур (по материалам Еловского II могильника) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 56–71.
- Васильев, Федоров, Рафикова 2008 — Васильев В. Н., Федоров В. К., Рафикова Я. В. Но-

Sources

- Fedorova-Davydova E. A. Orenburg Archaeological Expedition of State Historical Museum: 1959 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 2227. (In Russ.)
- Kuzmina E. E. Yelenovsky Crew of Orenburg Archaeological Expedition: 1962 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 2500. (In Russ.)
- Kuzmina E. E. Yelenovsky Crew of Orenburg Archaeological Expedition: 1965 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 3081. (In Russ.)

вые погребальные памятники эпохи бронзы из Оренбургского Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 39–43.

- Гинзбург 1962 — Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актюбинской области). Приложение № 1 // Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 120. С. 186–198.
- Гришин 2014 — Гришин А. Е. Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 548–551.
- Гришин 2016 — Гришин А. Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы оди-

- новского некрополя *Сопка-2/4 А* (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 72–83.
- Грязнов 1927 — *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. II. Казаки. Л.: Изд АН СССР, 1927. С. 172–221.
- Епимахов 2014 — *Епимахов А. В.* Потрясенные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 561–563.
- Корочкова, Стефанов 1999 — *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (г. Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 81–82.
- Кривцова-Гракова 1947 — *Кривцова-Гракова О. А.* Кожумбердынский могильник. Выдержки из дневника раскопок // Алексеевское поселение и могильник. Труды Государственного исторического музея. 1947. Вып. XVII. С. 165–169.
- Куприянова 2016 — *Куприянова Е. В.* Следы постпогребальной деятельности в могильниках эпохи бронзы: ограбление или обряд? (На примере памятников у с. Степное) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. 2016. С. 84–95.
- Новоженков 2014 — *Новоженков В. А.* Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 622–628.
- Подгаецкий 1940 — *Подгаецкий Г. В.* Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69–81.
- Подобед, Усачук, Цимиданов 2014 — *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 628–631.
- Рафикова 2014 — *Рафикова Я. В.* Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228–243.
- Рафикова 2018а — *Рафикова Я. В.* Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии: мат-лы Всеросс. с междунар. участием науч. конф. (г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 50–62.
- Рафикова 2018б — *Рафикова Я. В.* Нарушенное парное погребение кургана 9 Березовского V могильника в Восточном Оренбуржье // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.). Самара: Изд-во СГСПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 159–161.
- Рафикова 2020 — *Рафикова Я. В.* Неодновременные парные алакульские погребения как свидетельства прочности брачных союзов у населения эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. Июнь. С. 131–137. DOI: 10.17223/15617793/455/19
- Рафикова, Савельев 2015а — *Рафикова Я. В., Савельев Н. С.* Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы *Таиш-1* в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всеросс. науч. конф. / отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Чел. ГKM, 2015. С. 151–159.
- Рафикова, Савельев 2015б — *Рафикова Я. В., Савельев Н. С.* Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы *Таиш-1* в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 13–20.
- Сорокин 1962 — *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи *Тасты-Бутак 1* в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 120. 207 с.
- Ткачев 2016 — *Ткачев В. В.* Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульско-

- го ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 68–77.
- Ткачев 2019 — Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 38–47.
- Усманова 2016 — Усманова Э. Р. Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 56–71.
- Федоров, Рафикова 1996 — Федоров В. К., Рафикова Я. В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа, 1996. С. 49–71.
- Committee for the Study of the Union and Autonomous Republics. Vol. II: Qazaq People. Leningrad, 1927. Pp. 172–221. (In Russ.)
- Grishin A. E. Intentionally disturbed burial assemblages at necropolis of *Sopka-2/4A* (Odinovo culture, Bronze Age in the Ob-Irtysh interfluvium). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 72–83. (In Russ.)
- Grishin A. E. Intentionally disturbed burials of the burial ground *Sopka-2/4B* (Krotovskaya culture): reconstructing the motives of post inhumation penetration. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 548–551. (In Russ.)
- Korochkova O. N., Stefanov V. I. On some features of burial practice among the population of Alakul culture in the Transurals. In: Grigoriev S. A. (ed.). Fourteenth Ural Archaeological Meeting (April 21–24, 1999): Report Abstracts. Chelyabinsk: Rifei, 1999. Pp. 81–82. (In Russ.)
- Krivtsova-Grakova O. A. Kozhumberdinsky burial ground. Excerpts from the diary of excavations. In: Alekseevskoe Settlement and Burial Ground. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. XVII. 1948. Pp. 165–169. (In Russ.)
- Kupriyanova E. V. Traces of post-burial activity in Bronze Age cemeteries: robbery or ritual? (With reference to the sites near the Steпноye village). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 84–95. (In Russ.)
- Bisembayev A. A., Umrikhin S. M. Late Bronze Age burial ground discovered in Aktobe Region. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii RAN*. 2011. No. 225. Pp. 263–274. (In Russ.)
- Bondarenko A. V. Disturbed Bronze Age burials in the Transurals and Western Siberia: a case study of the Fedorovo culture. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Transactions. Vol. I. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 539–542. (In Russ.)
- Bondarenko A. V. Disturbed burials of the Andronovo, Elovka and Irmen cultures: a case study of Elovka II burial ground. In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 56–71. (In Russ.)
- Epimakhov A. V. Disturbed burials of the Bronze Age in the Southern Urals: facts and interpretations. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 561–563. (In Russ.)
- Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. Berzovsky V kurgan burial ground of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *Bashkirskiy kray*. 1996. No. 6. Pp. 49–71. (In Russ.)
- Ginzburg V. V. Materials for the anthropology of the population of Western Kazakhstan in the Bronze Age (burials of the Tasty-Butak 1 burial ground in Aktobe Region). Appendix No. 1. In: Sorokin V. S. Bronze Age Burial ground of Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan. Ser. 'Soviet Archaeology: Materials and Studies'. 1962. Vol. 120. Pp. 186–198. (In Russ.)
- Griaznov M. P. Burials of the Bronze Age in Western Kazakhstan. In: Materials of the Special

- Novozhenov V. A. Grave plundering as a communicative message. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 622–628. (In Russ.)
- Podgaetsky G. V. Burial ground of the Bronze age near the city of Orsk. *MIA (Soviet Archaeology: Materials and Studies)*. 1940. No. 1. Pp. 69–81. (In Russ.)
- Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. 'Grave robbing' in Bronze Age cultures of steppe and forest-steppe Eurasia. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 628–631. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. Non-simultaneous paired Alakul burials as evidence of stable marital unions of the Late Bronze population of South Urals and West Kazakhstan. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 455. Pp. 131–137. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/455/19
- Rafikova Ya. V. Non-simultaneous paired burials from Alakul burial grounds in the Southern Urals and Western Kazakhstan. In: Male and Female World in the Archaeological Reflection. Conference proceedings (Ufa; November 19–22, 2018). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2018. Pp. 50–62. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. Paired burials of the Alakul culture in the Southern Urals. In: Razlogov K. E. (ed.) The Aryans in the Eurasian Steppes: The Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories. Elena Kuzmina Memorial Volume. Barnaul: Altai State University, 2014. Pp. 228–243. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. The disturbed pair burial of mound 9, burial ground Berezhovskii V, in the Eastern Orenburg region. In: Jubilee Twenty First Ural Archaeological Meeting. Conference Proceedings (Samara; October 8–11, 2018). Samara: Samara State University for Social and Pedagogical Sciences; Porto-Print, 2018. Pp. 159–161. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V., Savelyev N. S. Disturbed burials of the Late Bronze Age burial ground *Tashla-1* in Bashkir Trans-Urals. *The Ufa Archaeological Herald*. 2015. No 15. Pp. 13–20. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V., Savelyev N. S. Paired burials of the Late Bronze Age burial ground *Tashla-1* in Bashkir Trans-Urals. In: Tairov A. D. (ed.). Ethnic Interactions in the Southern Urals. Conference proceedings. Chelyabinsk: GKM. 2015. Pp. 151–159. (In Russ.)
- Sorokin V. S. Bronze Age Burial Ground of *Tasty-Butak 1* in Western Kazakhstan. Ser. 'Soviet Archaeology: Materials and Studies'. 1962. Vol. 120. 207 p. (In Russ.)
- Tkachev V. V. Mining and metallurgical production in the structure of economic and cultural models of the western periphery of the Alakul culture. *Ural Historical Journal*. 2019. No. 1 (62). Pp. 38–47. (In Russ.). DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47
- Tkachev V. V. Radiocarbon chronology of the Kozhumberdy cultural group on the western periphery of the Alakul area. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2016. No. 3 (34). Pp. 68–77. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-068-077
- Usmanova E. R. Symbolic and destroyed burials in the 'text' of Andronovo funeral rite (based on the materials of the Lisakovsk Burial Complex, 2nd millennium BC). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 56–71. (In Russ.)
- Vasilyev V. N., Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. New funerary monuments of the Bronze age from the Orenburg Trans-Urals. *The Ufa Archaeological Herald*. 2008. No. 8. Pp. 39–43. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 515–530, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530

Результаты работ на грунтовом могильнике *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2018 г.

Аркадий Иванович Королев¹, Владимир Николаевич Мышкин²,
 Антон Александрович Шалапинин³

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета

 0000-0001-8452-4386. E-mail: arkorolev@gmail.com

² Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией

 0000-0003-3489-6776. E-mail: vnsm59@bk.ru

³ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части

 0000-0001-9434-7811. E-mail: anton-shalapinin@ro.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Королев А. И., Мышкин В. Н., Шалапинин А. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена результатам раскопок на грунтовом могильнике *Максимовка I*, расположенном в лесостепном Поволжье. Данный памятник является уникальным, поскольку содержит погребальные комплексы различных эпох. *Целью* работы является введение в научный оборот материалов из раскопок 2018 г. на указанном памятнике. В *задачи* исследования входят описание и характеристика исследованных археологических комплексов, определение их культурно-хронологической принадлежности. *Материалы.* Культурный слой памятника был слабо насыщен и содержал керамику эпох неолита, энеолита и бронзы, а также орудия из камня и отходы камнеобработки. На памятнике изучено три погребения. Костяк первого погребения располагался вытянуто на спине с ориентировкой головы на север–северо-восток. Инвентарь включал предметы из железа (фрагмент котла, удила, стержневидные предметы, кресало), точильное и кресальные камни. Положение погребенного сидящего захоронения: кости ног согнуты в коленных суставах. Голова погребенного направлена на северо-восток. Инвентарь захоронения содержал кольцо из цветного металла,

костяную подвеску, кремневую пластину, трубчатые пронизки. Третье погребение также сидячее и ориентировано головой на северо-восток. Захоронение безынвентарное. Также на памятнике частично изучено два сооружения. *Результаты.* Первое погребение относится к золотоордынскому периоду эпохи средневековья (датируется второй половиной XIII–XIV вв. н. э.). Второе захоронение имеет ряд общих черт с погребальными комплексами среднего и позднего энеолита лесостепного Поволжья. Культурно-хронологическая атрибуция третьего захоронения не определена в связи с нестандартным положением костяка и отсутствием инвентаря. *Выводы.* Исследование грунтового могильника *Максимовка I* позволило получить разновременные материалы, включающие комплексы неолита, энеолита, эпохи бронзы, средневековье. **Ключевые слова:** неолит, энеолит, эпоха бронзы, средневековье, золотоордынский период, погребальный обряд, грунтовый могильник, лесостепное Поволжье

Благодарность. Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 19-78-10001 «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Для цитирования: Королев А. И., Мышкин В. Н., Шалапинин А. А. Результаты работ на грунтовом могильнике *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2018 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 515–530. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530

Results of the 2018 Archaeological Investigation at the Burial Ground of *Maksimovka I* in the Forest-steppe Volga Region

Arkady I. Korolev¹, Vladimir N. Myshkin², Anton A. Shalapinin³

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History

 0000-0001-8452-4386. E-mail: arkorolev@gmail.com

² Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of the Archaeological Laboratory

 0000-0003-3489-6776. E-mail: vnm59@bk.ru

³ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Researcher of the Research Unit

 0000-0001-9434-7811. E-mail: anton-shalapinin@ro.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Korolev A. I., Myshkin V. N., Shalapinin A. A., 2021

Abstract. Introduction. This is a report on the results of archaeological excavations at Maksimovka I, the subterranean burial ground located in the forest-steppe Volga region. The site is unique because it contains burial complexes of different epochs. The *purpose* of the paper is to introduce the materials found during the 2018 excavations for the attention of the academic community. In particular, the paper focuses on the description and characterization of the archaeological complexes under investigation, and, also, on their cultural-chronological attribution. *Data.* The cultural layer was not particularly rich but contained fragments of Neolithic, Eneolithic, and Bronze Age ceramics, stone tools, and waste left after stone processing. Three burials were examined in the excavation area. The first burial comprised the skeleton of a deceased person in a supine position; the head oriented to the north-northeast; the grave goods included iron items (a fragment of a boiler and of a bit, rod-shaped items, and a firesteel), grindstones, and flints. The second buried person was found in the seated position, leg bones bent at the knee joint, head oriented to northeast; the finds included a nonferrous metal ring, a bone pendant, a silicon wafer, and tubular beads. The third buried person was also in a seated

position, head oriented to the northeast; no grave goods were found in the third burial. Also, two other burial constructions recovered on the site were partially examined. *Results.* The first burial was attributed to the Golden Horde period in the Middle Ages (the second half of the 13th or the 14th c.). The second burial has a number of parallels to burial complexes of mid-late Eneolithic era of the forest-steppe Volga region. The third burial was left unidentified in terms of its cultural-chronological attribution, granted the non-standard position of the skeletal remains in the grave and the absence of goods. *Conclusions.* The examination of the subterranean burial ground Maksimovka I has allowed to introduce the archaeological material of different periods, such as Neolithic, Eneolithic, Bronze, and Middle Ages.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Middle Ages, Golden Horde period, burial rite, ground burial ground, forest-steppe Volga region

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation — project name ‘Ethno-cultural interaction of the population of the Middle Volga region in the Stone Age (Mesolithic-Eneolithic)’ (state reg. no. 19-78-10001).

For citation: Korolev A. I., Myshkin V. N., Shalapinin A. A. Results of the 2018 Archaeological Investigation at the Burial Ground of *Maksimovka I* in the Forest-steppe Volga Region. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 515–530. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530

Введение

Первостепенное значение для изучения древней истории населения Волго-Уральского региона является введение в научный оборот новых материалов из раскопок. Грунтовый могильник *Максимовка I*, расположенный на берегу р. Самара в лесостепном Поволжье, представляет особый интерес в связи с тем, что на данном памятнике выявлены погребальные комплексы эпохи энеолита и средневековья. Данные материалы ввиду грунтового характера захоронений являются достаточно редкими для данного региона. Результаты исследования первого года работ на могильнике *Максимовка I* опубликованы [Цибин, Шалапинин 2019: 6–16]. Целью данной работы является публикация результатов раскопок 2018 г.

Материалы

Грунтовый могильник располагается на северо-западной окраине с. Максимовка муниципального района Богатовский Самарской области в 480 м к востоку–северо-востоку от места современного впадения р. Съезжая в р. Самара (рис. 1). Памятник выявлен в 2017 г. В. А. Цибиным во время проведения разведочных работ. Для данного памятника им была определена территория, и в шурфе № 1 изучено погребение эпохи энеолита [Цибин, Шалапинин 2018: 16; Цибин, Шалапинин 2019: 8–11]. В 2018 г. на могильнике к востоку от шурфа

№ 1 был заложен раскоп общей площадью 32 м² [Мышкин, Королёв, Шалапинин 2019: 15] (рис. 2: 2).

Стратиграфия раскопа следующая (рис. 2: 1):

1) дерн, мощностью до 5 см. Данный слой фиксируется по площади раскопа, за исключением участка под дорогой;

2) переотложенный слой, который формировался в ходе хозяйственной деятельности на территории памятника (строительство и функционирование маслозавода и проселочной дороги). Данный слой состоит из темно-серого и серо-коричневого песка, перемешанного с бытовым мусором, кирпичом, галькой, древесной трухой, щебнем. Мощность слоя от 10 до 100 см на разных участках памятника;

3) слой темно-серого песка. Данный слой фиксировался в восточной части раскопа. Мощность данного слоя составляет от 3 до 38 см;

4) слой серого песка, постепенно высветляющийся к низу. Мощность данного слоя до 60 см;

5) светлый серо-коричневый песок (предматерик). Мощность данного слоя до 18 см;

6) материк — коричневый песок, фиксируется с глубины –36 см от условного «0».

Культурный слой слабо насыщен археологическим материалом и включал фраг-

менты керамики эпох неолита (2 экз.), энеолита (1 экз.) и эпохи бронзы (20 экз.), а также орудия из камня (5 экз.) и отходы камнеобработки (13 отщепов, 2 скола, 3 осколка, 1 кусок кремня, 1 чешуйка).

Среди находок, полученных при разборке слоя, следует отметить несколько предметов.

Среди кремневых предметов выделим скребок на отщепе прямоугольной формы с тремя рабочими краями и жальцем из серо-коричневого кремня (рис. 3: 6); концевой скребок на отщепе из белого кремня (рис. 3: 7); проколку на отщепе полупрозрачного серого кремня (рис. 3: 8); медиальную часть пластины с ретушью из кремня желтого цвета (рис. 3: 9); обломок наконечника стрелы из кремня серого цвета (рис. 3: 10).

Найденный в культурном слое орнаментированный фрагмент стенки сосуда эпохи неолита имеет серо-коричневый цвет и толщину 0,9 см. Орнамент состоит из аморфных ямок и оттисков короткого гребенчатого штампа (рис. 3: 3).

В число фрагментов глиняных сосудов эпохи бронзы, представленных, главным образом, неорнаментированными стенками, входят фрагменты двух отогнутых наружу венчиков. Их цвет коричневый, в изломе — черный. Тесто плотное, с примесью шамота. Один венчик имеет орнамент из поясков овальных и округлых ямок (рис. 3: 1), второй украшен пояском округлых ямок (рис. 3: 2).

Среди них неорнаментированное плоское днище со следами выщелоченной раковины на поверхности (рис. 3: 5).

В пределах раскопа исследовано три погребения (рис. 3: 2).

Погребение № 2 (рис. 4) находилось в юго-восточной части раскопа¹. Могильная яма вытянутых очертаний с небольшим расширением в северной части и округлыми углами (кроме северо-восточного) была ориентирована длинной осью по линии север–северо-восток – юг–юго-запад. Размеры ямы: максимальная длина — 2,15 м, максимальная ширина — 0,9 м. Могильная яма фиксировалась с уровня +27–30 см от условного «0». Глубина могильной ямы от уровня первой фиксации до дна составляет 90–97 см, от условного «0» — 63–67 см. За-

полнение — темный серо-коричневый песок с вкраплениями коричневого, светло-коричневого, светло-серого песка, угольков размерами до 2 см.

В заполнении ямы были обнаружены несколько предметов. На глубине 30 см от условного «0» найдено звено составных железных удил, изготовленное из прямоугольного в сечении стержня. Один конец стержня представляет собой неподвижное кольцо, в которое вставлено кольцо, имевшее диаметр 2,8 см и являвшееся подвижным. Это кольцо изготовлено из треугольного в сечении прута. Противоположный конец стержня загнут в петлю. Размеры предмета — 10,7×3,4×1,1–2,3 см (рис. 5: 5).

На глубине –48 см от условного «0» находился стержневидный железный предмет, изготовленный из овального в сечении прута и имевший размеры 3,6×0,7×0,5 см (рис. 5: 4).

Кроме того, при выборке заполнения ямы найдены неорнаментированный фрагмент керамики размерами 1,5×2 см и кремневый отщеп.

На дне ямы лежал скелет взрослого мужчины, умершего в возрасте 40–50 лет.² Костяк располагался вытянуто на спине головой на север–северо-восток. Череп лицевой частью повернут на восток. Плечевая кость правой руки располагалась вдоль грудной клетки. Локтевая и лучевая кости, а также кисть правой руки находились на костях таза. Левая рука была согнута в локтевом суставе, ее предплечье и кисть располагались в районе пояса умершего.

Около левого плеча и верхней челюсти погребенного на дне могилы лежал железный предмет подквадратных очертаний, вероятно, фрагмент верхней части котла, распавшегося на 3 части. Один край котла утолщен на внутренней стороне и слегка закруглен в профиле. На вогнутой стороне сохранились кусочки древесины (коры?). Размеры фрагмента — 9,5×8,7 см (рис. 5: 1). Рядом находился еще один железный предмет с одним узким и вторым уплощенным и более широким концом. На узком конце сохранились частички древесины (рис. 5: 3). Под скелетом в районе пояса располагалось железное кресало, имеющее калачевидную

¹ Погребение № 1 было исследовано в 2017 г.

² Все определения пола и возраста погребенных выполнены антропологом А. А. Хохловым.

форму, треугольный выступ и несомкнутые концы (рис. 5: 2), три кресальных камня аморфной формы, изготовленных из кремня коричневого цвета и имеющих следы ударов на поверхности (рис. 5: 6, 7, 9), а также точильный камень подпрямоугольной формы (рис. 5: 8). На костях погребенного и под ними были зафиксированы следы коры или древесной трухи до 1,6 см толщиной. Скелет частично перекрывала кора. Она обнаружена и под скелетом. Пятно древесной коры имело подпрямоугольную форму. Его размеры 75×170 см. Структура коры местами хорошо сохранилась в области стоп. Она двухслойная; первый слой ярко-лилового оттенка, второй — черный, в области стоп кора, возможно, была обуглена. Толщина коры составляла 1–1,6 см. По сторонам тазовых костей скелета сохранились загнутые вверх участки коры.

Погребение № 3 (рис. 6) располагалось в северной части раскопа. Контуры могильной ямы не фиксировались. Ребенок, умерший в возрасте 6–7 лет, был захоронен сидя. Череп располагался над костями грудного отдела и над тазовыми костями. В момент расчистки череп был направлен теменной частью в северо-восточном направлении. Согнутые в коленях ноги завалились в западном направлении. Отдельные позвонки находились к северу и юго-востоку от черепа. Костяк посыпан охрой. Около костей ног на глубине –31 см от условного «0» находились две пронизки из трубчатых костей мелкого животного. На их торцевых сторонах прослеживаются следы обрезки и шлифовки. Первая пронизка имеет длину 1,3 см, максимальный диаметр 0,5 см, вторая — длину 1,2 см, диаметр — 0,6 см (рис. 7: 3, 4).

К юго-западу от костяка располагались коленная чашечка, покрытая охрой, и на глубине –28 см от условного «0» — кремневая пластина с ретушью по двум граням из кремня серо-коричневого цвета с белой коркой (рис. 7: 2). Её длина — 4,3 см, максимальная ширина — 1,8 см, толщина — 0,1 см. Пластина покрыта охрой. При разборе погребения под черепом на глубине –30 см от условного «0» была обнаружена плоская костяная подвеска вытянутой в плане формы. Края подвески зубчатые. В верхней части предмета имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см. Длина подвески —

4,9 см, максимальная ширина — 2,9 см, толщина — 0,2 см (рис. 7: 1). В норе под костяком (на глубине –41 см от условного «0») находилось кольцо из цветного металла (меди?) с приостренными несомкнутыми концами, один из которых расслоился. Кольцо изготовлено из прутка, имеющего подчетырёхугольное с закругленными углами поперечное сечение и толщину 0,2 см. На прутке имеется участок с браком отливки, который частично выправили проковкой. Диаметр кольца — 2,6–2,7 см (рис. 7: 5).

Погребение № 3 по ориентировке и положению скелета, инвентарю, наличию посылки охрой аналогично погребению № 1 этого же могильника, изученному в 2017 г. и отнесенному к эпохе энеолита.

Погребение № 4 и сооружение № 1 (рис. 8: 1) находились в восточной части раскопа.

Погребение № 4 (рис. 8: 1). На уровне поверхности материка удалось зафиксировать границы могильной ямы в ее северной, западной и южной частях. Границы восточной части могильной ямы на этом уровне точно определить не удалось, из-за сходства заполнения погребения № 4 и сооружения № 1. Заполнение могильной ямы цветом и структурой грунта не выделялось на фоне заполнения сооружения № 1. На глубине –65 см и –69 см от «0» по материк была зафиксирована западная граница могильной ямы и, частично, северная и южная. Могильная яма погребения № 4 в восточной части соединялась с сооружением № 1, и четкой границы между ними не было. Восточный край могильной ямы был предположительно определен по северной стенке и, отчасти, по южной на глубине –90 от «0», а также при зачистке дна могильной ямы после изъятия костяка на глубине –122–124 см от «0» по остаткам заполнения серого песка, когда заполнение сооружения № 1 было выбрано уже до материка. Могильная яма имела в плане вытянутую подовальную форму и была ориентирована длинной осью по линии север–северо-восток — юг–юго-запад. Размеры ямы на уровне фиксации (–65–69 см от 0): длина — 1,25 м, ширина составляла, вероятно, около 0,7 м. В верхней части могила имела слегка наклонные стенки, а у северной короткой стенки пологий уступ шириной 0,14 м. Начиная с глубины около

–85 см, стенки ямы становились отвесными. Таким образом, по направлению ко дну могила уменьшалась в размерах. Ее размеры у дна: длина — 0,98 м, ширина — около 0,6 м. Дно ямы зафиксировано на глубине –124 см от «0». Заполнение представляло собой однородный песок серого, ближе ко дну светлого-серого цвета.

Захоронение № 4 принадлежало женщине, умершей в возрасте 40–55 лет. Погребенная располагалась в позе сидя, завалившись вправо, опираясь правым плечом и поднятым вверх коленом правой ноги о западную стенку ямы, а правой височной частью черепа — о северную стенку. Кости скелета сохранили анатомическое положение в сочленениях. Череп лежал глазницами вверх и теменной частью на северо-восток. Нижняя челюсть занимала анатомическое положение. Шейные позвонки были изогнуты и соответствовали запрокинутому назад черепу. Расположение ключиц, лопаток, ребер, позвонков соответствовало анатомически положению тела в позе сидя с завалом в правую сторону. Кости согнутой в локте правой руки опирались локтевым суставом о дно ямы, эпифизом плечевой кости и кистью — о западную стенку. Кости кисти были направлены вверх, около коленного сустава правой ноги. Кости левой руки были также согнуты в локте и кистью лежали на тазобедренном суставе. Кости ног погребенной были сильно согнуты в коленных суставах. Колено правой ноги было направлено вверх и опиралось о западную стенку ямы, кости стопы упирались в кости левой ноги около коленного сустава. Кости левой ноги лежали практически горизонтально на дне могильной ямы, а кости стопы частично находились под тазовыми костями. Такое положение костей стопы, находившейся в анатомическом порядке, показывает, что такое положение левой ноги было придано специально. Тазовые кости находились на дне могильной ямы в положении сидя с легким завалом к северо-западу на глубине –122–124 см от «0».

Таким образом, судя по расположению костей, погребенная была захоронена в положении сидя с согнутой коленом вверх правой ногой, согнутой в колене и поджатой назад под таз стопой левой ногой. Руки были согнуты в локтях, кисть правой руки лежала на колене правой ноги, кисть ле-

вой руки, видимо, лежала в области паха. Кости скелета сохранили практически ненарушенное положение, в том числе после естественного разложения мягких тканей погребенной. Это свидетельствует о том, что яма имела небольшие размеры, которые не позволили распасться скелету в процессе археологизации погребения.

В заполнении могильной ямы на глубине –103 см от «0», в 14 см к востоку от левой лопатки скелета была найдена заготовка наконечника из серо-розового кремня (рис. 8: 2). Длина изделия — 5 см, ширина — 2,6 см, толщина — 1 см. Заготовка имеет двустороннюю обработку крупной ретушью.

Сооружение № 1 зафиксировано на глубине –65–69 см (рис. 8: 1). На этом уровне пятно заполнения этого сооружения сливалось с пятном погребения № 4 или перекрывало его. Заполнение представляло собой песок серого цвета, с пятнами темно-серого и коричневого оттенков от нор землеройных животных. Выборка заполнения сооружения № 1 показала, что определение его западного края осложнено наличием погребения № 4. Судя по стенкам, которые были определены после расчистки сооружения № 1, его часть, выявленная в квадратах 2 и 4, имела, скорее всего, полукруглую в плане форму. В пределах изученной площади максимальная ширина данного сооружения по линии север–юг (по верхнему уровню фиксации в профиле восточной стенки) составляла 2,66 м. Размеры выступающей части по линии восток–запад составили 31–33 см. Сооружение имело пологие стенки и слегка округлое дно.

Сооружение № 2 зафиксировано в юго-западной части раскопа (рис. 2: 1). В квадрате 4 раскопа располагалась лишь северная часть сооружения. Сооружение выступало из стенки раскопа на 0,2 м, поэтому форма его не установлена. Можно отметить, что граница пятна сооружения достаточно ровная, она ориентирована по линии запад–восток. В пределах изученной площади сооружение имеет округлые углы, а его максимальная ширина составляла в пределах 1,5 м. Оно имело пологие стенки и прорезало материк на незначительную глубину, равную 14 см. Основу заполнения данного сооружения составил серый песок. Ее глубина от уровня составляла 27 см от

уровня поверхности предматерика (–20–24 см от «0»). Вещи, антропологические или остеологические материалы в заполнении данного сооружения не обнаружены.

Анализ полученных материалов

Среди погребальных комплексов наиболее ранним является погребение № 3 (рис. 6). Это захоронение по ряду особенностей погребального обряда и облику вещей имеет целый ряд аналогий в материалах хвалынской энеолитической культуры, представленных в I и II Хвалынских могильниках, а также Хлопоковском могильнике. В погребениях указанных могильников также присутствует ориентировка погребенных головой на северо-восток, положение костяка с согнутыми ногами, посыпка покойного охрой, инвентарь из орудий на пластинах, пронизки и медные кольца [Агапов, Васильев, Пестрикова 1990: 121–127; Агапов 2010: 272; Васильев, Овчинникова 2000: 259; Васильев 2003: 82–83; Малов 1982: 82–94; Малов 2008: 119–128; Моргунова 2011: 105, 108, 110; Рындина 2010: 235].

Погребение № 3 грунтового могильника *Максимовка I* имеет сходство с энеолитическими захоронениями Мурзихинского могильника в Прикамье, где также зафиксирована традиция захоронения умерших в сидячем положении с полусогнутыми ногами и обычай посыпания погребенных охрой. Следует отметить сходство некоторых предметов погребального инвентаря двух рассматриваемых могильников. В частности, в захоронении № 102 Мурзихинского могильника обнаружен фрагмент костяной подвески с зубчиками по краям [Чижевский 2008: 367–371], сходной с подвеской из могильника *Максимовка I*. Отмеченные аналогии позволяют предварительно датировать погребение № 3, раскопанное в 2018 г., средним или поздним энеолитом. В калиброванном значении указанный диапазон определяется между 5250–3500 BC [Королев 2020: 44–45; Кузнецов 2020: 48; Сомов, Шалапинин 2019: 237].

Погребение № 2 грунтового могильника *Максимовка I*, судя по особенностям обряда (положение погребенного вытянуто на спине и его северо-северо-восточная ориентировка), а также погребальному инвентарю (кольчатые удила, калачевидное кресало), является захоронением кочевника и совер-

шено в эпоху средневековья. Оно имеет ряд общих черт с другими грунтовыми захоронениями указанной эпохи, открытыми в бассейне р. Самары. На Старо-Елшанском могильнике в могильных ямах зафиксированы остатки дерева и кусочки древесного угля. На Виловатовском и Максимовском могильниках обнаружены кресала и кресальные камни. Удила, аналогичные максимовским, найдены при исследовании Александровского и Новопавловского курганных могильников в лесостепном Заволжье, в захоронениях золотоордынского периода, датированных второй половиной XIII–XIV вв. н. э. [Васильева 1979: 220–230; Васильева 2000: 340–342].

Культурная принадлежность погребения № 4 не определена. На дне погребения или непосредственно на скелете вещи не найдены, а кремневый предмет, обнаруженный в заполнении ямы, видимо, отношения к погребению не имеет. Можно лишь предположить, что поскольку верхний уровень фиксации могильной ямы № 4 располагался ниже верхнего уровня фиксации могильной ямы погребения № 2, то рассматриваемое захоронение может быть датировано более ранним временем, чем средневековый период. Сохранность костей значительно лучше, чем у погребений энеолитической эпохи. Сидячее положение костяка отличается от сидячего или полусидячего положения скелета из погребения № 3, что ставит под сомнение возможность отнесения его к энеолиту.

Относительно хронологической последовательности сооружения № 1 и погребения № 4 необходимо заметить, что признаки прорезания или нарушения могильной ямой пятна сооружения № 1 отсутствовали. На уровне фиксации (на уровне материка) сооружения и места погребения было отмечено одно пятно однородного заполнения. Вероятно, сооружение № 1 имеет более поздний характер по отношению к погребению № 4. Оно могло частично перекрыть погребение, не нарушив при этом скелет.

Выводы

Исследование грунтового могильника *Максимовка I* позволило получить разновременные материалы. На памятнике отложились культурные напластования неолита, энеолита и эпохи бронзы. В результате работ

2018 г. частично изучено два сооружения и исследовано три захоронения. Одно погребение датируется эпохой энеолита, второе

— второй половиной XIII–XIV вв. н. э., культурно-хронологическая принадлежность третьего захоронения не определена.

Литература

- Агапов 2010 — *Агапов Д. С.* Медные изделия в погребальном обряде хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 258–283.
- Агапов, Васильев, Пестрикова 1990 — *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 160 с.
- Васильева 1979 — *Васильева И. Н.* Погребения кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. С. 202–240.
- Васильева 2000 — *Васильева И. Н.* Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 293–346.
- Васильев, Овчинникова 2000 — *Васильев И. Б., Овчинникова Н. В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.
- Васильев 2003 — *Васильев И. Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.
- Королев 2020 — *Королев А. И.* Поздний энеолит лесостепного Поволжья в свете радиоуглеродного датирования // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. СПб.: ООО «Порто-принт», 2020. С. 44–45.
- Кузнецов 2020 — *Кузнецов П. Ф.* Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. СПб.: ООО «Порто-принт», 2020. С. 47–50.
- Малов 1982 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982. С. 82–94.
- Малов 2008 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Моргунова 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.
- Мышкин, Королев, Шалапинин 2019 — *Мышкин В. Н., Королев А. И., Шалапинин А. А.* Раскопки грунтового могильника Максимовка I // Археологические открытия в Самарской области 2018 года. Самара: Изд-во СНЦ, 2019. С. 15.
- Рындина 2010 — *Рындина Н. В.* Медные находки Хвалынского I могильника (итоги технологического исследования) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 234–257.
- Сомов, Шалапинин 2019 — *Сомов А. В., Шалапинин А. А.* Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 229–239.
- Цибин, Шалапинин 2018 — *Цибин В. А., Шалапинин А. А.* Разведочные работы у с. Максимовка в Богатовском районе // Археологические открытия в Самарской области в 2017 году. Самара: Изд-во СНЦ, 2018. С. 16.
- Цибин, Шалапинин 2019 — *Цибин В. А., Шалапинин А. А.* Погребение эпохи энеолита грунтового могильника Максимовка I из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 6–16.
- Чижевский 2008 — *Чижевский А. А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

References

- Agapov D. S. Copper goods in the burial rite of the Khvalynsk Eneolithic burial grounds. In: Khvalynsk Copper Age Cemeteries and Khvalynsk Copper Age Cultures. Results of Research. Samara: Povolzhye, 2010. Pp. 258–283. (In Russ.)
- Agapov S. A., Vasilyev I. B., Pestrikova V. I. Khvalynsk Eneolithic Burial Ground. Saratov: Saratov State University, 1990. 160 p. (In Russ.)
- Chizhevsky A. A. Eneolithic Burials of Murzikhinsky II burial ground. In: Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal. Vol. I. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Pp. 367–371. (In Russ.)
- Korolev A. I. Late Eneolithic of the forest-steppe Volga region in the light of radiocarbon dating. In: Radiocarbon in Archaeology and Paleoecology: Past, Present, and Future. Jubilee conference proceedings. St. Petersburg: Porto-Print, 2020. Pp. 44–45. (In Russ.)
- Kuznetsov P. F. Chronology of the Khvalynsk culture from the Volga-Ural region. In: Radiocarbon in Archaeology and Paleoecology: Past, Present, and Future. Jubilee conference proceedings. St. Petersburg: Porto-Print, 2020. Pp. 47–50. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovsky burial ground and historiography of the Eneolithic Lower Volga region. In: Archaeology of the East European Steppe. Vol. 6. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2008. Pp. 32–134. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovsky burial ground and its place in the Eneolithic Volga region: summarizing excavations of 1977–1978. In: Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Era. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 1982. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Morgunova N. L. The Eneolithic Volga-Ural Interfluvium. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2011. 220 p. (In Russ.)
- Myshkin V. N., Korolev A. I., Shalapinin A. A. Excavation of Maksimovka I ground burial. In: 2018 Archaeological Discoveries in Samara Oblast. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2019. P. 15. (In Russ.)
- Ryndina N. V. Copper finds of Khvalynsk I burial ground: results of technological research. In: Khvalynsk Copper Age Cemeteries and Khvalynsk Copper Age Cultures. Results of Research. Samara: Povolzhye, 2010. Pp. 234–257. (In Russ.)
- Somov A. V., Shalapinin A. A. The ratio of the Neolithic and Eneolithic complexes of the forest-steppe Volga region according to radiocarbon dating. *Samara Journal of Science*. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). Pp. 229–239. (In Russ.)
- Tsibin V. A., Shalapinin A. A. Exploration work near the village of Maksimovka, Bogatovsky District. In: 2017 Archaeological Discoveries in Samara Oblast. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2018. P. 16. (In Russ.)
- Tsibin V. A., Shalapinin A. A. The Eneolithic burial of Maksimovka I soil burial ground from the Samara Trans-Volga region. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. Khvalynsk Eneolithic culture of the Volga-Ural steppe and forest-steppe (some results of the study). In: Archaeological Issues of the Volga Region. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 61–99. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Ovchinnikova N. V. Eneolithic. In: History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 216–277. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Burials of nomads in the territory of the Kuibyshev Volga region. In: Ancient History of the Volga Region. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 1979. Pp. 202–240. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. The Golden Horde period in the history of the Samara Volga region. In: History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Early Iron Age and Middle Ages. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 293–346. (In Russ.)

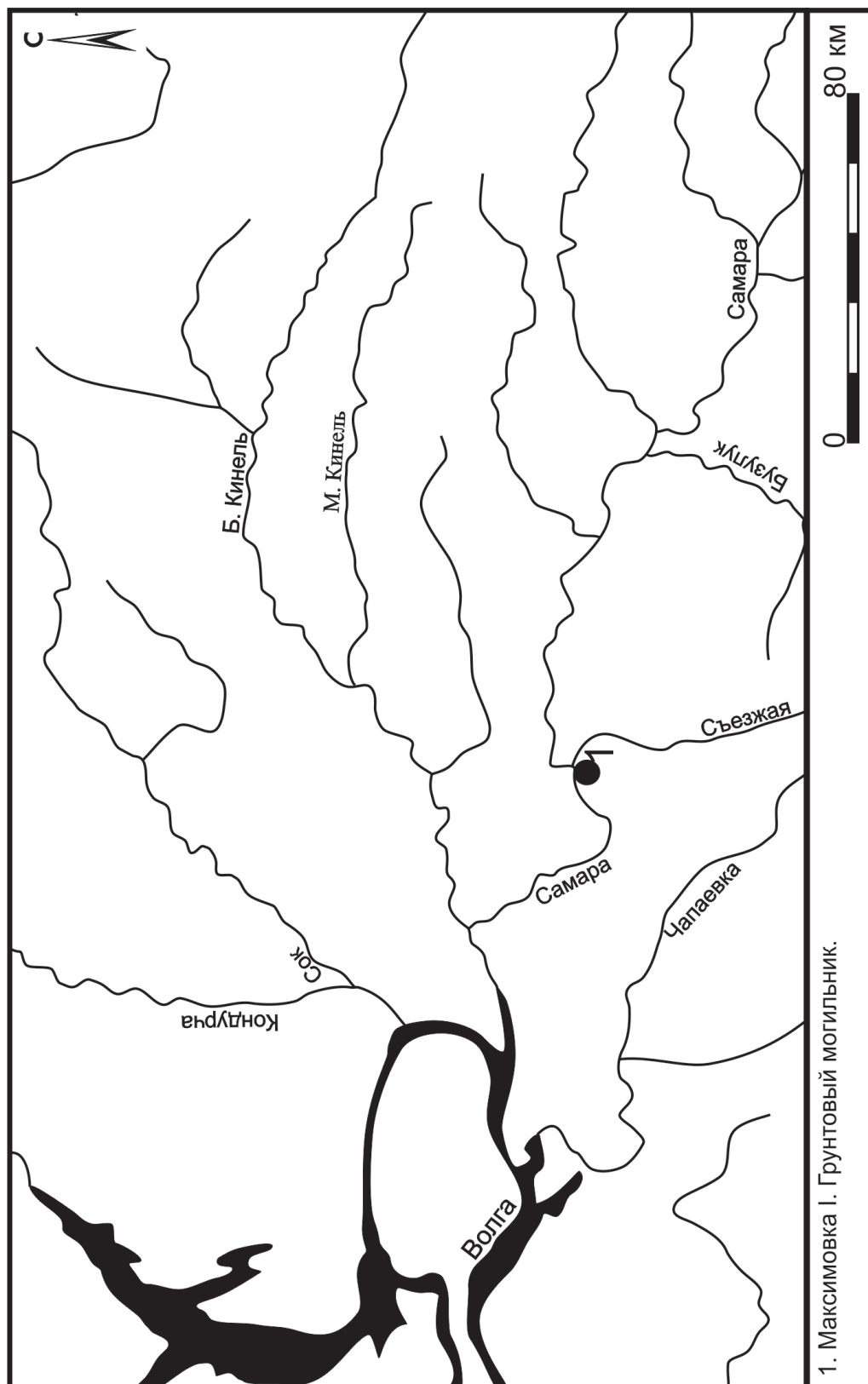

Рис. 1. Местоположение грунтового могильника Максимовка I
[Fig. 1. Location of Maksimovka I burial ground]

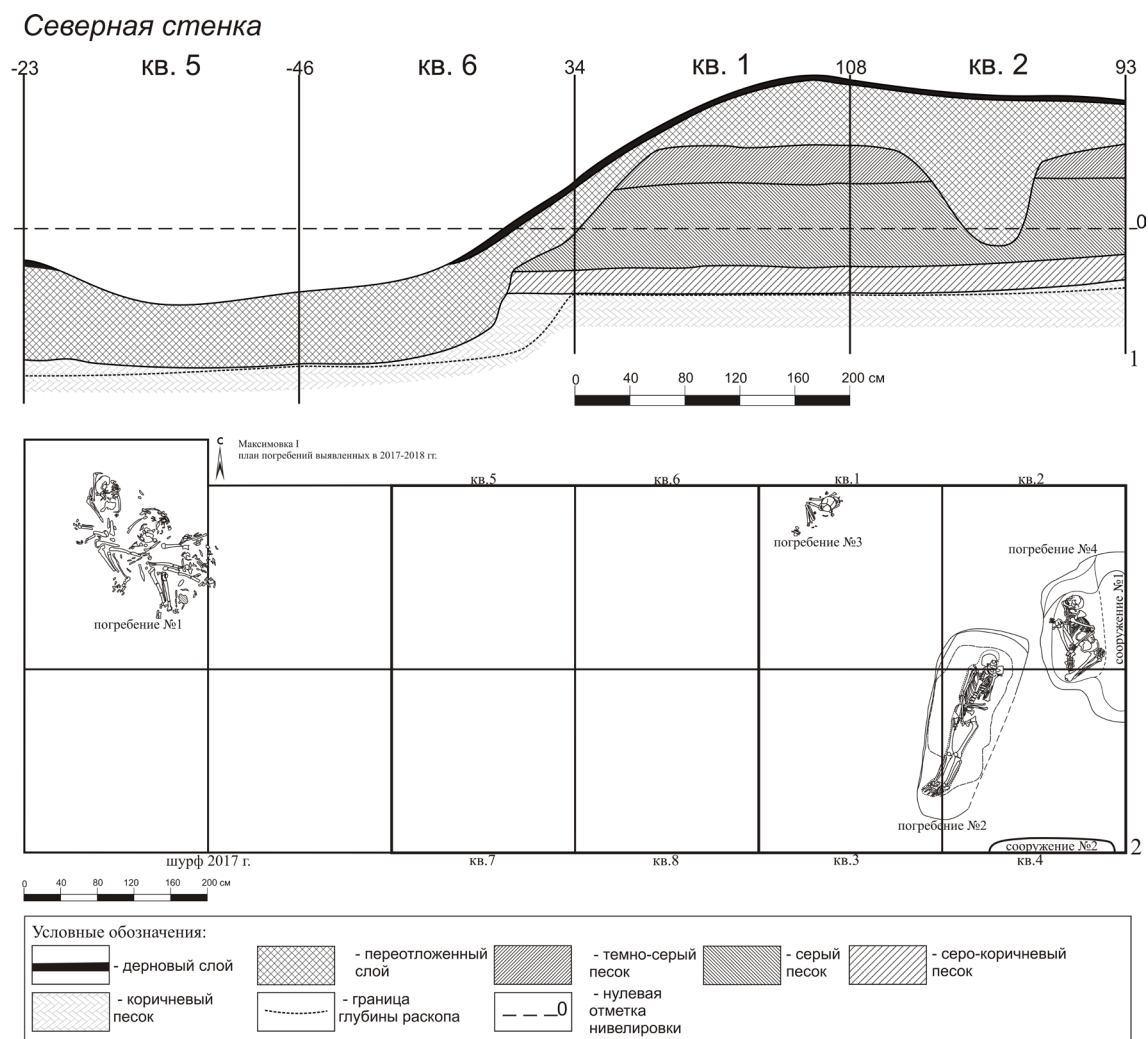

Рис. 2. Северная стенка раскопа (1), планиграфия могильника Максимовка I (2)
[Fig. 2. Northern wall of the excavation site (1), planigraphy of Maksimovka I burial ground (2)]

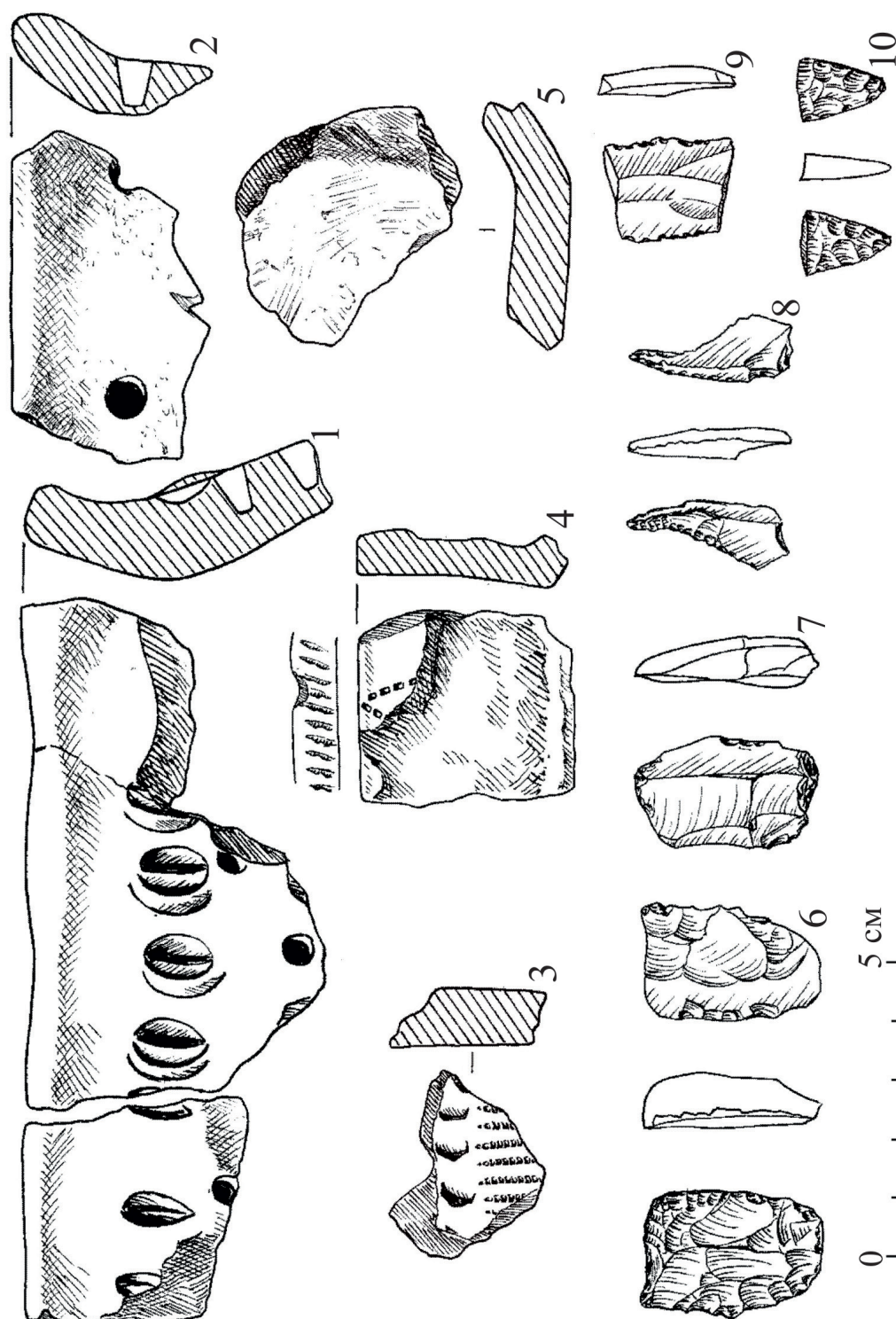

Рис. 3. Археологический материал из культурного слоя
[Fig. 3. Archaeological material from the cultural layer]

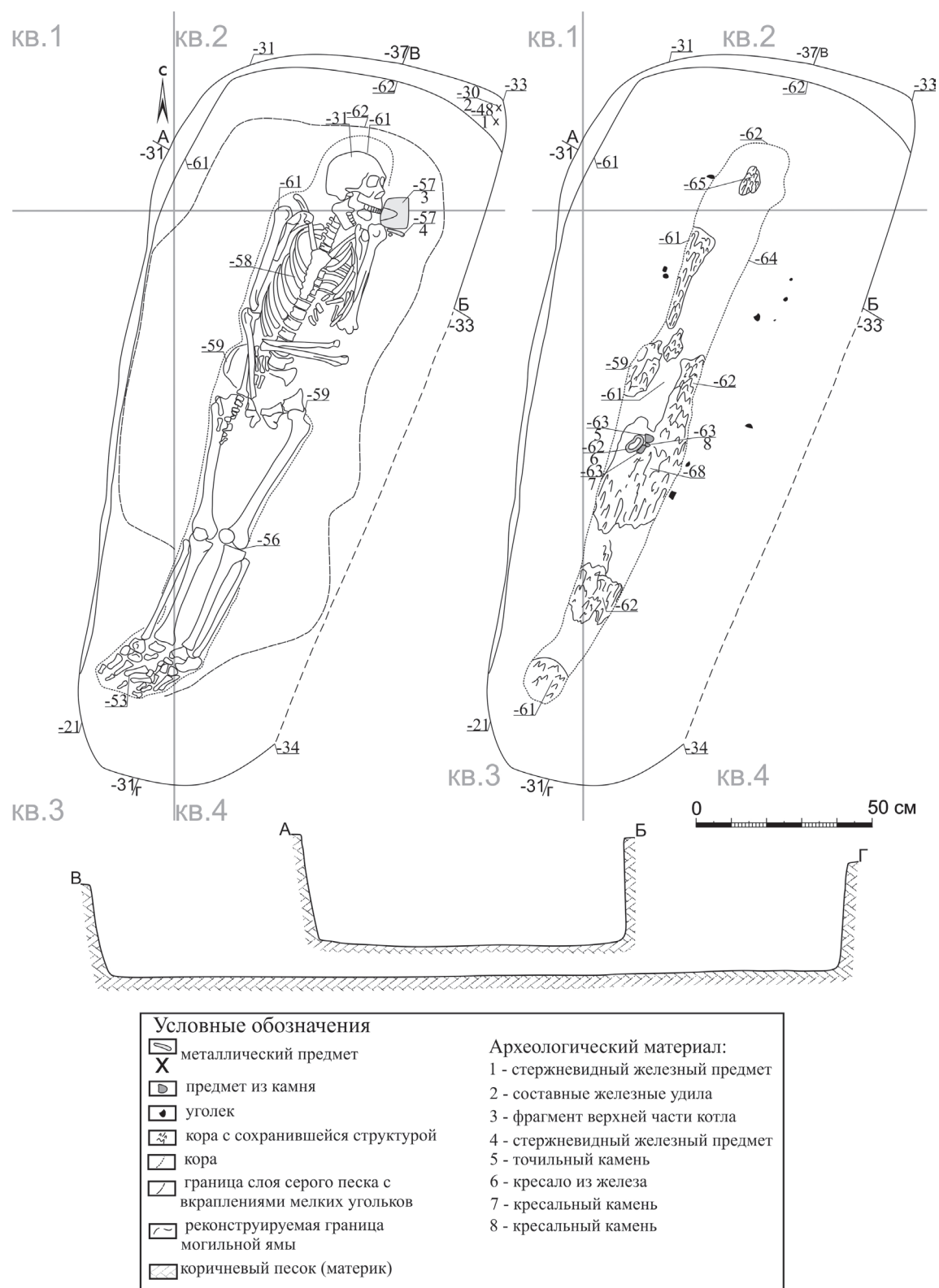

Рис. 4. Погребение № 2
[Fig. 4. Burial No. 2]

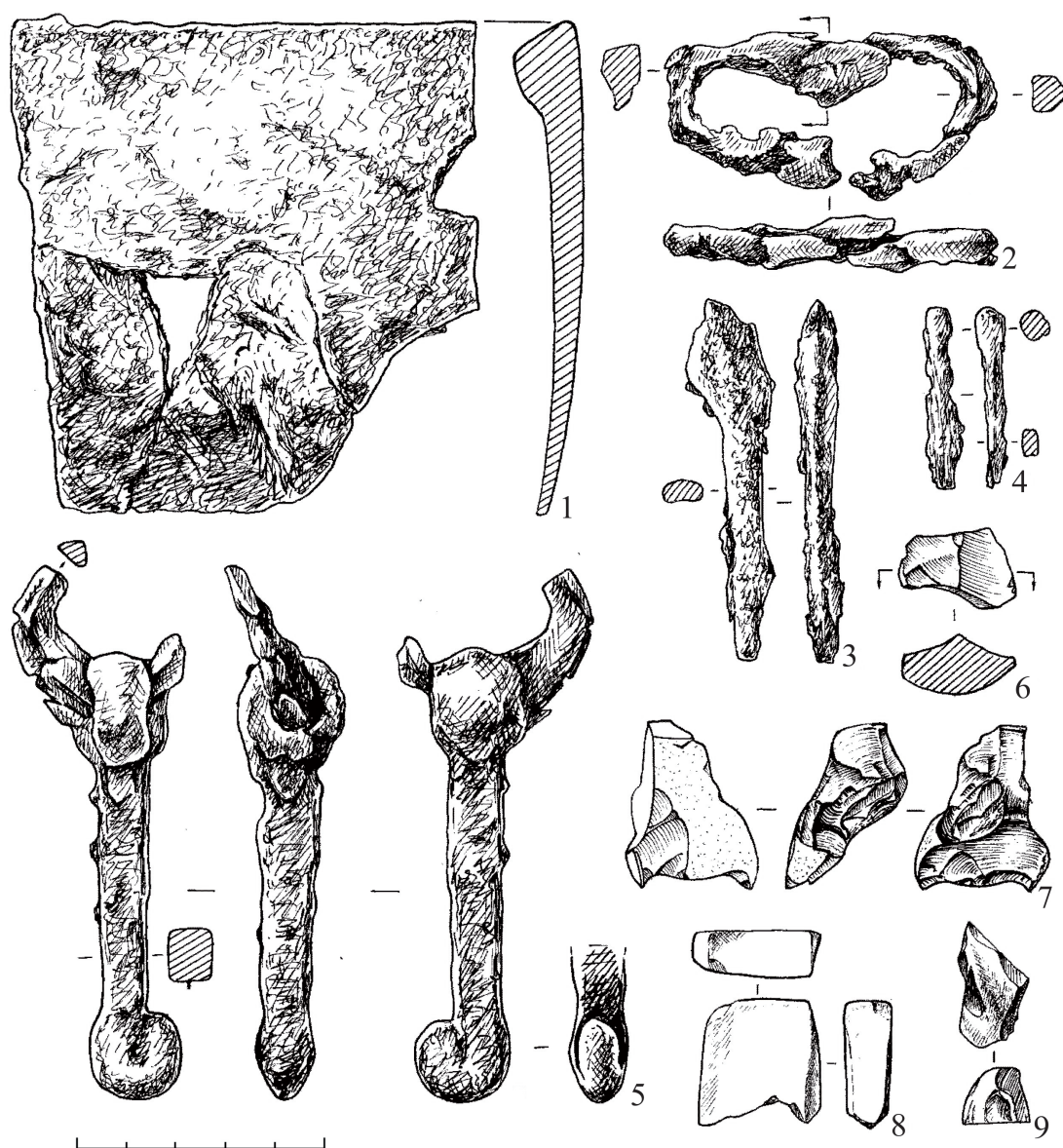

Рис. 5. Инвентарь из погребения № 2
[Fig. 5. Inventory from burial No. 2]

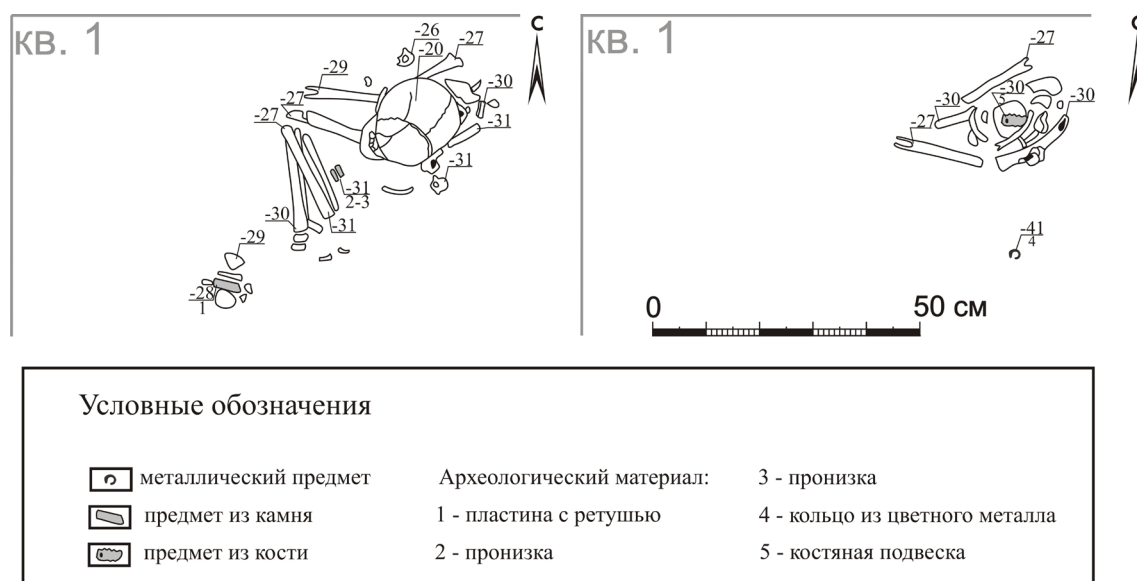

Рис. 6. Погребение № 3
[Fig. 6. Burial No. 3]

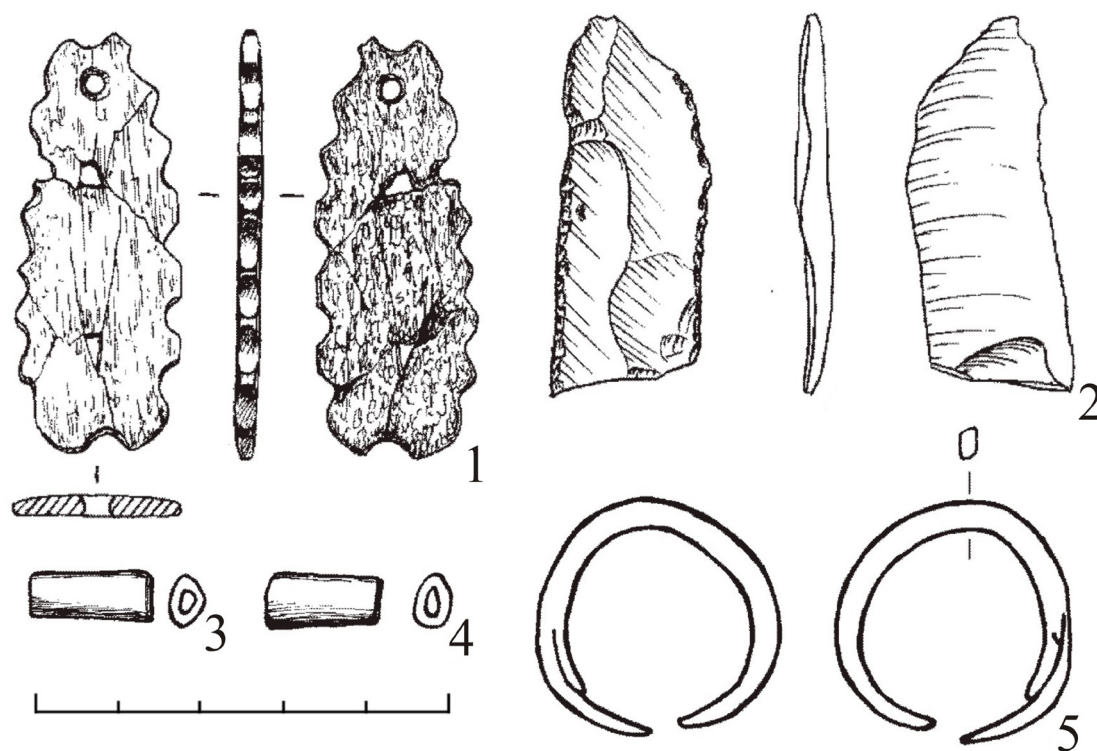

Рис. 7. Инвентарь из погребения № 3
[Fig. 7. Inventory from burial No. 3]

530

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 531–540, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 316.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадмаева Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Кризисные процессы в сельскохозяйственной отрасли Калмыкии, разрушенная инфраструктура, безработица и низкий уровень оплаты труда приводят к активной миграции сельского населения республики. Одним из направлений миграции, кроме Москвы, Санкт-Петербурга, является миграция в районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории. *Цель* данной статьи — рассмотреть особенности миграции и жизни сельского населения Республики Калмыкия в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. *Материалы и методы.* Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». Всего было проведено 20 интервью. Они были записаны в марте–апреле 2021 г. *Результаты.* Анализ глубинных интервью показал, что люди едут в районы Крайнего Севера, чтобы решить свои материальные проблемы, получить работу, развиваться в карьерном плане, заработать на «северную» пенсию. У многих все получается, приобретены квартиры, строятся дома, есть возможность помогать родственникам. Однако, несмотря на быструю адаптацию, многие теряют свое здоровье. Респонденты в большинстве своем планируют вернуться в Калмыкию только тогда, когда будут выходить на пенсию, после работы в районах Крайнего Севера многие думают переехать жить или работать в Москву или подмосковный регион. При этом важно отметить, что мигрируют жители республики, хорошо знающие калмыцкий язык. Калмыцкие мигранты отмечают, что страдают от того, что не могут реализовать себя по специальности, не могут быть полезными своему региону. При этом важно отметить, что землячество не только организует праздники, но и проводит определенную просветительскую работу (обучают языку и танцам), помогают детям и пожилым.

Ключевые слова: трудовая миграция, сельское население, районы Крайнего Севера, адаптация, сложные климатические условия, землячество

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер госрегистрации: АААА–А19–1190111490037–8).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 531–540. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Migration from Rural Areas of Kalmykia to the Far North and to the Territories Equated to the Far North

Nogan V. Badmaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Badmaeva N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* A critical situation in the agricultural sector of Kalmykia, largely destroyed infrastructure, unemployment, and low wages are the factors that contribute to the increase of migration of the population in the rural areas of the Republic. One of the destinations for migrants, besides Moscow and Saint-Petersburg, is Far North and territories equated to it. The present article's *aim* is to examine the character of this migration and the migrants' life in the northern lands. *Data and research methods.* The study employs the method of structured in-depth interview; the respondents found by way of "snow-balling". There are 20 interviews in all, recorded in March-April 2021. *Results.* The analysis of the interviews indicates that the people migrate to the Far North to solve their financial problems, to get jobs, to make careers, and to earn their "northern" pensions. Most of them are quite successful: flats are bought, houses are being built, and there is money to help their relatives. They may adapt well to the new environments but very often at the expense of their health. The interviewees often have plans to go back to Kalmykia but only when they are retired or after their work in the Far North they may move to Moscow and Podmoskov'e to live and work there. Importantly, the migrants from Kalmykia are usually those who have a good command of their mother tongue. Their complaints are that they have no opportunity to realize their professional ambitions and be useful to their home villages and places. Notably, migrants have Kalmyk associations that organize besides holiday feasts some educational activities (teaching mother tongue and Kalmyk dances), and support the elderly and the young.

Keywords: labor migration, rural population, Far North areas, adaptation, harsh climate, associations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Development of Rural Areas in South Russia: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring' (state reg. no. AAAA-A19-119011490037-8).

For citation: Badmaeva N. V. Migration from Rural areas of Kalmykia to the Far North and to the Territories Equated to the Far North. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 531–540. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Введение

Сложное социально-экономическое положение Калмыкии усиливает отток трудоспособной части населения за пределы Республики. Миграционные процессы в значительной степени затронули сельские территории региона. Кризисные

процессы в сельскохозяйственной отрасли республики, разрушенная инфраструктура, безработица и низкий уровень оплаты труда приводят к активной миграции сельского населения. Одним из направлений миграции, кроме Москвы, Санкт-Петербурга, является миграция в районы

Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

Сложившаяся система льгот и надбавок, компенсирующая проживание в сложных климатических условиях Крайнего Севера, привлекает трудовых мигрантов не только из Калмыкии, но и из других дотационных регионов России, где остро стоят проблемы безработицы и имеется недостаточно высокий уровень оплаты труда. Меры экономического стимулирования трудовой миграции в районы Крайнего Севера начали действовать еще с 1920-х гг., а к 1960-м гг. государством была создана обширная система северных льгот и надбавок, которая в изменившемся виде существует и сегодня. В это же время, более полувека назад, появился регулярно редактируемый перечень территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей [Ефремов 2016: 142].

Миграция в районы Крайнего Севера является предметом анализа многих авторов, однако все же она недостаточно изучена. Различные аспекты миграционных процессов на Крайнем Севере представлены в работах Н. В. Мкртчяна, М. А. Павловой, И. А. Ефремова, А. Е. Шапарова и др. [Мкртчян 2020; Павлова 2014; Ефремов 2016; Шапаров 2019]; дифференциация регионов Крайнего Севера России по уровню и качеству жизни населения — И. А. Родионовой и Е. М. Лиманской [Родионова, Лиманская 2010]; оплата труда работников, льготы в районах Крайнего Севера — В. В. Елизарова, Р. В. Дмитриева, Е. Н. Лищук, С. Д. Капелюк [Елизаров, Дмитриев, Ефремов 2015; Лищук, Капелюк 2020]; работа вахтовым методом в районах Крайнего Севера — В. В. Фаузера, Т. С. Лыткиной и др. [Фаузер, Лыткина 2015].

Стоит заметить, что в последние годы миграция в районы Крайнего Севера уступает миграционным потокам в крупные города [Ефремов 2016: 142; Гильтман, Обухович, Ларионова 2020: 30]. Тем не менее в таких регионах Крайнего Севера, как Чукотский автономный округ (далее — ЧАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (далее — ЯМАО), Ханты-Мансийский автономный округ (далее — ХМАО), поддерживается один из самых высоких уровней заработной платы по России [Рейтинг 2020]. Этот фактор, на наш взгляд, является важным при решении о миграции населения жителей страны в районы Крайнего Севера.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности миграции сельского населения Республики Калмыкия и его адаптации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Материалы и методы

Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома» (snow ball). Всего было проведено 20 интервью с сохранением гендерного баланса — 10 мужчин и 10 женщин. Интервью были проведены методом телефонного опроса в марте-апреле 2021 г. Участники интервью живут и работают в следующих регионах: ЯМАО (г. Надым, г. Салехард, г. Новый-Уренгой, г. Ноябрьск), ХМАО (пгт Березово, село Теги), ЧАО (г. Анадырь, г. Певек), Красноярский край (район Талнах г. Норильска).

Анкета предполагает анализ ответов по следующим индикаторам: причины миграции и подготовка к миграции, адаптация к новым климатическим условиям, длительность нахождения в трудовой миграции, интеграция в принимающее общество, связь с «малой родиной», роль землячеств в консолидации калмыцких диаспорных групп, поддержка этнической идентичности через участие в работе землячеств и их мероприятиях религиозного и образовательного характера.

Решение о миграции и ее причины

Среди причин миграции основными являются неудовлетворенность низкой заработной платой либо отсутствие работы у себя на «малой родине». У части респондентов на момент принятия решения о миграции даже если и была работа, то размер заработной платы не позволял совершать крупные покупки и решить квартирный вопрос. Другая часть респондентов имела несколько источников доходов, но все это были временные и непостоянные заработки: «работал на скорой фельдшером», «работал как „муж на час“», «подрабатывал в такси», «у меня было две сменные работы» и др.

Один из респондентов был вынужден уехать после окончания университета: «... после защиты диплома обратился в Министерство образования Калмыкии, мне предложили работу учителем, подъемные

100 тыс. руб., зарплата, сказали, 8–9 тыс. руб. плюс классное руководство, отработать 3 года, городская школа, очень хотел работать по специальности, но, как узнал размер заработной платы, расстроился, ужаснулся» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Решение о миграции, как правило, респонденты принимали, обсуждая его на семейном совете. При этом большинство мужчин отмечают, что окончательное решение оставалось за ними как главой семьи. Важно отметить, что раздумья о миграции и взвешивание «за» и «против» занимали некоторое время. Некоторые респонденты отмечали, что думали о миграции на протяжении двух или трех лет: «вынашивала эту идею два года», «думал о миграции на Север в течение трех лет, но все не получалось» и т. д.

Немаловажным фактором при принятии решения было наличие родственников, друзей или знакомых, которые уже устроились на новом месте и имели позитивный опыт жизни в принимающем обществе «на севере». Они в большинстве случаев помогали респондентам обустроиться в первое время, предоставляли жилье или помогали с поиском жилья, информировали о существующих вакансиях. Это явление можно охарактеризовать как «цепную миграцию».

Адаптация к климату

Большая часть респондентов адаптировались к климатическим условиям достаточно быстро: «...нет, адаптации долгой не было. В целом климат мягкий, мало ветреных дней. Морозы без ветра переносятся легче, да и характер моей работы не предполагает долгое нахождение на улице» (женщина 52 г., ХМАО).

Однако, как отмечают многие респонденты, сложно было привыкнуть к полярной ночи и полярному дню, к отсутствию солнца по несколько месяцев или, наоборот, не могли привыкнуть в дневному свету в ночное время. Если температуру –30 градусов переносили достаточно хорошо, то морозы –50–60 градусов описывали коротко: «дико холодно», «испытал шок». Многим пришлось покупать более «теплую» зимнюю одежду и инвестировать первые заработки в качественную сезонную одежду и обувь. Короткое северное лето респонденты описывают как влажное, дождливое. Самым неприятным моментом является большое

количество насекомых: комары, мошки, слепни. Летом обычно большая часть респондентов по возможности старается уехать в отпуск в Калмыкию или отправить на малую родину детей на летние каникулы.

Длительность нахождения в трудовой миграции

Респондентов можно условно разбить на две группы: относительно недавно прибывших мигрантов с опытом жизни в миграции около 1–2 лет и группу «старожилов», живущих на Севере более 10 лет. Две трети опрошенных респондентов хотят заработать «северную пенсию». Она обычно в несколько раз выше, чем в других регионах страны. В каждом районе имеется свой региональный коэффициент, который значительно увеличивает итоговую сумму пенсионных выплат. Показатель коэффициента зависит от климата, удаленности, уровня негативного воздействия на здоровье гражданина. «Северная пенсия» также предоставляет возможность раньше выйти на пенсию. Стаж работы в районах Крайнего Севера должен составлять не менее 15 лет, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, — не менее 20 лет. Кто-то ее уже «заработал». Одна из респондентов отметила: «все говорят, что приехали годика на 2–3, а получается, живут лет 10». Кто-то сразу планирует на 10 лет «минимум».

Интеграция в принимающее общество, адаптация к жизни в месте проживания

Большая часть респондентов не испытывала проблем с интеграцией в принимающее общество и в новый трудовой коллектив. Один из респондентов отметил сложности интеграции в трудовой коллектив, но больше связывал это со своим молодым возрастом и недостатком профессионального опыта, нежели со статусом трудового мигранта. По его словам, все коллеги по возрасту были старше его, и они были настроены крайне критически к его назначению в качестве начальника. Но с течением времени он наладил дружеский контакт с членами коллектива и завоевал их доверие (мужчина 26 лет, ЯНАО).

Часть респондентов говорит, что по прибытии они старались ознакомиться с культурой местных сибирских народов:

хантов, манси и ненцев. Один из респондентов отмечает, что коллеги специально организовывали для него ознакомительные экскурсии.

Некоторые респонденты отмечают, что на новом месте они обучились новым навыкам и стали заниматься традиционными для Сибири и Севера занятиями — сбор диких ягод и рыбная ловля. Дары местной природы в виде лесных грибов и ягод стали популярным подарком для отправки на малую родину в Калмыкию: «сын здесь жил, сейчас уехал, но мы передаем ему ягоды, рыбу» (женщина 56 лет, ХМАО). Также респондент отметила, что им удастся получить несколько урожаев картофеля, который затем они реализуют: «Перед отъездом в отпуск высаживаем картошку, окучиваем, летом следят соседи, продаем потом, сдаем в учреждения. У нас большой участок, белые ночи с середины мая до середины августа, поэтому хорошо растет картошка» (женщина 56 лет, ХМАО). Этот факт является интересным, поскольку территория региона, где они проживают, отнесена к Крайнему Северу и считается непригодной для ведения сельского хозяйства. В Калмыкии картофель в большинстве случаев привозной, жаркий климат и отсутствие воды не позволяет населению получать хороший урожай картофеля, не говоря уже о получении нескольких урожаев за одно лето.

Большая часть респондентов отмечает, что, несмотря на высокие зарплаты, цены на продовольственные товары незначительно отличаются от цен на товары в Калмыкии. Цены на продукты очень высокие только в Анадыре и Певеке (ЧАО): хлеб — 100 руб., картошка — 200 руб., огурцы — 400 руб., помидоры — 500 руб., мандарины — 500–600 руб., яйца — 300–400 руб. В Ноябрьске, Надыме есть сетевые магазины. Коммунальные платежи в Анадыре — 2 тыс. руб., съем квартиры — 15 тыс. руб. / месяц; в Ноябрьске, Салехарде также съем квартиры обойдется в 15–17 тыс. руб. Оплата интернета — 1 тыс. руб. Одежду покупают в основном в столичных торговых центрах, когда едут домой через Москву. Одна респондент отметила, что стала покупать всю одежду в Березове, другой респондент сообщил, что заказывает одежду по интернету (Ozon, Wildberries).

Профессиональный статус и работа вахтовым методом

Большая часть респондентов работает в государственных учреждениях: следователи и участковые в полиции, фельдшер на станции «скорой помощи», бухгалтер в отделе образования города, заведующий в музее, директор школы, учитель, воспитатели в домах-интернатах; в частных организациях — бухгалтером, парикмахером, специалистами в нефтегазовой компании. Интересно, что это профессионалы и специалисты, для которых трудовая миграция проходит наименее болезненно.

Четыре респондента работают вахтовым методом. Вахтовый труд является одной из разновидностей мобильной трудовой занятости, представляет собой «маятниковую форму» миграции без переезда на новое место с семьей и детьми. Согласимся с мнением М. С. Туракаева, что вахтовый труд является в большинстве случаев вынужденной мерой, однако он позволяет в кардинальной степени не менять повседневный уклад жизни [Туракаев 2016: 37].

Опрошенные респонденты подтверждают, что вахтовый труд являлся вынужденной мерой, поскольку в их поселках не было стабильной занятости, и в то же время он позволяет им заниматься собственным хозяйством или помогать родственникам на чабанских стоянках. Два калмыцких мигранта работают на шахте в Красноярском крае, два — на строительстве газоконденсатного месторождения в Новом Уренгое. На шахте работают водителем и поваром, смена — 30/30. Проезд (перелет), проживание — все оплачивается фирмой. Живут в общежитии, условия средние; отмечают, что очень плохая вода («желтая, скорее всего из-за старых труб»), питьевая вода предоставляется фирмой. Зарплатой удовлетворены.

Респондент, работающий на шахте в Красноярском крае, одной из причин, по которой он устроился работать вахтовым методом, называет отсутствие постоянной работы в поселке, где он проживает. Он подрабатывал таксистом, работал в пассажироперевозках. О том, что его подтолкнуло к трудовой миграции в районы Крайнего Севера и как сейчас работает, он говорит так: «...зарплаты не хватало, квартира съемная в Элисте, помогают родители — продуктами, в присмотре за детьми, сейчас вожу грузо-

вую машину, адаптация прошла нормально, бывают морозы очень сильные, планов возвращаться пока нет, нужно заработать, купить квартиру. Может, уеду куда-нибудь в другое место, есть родственники, зовут в ЯНАО» (мужчина 33 г., Красноярский край).

В Новом Уренгое два человека работают водителем и арматурщиком. Работать очень сложно — сильные морозы. Также живут в общежитии, смена — 90/30. Зарплатой удовлетворены (60–70 тыс. руб.). Один из них отмечает, что зарплату он сейчас получает хорошую, до отъезда работал в поселке сторожем при хуруле (храме), где зарплата составляла 15 тысяч руб. Необходимость оплачивать проживание и обучение старшего ребенка в городе (Элиста), для подготовки к поступлению в университет, подтолкнула его к трудовой миграции и работе вахтой (мужчина 41 г., ЯНАО).

Роль землячеств и поддержание связей с малой родиной

Большая часть респондентов отмечает, что по приезду испытывают сильную ностальгию по Калмыкии, при этом в одной семье кто-то скучает, а кто-то — нет: «...когда уехали, конечно, скучали. Муж скучает очень сильно по своему дому, по улице своей, родственникам. Я не скучаю так сильно, у меня здесь сестры, племянники, жили всей семьей с детьми, сейчас дочь здесь живет, сын уехал в Калмыкию» (женщина 56 лет, ХМАО).

Активные землячества отмечены в поселке городского типа Березово (ХМАО), в г. Анадыре (ЧАО). В Салехарде, Надыме (ЯМАО) диаспоры чуть меньше. В Березово, по оценкам респондентов, проживает более ста калмыков, в Анадыре примерно двести, но если считать с поселками, то около трехсот человек.

Рассмотрим примеры деятельности землячеств со слов респондентов в Березово (Ханты-Мансийский автономный округ). Одна из респондентов сообщает, что землячество у них активное: земляки совместно отмечают калмыцкие праздники *Зул* и *Цаган Сар*, участвуют в Фестивале национальных культур, организуемом местными властями. Для участия в первом фестивале в 2004 г. участники землячеств заказывали костюмы в Элисте: два мужских костюма и два жен-

ских. Респондентка говорит, что в последние годы наши земляки покупают себе в Калмыкии стилизованные платья, жилеты, шапочки и по приезду на север обязательно их носят, особенно в калмыцкие праздники. Также респондент отмечает, что они постоянно участвуют в местных выставках декоративно-прикладного искусства, представляют Калмыкию. Она обращает внимание, что среди земляков «много одаренных: есть исполнители горлового пения, поэт Эрдни Бадмаев...». В их общине немало детей, для них заказывали футболки с надписью «Республика Калмыкия» для участия в танцевальных флеш-мобах. У них есть группы в разных мессенджерах. В целом, оценивая земляческую общину, она отмечает: «Молодых много, это те, кому 30–40 лет. Работают фельдшерами, учителями, в полиции. По праздникам складываемся. Складываются только мужчины. На новый год организуем подарки детям. Есть свои Дед Мороз и Снегурочка, поздравляем детей так. Объявляем конкурсы на детские рисунки, поделки, награждаем, дарим призы. На *Зул* два года подряд арендуем помещение и участвуем в прямой трансляции молебна, проводимого центральным хурулом Калмыкии. Накрываем стол, готовим *борцоки*. В 2020 г. поставили памятную плиту, посвященную жертвам депортации. Мало кто уезжает, 2–3 человека» (женщина 56 лет, ХМАО).

Анадырь, Чукотский автономный округ. Здесь также активное землячество, которое имеет группы в мессенджерах. Калмыцкая община пока официально не зарегистрирована как общественная организация, хотя она провела общее собрание, о чем имеется протокол с решением о создании РОО. Это нужно калмыцкому северному сообществу, чтобы учить детей калмыцкому языку, танцам, чтобы иметь возможность арендовать помещение для занятий. Общину должны были зарегистрировать в 2020 г., но из-за пандемии реализация планов пока отложена. Респондент обращает внимание на то, что в их общине есть люди, которые могут научить языку, это представители взрослого поколения, которые хотят научить, и есть родители, которые стремятся к тому, чтобы их дети учили язык. Также есть хореографы калмыцких танцев. В 2021 г. на *Цаган-Сар* своими силами была организована богатая культурная программа: танцы, песни, дети

были привлечены. На *Зул* активисты сделали *борцоки*, купили конфеты и собрали подарки, туда еще положили мужчинам — калмыцкие шапки, женщинам — платочки. Это раздавали тем, кто старше 65 лет. Респондент рассказывает: «Одной из землячек папа как лама (священнослужитель) читал молитвы, приезжал сюда...», «...пытались сделать перепись калмыцкого населения, районы, не знаю, вошли или нет, порядка 200–300 человек. Во время пандемии через калмыцкие чаты собирали деньги, оказывали помощь, покупали необходимые средства, кому что нужно было» (женщина 40 лет, Анадырь).

Во всех северных регионах получают посылки из Калмыкии. Посылки привозит специальная машина. Передают все: от продуктов до предметов быта. Из продуктов передают мясо (местное мясо практически никто не ест, считая его безвкусным, несравнимым по вкусу с калмыцким мясом, кроме мяса птицы), колбасы, конфеты, а также полуфабрикаты и тушенку калмыцких производителей: берики («Сар»), ивановскую, адыковскую. В зависимости от расстояния стоимость посылки может варьироваться: 65 руб. / кг (Надым), 75 руб. / кг (Березово), 100 руб. / кг (Анадырь). В Калмыкию респонденты передают ягоды замороженные, рыбу, также передают вещи, поскольку «некому отдавать». «Через машину передают вещи те, кто собирается уезжать, потом одежду, если некому отдавать, тоже передают родственникам, друзьям и т. д. Машина к нам приезжает только второй год, потому что добираться сложно, а так она давно ездит, передают ковры даже» (женщина 58 лет, ХМАО).

Соблюдение этнических традиций, религиозных обрядов

Как уже было отмечено, большинство респондентов отмечает калмыцкие народные праздники *Зул* и *Цаган-Сар*. При этом важно отметить, что у большинства дома есть алтарь, специальная полка для подношений или место, специально выделенное для подношений. Один из респондентов описывает следующее: «*Зул* (лампадка) зажигаю, есть алтарь, атрибуты, танки, есть уголок. У тети и дяди до 2018 года не было алтаря, как приехал, организовал им алтарь, привез им все атрибуты, *Зул*, топленое мас-

ло...» (мужчина 29 лет, ХМАО). «Дома есть алтарь. У всех практически есть» (женщина 40 лет, ЧАО).

Калмыцкий язык

Многие респонденты очень хорошо знают калмыцкий язык, только единицы не владеют языком. На калмыцком языке респонденты, с их слов, общаются с земляками, в семье: «...говорю на калмыцком языке, со знакомыми общаемся на калмыцком, муж и дочь тоже знают язык, внучка знает много обиходных слов, хотя у нее отец — русский» (женщина 56 лет, ХМАО); «земляки на калмыцком хорошо разговаривают, много молодежи знает язык» (женщина 40 лет, ЧАО).

В Березове на некоторое время были организованы курсы калмыцкого языка. Их вел один из респондентов — учитель калмыцкого языка по специальности. Он отмечает, что по организационным причинам (аренда помещения, согласование времени занятий) «инициатива по изучению калмыцкого языка сошла на нет, хотя результаты были хорошие: выучили названия частей тела, приветственные фразы, небольшую информацию о себе, детские песни, дети быстро усваивают информацию» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Часть респондентов, которая не владеет калмыцким языком, отмечает, что жалеет о том, что не знает родной язык.

Актуализация этнической идентичности

Несмотря на то, что вопросы именно этнической идентификации в принимающем обществе не были запланированы в исследовании, однако в ходе беседы некоторые респонденты сами делились своими мыслями и ощущениями. Это позволило сделать вывод об актуализации этнической идентичности в новой социальной среде. Один из респондентов, у которого папа — русский, а мама — калмычка, говорит о том, что по приезде стал идентифицировать себя как калмык, при том, что, проживая в поселке в Калмыкии, где 95 % жителей составляют чеченцы и дагестанцы, всегда считал себя русским (мужчина 26 лет, ЯНАО). Другой респондент отмечает: «...когда уехал, я понял, что моя национальность — это моя основа, хотя не владею

языком, знаю, что у меня есть родная земля, родственники. У многих в Калмыкии родня раскидана по разным городам, они не общаются, даже родные братья, сестры, родители, а у нас все-таки все хорошо в этом плане, я чувствую, что у меня есть поддержка, я не один» (мужчина 33 года, Красноярский край).

Результаты миграции и ее оценка

Большая часть респондентов, уехав на заработки на север, разрешила квартирный вопрос. Многими приобретены квартиры в ипотеку, кто-то уже выплатил ее. Причем приобретены квартиры как в Калмыкии, так и в регионе, где работают респонденты. Среди них есть те, кто купил в ипотеку дом с земельным участком. Респонденты отмечают: «жилье приобрели через пять лет после приезда — купили дом в ипотеку, большой участок, 5 % ипотеки сами оплачивали, 7 % — округ, также приобрели две квартиры в Элисте. В одной квартире сейчас проживает сын, в другой — родственники» (женщина 56 лет, ХМАО); «через год взял ипотеку в Березово, съемная квартира стоила 14 тыс. руб., ипотека — 14,5 тыс. руб., квартира однокомнатная — 1 миллион 300 тыс.» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Оценивая миграцию, респондент из Надыма говорит следующее: «Не жалею, что уехали. В финансовом плане мы были молодой семьей, на жизнь хватало, но не было возможности купить квартиру. Решили „на север“, потому что в Москве очень много затрат, расстояния большие, детей в большом городе побаивались отдавать куда-либо, нужно, чтобы их водили няня или бабушки. На севере города компактные, все есть, школы, сады, нет очередей в сады практически. В 1,2 или 1,3 года дети уже свободно идут в садик. Все рядом здесь, компактно, доступно. Секции и кружки все бесплатные. Бассейн бесплатно, дочка ходит в бассейн, сын — на хоккей. 4 года дочь ходила в музыкальную школу, тоже бесплатно. У дочери один одноклассник — калмык. Дети-калмыки встречаются, общаются». Респондент также отмечает, что купили и уже расплатились за ипотеку двухкомнатной квартиры. Приобрели однокомнатную квартиру в Элисте (женщина 37 лет, ЯНАО). Также четыре респондента указали, что строят дом в Элисте.

Таким образом, респондент понимает правильность своего решения о выборе работы в районах Крайнего Севера, видит не только материальные результаты своего труда (квартиры), но и выражает определенное удовлетворение условиями проживания и качеством жизни на новом месте, положительно оценивает работу местных властей и ее способность обеспечить достаточное финансирование учреждений культуры, спорта, образования и медицины.

Другой респондент отмечает, что до приезда в Надым восемь лет проживала в Москве. Свою жизнь в Москве она описывает одним словом — стресс. Стресс на работе, стресс, когда добираться на работу, стоишь в пробках, стресс из-за съемной квартиры. В Надыме она проживает в съемной квартире, но оплата не 30–40 тысяч, как в Москве, а 18 тысяч с коммунальными платежами. При этом зарплата больше. Также респондент отмечает: «Я нашла работу за два дня, на третий день уже вышла. Общаюсь с клиентами, работаю в сфере быта и обслуживания. Люди внешне суровые и закрытые, оказываются очень душевными» (женщина 43 г., ЯНАО).

В целом многие респонденты отмечают, что на новом месте работы они «раскрываются», начинают работать лучше. Дети также учатся хорошо в школах. Здесь, как считают респонденты, строго соблюдаются нормы труда: «в Калмыкии на „скорой помощи“ смена была 24 часа, здесь смена по 12 часов» (мужчина 29 лет, ХМАО); «здесь народ любит жаловаться, власти отслеживают соцсети, есть группа „Злой надымчанин“, там, чуть что, сразу прокуратура начинает проверку, власти быстро реагируют, соцсети отслеживаются постоянно. Калмыки считаются хорошими специалистами, знаю точно, что многие пытаются попасть на прием к врачу, нашему земляку..., наша участковая медсестра — калмычка, приехала вся в долгах, кредитах, оставила троих детей и мужа, была худая, а сейчас уже три года работает, выплатила все кредиты, стала хорошо выглядеть, преобразилась» (женщина, 37 лет, ЯНАО).

Многие, несмотря на быструю адаптацию, отмечают, что жизнь и работа в негативных климатических условиях с возрастом все больше начинают ощущаться: «здоровье уже не то», «я здесь уже почти 10 лет,

мои родственники говорят, что выгляжу старше своих ровесников». На лечение, проведение операций выезжают в крупные города (Тюмень, Хабаровск).

Выводы

Анализ глубинных интервью показал, что люди едут в районы Крайнего Севера, чтобы решить свои материальные проблемы, получить работу, развиваться в карьерном плане, заработать на «северную» пенсию.

У многих все получается, приобретены квартиры, строятся дома, есть возможность помогать родственникам. Однако, несмотря на быструю адаптацию, многие теряют свое здоровье.

Решение о миграции является для мигрантов осознанным, респонденты думают о миграции в течение нескольких лет. При этом в большинстве случаев респонденты представляют собой классический пример цепной миграции, когда мигранты прибывали в район Крайнего Севера по «призыву» близких или дальних родственников. Например, сначала едет мужчина, а затем он перевозит свою семью. Респонденты в большинстве своем планируют вернуться в Калмыкию только тогда, когда будут выходить на пенсию, после работы в районах Крайнего Севера многие думают переехать жить или работать в Москву или подмосковный регион.

Мигрируют жители республики, хорошо знающие калмыцкий язык. Многие ре-

спонденты отмечают, что страдают от того, что не могут реализовать себя по специальности, а также не могут быть полезными своему региону. Они отмечают, что если даже заработная плата будет меньше, чем «на севере», но при этом ее хватило бы на нормальную жизнь, то они с удовольствием вернулись бы в родной регион. Землячество не только организует праздники, но и проводит определенную просветительскую работу (обучает языку и танцам), а также благотворительную — помогают детям и пожилым.

Важно отметить, что многие мигранты, выходцы из Калмыкии, имеют хорошую профессиональную репутацию, а дети-калмыки в школах всегда хорошо учатся и считаются способными учениками. Поскольку зачастую миграционные процессы связаны с процессами идентификации с определенной социальной группой или этносом, в проведенном исследовании некоторые респонденты говорили об изменении своей этнической идентичности или ее «обострении». Таким образом, сделаем еще один вывод, что миграция в районы Крайнего Севера, жизнь и работа в сложных климатических условиях во многих респондентах пробуждает не только интерес к своей культуре, но и осознание и понимание влияния культуры, языка, истории, родственных связей на восприятие своей личности в дру-гой социальной среде.

Литература

- Гильтман, Обухович, Ларионова 2020 — *Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И.* Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 3. С. 28–50.
- Елизаров, Дмитриев, Ефремов 2015 — *Елизаров В. В., Дмитриев Р. В., Ефремов И. А.* Льготы в районах Крайнего Севера: сохранить нельзя отменить // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3. С. 36–48.
- Ефремов 2016 — *Ефремов И. А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. 2016. № 4. С. 140–159.
- Лищук, Капелюк 2020 — *Лищук Е. Н., Капелюк С. Д.* Проблемы регулирования оплаты труда работников Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 1. С. 97–113.
- Мкртчян 2020 — *Мкртчян Н. В.* Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 8. С. 431–448.
- Павлова 2014 — *Павлова М. А.* Социологический портрет второго поколения мигрантов Крайнего Севера // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 188–192.
- Рейтинг 2020 — Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2020 [электронный ресурс] // РИА Новости. Инфографика. 23.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (дата обращения: 05.04.2021).
- Родионова, Лиманская 2010 — *Родионова И. А., Лиманская Е. М.* Дифференциация регионов Крайнего Севера России по уровню и

- качеству жизни населения // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 3. С. 77–86.
- Туракаев 2016 — Туракаев М. С. Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 1. С. 35–47.
- Фаузер, Лыткина 2015 — Фаузер В. В., Лыткина Т. С. Вахтовый метод и демографический потенциал Российского Севера // Управленческие аспекты развития северных территорий России. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Сыктывкар, 20–23 октября 2015 г.). Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2015. С. 302–307.
- Шапаров 2019 — Шапаров А. Е. Миграционные процессы в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1. С. 626–631.
- lution of the Far North regions and equivalent localities. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 2020. No. 8. Pp. 431–448. (In Russ.)
- Pavlova M. A. Sociological portrait of the second generation of migrants in Far North. *The Review of Economy, Law and Sociology*. 2014. No. 2. Pp. 188–192. (In Russ.)
- Rodionova I. A., Limanskaya E. M. Russia's Far North: regions differentiated by standards and quality of life. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2010. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Russia's regions rated by wage levels – 2020. On: RIA Novosti (news agency). Information graphics. Posted on November 23, 2020. Available at: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (accessed: April 5, 2021). (In Russ.)
- Shaparov A. E. Regions of Russia's Arctic zone: migration processes revisited. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2019. No. 14–1. Pp. 626–631. (In Russ.)
- Turakaev M. S. Seasonal migrant labor and reproduction of the social and cultural practices in the Russian region: the case of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik of Saint Petersburg Universiteta*. Series 12. Sociology. 2016. No. 1. Pp. 35–47. (In Russ.)

References

- Efremov I. A. Present migration processes in the Far North of Russia. *Regionology (Russian Journal of Regional Studies)*. 2016. No. 4. Pp. 140–159. (In Russ.)
- Elizarov V. V., Dmitriev R. V., Efremov I. A. Social benefits in Russia's Far North: retain not annul. *Living Standards and Quality of Life*. 2015. No. 3. Pp. 36–48. (In Russ.)
- Fauzer V. V., Lytkina T. S. Russia's North: fly-in fly-out and demographic potential. In: Development of Russia's North in a Managerial Perspective. Conference proceedings (Syktvkar; October 20–23, 2015). Syktvkar: Komi Republican Academy of State Service and Administration, 2015. Pp. 302–307. (In Russ.)
- Giltman M. A., Obukhovich N. V., Larionova N. I. The impact of wages in the European part of Russia on migration in the Far North. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2020. Vol. 29. No. 3. Pp. 28–50. (In Russ.)
- Lishchuk E. N., Kapelyuk S. D. Problems of wage regulation in the Russian Far North and similar localities. *Economy of Region*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 97–113. (In Russ.)
- Mkrtychyan N. V. The role of migration in the dynamics of number and structure of the popu-

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 541–549, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-541-549

Цифровые модели кодикологии тибетских книг

Олег Сергеевич Ринчинов¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ринчинов О. С., 2021

Аннотация. Статья посвящена вопросам кодикологического изучения тибетского письменного наследия, актуального в свете ввода в научный оборот крупных российских тибетологических коллекций. Кодикология занимается изучением книги как материального объекта, поэтому определены особенности традиционного тибетско-монгольского книгопроизводства, которые подлежат кодикологическому изучению, такие как тип и формат книги, характеристики бумаги, разнообразные элементы оформления, маргиналии и т.д. Современные подходы к изучению и атрибуции тибетских письменных памятников рассмотрены на примере наиболее успешных международных инициатив, развиваемых Британской библиотекой, Гарвардским университетом и пр. В результате установлены основные параметры описания книги, связанные с физическим воплощением, культурным и социальным контекстом ее создания и бытования, на основе которых формируется цифровая кодикологическая модель тибетского книжного памятника. Важным дополнением к кодикологическому анализу является жанрово-предметная классификация. Развитие кодикологического подхода требует совершенствования методической, инструментальной и кадровой базы исследований, что необходимо учитывать при планировании и проведении работ в сфере сохранения и изучения культурного наследия. На основе полученных результатов усовершенствована цифровая модель описания памятника письменности, применяемая в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Агрегация данных, собранных в ходе изучения крупных российских коллекций, и применение цифровых методов их обработки (статистических, геоинформационных и т.д.) позволяет получить объективные количественные показатели для определения основных направлений, интенсивности и особенностей культурного взаимодействия Востока России со странами Восточной и Внутренней Азии, расположенными в ареале распространения тибетской культуры.

Ключевые слова: тибетология, памятник письменности, кодикология, цифровые технологии, базы данных

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной субсидии — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: № 121031000263-3).

Для цитирования: Ринчинов О. С. Цифровые модели кодикологии тибетских книг // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 541–549. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-541-549

Digital Models of the Codicology of Tibetan Books

Oleg S. Rinchinov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Leading Research Associate

 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Rinchinov O. S., 2021

Abstract. Goals. The article provides a codicological insight into Tibetan written heritage which gains certain relevance due to that extensive Tibetan collections are currently being introduced into scholarly circulation in Russia. The paper determines specific features of traditional Tibetan-Mongolian book production — the former being subject to codicological research — such as book types and formats, characteristics of paper, various design elements and marginalia, etc. **Methods.** Modern approaches to the study and attribution of Tibetan written monuments are examined through the analysis of most successful international initiatives advanced by the British Library, Harvard University, etc. **Results.** The work establishes main parameters of book description related to physical features, cultural and social contexts of its creation and existence. The obtained outcomes made it possible to enhance the digital codicological model for Tibetan book monuments at the Center of Oriental Manuscripts and Monuments. The accumulation of data collected during the codicological study of large Tibetan collections and their processing with digital methods (statistical, geoinformation ones, etc.) also yield some important quantitative indicators to determine key directions, intensity and features of cultural interaction between Russia's East — and countries of East and Inner Asia largely influenced by Tibetan culture.

Keywords: Tibetan book culture, written monument, codicology, information technologies, databases, Tibet, Buryatia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'National Written Traditions of Baikal Region in the Context of Russia and Inner Asia's Historical and Cultural Heritage' (state reg. no. 121031000263-3).

For citation: Rinchinov O. S. Digital Models of the Codicology of Tibetan Books. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 541–549. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-541-549

Введение

В настоящее время кодикология является одним из приоритетных направлений в изучении книжных памятников. Эта дисциплина, объединяющая как гуманитарные, так и естественнонаучные подходы, занимается исследованием книги как явления материальной культуры [Рукописная 2015: 5]. Задача разработки и совершенствования цифровых моделей кодикологического анализа является актуальной для консервации и изучения крупных коллекций раритетной тибетской литературы. Среди собраний,

имеющих мировое значение, необходимо отметить тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН), насчитывающий около 40 тыс. книг. В его состав входят несколько изданий буддийского канона *Кангьюр* и *Тенгьюр*, собрания сочинений тибетских и монгольских авторов (*сумбумы*), множество памятников повседневной книжной культуры, объединенных в тематические коллекции. Крупными собраниями тибетских книг обладают Институт

восточных рукописей РАН и другие научные, архивные и библиотечные учреждения России.

Тибетский язык и тибетская книжность занимают важное место в культуре и духовной жизни монгольских народов, в том числе бурят и калмыков. На протяжении нескольких столетий они в существенной степени формировали культурный ландшафт восточных российских регионов [Рыкописи 2014: 151]. Поэтому академические коллекции являются важной составной частью национального наследия и обширной источниковой базой для изучения истории этих регионов в контексте культурного взаимодействия со странами и народами Восточной и Внутренней Азии.

Тибетская книжная культура как объект кодикологического исследования

Тибетская книжная культура развивалась на культурном перекрестке индийской и китайской цивилизаций при определяющей роли буддизма с VII в. н.э. Письменность, основные тексты, способы организации литературного корпуса были заимствованы из Индии. Китайское влияние было особенно сильным в материальных аспектах книгопроизводства, в частности, изготовлении бумаги, чернил, внедрении таких сложных технологий, как ксилографическая печать. К XIII–XIV вв. в Тибете сложились традиции формирования крупных собраний текстов, которые получили отражение в *Кангьюре* и *Тенгьюре*, *сумбумах* и т.д. Литературное наследие на тибетском языке насчитывает многие тысячи произведений самых разных жанров [Cabezón, Jackson 1996: 30–31]. С конца XVI в. началось широкое распространение тибетской книжной культуры среди монгольских народов, в том числе в пределах Российского государства у бурят и калмыков [Зорин 2017].

Наиболее старые тибетские книги представлены рукописями. Начиная с XV в. все большее распространение получает ксилографическая печать, которая к XVIII–XIX вв. становится массовой не только в Тибете, но и других странах, где получила распространение тибетская культура, включая Россию [Буддизм 2014: 100].

С точки зрения формата книги преобладает пришедший из Индии формат *потхи*, воспроизводящий форму пальмового листа.

В этом случае книга выглядит как стопка продолговатых отдельных листов бумаги, исписанных или отпечатанных с обеих сторон (*recto* и *verso*), которая вкладывается между деревянными досками, а затем заворачивается в отрез шелковой и/или хлопчатобумажной ткани *жанши* и связывается подшитым к последнему шнуrom. К сформированному таким образом тому (связке) прикрепляется тканевой ярлык *дондор*, на котором обычно указываются краткое название сочинения, номер тома, разного рода библиотечные пометки. В одной такой связке может находиться несколько сочинений. Некоторые книги *потхи* хранятся в специальном деревянном ящике-футляре. Иногда встречаются другие форматы, заимствованные из Китая в разные исторические периоды – свиток, гармоника, «бабочка», прошитая брошюровка и т. д.

Для изготовления книг применялись доступные в конкретном месте и в конкретное время виды и сорта бумаги, произведенные в Тибете, Китае, России. Характеристики бумаги, такие как используемое сырье, способ изготовления и методы обработки, дают важную объективную информацию для локализации и датировки книги.

Размеры старых книг варьируются в большом диапазоне от крупноформатных “парадных” изданий до так называемых “запазушных”, при этом функционал книги, как правило, обуславливал ее формат. Издания больших размеров обычно использовались в стационарных условиях и часто имели церемониальное предназначение. Более удобные малоформатные книги лучше соответствовали повседневному применению для обрядовых, учебных, развлекательных целей [Базаров 2017; Базаров 2018]. Таким образом, формат тибетской книги тесно связан с ее социальной ролью. Как правило, книга имеет строго определенную структуру, включающую специальным образом оформленный титульный лист, обозначенные специальным символом *гойиг* (*yig mgo*) разделы текста и колофон, при этом последний может содержать информацию об авторах, издателях, спонсорах. Оформление элементов страницы (поля, рамки, разделители, направляющие линии), расположение текста могут существенно меняться в зависимости от времени и места издания книги [Dotson, Helman–Ważny 2016: 217]. Книги

часто орнаментируются и иллюстрируются, они несут оттиски печатей своих владельцев, разнообразные текстовые и графические маргиналии (например, пометки резчиков печатных досок), что дает дополнительную контекстуальную информацию об их истории.

Цель исследования

Целью предпринятого нами исследования является выработка наиболее универсального подхода к кодикологическому изучению крупных российских коллекций раритетной тибетской литературы на основе анализа деятельности крупнейших международных инициатив в области сохранения и изучения тибетского письменного наследия, совершенствование цифровой модели описания книжного памятника, применяемой в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Методология и методы исследования

Изучение тибетских книжных памятников на современном этапе выходит далеко за рамки библиографического описания. Цифровая кодикологическая модель должна учитывать как детали физического воплощения книги, так и ее место в культурном и социальном контексте, с которым связано ее создание и бытование. Данные, собираемые с помощью кодикологических методов, позволяют установить технологические особенности книгопроизводства, датировать и локализовать книгу, определить специфику ее бытования. Агрегирование, статистическая и геоинформационная обработка больших объемов цифровых данных, полученных на основе массовой обработки крупных российских собраний письменных памятников, предоставит возможность определить основные направления, интенсивность и особенности культурного взаимодействия на огромном пространстве Восточной и Внутренней Азии и Востока России, получить объективную картину связанных с этим процессов, выраженную в количественных показателях.

Для выработки универсальной цифровой модели кодикологии тибетских книг выполнен сравнительный обзор наиболее успешно действующих международных проектов по сохранению и оцифровке тибетского книжного наследия, каждый из

которых нацелен на разные аспекты его представления. Если первоочередной задачей Buddhist Digital Resource Center (BDRC) является представление электронных текстов, которые рассматриваются как библиографические объекты, то Asian Classics Input Project (ACIP) и International Dunhuang Project (IDP) более ориентированы на применение методов кодикологии, поскольку они занимаются консервацией и оцифровкой древних памятников в первую очередь как физических объектов. Более универсальный по тематике и подходам проект Endangered Archives Program (EAP) нацелен на представление социального контекста памятника, культурной среды его бытования.

Анализ подходов, которые реализованы в названных инициативах, позволяет выработать наиболее полную модель описания памятников тибетского книжного наследия, учитывающую как физическое воплощение книги, так и связанный с ней историко-культурный контекст. При разработке такой модели необходимо учитывать такие факторы, как совместимость со схемой описания манускрипта, реализованной в спецификациях TEI (Text Encoding Initiative), авторитетными базами данных, например, Getty Place Thesaurus для географических данных, каталогами традиционных и цифровых библиотек и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение

Asian Classics Input Project был инициирован в 1988 г. в ранний период развития цифровых технологий, поэтому его участники были вынуждены создавать методологию работы с древними текстами исходя из существовавших тогда технических ограничений. Методы цифровой обработки тибетских книг и ввода электронных текстов были разработаны на основе изучения опыта таких проектов, как Thesaurus Linguae Graecae Калифорнийского университета в Ирвине и BUDSIR Университета Махидол в Таиланде.

Созданная ACIP методология обработки памятников письменности отвечает основным требованиям кодикологии, отличаясь компактностью и удобством применения. Предложенная модель описания содер-

жит большое число параметров, которые позволяют идентифицировать книгу как библиографический объект и достаточно полно представить ее физическое воплощение [Ринчинов 2018: 76]. Поддержка тибетского языка была реализована на основе модернизированной системы латинской транслитерации *Wylie* [Wylie 1959]. Таким образом, полнотекстовый ввод, индексация и поиск опираются на применение латиницы, что дает преимущества мобильности и совместимости данных. Для преобразования транслитерированного текста в тибетскую графику предлагаются специальная программа-конвертер и семейство шрифтов *TrueType*.

За 30-летний период АСИР сформировал свободно распространяемый корпус оцифрованной классической литературы объемом более двух миллионов страниц, десятки тысяч записей электронных каталогов с возможностью поиска [Asian]. В настоящее время в каталогах представлены 220 604 тибетские книги из Национальной библиотеки Монголии, 46 463 книги из библиотек Ладака (Индия), 139 970 книг из фондов Института восточных рукописей Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета [ACE]. В России проект выполнялся в 1992–2008 гг. [Зорин 2014: 143–169], в Монголии офис проекта был открыт в 2007 г. и действует в настоящее время.

Модель описания книжного памятника АСИР легла в основу обработки тибетских коллекций ЦВРК ИМБТ СО РАН. В модифицированном варианте она насчитывает более 20 параметров, которые можно отнести к 3 группам: каталожные сведения, физическое описание, параметры страницы; предусмотрен также ввод колофонов, информации об иллюстрациях, печатях [Ринчинов 2018: 77–78]. Схема описания АСИР не требует от оператора большой квалификации, она удобна для обработки обширных коллекций книг. Недостатком предложенной схемы является отсутствие жанровой и предметной классификации тибетских сочинений. Несмотря на то, что такая информация выходит за рамки стандартного кодикологического исследования, она позволяет точнее определить историко-культурный контекст книги, и потому ее необходимо учитывать.

Более совершенный с точки зрения требований кодикологии подход был реализован при изучении тибетских книг в рамках IDP. Этот проект был инициирован Британской библиотекой в 1993 г. с целью создания методического центра по сохранению и изучению древних дуньхуанских документов на основе тесного сотрудничества с учеными естественнонаучного профиля, внедрению и распространению общих стандартов консервации и документирования в партнерских организациях по всему миру, обладающих дуньхуанскими коллекциями. Структура базы данных IDP является адаптируемой. В ее основе лежит основанная на спецификациях TEI форма каталога рукописей, дополненная полями и функционалом для атрибутирования объектов разных типов, таких как живопись, текстиль, исторические фотографии и т.д. База данных позволяет контекстуализировать книжные памятники, связывая каталожные записи между собой и с другими цифровыми ресурсами, например, информацией о местах обнаружения артефактов, библиографией тематической литературы и т.д. [Activities].

Количество тибетоязычных памятников письменности в Дуньхуанской коллекции Британской библиотеки составляет более 7 тыс. из общего числа около 47 тыс. рукописей и ксилографов, вывезенных экспедициями Ауреля Стейна в начале XX в. IDP выполняет их консервацию, каталогизацию и оцифровку. Изучение тибетских книг в рамках проекта характеризуется широким применением методов материаловедения и палеографии [Helman–Ważny 2014]. Например, с помощью макро- и микроскопического исследования бумаги определяются технологические аспекты ее производства. Цифровая кодикологическая модель, дополняющая электронный каталог, включает результаты этих исследований наряду с другими физическими параметрами книги, что позволяет собирать обширный набор данных для датировки и локализации книги. Формируемая на этой основе база данных предоставляет объективную информацию для пространственно-временной реконструкции процессов культурного взаимодействия в районе Шелкового пути в раннем средневековье.

Модель IDP кодикологического атрибутирования тибетской книги [Dotson, Helman–Ważny 2016: 175–186]

1. КЛАССИФИКАЦИЯ
 - 1.1. Расстановочный шифр
 - 1.2. Иной каталожный номер / место хранения
 - 1.3. Формат книги (например, фрагмент, малый лист, *потхи*, свиток, рулон, гармоника, тетрадь / кодекс и др.)
 - 1.4. Жанр (тэги OTDO) [OTDO].
 - 1.5. Датировка
2. ФИЗИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
 - 2.1. Recto / Verso
 - 2.2. Размеры (в см), В x Ш
 - 2.3. Количество листов / панелей (для свитка или гармоника)
 - 2.4. Средние размеры каждого листа / панели
 - 2.5. Толщина (мм)
 - 2.6. Текстура (например, гладкая, полированная, размерная, окрашенная)
 - 2.7. Цвет бумаги
 - 2.8. Тип бумаги (например, тряпичная, древесная, веленевая, верже)
 - 2.9. Количество вержеров на 3 см
 - 2.10. Расстояние между понтюзо
 - 2.11. Желтая пигментация
 - 2.12. Цвет чернил
 - 2.13. Толщина чернил / состав
 - 2.14. Инструмент письма
3. ПАРАМЕТРЫ СТРАНИЦЫ
 - 3.1. Количество строк на 20 см
 - 3.2. Расстояние между строками / направляющими (мм)
 - 3.3. Количество слогов на 20 см
 - 3.4. Ширина полей (мм)
 - 3.5. Направляющие линии
 - 3.6. Печати, рисунки
 - 3.7. Фолиация / пагинация
 - 3.8. Орнаментация (например, тип гой-иг / бирги *yig mgo*, контур вокруг отверстий)
 - 3.9. Почерк (например, уставный *dbu can* или курсивный *dbu med*)
 - 3.10. Количество почерков писцов

Очевидно, что модель IDP содержит большое количество измеряемых параметров, которые позволяют гораздо глубже раскрыть технологические особенности и материальную историю памятника, в частности особенности производства бумаги.

Вместе с тем обработка книги в соответствии с подходом IDP является существенно более трудоемкой по сравнению со схемой ACIP, она требует особенно высокой квалификации исследователей и применения лабораторного оборудования и инструментов. Важным дополнением в предложенной модели является атрибут, определяющий жанр сочинения, однако предлагаемая схема категоризации OTDO не в полной мере учитывает жанровое и тематическое разнообразие тибетской литературы.

Наиболее совершенная жанрово-предметная таксономия для цифровизации тибетского письменного наследия была разработана в рамках проекта BDRC, который был инициирован в 1999 г. на базе Гарвардского университета [History]. Несмотря на то, что эта инициатива нацелена на создание библиографической базы данных и библиотеки электронных текстов, а собственно кодикология не является приоритетным направлением, предлагаемые в ее рамках модели данных позволяют воспроизвести историко-культурный контекст каждого текста и потому заслуживают пристального изучения. В модель описания книжного памятника BDRC входит обширный набор библиографических и каталожных данных, включая местонахождение издателя, перечень всех связанных персон, классификационные категории, определяющие жанр и предмет книги и т. д. В частности, приводятся шифры Гарвардской библиотеки и Библиотеки Конгресса, устанавливающие связи цифровых воплощений книг с физическими оригиналами, хранящимися в этих крупнейших книгохранилищах.

Сведения о персоне и месте организованы согласно методологии авторитетных данных. Авторитетные записи содержат стандартизованные формы имен людей, названий организаций, заголовков и предметов. Они обеспечивают авторитетный контроль, который означает определение распознаваемого названия сущности и применение этой формы повсюду, где это название требуется как точка доступа к библиографической записи [What Is a Marc Record]. Каждый объект, относящийся к авторитетным данным, имеет собственный идентификатор, список вариантных имен (названий), с ним связаны другие объекты авторитетного контроля и сочинения, вклю-

ченные в цифровую библиотеку. Это позволяет добиваться высокой связности информации. Персоны классифицируются BDRC по следующим основным категориям, характерным для тибетской культуры: линии перерожденцев, хронологические периоды, принадлежность школе и линиям передачи. Для мест указываются тип, принадлежность школе, осуществляется их привязка к ГИС-сервису Harvard WorldMap.

Иерархически организованная жанрово-предметная классификация тибетских сочинений была предложена тибетологом Джинном Смитом (Gene Smith). Во многом благодаря ее интеграции в цифровую библиотеку BDRC стал наиболее успешным информационным ресурсом в области тибетологии, поскольку эта таксономическая система существенно повышает степень связности информации и контекстуальность ее подачи по сравнению с другими цифровыми инициативами в этой области. На сегодня база данных BDRC является важным ресурсом для тибетологии, ориентированным на международное сообщество академических ученых, религиозных деятелей, переводчиков, издателей и заинтересованной публики. Цифровые инструменты BDRC можно использовать в сторонних проектах, связанных с изучением и представлением тибетского наследия, благодаря специально разработанному публичному интерфейсу данных, который обеспечивает доступ к содержимому цифровой библиотеки посредством документированных html-или ajax-запросов.

Подробное описание социального контекста памятника письменности реализовано в проекте EAP, инициатором и координатором которого является Британская библиотека [From Dust to Digital 2015: xxxix]. Программа нацелена на оцифровку коллекций редких документов и книг по всему миру, находящихся под угрозой утраты, и действует с 2004 г. Документирование объекта предполагает сбор объемных и содержательных данных, включая физические параметры и подробную информацию о социальном контексте. Особое внимание уделяется истории создания и владения книгой и учету соответствующих прав. Важно то, что ввод многой информации осуществляется на языке оригинала. Учету подлежат, наряду с другими данными, место проис-

хождения, отношение к религии / системе верований, основной и другие связанные предметы, датировка по григорианскому и оригинальному календарям, авторы, переписчик, издатели, редакторы, информация, касающаяся цифровых изображений – дата создания, формат, количество, размер и местоположение файлов.

EAP предъявляет жесткие требования к созданию цифровых копий документов. Сканирование или фотографирование осуществляются с разрешением не менее 400 dpi с обязательным размещением в поле сканирования стандартизированной цветкалибровочной шкалы, для хранения цифровых образов не допускается применения алгоритмов сжатия. Выполнение этих требований обеспечивает сохранение наиболее близкого оригиналу цифрового образа документа.

Одним из важных результатов кодикологического изучения крупных собраний письменных памятников является накопление значительного объема разнообразных данных, которые можно исследовать цифровыми методами, включая статистические, корпусные, геоинформационные. Это позволяет получить объективную количественную основу для определения основных направлений, интенсивности и особенностей культурного взаимодействия Востока России со странами Восточной и Внутренней Азии, находящимися в ареале распространения тибетской культуры.

Выводы

Крупные международные проекты накопили существенный опыт в сфере применения методов кодикологии и цифровых технологий для сохранения и актуализации тибетского письменного наследия, который, несомненно, применим и для глубокого изучения российских тибетологических коллекций. Анализ и сопоставление реализованных подходов, выполненные в рамках нашего исследования, позволили усовершенствовать используемые в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН кодикологические модели, достичь большей открытости и универсальности проводимых работ по сохранению и изучению письменного наследия Байкальского региона. На этой основе определяются направления дальнейшего развития исследо-

ваний, совершенствуется инструментальная основа для сбора и накопления больших объемов объективных структурированных данных для всесторонней реконструкции

явлений и процессов культурной жизни большого региона Азии, в котором получила распространение тибетская книжная культура.

Литература

- Базаров 2017 — Базаров А. А., Доржиева Д. Л., Найданова С. М. «Запазушные библиотеки» буддистов Забайкалья и культура малоформатных изданий: медицинские и астрологические трактаты // Библиосфера. 2017. № 2. С. 33–36.
- Базаров 2018 — Базаров А. А., Доржиева Д. Л., Мункожапов Д. Ю., Найданова С. М. «Карманные» религиозно-философские библиотеки буддистов Восточной Сибири // Библиосфера. 2018. № 2. С. 37–41.
- Буддизм 2014 — Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Бурят-Монгол Ном, 2014. 418 с.
- Зорин 2014 — Зорин А. В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2013 гг.) // Страны и народы Востока. 2014. № XXXV. С. 143–169.
- Зорин 2017 — Зорин А. В. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // Mongolica. 2017. Т. 18. С. 67–74.
- Княжецкая 1989 — Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 10–35.
- Ринчинов 2018 — Ринчинов О. С. Библиографическая база данных «Тибетоязычные источники по традиционной медицине» // Научные и технические библиотеки. 2018. № 4. С. 72–83.
- Рукописи 2014 — Рукописи и ксилографы на восточных языках в научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 175, [1] с.
- Рукописная 2015 — Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии / под ред. М. С. Пелевина. СПб.: Свое издательство, 2015. 256 с.
- ACE — Asian Classics Explorer (ACE) [электронный ресурс] // URL: <http://ace.asianclassics.org/> (дата обращения: 01.06.2021).
- Activities — Activities: Cataloguing and Research // The International Dunhuang Project [электронный ресурс] // URL: http://idp.bl.uk/pages/about_activities.a4d (дата обращения: 01.06.2021).
- Asian — Asian Classics Input Project [электронный ресурс] // URL: <https://www.facebook.com/asianclassics/> (дата обращения: 01.03.2020).
- Cabezón, Jackson 1996 — Cabezón J. I., Jackson R. R. Editor's introduction // Tibetan Literature: Studies In Genre (Studies in Indo-Tibetan Buddhism). Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1996. Pp. 11–37.
- Dotson, Helman-Ważny 2016 — Dotson B., Helman-Ważny A. Codicology, Paelography, and Orthography of Early Tibetan Documents: Methods and a Case Study (Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde 89). Wien: Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien, Universität Wien, 2016. 217 p.
- From Dust to Digital 2015 — From Dust to Digital: Ten Years of the Endangered Archives Programme / Maja Kominko, ed. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2015. lxviii + 652 pp.
- Helman-Ważny 2014 — Helman-Ważny A. The Archaeology of Tibetan Books. Series: Brill's Tibetan Studies Library. Vol. 36. Brill, 2014. 312 p.
- History — History // Buddhist Digital Resource Center [электронный ресурс] // URL: <https://www.tbrc.org/#!/footer/about/missionhistory> (дата обращения: 01.06.2021).
- OTDO — Old Tibetan Documents Online [электронный ресурс] // URL: <http://www.aa.tufs.ac.jp/~hoshi/OTDO/index-e.html> (дата обращения: 01.06.2021).
- What Is a Marc Record — What Is a Marc Record, and Why Is It Important? // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://www.loc.gov/marc/umb/um01to06.html> (дата обращения: 01.06.2021).
- Wylie 1959 — Wylie T. A Standard System of Tibetan Transcription // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 22. 1959. Pp. 261–267.

References

- Activities: Cataloguing and Research. On: The International Dunhuang Project. Available at: http://idp.bl.uk/pages/about_activities.a4d. (accessed: June 1, 2021). (In Eng.)

- Asian Classics Explorer (ACE). Available at: <http://ace.asianclassics.org/> (accessed: June 1, 2021). (In Eng.)
- Asian Classics Input Project. Available at: <https://www.facebook.com/asianclassics/> (accessed: March 1, 2020). (In Eng.)
- Bazarov A. A., Dorzhieva D. L., Munkozhapov D. Yu., Naydanova S. M. Religious and philosophical libraries of East Siberian Buddhists: Tibetan «pocket» books. *Bibliosphere*. 2018. No. 2. Pp. 37–41. (In Russ.)
- Bazarov A. A., Dorzhieva D. L., Naydanova S. M. 'Pocket libraries' of Transbaikal Buddhists and culture of small-format publications: medical and astrological treatises. *Bibliosphere*. 2017. No. 2. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Cabezón J. I., Jackson R. R. Editor's introduction. In: *Tibetan Literature: Studies in Genre (Studies in Indo-Tibetan Buddhism)*. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1996. Pp. 11–37. (In Eng.)
- Dotson B., Helman–Ważny A. Codicology, Paleography, and Orthography of Early Tibetan Documents: Methods and a Case Study (*Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde* 89). Wien: Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien, Universität Wien, 2016. 217 p. (In Eng.)
- Garri I. R. (ed.) *Buddhism in Buryat History and Culture*. Ulan-Ude: Buryaad–Mongol Nom, 2014. 418 p. (In Russ.)
- Helman–Ważny A. *The Archaeology of Tibetan Books*. Series: Brill's Tibetan Studies Library. Vol. 36. Brill, 2014. 312 p. (In Eng.)
- History. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.tbrc.org/#!footer/about/missionhistory>. (accessed: June 1, 2021). (In Eng.)
- Knyazhetskaya E. A. New data on I. M. Likharev's expedition, 1719–1720. *Strany i narody Vostoka*. 1989. No. XXVI. Soviet Central Asia: Geography, Ethnography, History. Pp. 10–35. (In Russ.)
- Kominko M. (ed.) *From Dust to Digital: Ten Years of the Endangered Archives Programme*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2015. LXVIII + 652 p. (In Eng.)
- Old Tibetan Documents Online. On: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies (website). Available at: <http://www.aa.tufs.ac.jp/~hoshi/OTDO/index-e.html>. (accessed: June 1, 2021). (In Eng.)
- Pelevin M. S. (ed.) *Manuscript and Xylographic Book of the Orient: Codicological Essays*. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. 256 p. (In Russ.)
- Rinchinov O. S. Bibliographic database 'Sources in Traditional Medicine in Tibet Languages. Scientific and Technical Libraries. 2018. No. 4. Pp. 72–83. (In Russ.)
- Uspensky V. L. (ed.) *M. Gorky Scientific Library of St. Petersburg University: Manuscripts and Xylographs in Oriental Languages*. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), 2014. 175, [1] p. (In Russ.)
- What Is a Marc Record, and Why Is It Important? On: Library of Congress (website). Available at: <https://www.loc.gov/marc/umb/um01to06.html> (accessed: June 1, 2021). (In Eng.)
- Wylie T. A standard system of Tibetan transcription. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1959. Vol. 22. Pp. 261–267. (In Eng.)
- Zorin A. V. A bundle of manuscripts in Tibetan from Kalmykia on the 18th century Russian paper kept at the IOM RAS. In: Kulganek I. V. (ed.) *Mongolica-XVIII*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. Pp. 67–74. (In Russ.)
- Zorin A. V. The Tibetan collection housed at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS: the history of its formation and cataloguing, 1917–2013. *Strany i narody Vostoka*. 2014. No. XXXV. Pp. 143–169. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 550–567, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2+294.321+ 39+811.512.37
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-550-567

Гадание по хулилам среди монголов

Анна Дамдиновна Цендина^{1,2}

¹ НИУ «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цендина А. Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В различных собраниях монгольских ксилографов и рукописей хранятся сочинения о гадании по восьми хулилам. Что такое хулил? Почему их восемь? Что это за сочинения? Статья посвящена рассмотрению гадания по хулилам в Монголии, а также введению в научный оборот монгольской рукописи об этом гадании. *Результаты.* Данное гадание восходит к древнейшему китайскому источнику по мантике «Ицзин» («Книга перемен», ок. VII в. до н. э.). Оно осуществляется с помощью так называемых «триграмм» — трех черточек, которые являются результатом выбрасывания монет или другого жребия. Каждая комбинация триграмм означает то или иное будущее. Эти гадательные черточки и называются по-монгольски хулилами. Гадание по 8 гуа, или 8 хулилам, и 64 (8 × 8) или 512 (8 × 8 × 8) комбинациям — самый распространенный вид гадания по хулилам в Китае. В дальнейшем каждая триграмма стала символически передаваться годом 12-летнего животного цикла, где в исчислении каждый 9-й год становится первым. Таким образом, каждый из 8 годов символизирует определенную триграмму, или хулил, согласно порядковому номеру последнего. Судя по числу монгольских рукописей, посвященных гаданию по хулилам, в различных книжных хранилищах, именно этот его вид широко практиковался монголами. В качестве образца подобной литературы в статье приводится перевод начального фрагмента рукописи *МН 1145* из квартиры-музея акад. Ц. Дамдинсүрэн в г. Улан-Баторе. Представленный текст является переводом, причем довольно поздним, с китайского языка. В нем мало видно следов монголизации и адаптации к кочевому быту. Главные темы гадания здесь, кроме болезни родственников, выбора зятя или невесты, что относится к общечеловеческим темам, занимают вопросы, связанные с земледельческим бытом: будет ли дождь, каков будет урожай зерна, шелка-сырца; много вопросов, связанных с продвижением по чиновничьей лестнице, со сдачей экзаменов на степень чиновника. В тексте много китаизмов, китайских идиом, выражений, названий китайских астрологических знаков. Есть упоминание покупки шарика *джинс*, что относится к маньчжурскому периоду. В то же время нет тибетизмов и упоминания буддийских божеств.

Ключевые слова: гадание, письменная традиция монголов, влияние китайской культуры

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Цендина А. Д. Гадание по *хулилам* среди монголов // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 550–567. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-550-567

Divination with *Khulil* as Practiced by Mongolians

Anna D. Tsendina^{1, 2}

¹ National Research University Higher School of Economics (21/4, p. 3, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation)

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Leading Research Associate

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Tsendina A. D., 2021

Abstract. Introduction. Various collections of Mongolian xylographs and manuscripts may contain works on divination practice with eight *khulils*. What does the word *khulil* mean? Why does one use eight *khulils*? What are the texts devoted to the *khulil* divination? This article deals with the practice of *khulil* divination in Mongolia, while introducing a Mongolian text devoted to this form of divination. **Results.** The divination practice goes back to the oldest Chinese source on divination *Yijing* (*I Ching*, Book of Changes, about the seventh century BC). Divination is carried out with the help of the trigram, or the three dashes, which are the result of casting coins or of some other method. A combination of trigrams means a particular future. These three lines are called *khulil* in Mongolian (*gua* in Chinese). Divination by 8 *gua*, or 8 *khulils*, and 64 (8×8) or 512 ($8 \times 8 \times 8$) combinations is the most common form of divination in China. Later, each trigram was represented by a year of the 12-year animal cycle so that the ninth year was the beginning of the next cycle. Thus, each of the 8 years symbolizes a certain trigram, or *khulil*, according to the ordinal number of the latter. Granted the number of Mongolian manuscripts on *khulil* divination in various collections, this divination form was widely practiced by Mongolians. By way of introducing the literature on the subject, the present article presents the Russian translation of the initial fragment of manuscript MN 1145 originating from Ts. Damdinsuren museum in Ulaanbaatar. This is a Mongolian translation from Chinese made relatively late that has few traces of Mongolization or efforts of adaptation to nomadic realia. Besides concerns for the illnesses of relatives or issues of choosing a son-in-law or a bride, which are of a universal character, the most popular topics are questions about farming, such as: should one expect rain? what will be the harvest of grain and raw silk? Also, there are many questions related to promotion and career, e.g., passing exams for the degree of an official. The text contains numerous Sinicisms, including idioms, expressions, and names of Chinese astrological signs; there is also a reference to buying a *jins*, which points to the Manchu period. Notably, neither Tibetan items nor Buddhist deities are mentioned in the text.

Keywords: divination, the written tradition of the Mongolians, the influence of Chinese culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Tsendina A. D. Divination with *Khulil* as Practiced by Mongolians. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 550–567. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-550-567

Введение

О гадательных практиках монгольских народов написано довольно много [Grünwedel 1900; Легенды и сказки 1912; Laufer 1914; Manual 1969; Namjildorji 2001; Baumann 2005; Kara 2005; Цендина 2019; и др.]. Они привлекают внимание ученых многообразием своих видов, что объясняется влиянием на повседневность монголов различных культур всего Евразийского континента.

Эти практики включают методы узнавания будущего с использованием специальных предметов и манипуляций, начиная с простейших народных практик и заканчивая сложными вычислениями, основывающимися на индо-тибетской астрологической традиции или на различных видах китайской мантики.

Все виды гадания, известные монголам, так или иначе распадаются на четыре группы в соответствии с их генезисом. Это собственно народные монгольские (или — шире — «номадные» по терминологии О. М. Ковалевского [Ковалевский 1844, I: V–VI]) практики, таковые, пришедшие под влиянием индо-тибетской и китайской традиций, и, наконец, современные методы гадания. В этой сфере велико взаимопроникновение элементов тех или иных традиций. Так, многие виды гадательных практик, явно имеющие китайские корни, пришли к монголам посредством тибетской культуры, получив там соответствующую обработку.

Какие-то из видов гадания умирают, какие-то возникают, как, например, гадания с использованием современных гаджетов. Некоторые из них остались неизвестными мне, другие, возможно, имеют локальный характер. Однако очевидно одно — «номадные» виды гадания практически не зафиксированы в письменных источниках, не имеют никаких, кроме устных, описаний и руководств по гаданию (кроме гадания по лопатке). Возможно, это связано с тем, что большинство подобных практик относится к древней дописьменной жизни монгольских кочевников или — шире — к центральноазиатской и даже евразийской народной традиции, не имевшей в своей природе обы-

чая или возможности быть отраженной на письме (см. например, [Бичурин 1950; Борджанова 1999; Герасимова 1999]).

Однако многие виды гадания монголов имеют такие описания. В статье «Астрология и гадание у монголов — письменные источники» [Bawden 1958] английский монголист Ч. Р. Боудэн описывает гадательные практики, существовавшие у монголов, а также главные тексты, лежавшие в их основе. Приведенные им данные о гадательных сочинениях далеко не исчерпывают всего многообразия в действительности. В частности, он не упоминает вид гадания, широко представленный в письменных памятниках монголов, — так называемое гадание по *хулилам*.

В различных собраниях монгольских ксилографов и рукописей хранятся сочинения о гадании «по восьми *хулилам*», например [Сазыкин 1988: № 2357; 2369].

Что означает слово *хулил*? Почему их восемь? Цель данной статьи — рассмотреть гадание по *хулилам*, распространенное в Монголии, на примере рукописи *МН 1145* из квартиры-музея академика Ц. Дамдинсүрэна в г. Улан-Баторе.

Описание гадания по *хулилам*

Это гадание восходит к древнейшему китайскому источнику по мантике «Ицзин» («Книга перемен», ок. VII в. до н. э.). Гадание осуществляется с помощью трех монет, в древности — трех веток тысячелестника. Монетки выбрасываются шесть раз, и, если 2 или 3 из них ложатся аверсом, рисуется непрерывная линия, если 2 или 3 — реверсом, то прерывистая. Для определения, что они обозначают, выстраивается таблица. Часто используется совокупность шести черточек, образуя уже гексаграммы. Столбцов и строк — по 8. Всего комбинаций гексаграмм — 64. Каждая комбинация означает то или иное будущее.

Эти гадательные черточки и называются по-монгольски *хулилами*. Слово *küli* словари определяют как: 1. узелок, связка; 2. линия в гадательных книгах [БАМРС 2002: 183]. Оно, по-видимому, восходит в корню *küli*- (связывать) и передает китайский термин *gua* (卦).

Гадание по 8 *гуа* или 8 *хулилам* и 64 (8×8) комбинациям — самый распространенный вид гадания по *хулилам* в Китае. Однако, кроме него, было известно множество других разновидностей этого гадания. В частности, создание одного из них приписывается знаменитому даосскому философу Чэнь Туаню (陈抟, 871–989), развивавшему идеи «Ицзин». В его основе лежат не гексаграммы, или сочетание 6 черточек, а нонаграммы — сочетание 9 черточек. Всего комбинаций в этом гадании соответственно не 64, а 512 ($8 \times 8 \times 8$). Каждая триграмма (*хулил*) из такой нонаграммы определяется как «верхняя», «средняя» и «конечная». Они соответственно «отвечают» за знаки, относящиеся к Небу, Человеку и Земле. В дальнейшем каждая триграмма стала символически передаваться годом 12-летнего животного цикла, где в исчислении каждый 9-й год становится первым. Таким образом, каждый из 8 годов символизирует определенную триграм-

му, или *хулил*, согласно порядковому номеру последнего.

Судя по числу монгольских рукописей, посвященных гаданию по *хулилам*, в различных книжных хранилищах, именно этот его вид широко практиковался монголами. Следуя поздней китайской традиции, гадатель не бросал монеты для получения какой-то гадательной комбинации, а имел твердую схему расположения *хулилов* и высчитывал на ней необходимое положение в зависимости от числа лет просителя (включая утробный год), считая посолонь для мужчин — с *хулила* «огонь», а для женщин — с *хулила* «вода» [Позднеев 1993: 414–415; Нацагдорж 2003: 11].

Рукописи о гадании по *хулилам* из коллекции Ц. Дамдинсүрэнэ

В коллекции квартиры-музея акад. Ц. Дамдинсүрэнэ в Улан-Баторе есть два таких манускрипта (МН 1145, МН 1149) [Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018: № 958, 957]. Они не идентичны, но близки друг другу. Это видно на небольшом примере:

МН 1145	МН 1149
377 ¹ Если гадаешь на то, кончится ли дождь — скоро кончится. Если спрашиваешь, пойдет ли дождь — вряд ли даже, что короткое время будут маленькие капли. ²	377 Так как [знак] земли — врага воды силен, дожда мало. Если [гадаешь] о том, прекратится ли дождь — скоро кончится. Если [гадаешь] о том, пойдет ли дождь — вряд ли даже, что короткое время польются потоком маленькие капли. ⁵
446 Выпало «очень», но нельзя сказать, что это хорошо. Могут быть демоны <i>дзэтакэр</i> — так говорит [гадание]. ³	446 То, что в гадании выпало как «очень хорошо», нельзя считать хорошим. Хотя как будто нет препятствий для дня экзаменов Хой цзэ, очень может быть, что со стороны вмешаются демоны <i>дзэтакэр</i> . Так говорит [гадание]. ⁶
513 Если [гадаешь] о том, сможешь ли избежать службы — не сможешь. Будешь много действовать из-за намерений получить выгоду. Если хочешь пребывать в покое, жди конца весны. ⁴	513 Если [гадаешь] о том, сможешь ли избежать службы — не сможешь. Много дел, когда будешь идти, понукаемый саблей выгоды. Если хочешь пребывать в покое и освободиться, так или иначе надо ждать конца весны. ⁷

¹ Здесь и далее первая цифра означает «высшее» число, вторая — «среднее», третья — «конечное». Вместе они образуют триграмму. Каждой из них — 8, по числу *хулилов*.

² 377 *boruᠣᠣ-a arilaqu-yi üjebeᠰü darui joᠣᠰu-mui* : qur-a oruqu-yi aᠰaᠣbasu nigen ᠵaᠣ-tu öčüken dusul bolqu anu berke :

³ 446 *ketürküi-yin baᠣᠣᠢᠰan sayin kemen bolqu ügei metü bolumui* : jedker bolqu anu maᠣad ügei kemeᠵüküi :

⁴ 513 *alban-ača ᠵaᠣᠶilaqu-yi x čidaqu ügei* : asiᠣ-un sanaᠣan-dur ködülkü olan bui : kerbe amur bolqu-yi küsekü bolbasu ber irekü qaburun ečüs-yi külietügei :

⁵ 377 *usun-u dayisun siroi ülemᠵi tula* : qur-a ᠵuᠴaᠣᠭ buruᠣan arilaqu-yi x darui joᠣᠰomui : tungᠶalay-tur qur-a oruqu-yi x ber nigen ᠵaᠣ-tur öčüken dusul-un urasqal bolqu anu berke :

⁶ 446 *tölge-dür ketürkei sayin baᠣᠣᠢᠰan-i sayin keᠵü bolqu ügei qoi je ᠰilaqu-yin edür-tü sayatal ügei metü bolbaču jabsar-tur jedker bolqu anu bolᠵusi ügei kemeᠵüküi*

⁷ 513 *alban-ača ᠵaᠣᠶilaqu-i x čidaqu ügei asiᠣ-un selmen-dür kötleᠭdekü üile bui bolai kerbe amur sula bolqu-i küsekü bolbasu ber kerbe kerkebečü irekü qabur ečüs-i külietügei* :

Близость этих текстов позволяет сделать предположение о том, что это два списка одного перевода с китайского языка. Во всяком случае на это указывают лексические и синтаксические совпадения. Что же касается различий, то первое из них заключается в том, что в рукописи *МН 1149* нет введения с описанием правил гадания. Второе — описание «гадательного события» в ней почти всегда полнее, более развернуто, а зачастую и более понятно, чем в *МН 1145*. Третье — в *МН 1145* перевод иногда не только сокращен, но и упрощен. Четвертое — в двух рукописях много разночтений, обусловленных ошибками, описками, пропусками и прочими огрехами, присущими рукописной традиции. Исходя из сказанного, можно предположить, что рукопись *МН 1145* — сокращенный вариант того же перевода, что и *МН 1149*.

С какого конкретно китайского текста был сделан монгольский перевод, представленный этими двумя рукописями, сказать трудно. Гада-

ние по *хулилам* не входит в знаменитую «Нефритовую шкатулку», содержащую множество текстов китайской мантики. Название «Вэн ваны саян даян шэн кэ» реконструировать также нелегко, хотя здесь явно присутствует имя Чжоу Вэнь Вана (кит. 周文王; XI в. до н. э.), легендарного создателя гадания по 8 гуа (*хулилам*). Монгольский текст — не лучший, но типичный образец перевода с китайского языка на монгольский. Он изобилует китаизмами, кальками, нарушением синтаксиса и прочими изъянами.

В качестве примера далее приведен начальный фрагмент рукописи *МН 1145* из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна [Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018: № 958]. *МН 1145* включает 65 л. (22 × 8,8) русской бумаги, исписанных черной тушью. Текст не может быть полностью представлен в статье ввиду своего большого размера. Титул: «Гадание под названием Вэн ваны саян даян шэн кэ» (монг. *ven vang-un sayan dayan šen ke kemekü tölge orusibai*).

Гадание под названием «Саян даян шэн кэ» Вэнь Вана⁸ (1a) Порядок исчисления в этом гадании. Следует попросить того, для кого осуществляется гадание, назвать какой-то год или число. Нужно считать от одного до восьми. Если [человек] назвал год, считай с [года] мыши как с первого, отсчитай 8 до [года] овцы, и с [года] обезьяны считай снова как с первого. Видел 3 способа исчисления. Первый. Гадают так: начиная с <i>хулила</i> огня, отсчитай посолонь число, названное человеком, для которого совершается гадание: «один, два...». [Порядковое] число <i>хулила</i>, до которого дошел счет, называется «высшим» числом. Снова считай от него. [Следующее] число, до которого дошел счет, называется «средним». Снова считай от него. [Следующее] число, до которого дошел счет, называется «конечным». Второе. Гадай так: от <i>хулила</i>, относящегося к тому, о чем спрашивается, отсчитай число, названное человеком, для которого совершается гадание. Число <i>хулила</i>, до которого дошел счет, (2a) будет «высшим». Снова отсчитай «высшее» число от <i>хулила</i>, относящегося к тому, о чем спрашивается. Это число будет «средним». Оттуда отсчитай число, записанное на то, о чем спрашивают гадание, и это будет «конечным» числом.	ven vang-un sayan dayan šen ke kemekü tölge orusibai (1a) <i>ene tölge-yi toýalaqu yosun anu tölge üjegülügči kümün-eče nigen jil buyu toý-a kelegülmüi : nige-eče ekilen naima kürtel-e toýalaýu kereglemüi : kerbe jil kelegülkü bolbasu quluyan-a-yi nige kemen ekelejü qonidur kürcü 8 güičeged bečin-eče basa 1 kemen ekilen toýalamui : toýalaqu yosun 3 jüil üjebei : nigen jüil anu ýal külił-eče ekilejü nige qoyar kemen jöb ergigülün tölge üjegülügči kümün-ü kelegsen toý-a-bar toýalaýu tegün-ü kürügsen</i> <i>külił-ün toý-a-yi degedü toý-a bolýaysan toý-a-bar toýalaýu tegünü kürügsen külił-ün toý-a-yi dumdadu toý-a bolýamui : tere deger-e-eče mön külił-ün toý-a-i ečüs-ün toý-a bolýaýu üjemüi : nigen jüil anu asaýuqu yaýuma-yin qariyatu külił deger-e-eče ekilen tölge üjülügči kümün-ü kelegsen toý-a toýalaýu tegünü kürügsen (2a) külił-ün toý-a-yi degedü toý-a bolýamui : enekü degedü toý-a bolýaysan toýabar asaýuqu yaýuma-yin qariyatu külił deger-e-eče dakin ekilen toýalaýu tegün-ü kürügsen külił-ün toý-a-yi dumdadu toý-a bolýamui : tere deger-e-eče asaýuqu yaýum-a-yin ner-e deger-e bičigsen toýabar toýalaýu tegünü kürügsen külił-ün toý-a-yi ečüs-ün toý-a bolýaýu üjemüi ::</i>
---	---

⁸ Вэнь Ван — предок дома Чжоу (XI–III в. до н. э.), в эпоху которого сложилась «Книга пере-

мен». Установление одного из порядков расположения гексаграмм в гадании приписывается ему.

111 Если спрашивают, прекратится ли дождь, — прекратится. Если хотят, чтобы пошел, то если выпадет день мыши или свиньи, то будет мало. Вообще, ясных дней больше, чем дождливых. 112 Если гадаешь на экзамен Шиу ши, так как выпадал <i>хулил Лю</i>, в силу того, что сошлись Вэн со и Гуан куй, имя и судьба соединяются. Для годов лошади и зайца появятся знаки в книге <i>банг (?)</i>. (2b) 113 Так как Гуан куй заняла место, [впереди] согласия мало. Не надейся стать зятем и свататься к девушке. Будешь стараться в других делах — хорошо. Печаль и страдания дней после этого прервутся. 114 Стали ясными две звезды — Вэн со и Гуан куй. Если гадаешь на экзамен Тунг сан, сердце будет довольно. Так как экзамен в руках чиновников, уважаемый человек прославится своими знаниями. 115 Если гадаешь на выбор зятя, — очень плохо. Не назначено судьбой, поэтому дело действительно не исполнится. Так как там, где совершается дело, матерью станет тамошняя женщина, даже после совершения дела согласия не будет. 116 Если гадаешь на [силу] «коня ветра»⁹, она расцветает. Множатся потомки. Собрано имущество, и (3a) в то же время дома устанавливается благополучие. Случится милость от высокого лица. 117 Если спрашиваешь о делах этой жизни с искренним сердцем, то еды, одежды и вещей будет в нужном количестве. Это как рвать траву после первого числа [месяца] «белого разрушения». 118 Несмотря на то что Ван со и Гу появились ярко, будет задержка с пирами, праздниками и выгодой. Так как не выпал год экзамена Гуй сан, в следующем году будет трудно пройти.	111 boroyu-a arilaqu-yi asayubasu arilaqu : oruqu-yi küsebesü quluayan-a yaqai edür tokiyaldubasu bayä bayimui : yerü boroyun bayiqu-ača tungyalay edür-ün qubi ülemji :: 112 siu sii silyaqu-yi üjegülbesü liu küli bayuysan tula van su guvan kui qoyayulun tokiyalduysan-i dayän yabiy-a ner-e jayay-aluy-a barildabai : morin tulai jil-dür bang bičig-tü temdeg yarumui : (2b) 113 gova kui orun-i ejelegesen tula : nayir öčüken : kürgen bolqu : beri yuyuqu-yi büü yorila : busu üilen-dür kečiyebesü sayin : tegün-eče qoyiči edürün yaslang jobuqu-yi inu tasulumui : 114 van su guvan gu qoyar odun toduraqai boljuqui : tung sang silyaqu-yi üjegülbesü sedkil yüiçemüi : silyaqu inu tüşimel-ün yar-ača yarqu tula : erkin kümün erdem čidal aldarsimui : 115 kürgen songyuqu-yi üjegülbesü masi mayu : jayay-a ügei tula kereg ülü bütükü anu ünen : jokiyal-un jüg öber-iyen orun-u eke boluysan tula : bütügen-ü qoyin-a nayir ügei bolumui : 116 kei morin-i üjegülebesü : mandaŋu amui : ači ür-e delgerekü : ed tavar quriyaysan anu mön-kü (3a) ene čay ger-ün qubi buyan manduyad erkim kümün-dür qayirilaydaŋu učirladamui : 117 čin kemekü sedkil-iyer ene nasun-u keregyi asayubasu idekü emüskü kereglekü jüil keriber kürümüi : čayayčın ebderel-ün terigün-dür önggeregsen qoyin-a čečeg julyuraqu adali : 118 van so gu qarılčan todurqai bayuysan bolbaču bayar qurim nayir-a asiŋ učıraqu anu baqan udaqu gui san silyaqu jil učiral tokiyalduysan ügei tula qoyidun čidaqu berke :¹⁰
121 Если спрашиваешь о переезде, сердце будет довольно. Счастье надолго укрепится. Будет много выгоды, поэтому жизнь будет изобильной. 122 Если гадаешь о болезни старших и младших родственников, (3b) осенью и зимой способ излечиться есть. Если случится весной и летом, излечиться будет трудно. Надо быть осторожным. 123 Милость крепка. Если гадаешь о болезни жены, опасности нет. Так как расположение и причины [болезни] ясны, легко преодолет. Если произойдет в [годы] белой обезьяны или черной собаки, будет спокойно. 124 Вылечить болезнь трудно. Если хочешь отвратить демонов <i>дзэткаэр</i> от отца с матерью, соверши благие поступки, которые обещал сделать. В течение 10 дней или 15 дней будет ясно — плохо или хорошо. 125 Исполнение дела затруднено. Однако, что касается покупки жилища, исполнится, как задумал. Твой авторитет с этого времени поднимется, сыновья и внуки умножатся.	121 negüjü bayuqu-yi asayubasu sedkil güiçemüi : buyan kisig urtuda batuddayad asiŋ-tu bayubasu neng erkim tula aŋu törükü elbig delbig bolumui 122 aq-a degü-yin ebedčın-e (3b) üjegülbesü namur ebül bolbasu basaŋi jasaqu arŋ-a bui : qabur jun-u čay tokiyaldubasu edegeküi-dür berke-yi seremjile : 123 buyan batu : gergei-yin ebedčın ni üjegülbesü ayul ügei orun učiral el-e boluysan tula kilbar getülemüi : čayan beči qara noqai tokiyaldubasu amur bolumui : 124 ebedčın anayaqu berke ečiŋe eke-yin ŋai jedker-yi qariyulqu-yi küsebesü amlaysan sayin üiles-iyen bütüŋe : arban edür 15 edürün dotura sayin mayu anu taniydamui 125 kereg bütükü-y-e berke : gebči ger quduldun abqui-dür qarin sedkilčilen bütümüi : beyen erkem ner-e aldar egüneče toytuyad köbegün ačınar delgerekü amui :

⁹ Тиб. *rlung rta*, символ жизненной силы, vitality.

¹⁰ Пропуск. В *МН-1149* фрагмент под знаком 119 тоже пропущен.

(4a) 126 Если гадаешь о распределении долей — исполнить трудно. Если последовать за порядком с добрым сердцем, впоследствии это принесет счастье. 127 Если гадаешь на болезнь сына или дочери, — опасности нет, скрытно существует лекарь, пред-назначенный судьбой. В дни мыши, свиньи, быка будет облегчение. Можно смело сказать, что если совершишь подаяние, все сразу выздоровеют. 128 Если гадаешь на покупку зерна, — не хорошо. Налог будет тяжелым, причина обеднения. Когда появится Гун куй и будет удерживать душу в своем блеске, будет неустойчивость.	(4a) 126 qubiyal ɣaryaqu-yi üjegülbesü bütükü-e berke : ayujim sanay-a-bar jirum-i dayabasu qojim-dayan öljeyitei bolumui : 127 köbegün okin-i ebedçin üjegülbesü ɣai ügei jayayan-u emçi dalda eçin-e bui : quluyan-a ɣaqai üker edür ulam könggerekü : buyan kibesü darui edegerekü-i mayadlasuyai : 128 tariyan qudulduju abqu-yi üjegülbesü sayin busu alban küngdüdçü talayar jüdeküi-yin siltayan : gün güi tokiyaldıysan-dur gilbarin-du sedkil bariqu tula toytuburi ügei :
131 Если гадаешь на получение выгоды, не жди быстрого исхода. Не стоит стараться. Если выпадет заяц, курица — синие или синеватые, (4b) только тогда исполнятся желания. 132 Если гадаешь на получение взаймы денег, — получишь, если попросишь их найти других. Начинать нужно в дни мыши или свиньи. Будет встреча с уважаемым человеком, кто исполнит желание. 133 Если гадаешь на покупку лошади или коровы, — будет хорошо. Когда купишь, будешь точно доволен. Можно [купить] что угодно — лошадь, корову или мула. 134 Выгода будет большой. Если гадаешь на переезд в купленное жилище, гении-хранители разрешают. Весной и летом много радости. Осенью и зимой — как всегда. 135 Несмотря на заслуги и влияние отца, гадание на наследование степени показывает, что будет трудно. В рисунке нет «жизни», поэтому уверенности нет.	131 asiy erikü-i üjegülbesü bitegei türgen külegtün simdabal sayin ügei taulai takiy-a köke kökeğçin tokiyaldubasu sai tegün-e (4b) sedkil güiçedkebesü bolumui 132 jöyos mönggü jегelen abqu-yi üjegülbesü busud-iyar dayalyaju erebesü olumui : quluyan-a ɣaqai edür-tür sayi ködülbesü jokimui : egeril-i bütügegçi erkim kümün ayuljamui 133 mori üker quduldu abqu-yi üjegülbesü sayin quduldu abqu-dur çini sedkil mayad güiçemüi : mori üker luus alinçu bolumui : 134 asiy ülemji mangdamui : qudulduyan-u ger negüjü bayuqu-yi üjegülbesü sakiyulsun jöbsiyerebei : qabur jun-u çay bayasqayulang ülemji : namur ebül keriber amui 135 eçige-yin küçün ɣabiy-a kedüi bui bolbaçu jerge jalyamjilaqu-yi asayubasu olquy-a berke : juruy-tur amin ügei tula itegel ügei amui :
(5a) 136 Если спрашиваешь о даче в долг денег, вытати и дай сам. Получение выгоды не будет иметь сложностей. Но будь внимателен. 137 При похоронах умершего не очень хороший знак <i>судал</i>¹¹, два субъекта противостоят. Нужно поискать другое место «небесного воздуха». 138 Если гадаешь на откорм скота, если не осенью и зимой, то не опасно. В первый месяц лета или в начале весны откармливать не хорошо.	(5a) 136 mönggü jöyos jegelegülün ögkü-yi asayubasu sayin durabar ɣaryaju talbituyai : asiy olqu anu jöbiyuri ügei buyu sejiğlegtün : 137 kegür orusiyulqui-dur güyükü sudal sayin ügei 2 bey-e-eçe esergüçel bui böged öber oyturyui-yin kei orun-i erebesü sayin : 138 mal tejiğekü-yi üjegülbesü namur ebül busu gem ügei : jun-u terigün qabur-un ekin-dur tejiğebesü sayin busu bui :
141 В посевах и урожае 10-кратность (?) гарантированы. В один год соберешь зерно трехгодичного урожая. Так показывает [гадание]. 142 Зачем обсуждать дурное и хорошее у других? Если спрашиваешь о том, станешь или нет учителем в школе, [место] отнимет другой. Не нужно.	141 tariju quriyaqu-yin üiles-tür 10 qubi mayadlaltai nigen on-dur 3 on-u buduy-a quriyamui kemen bayujuqui 142 busud kümün-ü sayin mayu kelelçeküyi yayakimui : suryayuli-yin baysi bolqu-yi asayubasu busud-tur buliyaydamui kereg ügei :
143 Стало ясно, что будет мальчик. (5b) Если гадаешь о желании [рождения] мальчика, то если раньше была беременность и потеря, то сейчас [гадание] показывает, что родится Гарди или Калибика¹².	143 köbegün toduraqai boljuqui : (5b) köbegün küsegeçid-i üjegülbesü urida oluyad aldayısan uday-a bui bolbasu edügedür kardi kalibika mengdelkü kemen bayujuqui :

¹¹ Астрологический знак.

¹² Мифические птицы гаруда и калапинка (санскр. калавинка).

144 Если гадаешь о пути, выходит не хорошо. Будет ругань. Много препятствий. Если двинешься, много демонов <i>дзэтакэр</i>. Лучше отложить. 145 Твои знаки судьбы хорошие, поэтому все дела исполнятся. При повторных экзаменах поможет влиятельное лицо. Гарантировано обрешь радость. 146 Если спрашиваешь о личинках [шелкопряда] весной, если будешь молиться с верой, выгода будет большой. Позднее умножится в 9 раз. Ночью придут святые мудрецы и наставят тебя. Утреннему сну можно верить, ночной сон ошибочен. Так говорит [гадание]. (6a) 147 Если гадаешь на то, как закончится тяжба, будет милость от многих высших добродетельных. В [день] мыши и свиньи дело успокоится. Словно облака разойдутся, дождь прекратится, и туман рассеется. 148 Несмотря на то что идут кривотолки, все успокоится. Очень правильно избавиться от всякого дела. Если исследовать, последствий не будет.	144 möri ɣaryaqu-yi üjegülbesü sayin ügei : kele am bui sayatal olan küdülebesü jedker olan bui tula tür qoyisilbasu jokimui : 145 činu učiral sayin tula aliba kereg бүтүмүй : ergejü silyaqu čay-tu erkin kümün tusalmui : bayar-i olqu anu mayadlaltai : 146 qabur-un sirkig-ün učir-i asaɣubasu süsüglen jalbaribasü asiɣ elbig olqu : qoɣim 9 qubi bolbasuramui : söni boɣda merged irejü čimadur uqaɣulumui örlüge-yin jегүде itegeltei : söni-yin jегүде aldastai kemejüki : (6a) 147 ɣaryu tegüskü-yi asaɣubasu olan degedüs buyan-tan-luy-a irügel barildaysan amui : quluɣan-a ɣaqai-du kereg amarlimui : egül tarqaɣu qura joysuɣu budungyui arilaqu metü bolumui 148 jöb buruɣu kele am bui bolbaču amurilamui : aliba kereg-i kelterigüljü küleyebesü masi sayin sinjilbesü ursiɣ ügei bolumui :
151 Если не встретишься с чиновником, дело не исполнится. После встречи может повернуться. Весной и летом как будто есть опасность. Осенью и зимой трудно достичь спокойствия. 152 Если спрашиваешь о встрече с высшими, будет много радости. Выгоды и имущества достигнешь, сколько хочешь. В этом гадании ошибки нет. (6b) 153 Если затеешь тяжбу, пользы мало, узнать трудно. Даже если ты прав, если нет имущества, не начинай. Так сказано.	151 tüsimel-dü učiraqu ügei bolbasu kereg бүтүкү үгеи : aɣulɣaysan qoyin-a urbaqu bui : qabur jun ɣai metü namur ebül amur bolqu ni berke 152 degedüs-tei aɣulɣaqu-i asaɣubasu bayasqulang ülemji bolqu anu mayad ed asiɣ erigsen yosuyar бүтүмүй : tölgen-dür engdegüü ügei : (6b) 153 kereg-tür jiyaldubasu tusa öčüken medekü berketei : jöb bolbaču ed ügei bolbasu betegei egüsge kemejüki :
154 При сдаче провианта все спокойно. Важное лицо окажет помощь, и обрешь силу. Даже после того, как сдашь, получишь [ответ]. 155 Если поселишься, исследовав благоприятную сторону для дома и имущества, это принесет вечное благо потомству. Установится счастье. Если много раз встретятся гневные божества, нехорошо для скота. Так говорит [гадание]. 156 Хорошо для ухода от налогов. Положишься на человека, занимающегося этим делом, и он поможет. Почтив его выгоду и имя, освободишься [от налога]. 157 Если гадаешь на получение официальной бумаги с печатью, (7a) ждет долгое мучение. Хорошо, если встретятся звезды змеи, лошади, овцы и обезьяны. После [их] прохождения снова долгое ожидание. 158 Если гадаешь о прощении, сердце будет удовлетворено. Когда чиновник, о котором спрашиваешь, повернется и поможет, тогда только поймешь истинность этого гадания.	154 amu kürtegekü-dü engke töbsin erken kümün tusalan tedküjü küčün olumui : qarin ču tusiyan ögüged oldaqu bolumui : 155 ger baray-a üiledküi-dür sayin jüg-i singjilen bayubasu açi ür-e egürde sayin : buyan kesig toytaqu kerbe doysin tengri olan tokiyaldubasu mal adayusun-dur sayin ügei kemejüki : 156 alban-ača jayilqui-dur sayin : kereg bariɣči kümü-e tüsigden tusalaydamui : asiɣ ner-e-yin takiysan-ača keltürkü amui 157 tamaytu bičig küliyen abqu-yi (7a) üjegülbesü udayaɣu jobqu bui : moyai mori qoni biči odun-a tokiyaldubasu sayin önggerebesü basakü udayan bolumui : 158 öčig medegülkü-yi üjegülbesü sedkil güiçekü amui : asaɣuqu tüsimel el-e bolun urbaɣu inaysi tusalbasu tegüber sayi tölgen-ü mergen-i medemüi ::
161 Имущество умножается, чиновнику — радость. Если гадаешь на высокое положение, обязательно продвинешься по службе. Весной услышишь весть и осенью или зимой обязательно получишь большую власть.	161 ed mandaysan-iyar tüsimel-dü bayar bui yekes kümün üjegülbesü mayad tusiya debsimui : qabur medege-i sonusuyad namur ebül erke ügei yeke jasaɣ-i barimui :

162 Если гадаешь, придет ли человек, [он еще] не двинулся. Отправляйся сразу на поиски. Не подозревай [его]. Так показывает [гадание]. 163 Не опасайся, что, мол, <i>хулл</i> на печати не благоприятствует. (7b) Не нужно бояться. Передвигаясь или находясь на одном месте, встретишь влиятельное лицо. 164 Будь готов к тому, что когда дело придет к согласию, тебе не понравится. Будь осторожен с некрепкими друзьями. Если не будешь их пускать к себе, в дальнейшем избежишь страданий. 165 Если гадаешь на возможность породниться с кем-то, 10 раз будет хорошо. Путник обретет большую пользу и будет жить в благополучии многие годы. 166 Если гадаешь о беременной женщине, все плохо. Во время родов будет много затруднений. В дни тигра, зайца и свиньи опасности нет. Если родится мальчик, — [опасность] от демонов <i>дзэтакэр</i>. Девочка — хорошо. 167 Если гадаешь о торговле, очень хорошо. Если ищешь выгоды, ее будет много, без ограничения. Будь уверен — нет плохих последствий ни для продажи, ни для покупки. (8a) 168 Если гадаешь о женитьбе, будет не хорошо. Сколько бы ни выпало хороших знаков, словно цветы расцвели, [лишь] если выпадет на день тигра, будет все благополучно.	162 kümün irekü-yi üjegülbesü toytu=buri-tai amui : nigemüsün suruylan erigetün : betegei seǵiglegtün kemen bayuǵuqi : 163 tamayan-u külil qarsilba : (7b) kemen ünén bolǵaǵu betegei seǵiglen : ayuqu kereg ügei : ködelkü joysuqi-dur erkin kümün-e aǵulǵamui : 164 kereg jokičaqi-dur sanaya ülü tayaqu-yi medegtün : nökörlekčid-ün batu ügei-i serimǵile : köl quriyabası qoǵim sedkil jobqu-ača keltüremüi : 165 uruǵ bolulčaqi-i üjegülbesü arban qubi sayin jıyulčın kümün tus-i yeke olǵu olan on-du tegsi jıryaqu amui : 166 jirmüsün ekiner-i üjegülbesü mayu : könggeǵikü-yin üy-e nileyed berketeisiǵ bolqu bars taulai ǵaqai edür-tü ayul ügei köbegün törübel-e jedker-tei : okin sayin 167 qudulduǵa-kikü-i üjegülbesü masi sayin ed asiǵ eribesü kerı ügei tegsi sayin : ǵaryaqu quriyaqu-du ursiǵ ügei-i mayadlasuǵai : (8a) 168 em-e abqu-yi üjegülbesü sayin ügei : sayin uçiral ni kedüi çečeg delgeren ǵarbaču bars edür uçirbasu sayin bürin tegsi bolumui
171 Если гадаешь на исполнение желаний, встретятся различные причины. Осенью и зимой исполнятся, как задумал, весной и летом — есть затруднения. 172 Если спрашиваешь о вестях из дома, все твои родственники благополучны и здоровы. Постарайся вернуться назад пораньше. Так говорит [гадание]. 173 Если гадаешь о том, станешь или нет писарем, старайся. Больше усердствуй. Если станешь [писарем] без уверенности, через силу, после того, как станешь, могут вредить демоны <i>дзэтакэр</i>. (8b) 174 Если гадаешь о желании стать чиновником, если свершатся благие дела, станешь чиновником. Будет много милости. На этот раз будет радость, так думай. Сила женщины и мужчины хорошие, они обретут счастье. 175 Если гадаешь об испрашивании милости, ждать будешь долго. Мысли и намерения отставь далеко. Не беспокойся. Весной и летом нужно быть терпеливым. Осенью или зимой исполнится, как задумал. 176 Если спрашиваешь о том, начинать ли тяжбу, живи, как задумал, и все исполнится. Влиятельные люди из двух мест исполнятся силы. Там, куда придеешь, получишь большую выгоду.	171 sanaysan kereg-i asayubasu uçir jüi tokiyalduqu : namur ebül čay-tur sedkilčilen bütümüi : qabur jun-u čay-tu sayatal-tai 172 ger-ün medege-i asayubasu kümün činu uruǵ elegen amur mendü bayınam : erteken qoyisi ergekü boduly-a-yi sedkil-degen talbi mörgüdekü-yi güiçedke kemeǵüküi : 173 bičigeči bolqu-i üjegülbesü bolbasurayulun sedki : ilegüü jütegemüi itegekü ügei küčülen bütübesü bütügsen qoyin-a jedker bolqu bolǵusi ügei : (8b) 174 tüsimel küsekü-yi üjegülbesü sayin ed delgerebesü tüsimel-i olumui : buyan kesig ülemǵi ene uday-a bayar bolqu-i boduǵulsuǵai : er-e em-e-yin erkin sayin bolǵu jıryal-i olqu anu mayad 175 kesig ǵuyuqu-yi üjegülbesü udayan sayin sanay-a boduly-a-yi qola talbi betegei samayura : qabur jun külčikü kereg-tei namur ebül sedkilčilen bütümüi 176 jarulayan-du ǵaryaqu-yi asayubasu durabar yabuǵu sedkil čini güiçemüi : 2 ǵaǵarun erkin kümün küčün tegüskü : kürügsen el-e ǵaǵar asiǵ ülemǵi olqu :

177 Если спрашиваешь о благосклонности к чиновнику, владыка милости и знаний будет (9a) покровительствовать. Встретишься с влиятельным лицом. Осенью и зимой будет много выгоды, летом и весной сможешь добиться, но не быстро. 178 Если гадаешь, брать или не брать слугу, так как спустилась звезда милости, будет хорошо. Теперь не нужно обсуждать, попал или не попал [в цель].	177 kümün či tüsimel tayaqu-i asayubasu buyan erdem-ün ejen (9a) ibegen : erkin kümün-ni ayuljamui : namur ebül ed asiğ delgeren jun qabur alyur bütügen čidamui : 178 jarudsu abqu-yi üjegülbesü buyan kesig-ün odun bayuysan tula sayin-iyar bütümüi : edüge onuqu aldaqu-yi sigümjilekü kereg ügei :
181 Если гадаешь о том, вернешься ли на родину, хорошо будет осенью, тогда милости и имущества будет много. Дорога будет спокойной [или нет], [гадание] сказать не может. 182 Если гадаешь в целом, — [ждет] много распрей. Расход имущества. Ни одно дело не исполнится. Будет покровительствовать один милостынедатель. Его сила большая, поэтому имущество зимой приумножится. 183 Если ты установишь договор, (9b) будет согласие. По достижении доля имущества будет хорошей. Не надо отказываться. 184 Если утратишь имущество, нет возможности указать, где оно. Оно поделено между своими и чужими и ушло. Кажется, не надо и вспоминать о том, что уже утеряно. 185 Несмотря на то что «место» высокое, а «встреча» короткая, в конце концов вернутся. Услышишь [весть] в день мыши, свиньи — черной или черноватой. Не надо огорчаться. Найдется.	181 nutuy-tu ergekü-yi asayubasu namur sayin buyan kesig ed tokiyaldamui : jam-un ayan-a amur tungyalay kelekü yağar ügei : 182 yerü-yin tula üjegülbesü kele ama olan ed-yin yaruly-a bolju kereg nigen-ber bütükü ügei yağça buyan-u ejen ibegekü küčün ülemji bui tula ed ayursu ebül çay delgeremüi : 183 kümün či qorsiy-a bolulčabasu (9b) sedkil jokildamui : kürügßen qoyin-a ed-ün qubi sayin tatayaljaqu kereg ügei : 184 ed aldabasu ene kemen jiyaqu yağar ügei dotun-a yadan-a jokildun qubiyan oduysan bölüge : nigente aldaysan-i sanaqu kereg ügei metü : 185 orun öndür uçaral boyuni kedüi uryubaçu ečüs-tegen eregeju irekü amui : qulyan-a yağai qara qarayčin edür-tü sonusmui : jobqu kereg ügei oldamui :
186 Если спрашиваешь о том, когда вернется путник, есть препятствия. Вернется в день белой обезьяны или черной или черноватой¹³. Обязательно будет (10a) радостная встреча. 187 Несчастий было много, но они еще не исчезли. Демоны <i>дзэткэр</i> не исчезли, поэтому в теле появилась болезнь. В месяцы петуха и свиньи будет так, словно ясная луна встретила с ветром. 188 Есть опасность наказания и физической работы. Сердце будет страдать, а тело мучиться. Весной и осенью опасности нет, а летом и зимой может случиться опасность и наказание. Будь осторожен.	186 yabudal-un kümün kejiy-e ergekü-yi asayubasu sayadaltai çayan beči qara qarayčin edür ergemüi : erke ügei bayar bayasyulangtai (10a) ayuljaqu amui : 187 yaı qarsi kedüi bui bolbaçu seregün busu jedker arilayadui tula bey-e-dür ebedčün boljuqui : takiy-a yağai saradu gegen saran tungyalay salkin-a ayuljaysan metü bolqu : 188 yaltan ba určud-i kürgökü ni ayul bui sedkil jobuju bey-e jüdejü amur ügei : qabur namur ayul ügei jun ebül ayul yal-a qaldaqu-i seremjile :
211 Болезни старших и младших родственников не опасны. Если раздашь милостыню и будешь молиться гениям-хранителям, в дни белой обезьяны или беловатой курицы обязательно выздоровеют. 212 Хорошие предзнаменования для покупки земли для посевов. Душа будет довольна. (10b) С этих пор имущество приумножится. 213 Дело по покупке жилища не исполнится. Если попросишь родственников или положишься на друга, это увеличит цену. Оставишь и будешь искать другой способ, — не получится. 214 Болезнь сына или дочери не опасна. С дня тигра, зайца или дракона начнет успокаиваться. Если помолишься гениям-хранителям, совсем пройдет.	211 aq-a degüü-yin ebedčün ayul ügei buyan üiledju sakiyusun-a jalbarabasu çayan beči çayayčin takiy-a edür erkebişi amur bolumui : 212 tariyan-u yağar-i quduhdun abqu-ni sayin tegsi qubi yirügel bui : sedkil čini güičemüi : (10b) egün-eče qoyisi ed tavar arbiddun bolumui 213 ger quduhdun abqu-ni kereg bütükü ügei uruy yuyuju nökur-i tüsibesü ün-e nemegülkü bui : orkiju öber ary-a erküi-dür kürkü ügei : 214 köbegün okin-u ebedčün-i ayul ügei : baras taulai luu edüreče ekilen sibkerču sakiyusun-a jalbarabasu neng amurlimui :

¹³ Здесь, возможно, пропуск.

211 Болезни старших и младших родственников не опасны. Если раздашь милостыню и будешь молиться гениям-хранителям, в дни белой обезьяны или беловатой курицы обязательно выздоровеют. 212 Хорошие предзнаменования для покупки земли для посевов. Душа будет довольна. (10b) С этих пор имущество приумножится. 213 Дело по покупке жилища не исполнится. Если попросишь родственников или положишься на друга, это увеличит цену. Оставишь и будешь искать другой способ, — не получится. 214 Болезнь сына или дочери не опасна. С дня тигра, зайца или дракона начнет успокаиваться. Если помолишься гениям-хранителям, совсем пройдет. 215 Что касается болезни отца или матери, если помолишься гению-хранителю с полной верой, болезнь уйдет на всю жизнь. После выздоровления нужно совершить [обряд] благодарения. 216 При переезде сделай продажу. Большая выгода сама придет. (11a) Немного опасайся ссор. Однако потихоньку дела сами исполнятся. 217 При дележе душа останется как будто не удовлетворенной, с раной. Если овладеешь сам, никакой выгоды. Лучше подождать. 218 Выздоровление от болезни у женщины будет долгим. Если она беременная, родит сына, который прославится. В месяц мыши или тигра выздоровеет.	211 aq-a degüü-yin ebedčün ayul ügei buyan üiledjü sakiyusun-a jalbarabasu čayan beči čayačün takiy-a edür erkebi amur bolumui : 212 tariyan-u yağar-i quduhdun abqu-ni sayin tegsi qubi yirügel bui : sedkil čini güičemüi : (10b) egün-eče qoyisi ed tavar arbiddun bolumui 213 ger quduhdun abqu-ni kereg bütükü ügei uruy yuyuju nökur-i tüsibesü ün-e nemegülkü bui : orkiju öber ary-a erküi-dür kürkü ügei : 214 köbegün okin-u ebedčün-i ayul ügei : baras taulai luu edüreče ekilen sibkerčü sakiyusun-a jalbarabasu neng amurlimui : 215 ečige eke-yin ebedčün-i tula čing bisiril-iyer sakiyusun-a jalbaribasu nasu urtudu ebečün amurilju niyur uryumui : ebečün arilaysan čay ači-i qariyulqu kereg-tei : 216 jögen negüküi-dür tavar-iyen üiled ed-ün asiy ülemji (11a) öber-iyen delgerimüi : kele ama-yi bay-a sereltei : gebeču aljur üiles-nuyud öber-iyen bütümüi : 217 qubiyen yaryaqu-du sedkil jokistai ügei metü sebtei öber sayubaču asiy demei ügei tula qojim-un čay-i küliyebešü sayin : 218 em-e-yin ebedčün-i udayan edegemüi : jiremüsün bolbasu köbegün könggejiged aldar-tai bolqu : quluyan-a baras saradu abasu amur bolqu
221 Милостынедатель силен. В обычной жизни много радости. Осенью и зимой умножится имущество. Весной и летом — плохо, надо быть осторожным. 222 Для наказания провинившихся есть препятствия. Так как в конце Гун куй сильна, несмотря на месть и последствия, (11b) в будущем будет хорошо. 223 Если человек сбежит, нужно поспешить. Будет скрываться недалеко. Весть придет в день белых тигра, зайца, петуха. Так или иначе, человек приведет его в будущем.	221 buyan-u ejen küčütei yerü-yin tula yeke bayar bui : namur ebül 2 čay-tu ed arbijimui : qabur jun mayu tula kečiyekü keregtei 222 yaltan uračud kurgökü-ni sayad bui : gün güi ečüs-tegen küčütei tula ösilen ursiylabaču (11b) qojim-dayan sayin bolqu : 223 kümün oryubasu yayaraq kereg-tei : oyir-a orčim niyun sayuju bayiqu bolai : čayan bars taulai takiy-a edür suruy sonusuydamui kerkebeču kümün qoyisi kurgēju irekü :
224 Если гадаешь о своей болезни, она уже давно успокоилась. Если наберешься смелости и положишься на противоположное, потихоньку выздоровеешь. 225 Если гадаешь о потерянной вещи, быстро отправляйся на поиски, обязательно найдешь. Когда спрашиваешь у гадания более точно, говорит, что тело вора находится перед глазами. 226 Если спрашиваешь о возвращении на родину, — не хорошо. Живи спокойно и не спеши без причины трогаться. (12a) Если нарушишь это, обязательно придет страдание. 227 Так как на хулиле «места» есть одна «встреча», не надо говорить о долгом страдании. Если доберется до дня собаки, дракона или быка, снова все, какие есть дела, исполнятся.	224 öberün ebedčün-i üjegülbesü kedün talbariysan ajiyu ersleged yeründeg-i sayitur šitü=besü alayur sayin bolun-a : 225 aldayan ed-i üjegülbesü türgelen nekebel-e oldaqu anu mayad : tölegen-eče narabčılan asayubasu qulayai-yin bey-e nidün-ü emün-e inu bui kemebei : 226 nutuy-tu ergekü-i asayubasu sayin ügei amur sayuju učir ügei ködülkü-yi küliyegtün (12a) joračabasu erkiügei joblang iremüi 227 orun-u küli-dü učiral nige boluysan tula udayan kemen jobayaqu kereg yayun noqai luu üker qonin edür kürübesü ergijü aliba kereg bükün bütümüi

228 Если гадаешь на установление союза, не получится, и будут страдания. В дальнейшем намерения разойдутся, и случится конфликт. Так как <i>хулл</i> Гун куй сдвинулся, хорошего нет.	228 qorsiy-a bolqu-yi üjegülbesü talayar-a jobamui qojim-dayan sanay-a jörčijü ülü tayačimui gün güi küllil ködülügsen tula sayin busu
231 Если хочешь встретиться с высшими лицами, ищи человека, который сможет [помочь]. Намучаешься, пока встретишься. Так показывает [гадание]. 232 Подачу жалобы исполнишь, как желал. Влиятельное лицо поможет. В конце концов все закончится согласием, наказания не будет. 233 Если гадаешь на строительство жилища, твои намерения исполнятся. Начиная с этого дня, будут улучшаться [обстоятельства, связанные] с тем, к чему стремишься, (12b) и приходит время, когда имущество приумножится. 234 Нет сомнения в получении бумаги с печатью. Встретишься с влиятельным лицом и быстро исполнишь. Так говорит [гадание]. 235 Для доставления платы и налогов — не хорошо. Если не разберешься в причинах и не постарайся, точно грозит опасность государственного наказания. 236 Если гадаешь о встрече с чиновником — ничего хорошего, будешь страдать. Если постарайся и будешь осторожен, освободишься от опасности. 237 Если гадаешь об уклонении от налогов — как задумал, не получится. Встретиться с нужным человеком труднее трудного. Будь осторожен. Если все заново обдумаешь, можно вернуться к этому весной. 238 О тяжбе. Будет установлено, согласно содержанию прошения. (13a) Выпадает сопернику плохо, тебе хорошо.	231 degedüs-tei ayuljiqu-yi küsebesü čidaqu kümün ni erkitün sedkil bay-a jobaju učiramui kemen bayujuqui : 232 öčig medegülkü sanayan-dur güičemüi : erken kümün tusalju ečüs-tegen nayiramdul-iyar jokildun yal-a ügei tegüskemüi : 233 ger bariqu-i üjegülbesü čini sanay-a güičemüi : ene edüreče ekilen joriysan yabudal sayijirayad (12b) ed üiles delgerekü čay iegsen bui el-e : 234 tamyatai bičig-yi küliyen abqui-dur seřig ügei erkin kümün-e ayuljařu üdter türgen-e bütümüi kemeřüküi : 235 čaling amu kürgeküi-dür sayin ügei : kerbe učir-i üjeřü kinan ese kečiyebesü erkeügei bey-e-dür řasay-un ayul bolumui : 236 tüsimel-dü učiraqu-i üjegülbesü sayin busu tula mayad jobamui : kečiyen serimřilebesü gem-eče qayačaqu amui : 237 alban-ača řayılqu-i üjegülbesü sanayan-dur bolqu ügei tus-tai kümün-luř-a ayuljaqu berke-eče berke kečyen seremřile kinan boduřu yabubasu qaburun čay-tu sedübesü bolumui : 238 řiyaldun temčekü-yin řüil öčig-ün (13a) üges öberün sanayan-u yosuřar tořtamui : busud-tur qarsi : öber-tü sayin kemen bayujuqui ::
241 Весть о доме уже идет. В день змеи или лошади получишь послание. На родине и дома преимущественно благополучно. Беспокоиться не надо. 242 Если гадаешь о том, взять или не взять слугу, знаки плохие. Даже если возьмешь, долго не пробудет. Сбежит, и ничто не сможет его остановить. 243 Если гадаешь о прощении, — встретишься с влиятельным лицом. Если найдешь способ и последуешь его совету, добьешься. Не нужно опасаться. Быстрее подавай. Скоро исполнится. 244 Ели гадаешь о благосклонности чиновника — (13b) плохо. Лучше сберечь старую долю и не суетиться. Если будешь настойчив, приведет к страданиям. 245 Если хочешь стать чиновником, это не трудно. Опершись на влиятельное лицо, прославишь свое имя и силу. Осенью или зимой получишь власть. 246 Если спрашиваешь о задуманном — не исполнится. Если не поверишь словам гадания, хоть дело исполнишь, будет много скандалов. 247 Если гадаешь о службе посыльным — будет хорошо. Спокойно обретишь выгоду, встретишься с влиятельным лицом, которое тебя поддержит.	241 ger-ün medege nigente řarču moyai morin edür bičig-tür ayulřamui : nutuř ger-ün dotura amur-un qubi ülemři : jobqu kereg ügei amui : 242 řarudasu oruřulqu-i üjegü=lbesü ölři busu kemeři bütübečü udayan sayuřu bolqu ügei : oruřu yabuqu-yi kerkebečü řořsuřan čidaqu-yin arř-a ügei 243 kereg řuyuqu-yi üjegülbesü erkin kümün učiramui učir olřu sanay-a-yi dayabasu čidan ileremüi : seřiglekü kereg ügei türgen-e oruřtun darui bütümüi : 244 tüsimel dayaqu-yi üjegülbesü (13b) mayu qayučin qubi-ban sakiřu amur-i erebesü jokimui : simdan bütebel-e sedkil-ün jobalang bolumui : 245 tüsimel küseküi-dür berketei busu erkin kümün dulduyidřu ner-e čidal aldarsiyad namur ebül-ün čaytu erke-yi bariqu amui : 246 sanaysan kereg-yi asayubasu bütükü ügei : tölegen-ü üge-yi itegekü ügei abasu kereg bütübečü kele ama olan bolqu : 247 řarulyan-dur řaryaqu-yi üjegülbesü sayin amur tungyalay-iyar asiř olřu erkin kümün-e ayuljařu tedkümüi :

248 Если гадаешь о том, станешь или не станешь писарем — будет плохо, исполнить трудно. Есть препятствия, останавливающие и мешающие этому.	248 beçigeçi bolqu-yi üjegülbesü talayar-a bütükü anu berke : mayad qoriylan udayaqu-yin sayad uçir bui :
(14a) 251 Гадание о [приходе] старших и младших родственников не выпало. Значит, есть какой-то соперник. Если сейчас поищешь другое место, может исполниться. Так говорит [гадание]. 252 Есть сильные причины для ссор. Но бояться не надо. Все успокоится, сердечные страдания исчезнут. Делу опасности нет. 253 Если гадаешь на повторный экзамен — исполнить трудно. Осенью и зимой есть небольшие возможности. Весной и летом очень трудно. 254 Выпало «спокойствие». Все кончится удивительно и прекрасно. [Дурное] дело обязательно закончится. В день змеи или лошади вернется радость и будет праздник. 255 Если гадаешь о пути, (14b) не надо опасаться. Обретишь много-много радости, душа будет довольна. Так говорит [гадание]. 256 Если гадаешь о получении зерна, будешь доволен. Когда 5 емкостей для зерна будут полны, тогда уверуешь в истинность гадания. 257 Если гадаешь о шелке-сырце — ничего хорошего, сердцу трудно быть довольным. Если гадаешь на ночной сон, есть скрытые страдания, будь начеку. Не надо много думать, и тогда освободишься от тревожного сна. 258 Если хочешь сына или дочь, — добродетели и дар крепки, поэтому легко обретишь. Они удивительны и истинны, поэтому, возможно, обретишь в день мыши, дракона, свиньи или лошади.	(14a) 251 aq-a degüü-yin tölge ese bayuysan tula buliyaldaqu kümün bui : ene jabsar busu yañar-yi erebesü bütükü mayad ügei kemejei : 252 kele aman-u siregün barilduly-a bui bolbaçu ayuqu kereg ügei : amurjin usadju sedkil-ün jobalang arilayad kereg-tür ayul ügei : 253 ergejü silyaqu-yi üjegülbesü bütükü-e berke : namur ebül bay-a say-a jam bui : qabur jun masi berke : 254 engke töbsin bayuysan anu yayiqamsiy yaryu tegüsked kereg usdaq anu sejiğ ügei moyai morin edür bayasyulang-iyar ergejü bayar-i olumui : 255 mör yaryaqu-yi üjegülbesü (14b) sejiğlekü kereg ügei dabqur dabqur bayar-i olju çinu sedkil qanumui kemejüki : 256 tariyan abqu-i üjebesü sedkil güiçemüi : 5 tariyan-u sab nuçud degüren bolbasu sayi tölgeyin mergen-i itegekü amui : 257 sirkeg-ün uçir-i üjebesü sayin busu sedkil güiçekü anu berketei : söni-yin jегüden-i üjebesü dalda-aça jobalang bolqu-i seremjile : boduly-a olan tabil ügei keçiyen seremjilekü-yin jегüde-eçe getülkü bolai : 258 köbegün okin küsekü abasu sayin buyan erdem jujayan tula kilbar olqu yayiqamsiy qayurmay ügei tula quluyan-a luu yaqai morin edür olju medekü :
261 Хорошо для поднятия престижа. Если гадаешь (15a) об экзаменах Шиу, сердце будет довольно. Сочинение письма будет хорошим, на будущий год умение улучшится, и ты поднимешься. 262 Для обретения авторитета трудно. Враждебно звезде чиновников. В два [рода] годов — желтых и желтоватых нет возможности. Если будешь экзаменовывать Ги уй, в год петуха, зайца и лошади будет удачно. 263 Очень хорошо для выбора зятя. Милости и счастье крепки, поэтому долго будут счастливы. Мужчины и женщины сойдутся радостно, и всю жизнь будут счастливы. 264 Длительность жизни неполная. Если сойдутся 6 и 6, осталось полгода, если — 7 и 7 — трудности с продолжением жизни. 265 Если гадаешь на экзамен Дун сан, сердце будет довольно. Если осенью (15b) и зимой — точно получишь повышение. Весной и летом — есть опасность, что скроют [от тебя]. 266 Если гадаешь на то, закончится дождь или нет, то не закончится, а будет идти. Частые дожди. Об обильном дожде гадай в день желтого тигра.	261 ner-e erküi-dür jokistai siu (15a) silyaçu oruqui-dur üjegülbesü sedkil güiçemüi : jokial biçig sayin bolqu anu esergün jil-ün küçün toytaçu aldarsimui : 262 ner-e aldarsiqu berke tüsimel-ün odun-a qarsitai : şira sirayçin 2 jil kemjiy-e ügei : takiy-a taulai morin jil-dü giui ilyabasu sayin bolumui : 263 küregen songyuqu anu masi sayin buyan kesig jujayan tula udayan jiryamui : er-e em-e bayartai nayiramda=yad nigen nasun-a egürde amur jiryamui : 264 nasun-u kemjiy-e anu bürin tegüs ügei 66 ayuljabasu qayas jil bui 77 tokiyaldubasu amidaraquy-a berke amui : 265 dung sang silyqui-i üjebesü sedkil güiçemüi namur (15b) ebül-ün çay-tu debsigülkü batulqu anu mayad qabur jun öçüken daldalqu yañar bui : 266 boruyu-a arilaqu-yi üjebesü arilqu ügei oruqu anu türge boruy-a bui : usun elbig qurayin çay-i şira baras edür-tü singjile :

267 Если гадаешь о судьбе и удаче, зачем спрашивать. [Гадание] говорит: будешь жить с открытой душой, и в конце исполнится милость. 268 Если гадаешь о том, станешь или нет зятем, — не стоит, будешь мучиться. Если нарушишь [это], придется потратить много имущества. Поэтому, наверное, лучше поискать другую.	267 jayay-a ki mori-u sayin mayu-i üjegülbesü asayıju yakimui ulam qoyisi sanay-a ayudamiyar nasıjıqui-dur eçüs-ün buyan delgerimüi kemejüki : 268 kürgen bolqu-i üjebesü talayar jobumui : kerbe jörçibesü edüge ed yeke yaryaqu tula qarinču öber-i erebesü sayin bui j-a :
271 Если гадаешь о человеке, о ком мечтаешь, найти трудно. Для вестей есть препятствия. Будут идти долго. В день огня или земли (16a) придет одна весть. Но сейчас ничего не узнаешь. 272 Если гадаешь о женитьбе, — очень хорошо. Соответствует судьбе. Несмотря на то, что прежняя подруга была предназначена [судьбой], нужно еще раз просить. Тогда потомство умножится. 273 Если гадаешь о том, следует ли породниться [с тем-то и тем-то], у него положение плохое, трудно исполнить. Лучше остановиться, чем стараться претворить. Так говорит [гадание]. 274 Если гадаешь на взаимную торговлю, выгода большая, не надо опасаться и отказываться. Будешь доволен и тем, что отдал, и тем, что получил. Подойдет. 275 Установление согласия в деле не принесет удовлетворения. Будешь стараться сохранить имя, случатся стыд и страдания. (16b) 276 Человек, вполне вероятно, что ты поймешь до места чиновника. Поможет человек, представляющий государственную власть. Подтверждаю, что возвысишься осенью или зимой.	271 kümün egerkü-i üjebesü olquy-a berke suruy sayad-tai böged udayan yal siroi edür (16a) nigen suruy medemüi : darui-du medekü ügei : 272 em-e abqu-i üjegülbesü masi sayin jayayan-luy-a barıldabai : urid-yin nökur kedüi barılduly-a bui bolbaçu dakiju erin yuyuqu köbegün ür-e delgerikü : 273 uruy bolulçaqu-yi üjebesü tusiya mayu bütükü-e berke bütümüi kemen jidkün yabuqu-i joysubasu sayin kemejüki : 274 qarılčan qudulduqu-i üjebesü asiğ ülemji seğilen tatayaljaqu kereg ügei : ögkü abqu-du çöm sedkil güiçekü jökistai sayin : 275 kereg jökildaqui-dur sanayan-du kürkü-e berke ner-e-i küsebesü qarılčan içigür jobulang bolqu amui : (16b) 276 kümün çi tüsimel-ün yajar debsikü anu mayadlaltai jasy-yi bariysan erkin kümün tusalamui : namur ebül-ün çay-tu debsikü-yi batulsuyai :
277 Если гадаешь о беременной женщине, этим «заведует» [знак] «воздух радости». Если разродится в один из дней — быка, тигра, змеи, лошади или петуха, без затруднений родит девочку. 278 Если хочешь стать чиновником, ждет удача. Знаки благоприятны для покупки степени. Если будешь добиваться своими силами, будут препятствия. Когда въедешь в столицу, встретишь человека, который поможет.	277 jiremüsün ekiner-i üjebesü bayar-un ayur medemüi : üker baras moyai mori takiy-a ene kedün edür könggejikü-dür ayul tüidker ügei-ber okin törümüi : 278 tüsimel küsekü-dür jökistai jerge qudulduju abqu-dur uçaril sayin : öberün küçün-iyer bütügen-e kemebesü sayataltai : neyislel qotan-a oruysan çay-tu kümün tokiyalduju tusalamui :
281 Если гадаешь на получение взаймы — будешь доволен. Еслипустишь в рост, может быть и выгода. Делай как (17a) хочешь. 282 Если гадаешь о выращивании скотины — будешь доволен. Хотя и не будет большой выгоды, но зато она будет постоянной. Так говорит [гадание]. 283 Для продвижения по службе, милости много. Остерегайся того, что некий человек тайно нанесет вред. Осенью добьешься милости. 284 Если гадаешь о похоронах умершего — знаки здоровья плохие. Для человека и имущества очень плохо. 285 Если спрашиваешь о торговле — очень хорошо. Выгода от 1 до 10 раз. Особенно большая — осенью и зимой.	281 mönggü jojosu jegelkü-i üjebesü sedkil güiçe[m]üi : jaruju qubilyabasu asiğ-tur basakü bui ja-a durbar (17a) yabutuyai : 282 mal teğigekü-i üjebesü sedkil çini güiçemüi : asiğ ülemji ügei bolbaçu ed toytaburi-tai amui kemejüki : 283 jerge jalıamjılaqu-dur buyan kesig delgeremüi : kümün dalda qourlaqu-yi seremjile namur-un çay kesig örüsiel kürtemüi : 284 kegür orsiyulqu-i üjebesü sudal tamir sayin busu kümün ed büküi-dü masi mayu : 285 qudulduy-a yaryaqu-yi asayubasu masi sayin 1-eçe 10 qubi asiğ yarqu namur ebül-dü neng ülemji

286 Если гадаешь на получение выгоды — душа довольна не будет. Лучше сохраняй прежнее положение. Сколько ни старайся, выгоду получить трудно.	286 asiḡ erikü-yi üjebesü sedkil güičekü ügei : qayučin keb-iyen sakibasü erkin čirmayıbaču asiḡ ögkü berketei :
287 Если гадаешь на дачу в долг (17b) — будешь доволен. Только будь осторожен с человеком-посредником, он ненадежен.	287 jegelegülün ögkü-yi üjebesü (17b) sedkil güičemüi : yaḡča qoḡorum=da-yin kümün-ü itegel ügei-yi seremjile
288 Если гадаешь о покупке скота — невыгодно и исполнить трудно. Купленной скотиной в конце концов не будешь доволен.	288 mal quduldun abqu-i üjebesü asiḡ ügei tula бүтүкүй-е берке : abuysan mal ču ečüs-tegen sedkil ülü güičemüi :

Заключение

Гадание по хулилам, распространенное среди монголов, является одним из многочисленных вариантов, восходящих к китайскому сборнику «Ицзин». Судя по большому числу монгольских рукописей об этом гадании в различных книжных коллекциях, он был широко известен монголам и активно ими практиковался. С большой долей уверенности можно сказать, что этот вариант сочинения был принесен к монголам довольно поздно, возможно, в эпоху империи Цин, когда влияние китайской культуры на монголов стало наиболее интенсивным. Памятник не претерпел большой переработки и модификации в духе буддийских сочинений. В нем мало видно следов монголизации и адаптации к кочевому быту. Главные

темы гадания здесь, кроме болезни родственников, выбора зятя или невесты, что относится к общечеловеческим темам, занимают вопросы, связанные с сельскохозяйственным бытом: будет ли дождь, каков будет урожай зерна, шелка-сырца; много вопросов, связанных с продвижением по чиновничьей лестнице, со сдачей экзаменов на степень чиновника. В тексте много китаизмов, китайских идиом и выражений, названий китайских астрологических знаков. Есть упоминание покупки шарика *джинс*, что относится к маньчжурскому периоду. В то же время нет тибетизмов и упоминания буддийских божеств. Таким образом, представленное сочинение является образцом бытования среди монголов китайской мантики, проникшей к ним в сравнительно позднее время.

Литература

- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Легенды и сказки 1912 — Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1912. 172 с.
- Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1950. 380 с.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 186 с.
- Герасимова 1999 — *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 159 с.
- Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. I–III. Т. I. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1844. XIII, 594 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 492 с.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, 505 с.
- Цендина 2019 — *Цендина А. Д.* Монгольское сочинение о гадании по приметам из собрания Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 263–278.
- Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018 — *Билгуудэй Г., Отгонбаатар Р., Цендина А. Ц.* Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол ном судрын бургтэл (= Каталог монгольских рукописей и ксилографов квартиры-музея Ц. Дамдинсүрэна). Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2018. 620 с.
- Нацагдорж 2003 — *Нацагдорж Ц.* Жилийн харшийг засан зүг мөрөө гаргах зурхайн ёсон. Өдөр, гараг, цагийн сайн муу үрийг таних зурлага (= Астрологические расчеты о неблагоприятных годах. Таблицы благих и дурных последствий сочетаний дней, планет, часов). Улаанбаатар: Монголын суу билигтэн, 2003. 109 с.

- Baumann 2005 — *Baumann B. G.* Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. Bloomington: Indiana University, 2005. 2223 p.
- Bawden 1958 — *Bawden C. R.* Astrologie und Divination bei den Mongolen — die schriftlichen Quellen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 108. 1958. S. 317–337.
- Grünwedel 1900 — *Grünwedel A.* Mythologies des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Führer durch die Lamaistische Sammlung des Fürsten E. Uchtomskij. Leipzig: F. A. Brockhaus. 244 s.
- Kara 2005 — *Kara G.* Books of the Mongolians nomads. More than eight centuries of writing Mongolian. Transl. by J. R. Krueger. Bloomington: Indiana University, Sinor Research Institute of Inner Asian Studies, 2005. 384 p.
- Laufer 1914 — *Laufer B.* Bird Divination among the Tibetans (Notes on Document Pelliot No. 3530, With a Study of Tibetan Phonology of ninth Century) // *T'oung Pao*. 1914. No. 5. Pp. 1–110.
- Manual 1969 — *Mostaert A.* Manual of Mongolian Astrology and Divination, with an editor's foreword by F. W. Cleaves. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. 127 p.
- Namjildorji 2001 — *Namjildorji.* Mongyol ündüsüten-ü dalu sinjilege (= Монгольское гадание на лопатке). (Kökeqota): Öber Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2001. 123 c.

References

- Baumann B. G. Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. Bloomington: Indiana University, 2005. 2223 p. (In Eng.)
- Bawden C. R. Astrologie und Divination bei den Mongolen — die schriftlichen Quellen. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1958. Vol. 108. Pp. 317–337. (In Germ.)
- Bichurin N. Ya. Collection of Information on the Peoples That Inhabited Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 380 p. (In Russ.)
- Bilguudey G., Otgonbaatar R., Tsendina A. Ts. Damdinsuren's Memorial Apartment: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. 620 p. (In Mong.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 186 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Buddhism of Central Asia: Life-Cycle Rites. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 159 p. (In Russ.)
- Grünwedel A. Mythologies des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Führer durch die Lamaistische Sammlung des Fürsten E. Uchtomskij. Leipzig: F. A. Brockhaus. 244 p. (In Germ.)
- Kara G. Books of the Mongolians Nomads. More Than Eight Centuries of Writing Mongolian. J. R. Krueger (transl.). Bloomington: Indiana University, Sinor Research Institute of Inner Asian Studies, 2005. 384 p. (In Eng.)
- Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. I. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. XIII, 594 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Laufer B. Bird Divination among the Tibetans (notes on document Pelliot no. 3530, with a study of Tibetan phonology of ninth century). *T'oung Pao*. 1914. No. 5. Pp. 1–110. (In Eng.)
- Legends and Folktales of Central Asia Collected by Count A. P. Bennigsen. St. Petersburg: A. Suvorin, 1912. 172 p. (In Russ.)
- Mostaert A. Manual of Mongolian Astrology and Divination. F. W. Cleaves (ed., foreword). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. 127 p. (In Eng.)
- Namjildorji. The Mongols and Sheep Scapula Divination. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2001. 123 p. (In Mong.)
- Natsagdorz Ts. Astrological Calculations of Unfavorable Years. Tables of Good and Inauspicious Consequences Expected from Combinations of Days, Planets, and Hours. Ulaanbaatar: Mongolyn Suu Biligten, 2003. 109 p. (In Mong.)
- Pozdneevev A. M. Buddhist Monasteries and Clerics of Mongolia: Sketches of Everyday Life in Connection with the Latter's Relation to Common People. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 492 p. (In Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka, 505 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Mongolian manuscript on divination by omens from the collection of the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. *Oriental Studies* (Elista). 2019. No. 2. Pp. 263–278. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-263-278

Handwritten text on a fragment of aged, brown paper. The text is written in a cursive script, likely Cyrillic, and is arranged in several lines. A red stamp or signature is visible on the left side of the fragment.

Handwritten text on a fragment of aged, brown paper. The text is written in a cursive script, likely Cyrillic, and is arranged in several lines. The fragment shows signs of wear and tear.

Handwritten text on a fragment of aged, brown paper. The text is written in a cursive script, likely Cyrillic, and is arranged in several lines. The fragment shows signs of wear and tear.

今更に其の意を以て
 示す。此の意は、
 一、二、三、四、五、六、七、八、九、十、十一、十二、十三、十四、十五、十六、十七、十八、十九、二十、二十一、二十二、二十三、二十四、二十五、二十六、二十七、二十八、二十九、三十、三十一、三十二、三十三、三十四、三十五、三十六、三十七、三十八、三十九、四十、四十一、四十二、四十三、四十四、四十五、四十六、四十七、四十八、四十九、五十、五十一、五十二、五十三、五十四、五十五、五十六、五十七、五十八、五十九、六十、六十一、六十二、六十三、六十四、六十五、六十六、六十七、六十八、六十九、七十、七十一、七十二、七十三、七十四、七十五、七十六、七十七、七十八、七十九、八十、八十一、八十二、八十三、八十四、八十五、八十六、八十七、八十八、八十九、九十、九十一、九十二、九十三、九十四、九十五、九十六、九十七、九十八、九十九、一百。

(Handwritten Japanese calligraphy)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 568–580, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-568-580

Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости — Шестирукому Махакале»

Соелма Ринчиновна Батомункуева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат философских наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Батомункуева С. Р., 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья представляет собой исследование ритуального текста, посвященного Шестирукому Махакале. Махакала является одним из главных защитников тибетского буддизма. В статье дается описание Шестирукого Махакалы и его основного окружения, представлена структура текста, раскрывающая его содержание и показывающая правила и последовательность действий почитания божества. Отмечается компилятивный характер текста, а также выделены персоналии, работы которых легли в основу ритуального текста под общим авторством Кхедрупа Чже. Исследуемый текст является одним из наиболее обширных, включающим в себя множество других сопутствующих ритуалов. *Целью работы* является передача и интерпретация образа и атрибутов Шестирукого Махакалы на основе переведенного фрагмента текста и введение его в научный оборот. *Материалом* для исследования послужил текст «Ритуал умилоствления...». *Методы.* В статье использован описательный метод, а также методы структурно-семантического, концептуального и контекстуального анализа. *Результаты.* Иконография Шестирукого Махакалы, представленная в тексте, развернуто описывает божество с детальным разъяснением некоторых его элементов. Все это позволяет раскрыть гневную природу грозного дхармапалы и показать, что все элементы — атрибуты, одеяния, украшения, позы, жесты — имеют глубокое символическое значение, связанное с философскими и религиозными идеями, а также этическими нормами буддизма. Предварительное ознакомление, структурирование и анализ части текста показывают верность и необходимость изучения и введения в научный оборот ритуальных текстов как вспомогательных источников по исследованию культов буддийских божеств.

Ключевые слова: буддизм, буддийский пантеон, Махакала, дхармапала, буддийские тексты, буддийский ритуал

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственной субсидии — проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (номер госрегистрации: № 121031000302-9).

Для цитирования: Батомункуева С. Р. Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости — Шестирукому Махакале» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 568–580. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-568-580

The Image of the Six-armed Mahakala and His Retinue in the Text «The Ritual of Propitiation and the Offering of the Torma for the Swift-Acting Wisdom Protector, the Six-armed Mahakala»

Soelma R. Batomunkueva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Junior Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Batomunkueva S. R., 2021

Abstract. Introduction. This article deals with the analysis of a ritual text devoted to the Six-Armed Mahakala. Mahakala is one of the most powerful protectors of Tibetan Buddhism. The article gives a description of the Six-Armed Mahakala and his retinue and discusses the structure of the ritual text rendering its content and describing the rules and the sequence of acts in propitiating the deity. It is pointed out that the text is a compilation and some of the original authors are identified whose works were used in the ritual text signed by Khedrup Je. Also, the text is most voluminous and includes the discussions of a great number of other pertinent rituals. *The aim* of the present paper is the discussion and the interpretation of the image and attributes of the Six-Armed Mahakala based on a fragment of the text, translated and introduced for the academic community. *Data and methods.* The text “The Ritual of Propitiation ...” is used as the research material; the method employed is descriptive, complemented by methods of structural-semantic, conceptual, and contextual analysis. *Results.* The iconography of the deity contained in the text presents a description that includes a detailed explanation of some of the deity’s elements. This allows to reveal the wrathful character of the fierce Dharmapala and shows that all the elements, such as attributes, gowns, adornments, postures, and gestures have deep symbolic meanings associated with philosophical and religious ideas, as well as with the ethical norms of Buddhism. This preliminary research, including the structuring and the analysis of the text under study, indicates the relevance, as well as the urgency of further examination of the introduced material, granted that ritual texts are seen as helpful additional sources for the study of the Buddhist deities.

Keywords: Buddhism, Buddhist pantheon, Mahakala, dharmapala, Buddhist tests, Buddhist ritual

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th – Early 21st Centuries’ (state reg. no. 121031000302-9).

For citation: Batomunkueva S. R. The Image of the Six-armed Mahakala and His Retinue in the Text «The Ritual of Propitiation and the Offering of the Torma for the Swift-acting Wisdom Protector, the Six-armed Mahakala». *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 568–580. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-568-580

Введение

Буддийская литература располагает огромным количеством разнообразных текстов философского, религиозного и исторического содержания. Особое место среди них занимают тексты культового, ритуального назначения.

Обрядовая литература буддизма очень обширна и разнообразна. Эти тексты составляют неотъемлемую часть буддийского письменного наследия, изучение и научная разработка которых необходима для более целостного и комплексного знакомства с культами буддийских божеств и ритуалом. Как «регламент» культовой деятельности — способов и форм почитания, подобные тексты содержат много сведений, полезных в исследовании, к примеру, передающих иконографию божеств, историю самой практики и прочие подробности и детали этого сакрального действия. Они показывают богатство буддийского пантеона, способы и формы почитания божеств. С помощью интерпретации различных атрибутов и элементов иконографии божеств можно определить степень влияния на буддизм той или иной автохтонной традиции. Сведения из таких источников полезны и необходимы для обогащения имеющейся базы исследований по культам буддийских божеств, также актуально введение в научный оборот и самих текстов.

Письменное наследие буддизма формировалось и дополнялось на протяжении многих столетий. Л. Е. Янгутов отмечает, что первичным текстом в буддизме являются сутры, считающиеся высказываниями самого Будды, однако в результате того, что они были записаны в разное время различными людьми, эти тексты не лишены влияния записывающего, и поэтому зародилось множество комментариев к ним — шастр [Янгутов 2009: 4].

Кроме сутр и шастр, к письменной традиции следует отнести различные произведения апологического и художественного характера, тексты ритуальной практики, включающие молитвы и мантры, призывания и восхваления [Янгутов 2009: 4].

Ритуальные тексты представляют собой не просто совокупность зафиксированных знаков, но некую систему со своим устройством. Если сакральные тексты составляют суть определенного религиозного учения, то ритуальные тексты становятся своего рода пособием, инструкцией к применению культа. Иными словами, с помощью ритуальных текстов упорядочивается, структурируется религиозное действие по отношению к культу.

Буддийский культ и ритуал отличаются богатством образов, сложнейшей иерархической структурой божеств и множеством символов. В многоликом буддийском пантеоне важное место занимают дхармапалы¹ — защитники Учения, к разряду которых относится Махакала. Это божества, призванные охранять и защищать буддийское учение. Шестирукий Махакала является одним из наиболее популярных божеств буддийского пантеона. История возникновения культа Махакалы связана с именем знаменитого индийского йогина — махасиддха Шавари-пы², который, согласно традиции, первым узрел образ божества и впоследствии составил *садхану*³, посвященную ему.

По мнению А. В. Зорина, эта садхана или, как он пишет, «описание, данное Шаварипой после встречи с Махакалой, стало основой для литературной и иконографической разработки его образа» [Зорин 2005: 121]. Подобная практика применения результатов визуализации мастеров нередко используется в буддийском искусстве при передаче образов божеств. И действительно, если приписываемый Шавари-паде текст гимна очень краток, то в процессе дальнейшей разработки он был существенно увеличен и дополнен.

Другой немаловажный момент, на который стоит обратить внимание: если в изначальной версии текста гимна Махакале он

¹ Санскр. Dharmapāla.

² Тиб. dpal ldan sha ba ri, санскр. Śaṅkara.

³ Тиб. sgrub thabs — букв. «метод достижения, выполнения», санскр. sādhanā — руководство по совершению определенных действий по визуализации и выполнению практики божества.

описывается, начиная с ног, то в дальнейших редакциях текста его описывают, начиная с головы, а точнее — в начале указывается темно-синий цвет его тела, далее отмечается, что у божества одна голова и т. д.

А. В. Зорин также отмечает, что подобные гимны или *стотры*, посвященные Буддам, бодхисаттвам и различным тантрическим божествам, возникли в Индии в рамках жанра *кавья*⁴, но все же большая часть буддийских гимнов имеет слабое отношение к художественной литературе, будучи служебными текстами, использовавшимися в практических целях: иконографии, ритуале и др. [Зорин 2005: 121]. Однако в последующем все же уделялось большое внимание художественной, именно эстетической, стороне сложения подобного рода гимнов и ритуальных текстов.

Структурно-содержательные особенности текста

Исследуемый текст «Ритуал умилоствления и подношения торма⁵ Быстродействующему Защитнику Мудрости — Шестирукому Махакале» (тиб. *myur mdzad ye shes kyi mgon po phyag drug pa'i gtor chog bskang gso cha lag dang bcas pa bzhugs so*) хранится в тибетском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН под инвентарным номером 1055 ТТ-07694 и представляет собой ксилографическое издание на русской бумаге белого цвета на 47 листах. Границы внешних рамок составляют 45,0×9,03 см, внутренних — 8,0×6,5 см. Пагинация в тексте постраничная, и на страницах 1b, 2a — три строки, на обеих сторонах страниц, начиная с 2b по 46b, — 5 строк, на последней — 47a странице — 4 строки.

⁴ Санскр. *Kāvya* — литературный стиль, в котором используется большое количество фигур речи, метафор, сравнений и гипербола для более эффектного выражения.

⁵ Тиб. *gtor ma* — ритуальное подношение, иногда называют балин (санскр. *bali*). Символические подношения божествам разных форм, размеров, цветов, с разнообразными узорами, изготавливаемые преимущественно на основе из ячменной муки, масла и воды. Наиболее распространенными, простыми и «удобными» являются торма в форме треугольной пирамиды или конуса. Однако существуют очень сложные как в изготовлении, так и в оформлении торма.

На некоторых листах посередине имеется штемпель «Фабрика наследников Сумкина № 7». Это позволяет говорить о том, что данный текст был издан предположительно в период с конца XIX — начала XX в., так как такой штемпель начал применяться с 1867 г.⁶

В тексте отсутствуют какие-либо печати, указывающие на место издания, и в колофоне также не упоминаются место и дата издания, однако внешний вид, особенности графики, указывают на то, что это издание Агинского (Цугольского) дацана «Дечен Лхундублин». Последнее предположение находит подтверждение в каталоге дацана, подготовленном к изданию А. А. Базаровым и Д. Шахановым [Bazarov, Namgyal 2017: 19]. В тибетском фонде Центра также имеются и дублетные издания данного текста, имеющие шифр ТТ-12476, ТТ-07703, ТТ-07694, ТТ-07656.

Рассматриваемый текст является одним из наиболее обширных текстов, посвященных божеству, который включает в себя много сопутствующих ритуалов. Автором-составителем текста, как сообщается в его колофоне, является «высокообразованный Держатель ваджра Гелек Пелзанг» [myur mdzad: 47a]. Более известный как Кхедруб Чже⁷, он являлся одним из выдающихся учеников Цонкапы. Это сочинение также входит в состав его *сумбума*⁸.

Несмотря на то, что авторство приписывается Кхедрубу Чже, на основании разделов текста, авторами которых являются разные персоналии, можно говорить о его компилятивном характере, что часто практикуется в ритуальной литературе. В качестве авторов отдельных частей текста упоминаются *махасиддха* Шаварипа⁹ [myur mdzad: 14a, 36a], Рахула¹⁰ [myur mdzad: 25a, 40a], Майтри-

⁶ Подробнее про штемпель см.: [Клепиков 1959; Цыпкин 2013].

⁷ В монголо-бурятском буддизме Кхедруб Чже (1385–1438) известен в несколько ином произношении — Кхайдуб Гэлэг Балзанбо. В период с 1431–1438 гг. он являлся третьим по счету после Цонкапы и Дармы Ринчена Держателем Золотого Трона — лидером школы гелук.

⁸ Тиб. *gsung 'bum* — собрание сочинений.

⁹ Тиб. *grub chen sha wa ri*.

¹⁰ Тиб. *ra hu la*. Также известен как Рахула-гупта.

па¹¹ [myur mdzad: 39b, 40b, 42a], Кхюнгпо Нелдзор¹² [myur mdzad: 27b, 35a], Дампи Минчен¹³ [myur mdzad: 24a], Кхедруб Чже / Гелек Пелзанг [myur mdzad: 6b, 41a, 42b, 47a], Сангье Еше¹⁴ [myur mdzad: 28b], Кхедруб Шентон¹⁵ [myur mdzad: 17a], Чой Дже¹⁶ [myur mdzad: 21a], Кунсан Цегпа¹⁷ [myur mdzad: 29a], Брамзе Чогсид¹⁸ [myur mdzad: 37b], Чолви Тинле¹⁹ [myur mdzad: 44a], Лодой Сенге²⁰ [myur mdzad: 45a].

Компилятивность текста в буддийской традиции является показателем того, что все знания и правила передавались, как и положено, от учителя к ученику. По мнению К. М. Герасимовой, обрядники, посвященные защитникам учения, разнохарактерны и, как она пишет, «в них использованы индуистские тексты и буддийские концепции индийских *дхарманал*» [Герасимова 1989: 42].

Исследуемый текст не только регламентирует правила и последовательность совершения ритуала, но также содержит достаточно обширные сведения по иконографии божества и информацию по линии преемственности передачи данной практики. Последняя представлена списком: Майтрипа, Рахула, Кхедуб Кхюнгпо, Ринчен Цондуй²¹, Бонтон Кьергангпа²², Ньентон Пеба²³, Чойдже Сангье, Кхедуб Шентон, Мучен Гьялцен Пелзанг²⁴, Нганчед Дорчже Чжонну²⁵, Намкхай²⁶, Цонкапа, Кхедуб Гелек Пелзанг, Чокьи Гьялцен²⁷, Чой Дорч-

же²⁸, Лобсан Дондуп²⁹, Кхедуб Сангье Еше. Вполне логично, что некоторые учителя, отмеченные в качестве авторов, упоминаются и в линии передачи учения.

Содержание текста позволяет разделить его на следующие части:

- 1) вводная часть — поклонение и обращение к Махакале; подготовка необходимых ритуальных принадлежностей и ритуального пространства [myur mdzad: 1–2b];
- 2) визуализация божества, его свиты и окружения [myur mdzad: 2b–6b];
- 3) приглашение [myur mdzad: 6b–9b];
- 4) освящение внутреннего подношения [myur mdzad: 9b–11b];
- 5) почитание Учителей и просьба о даровании благословения [myur mdzad: 11b–14a];
- 6) раскаяние [myur mdzad: 14a–17a];
- 7) освящение жертвенных подношений [myur mdzad: 17a–17b];
- 8) ритуал умилоствления [myur mdzad: 17b–21a];
- 9) подношение Махакале его основных атрибутов [myur mdzad: 21a–24a];
- 10) призыв к действию [myur mdzad: 24a–27b];
- 11) отбрасывание дурного [myur mdzad: 27b–29a];
- 12) рецитация мантры Махакалы и мантр членов его свиты [myur mdzad: 29a–31b];
- 13) подношение торма Махакале и членам его свиты, внешнее и внутреннее подношения [myur mdzad: 31b–35a];
- 14) подношение торма шибдакам³⁰ [myur mdzad: 35a–36a];
- 15) восхваление Махакалы и его свиты [myur mdzad: 36a–42b];
- 16) восхваление 75 Хранителей чистых земель [myur mdzad: 42b–44b];
- 17) благословление [myur mdzad: 44b–45a];
- 18) просьба о снисходительном отношении [myur mdzad: 45a];
- 19) посвящение заслуг [myur mdzad: 45b];
- 20) призывание счастья [myur mdzad: 45b–46b];
- 21) колофон [myur mdzad: 46b–47a].

¹¹ *Tib.* mee tri ba/maitri pa. Также известен как Майтригупта.

¹² *Tib.* khyung po mal 'byor, 978/990–1127.

¹³ *Tib.* dam pa'i min can.

¹⁴ *Tib.* mkhas grub sangs rgyas ye shes, 1525–1590.

¹⁵ *Tib.* mkhas grub shangs ston, 1234–1309.

¹⁶ *Tib.* chos rje sangs rgyas.

¹⁷ *Tib.* kun bzang brtsegs pa.

¹⁸ *Tib.* bram ze mchog srid.

¹⁹ *Tib.* bcol ba'i 'phrin las.

²⁰ *Tib.* blo gros seng ge.

²¹ *Tib.* rin chen brtson 'grus, 1110–1170.

²² *Tib.* dbon ston skyar sgang pa, 1154–1217.

²³ *Tib.* gnyan ston spas pa, 1175–1255.

²⁴ *Tib.* mus chen rgyal mtshan dpal bzang, XIII в.

²⁵ *Tib.* sngags 'chad rdo rje gzhon nu, XIV в.

²⁶ *Tib.* nam mkha', XIV в.

²⁷ *Tib.* chos kyī rgyal mtshan, 1402–1473.

²⁸ *Tib.* chos rdo rje, XV в.

²⁹ *Tib.* blo bzang don grub, 1504–1565.

³⁰ *Tib.* gzhi bdag — хозяйева местности.

Образ Махакалы и его свиты

Буддийский пантеон чрезвычайно богат и разнообразен, многолик и полисемантичен. В нем слились образы божеств, разных по происхождению и функциям, поскольку возникновение и развитие буддизма происходило в рамках богатейшей и сложнейшей индийской культуры, которая в свою очередь вобрала в себя наследие предшествовавших ей культурных и духовных традиций, а также обычаи регионов своего дальнейшего распространения. Последнее способствовало дальнейшему эволюционированию всех звеньев буддийской религиозной и философской традиции, в том числе и иконографии.

По мнению Б. Бхаттачарьи, источником буддийской иконографии стали древние санскритские тексты, содержащие сведения и руководства по созданию образов божеств, и в дальнейшем эти тексты распространились в те страны, где обретала популярность буддийская религия [Bhattacharyya 1958: 8]³¹.

Вместе с тем в этих регионах формировалась своя уникальная иконографическая традиция, которая диктовалась местными культурными особенностями. Д. Джексон отмечает, что большинство исследователей сходятся во мнении, что следует различать два периода в становлении тибетского искусства. Первый связан с иностранным — непальским, кашмирским, но главным образом индийским влиянием, а второй характеризуется формированием собственно тибетского стиля, который также не был лишен китайского влияния [Jackson 1996: 69]³².

У каждого разряда пантеона имеются свои особенности. Характер и облик божеств разных уровней — мирных и гневных — имеет групповые отличия, обусловленные их спецификой. Большинство буддийских *дхармапал* предстают в таком облике: гневные, грозные, со множеством глаз, голов и рук, преимущественно черного или темно-синего цвета, с разнообразными ужасающими атрибутами.

К. М. Герасимова отмечает, что тип телосложения, форма лица, глаз, характерная поза — все эти формальные признаки имеют знаковое значение, определяют функци-

ональную и сущностную характеристику божества, указывают на его положение в системе пантеона. Божества, относящиеся к высшему рангу, наделены высоким ростом, стройным и легким телосложением. Божества, заимствованные из индуистского пантеона, также обладают красивым и стройным телом. *Дхармапалы* наделены так называемым героическим телом: тяжелый торс, большой живот, короткая и толстая шея, большая голова с круглым или приближенным к квадратной форме лицом [Герасимова 1971: 95]. Они имеют плотное, тучное тело, короткие, но крепкие руки и ноги, одну или несколько голов, множество рук. Их тела часто измазаны человеческим жиром, кровью или пеплом погребального костра. Выражение лица *дхармапал* — гневное; рот, из которого стелется туман болезней, оскален; налитые кровью глаза выпучены и озлоблены [Nebesky-Wojkowitz 1993: 6]³³.

Образ Шестирукого Махакалы соответствует всем этим «требованиям» к внешности грозного *дхармапалы*. Все его украшения, одеяния, атрибуты, жесты и другие характеристики, как, впрочем, и всех божеств буддийского пантеона, имеют глубокую смысловую нагрузку, и их символика вписывается в общую систему сложных буддийских представлений — как философских, так и религиозных.

Согласно описанию в тексте, Шестирукий Махакала стоит в так называемой «танцующей» позе с правой согнутой и левой выпрямленной ногой, попирая Белого Слоноликого владыку (Ганеша, Винаяка). Главными характеристиками Шестирукого Махакалы являются: одно лицо, три глаза, шесть рук, корона из пяти черепов, темно-синий цвет тела. Относительно последней характеристики хотелось бы отметить: несмотря на то, что имя божества Махакалы путем калькирования с санскрита на тибетский переводят как «Великий Черный», в большинстве текстов и иконографических изображений божества он передается синим цветом, преимущественно темно-синим³⁴.

Существуют и другие, непопулярные в буддизме, варианты перевода имени Махакалы: «Великое время» или «Великий бог

³¹ Перевод наш. — С. Б.

³² Перевод наш. — С. Б.

³³ Перевод наш. — С. Б.

³⁴ В рассматриваемом тексте цвет Шестирукого Махакалы передается словом «nag mthing».

времени». А. В. Зорин отмечает, что Махакала изображается: «с телом иссиня-черного цвета: считается, что как черный растворяет в себе все цвета, так же и Махакала объемлет собой все формы и таким образом выступает воплощением высшей реальности, к достижению которой стремятся буддисты. Поэтому, по-видимому, здесь мы имеем дело с намеренной игрой слов и в имени «Махакала» зашифрованы оба смысла, что вообще присуще индийской словесности, тяготеющей к объемности образов» [Буддийские 2015: 17].

Цветовое разногласие при передаче образа божеств, вероятно, не имеет особого значения, поскольку в санскрите нет отличия между черным и синим, а в пределах полутонов, относящихся к этим цветам, вполне допустимо подобное применение. А. А. Терентьев отмечает: «фиолетовый цвет может быть эквивалентен синему, а синий теоретически равен голубому и может взаимозаменяться с черным — все эти различия не имеют иконографического смысла, являясь лишь отражением стиля художника. В эту же категорию «черного» будет отнесен и «пепельный» цвет» [Терентьев 2004: 158].

Иными словами цветовой фактор, как один из определительных, может быть применен не ко всем божествам, а лишь в рамках определенных групп.

В состав первичной свиты Шестирукого Махакалы входят Палден Лхамо³⁵, Кшетрапала, Джинамитра, Таккираджа и Тракше. Второстепенное окружение, согласно тексту, состоит из семидесяти пяти Хранителей чистых земель. В тексте говорится о том, что местом обитания Махакалы является кладбище Прохладная роща,³⁶ и пребывает он там перед сандаловым деревом [myur mdzad: 6b]. Это кладбище является одним из восьми великих кладбищ Индии³⁷. Согласно традиции, во время глубокой медитации в

одной из пещер Прохладной рощи махасиддха Шавариipa узрел в небе образ божества, и считается, что именно тогда он и получил от Махакалы его сердечную мантру и садхану [ye shes kyi].

Ниже нами представлен перевод части текста (страницы с 2b по 9b), описывающей Махакалу и его свиту. Здесь следует добавить, что в самом тексте «Ритуал умилоствления...» даются разные и одновременно повторяющиеся эпитеты божества, но основное описание дается на этих страницах.

Перевод³⁸: «... [myur mdzad: 2b] Из природы пустоты из слога ПАМ возникает лотос, из слога РАМ — солнечный диск, над ним из слога ГАМ [возникает] лежащий на спине Белый Слоноликий Владыка³⁹, [myur mdzad: 3a] с повернутой вправо головой, в правой руке держащий габалу⁴⁰, в левой — белый редис⁴¹. Над этим из слога ХУМ возникает дигук⁴², отмеченный слогом ХУМ, из которого испускается луч света, уничтожающий все помрачения. Вернувшись обратно, этот луч уменьшается, и из него возникает Быстродействующий Защитник Мудрости с телом темно-синего цвета, с одним лицом и шестью руками, неимоверно пылающий, свирепый и могущественный, с гневным лицом и оскаленными острыми клыками,

³⁸ Основная часть примечаний к переводу составлена на основе Тибетологического словаря Лобсан Тинлея и работ Р. Бира, В. П. Андросова, А. А. Терентьева [Trinle 2002; Бир 2011; Бир 2013; Андросов 2011; Терентьев 2004].

³⁹ Тиб. tshogs bdag dkar po glang po che; санскр. Gaṇeśa, Vighneśa, Vighnarāja. Последние два означают «Владыка препятствий» или «Царь препятствий», и, возможно, Шестирукий Махакала, будучи хранителем буддийского учения, попирает его, дабы пресечь препятствия, которые он может зачинить. Подробнее о Ганеше в буддизме см.: [Лепехова 2020; Бурмистров 2014].

⁴⁰ Тиб. thod pa, ka pa la, ban dha; санскр. karāla — ритуальная чаша из человеческого черепа.

⁴¹ Тиб. la phug; санскр. mūlaka — белый редис — является одним из наиболее популярных растительных атрибутов божеств, считается любимым лакомством Ганapati, и поэтому его часто изображают держащим это растение.

⁴² Тиб. gri gug; санскр. kartṭikā — ритуальный изогнутый нож.

³⁵ Подробнее о функционировании культа богини, описании ее форм см.: [Сыртыпова 2003].

³⁶ Шитавана (санскр. śītavana), тибетская калькированная версия — Силвицэл (тиб. dur khrod bsil ba'i tshal).

³⁷ Тиб. dur khrod chen po brgyad. Считается, что именно в таких местах достигаются мистические и сверхъестественные способности, называемые сиддхи (тиб. dngos grub).

с тремя красными глазами, сверкающими подобно молнии,

с суровыми, гневными складками на лице,

со вздыбленными вверх желто-красными волосами,

с пылающими, подобно огню конца времен, бровями и усами,

с изогнутым языком,
[myur mdzad: 3b] издающий, подобно дракону, звуки «ха, ха».

В первой правой руке [он] держит ди-гук, во второй — четки из черепов⁴³, в третьей — сильно гремющий дамару⁴⁴ из черепа. В первой левой руке [он] держит габалу (капалу) с кровью, во второй — трезубец⁴⁵, в третьей — ваджрный аркан⁴⁶.

Волосы [Махакалы] обвиты синей змеей, [Махакала] с красными серьгами в ушах, с разноцветными браслетами на плечах, с белым ожерельем, с золотыми браслетами на руках, с зеленой гирляндой, с белым поясом и браслетами, украшающими ногу, с юбкой из свежесодранной тигровой шку-

ры⁴⁷, завязанной шелковым зеленым поясом, со свисающим животом. [Так] все части тела удостоены внимания, и [они] хорошо украшены. [myur mdzad: 4a] [Махакала] с головой, украшенной диадемой из пяти высушенных человеческих черепов⁴⁸,

с ожерельем из пятидесяти свежих кровотокающих голов⁴⁹,

со лбом, намазанным синдхуром⁵⁰, с макушкой, украшенной знаком Акшобхьи⁵¹,

с руками и ногами, украшенными звенящими бубенцами,

облаченный в свежесодранную слоновью шкуру⁵²,

с правой согнутой и левой выпрямленной ногой,

в центре пылающего огня мудрости в позе танца⁵³ пребывает.

Слева из слога ДЖО возникает Единственная Мать — Владычица камадхату⁵⁴ с телом черного цвета, одноликая, двурукая. Правой рукой размахивает неистово пылающим огнем мечом, в левой, у сердца держит наполненную свежей кровью габалу.

[myur mdzad: 4b] С оскаленными клыками,

⁴³ *Тиб.* thod pa'i 'phreng ba; *санскр.* Māla — атрибут большинства гневных божеств, может состоять из двенадцати, шестнадцати и двадцати одной бусин-черепов, которые символизируют свободу от двенадцати звеньев зависимого возникновения, шестнадцать пустотностей и двадцать одну категорию чистой мудрости соответственно.

⁴⁴ *Тиб.* rnga chung, Da ma ru, cung te'u, gtan la dbab pa; *санскр.* ḍaṃaṃ — ритуальный ручной барабанчик разных размеров в форме, приближенной к песочным часам.

⁴⁵ *Тиб.* rtse gsum, tri shu la; *санскр.* trīśūla — символика трезубца в буддизме; имеет много значений, в том числе: Три Драгоценности (Будда, Сангха и Дхарма) и Три корзины (Абхидхарма, Виная и Сутра). Считается, что шиваистский трезубец вошел в буддизм как атрибут гневных божеств, символизирующий разрушение трех ядов (неведение, привязанность и гнев), трех тел и времен.

⁴⁶ *Тиб.* rdo rje zhags pa. В мирном аспекте ваджрный аркан представляет привязывание мудрости к уму практикующего, а в паре с крюком — союз внимательности и ясного понимания. В гневном аспекте — связывает препятствующих. Так, эти три вида действия представляют три аспекта буддийской подготовки — мудрость, медитацию и дисциплину.

⁴⁷ Тигровая шкура означает контроль над ядами гнева и ненависти.

⁴⁸ Диадема с пятью черепами символизирует устранение или, как иногда называют, победу над пятью клешами (*тиб.* nyon mongs) и скандхами (*санскр.* skandha; *тиб.* phung po lnga) или совокупностями: неведение, страсть, гнев, зависть, гордыня и форма, чувство, восприятие, сознание, отпечатки кармы, что также символизирует пять Дхьяни-Будд.

⁴⁹ Ожерелье из 50 свежесрубленных голов символизирует очищение речи. Число 50 — это 16 гласных и 34 согласных санскритского алфавита. Ожерелье из голов является одним из показателей мужской формы божества, тогда как женские формы носят ожерелье из черепов.

⁵⁰ *Тиб.* sin+d+hura, *санскр.* sindūra — порошок красноватого цвета, из которого изготавливают краску, известную как свинцовый сурик.

⁵¹ Имеется в виду пятиконечный ваджр.

⁵² Слоновья шкура означает победу над гордыней.

⁵³ *Тиб.* gar stabs. Также называют позой покорения.

⁵⁴ *Тиб.* ma gcig 'dod pa'i khams kyi dbang phyug ma — один из эпитетов Палден Лхамо; камадхату (*тиб.* 'dod kham) — сфера желаний.

с суровыми гневными складками на лице,

со вздыбленными вверх и украшенными на концах павлиньими перьями⁵⁵ волосами, с накидкой из свежей слоновьей шкуры, с юбкой из ячьей шерсти, опоясанной черной змеей,

с телом, обмазанным и украшенным каплями крови, жиром и человеческим пеплом⁵⁶,

из центра живота восходит солнце, в окружении пищачей⁵⁷ и даков⁵⁸, восседает на муле.

Перед Махакалой в центре бесчисленного множества ракшасов⁵⁹ из слога ТЧИМ возникает Кшетрапала⁶⁰

с телом темно-синего цвета, одноликий и двурукий, с оскаленным лицом,

[myur mdzad: 5a] с устрашающим врагов диким воплем,

с тремя красными глазами, отражающими дурные людские взгляды.

В правой руке [он] вздымает дигук, нависающий и отсекающий аорту врага, в ле-

вой руке, поднося к лицу, держит габалу с сердечной кровью врага.

[Кшетрапала] со вздыбленными вверх красно-желтыми волосами,

с головой, украшенной высушенным черепом,

с устрашающим и отвратительным телом,

в центре пламени восседает на черном бешеном медведе.

Справа от Махакалы на круглом лотосном солнечном диске из слога ДЗАМ возникает одноликий, двурукий, с телом якшаса⁶¹ красного цвета Владыка Джинамитра⁶². [myur mdzad: 5b] В правой руке [он] держит гремящую, сделанную из человеческого черепа дамару, в левой — габалу с кровью.

За спиной Махакалы на круглом лотосном солнечном диске из слога ДАМ возникает Шиндже Таккираджа⁶³ с телом темно-синего цвета, одним лишь взглядом забирающий жизнь врага, одноликий, двурукий, в правой руке [он] держит дамару из черепа, левая рука — в мудре угрозы⁶⁴.

Слева от богини [Палден Лхамо] из слога ДРАГ возникает Тракше⁶⁵ с телом черного цвета, с одним лицом и двумя руками. Правой рукой [он] размахивает красным оружием, в левой [руке] у сердца держит габалу с кровью. [Тракше] с тремя свирепыми, устрашающими глазами [myur mdzad: 6a] в окружении ста тысяч вредоносных якшасов восседает в парчовом одеянии синего цвета посреди огня на темном коне с белым пушком на копытах.

В десяти внешних сторонах от них [основного окружения] — свита из 10 защит-

⁵⁵ У некоторых дхармапал в качестве украшения на голове могут присутствовать павлиньи перья, которые символизируют преобразование пяти ядов — неведения, страсти, гнева, гордыни и зависти.

⁵⁶ Вместе составляют *byugs pa'i rdzas gsum*, относящихся к восьми кладбищенским облачениям. Человеческий пепел (*thal chen gyi tshom bu*) наносится на лоб, кровь (*khraḡ gi thig le*) — на нос и щеки, а человеческий жир (*zhag gi zi ris*) — на подбородок и горло.

⁵⁷ *Тиб.* *sha za*; *санскр.* *piśāca* — класс демонов, злобных и вредоносных духов, питающихся кровью и плотью. Считается, что они обитают на кладбищах и на пустырях, в пустых зданиях, на перекрестках дорог. Могут принимать любой облик.

⁵⁸ *Тиб.* *mkha' gro*, то же, что и *тиб.* *dpa' bo* (герои). Мужской эквивалент дакинь (*mkha' 'gro ma*) — йогинь, реализовавших высшие достижения и способных проявляться как охранительницы учения.

⁵⁹ *Тиб.* *gnod sbyin*; *санскр.* *rākṣasaḥ* — вид вредоносных, злых демонов, способных принимать разнообразные формы животных. Проявляют активность преимущественно в ночное время.

⁶⁰ *Тиб.* *k+She tra pa la*.

⁶¹ *Тиб.* *gnod sbyin* (букв. «причиняющий зло»), *санскр.* *yakṣa* — духи природного происхождения, обитающие в горах, лесах и деревьях. Иногда называют хранителями природных богатств.

⁶² *Тиб.* *dzi na mi tra*.

⁶³ *Тиб.* *gshin rje Tak+ki ra dza*.

⁶⁴ *Тиб.* *sdigs mdzub*, *санскр.* *tarjanī* — этот жест складывается из зажатого или «приоткрытого» кулака с поднятым указательным пальцем, который может быть чуть согнутым, напоминая крюк.

⁶⁵ *Тиб.* *tra kshad*.

ников сторон⁶⁶, [также] 8 Махадев⁶⁷, 8 классов нагов⁶⁸, божества 8 планет⁶⁹, 4 Махараджи⁷⁰, 28 божеств созвездий⁷¹, 9 Великих

⁶⁶ *Тиб.* phyogs skyong ba, *санскр.* dikpāla: shar phyogs skyong ba brgya byin (Indra) — восток, lho phyogs skyong ba gshin rje (Yamarāja) — юг, nub phyogs skyong ba chu lha (Varuṇa) — запад, byang phyogs skyong ba gnod sbyin (Kubera) — север, shar lho'i phyogs skyong me lha (Agni) — юго-восток, lho nub phyogs skyong srin po (Nirṛti) — юго-запад, nub byang phyogs skyong rlung lha (Vāyu) — северо-запад, byang shar phyogs skyong dbang ldan (Īśāna) — северо-восток, steng du tshang pa (Brahmā) — верх или зенит, 'og tu sa'i lha mo bcas (Viṣṇu) — низ или надир.

⁶⁷ *Тиб.* lha chen po brgyad, *санскр.* Mahādevas: shar du dbang phyug nag po (Īśvara), lhor brgya byin (Indra), nub tu tshangs pa (Brahmā), byang du khyab mjog (Viṣṇu), shar lhor 'dod pa'i dbang phyug (Uma), lho nub tu tshogs bdag glang sna (Gaṇapati), nub byang du 'bring gi ri ti (Bhṛngiriṭi), byang shar gzhon nu dong drug (Kārttikeya).

⁶⁸ *Тиб.* klu chen po brgyad, *санскр.* nāgarāja: mtha' yis sngon po (Śeṣa), 'jog po dmar po (Takṣaka), dung skyong ser po (Śaṅkhaṇā), rigs ldan khra bo (Kulika), pad+ma dkar po (Padma), stobs rgyu ljang ku (Karkotaka), nor rgyas dkar po (Vāsuki), pad+ma chen po dkar po (Mahāpadma).

⁶⁹ *Тиб.* gza' chen po brgyad: shar du pa sangs (Śukra, Венера), lhor phur bu (Bṛhaspati, Юпитер), nub tu zla ba (Candra, Луна), byang tu lhag pa (Budha, Меркурий), shar lhor mig dmar (Maṅgala, Марс), lho nub tu sgra gcan (Rahu), nub byang du nyi ma (Sūrya), byang shar du spen pa (Śani, Сатурн).

⁷⁰ *Тиб.* 'jig rten skyong ba bzhi, *санскр.* lokapāla. Четыре Махараджи — Дхритараштра (yul 'khor bsrungs) охраняет восточную сторону, Вайшравана (rnam thos sras) — северную, Вирупакша (sryan mi bzang) — запад, Вирудхи ('phags skyes po) — хранитель южной стороны.

⁷¹ *Тиб.* rgyu skar nyi shu rtsa brgyad, *санскр.* nakshatra. *Тиб.*, *санскр.* и *русс.* соотв: smin drug, Kṛttikā; snar ma, Rohini; mgo, Mrigashīra; lag pa, Ārdrā; nabs so, Punarvasu; rgyal, Pushya; skag, Ashlesha; rta pa, Maghā; gre, Pūrva Phalgunī; dbo, Uttara Phalgunī; me bzhi, Hasta; nag pa, Chitrā; sa ri, Svātī; sa ga, Vishākhā; lham tshams, Anurādhā; snron, Jyeshtha; snrubs, Mūla; chustod, PūrvaAshādhā; chus mad, UttaraAshādhā; grobzhin, Abhijit; byi bzhin, Shravana; mon gre, Dhanistha; mon gru, Shatabhisha; khrooms stod, Pūrva Bhādrapadā; khrumssmad, Uttara Bhādrapadā; nam gru, Revatī; tha skar, Ashvinī; bra nye, Bharanī.

Бхайрав⁷² — [вместе] 75 Хранителей чистых земель⁷³, окруженные собранием бхут⁷⁴ трех сфер существования⁷⁵.

Во внешней стороне от них [75 Хранителей чистых земель] — океан армии свирепых и беспощадных плотоядных и кровожадных дамчен⁷⁶, наполняющих все пространство ужасающим видом, с налитыми кровью глазами, с раскрытыми и оскаленными ртами, держащими различные оружия, [myur mdzad: 6b] в одно мгновение способные отнять жизнь всех живых существ. Глава и свита [все вместе] отмечены белым [слогом] ОМ на макушке, в горле — красным [слогом] А, в сердце — синим [слогом] ХУМ.

От моего сердечного синего [слога] ХУМ исходит луч на юго-восток и в одно мгновение приглашает с кладбищ Шитавани⁷⁷, находящегося перед сандаловым деревом, Махакалу вместе со свитой.

Хум! Великое божество Махакалу, проявившегося ради усмирения ядов, из неизменной чистой дхармадхату⁷⁸ приглашаю! Прошу, приди, Махакала! Прошу, приди, Величественный! [myur mdzad: 7a] Божество, побеждающее врагов, приди! Хранитель, держащий знания, приди! Локапалачерный, приди! Армия свиты, приди! Окруженный якшами, Кшетрапала, приди! Океан дамчен⁷⁶, приди!

Могущественный Махакала с телом темно-синего цвета,
со вздыбленными вверх волосами,
сжигающий все препятствия пылающим
изнутри огнем,

⁷² *Тиб.* 'jigs byed chen po dgu: 'jigs byed kyi bdag po, 'jigs byed bra mi ta, 'jigs byed bhE ra ba, 'jigs byed ku be ra, 'jigs byed ye shes bee ra, 'jigs byed bhE shan ta, 'jigs byed bi ti, 'jigs byed kA la bhE ra, 'jigs byed ga na pa ti

⁷³ *Тиб.* gtsang ris kyi mgon po bdun cu rtsa lnga po.

⁷⁴ *Тиб.* 'byung po, *санскр.* bhūta — род злых духов, вредоносных демонов. Часто являются перевоплощениями самоубийц или тех, кто умер в результате несчастного случая. Могут питаться кровью и плотью.

⁷⁵ *Тиб.* srid pa gsum.

⁷⁶ *Тиб.* dam can — букв. «обладающий обетом». Божества, ранее входившие в состав небуддийского пантеона, однако давшие клятву защищать его.

⁷⁷ *Тиб.* dur khrod chen po bsil ba'i tshal.

⁷⁸ *Тиб.* chos kyi dbyings.

пребывающий в центре пламени, подобного огню калпы, в позе покорения на опоре из клятвопреступных врагов,

с тремя гневными глазами, сверкающими подобно молнии [myur mdzad: 7b],

с острыми оскаленными клыками, со свежесодранной слоновьей шкурой на спине,

с тигровой юбкой ниже живота, с великолепной гирляндой из свежих человеческих голов,

с частями тела, украшенными змеей.

Ты [Махакала], умиротворяющий темных нагов, велик! Из всех пор твоего тела, подобно искрам, исходят пауки и скорпионы. [Ты] заполняешь своей гривой три сферы обитания живых существ и уничтожаешь, стирая в пыль, три тысячи бхутов!

[Ты] в первой правой руке [держишь] пылающий дигук из метеоритного железа и разрезаешь [им] аорту вредоносных врагов-бхутов,

в первой левой руке, поднося ко рту, держишь габалу, наполненную кровью врага,

в правой средней [из шести] — [myur mdzad: 8a] пылающие четки из черепов, что есть [признак] памятования о существах шести миров,

в средней левой [из шести] — трезубец, символизирующий достижение плода трех тел,

последней правой яростно гремишь дамару, способной вызвать и покорить мамо⁷⁹ и дакинью, которые придя и вкусив торма,

способствуют спасению от препятствующих врагов,

в последней левой руке [держишь] черный аркан, пленяющий врагов учения...».

Заключение

Текст «Ритуал умилоствления...» представляет собой подробное руководство по проведению обширного ритуала по почитанию Шестирукого Махакалы, его визуализации и различных подношений божеству. Этот текст имеет не только практическое значение с позиций адептов буддизма, но также и большую содержательную значимость при исследовании культов буддийских божеств. Иконография, представленная в тексте, достаточно подробно описывает Шестирукого Махакалу и его свиту: все атрибуты, одеяния, украшения, позы, жесты Шестирукого Махакалы и божеств в составе его окружения, которые имеют глубокое символическое значение, связанное с философскими, религиозными и этическими принципами буддийской традиции. Вероятно, что текст не является исчерпывающим, поскольку в богатой буддийской литературе имеются и другие тексты с более обширными сведениями по божеству, где содержится не только иконография, но также и иконометрия. Важное значение имеет линия преемственности данной практики, отмеченная в тексте, представляющая интерес для изучения. В целом же по структуре и сюжетной логике содержание текста стандартно для подобных ритуальных текстов.

Источники

myur mdzad — myur mdzad ye shes kyi mgon po phyag drug pa'i gtor chog bskang gso cha lag dang bcas pa bzhugs so (= Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости — Шестирукому Махакале) // Тибетский фонд ЦБРК ИМБТ СО РАН. 1055. № TT 07694.

ye shes kyi — tA ra nA tha (Таранатха). Ye shes kyi mgon po phyag drug pa'i chos skor gyi byung tshul mdo tsam brjod pa (= Краткая история учения Шестирукого Махакалы). gsung 'bum tA ra nA tha/ ('dzam thang par ma/ (Собрание сочинений). Т. 21 [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center.

URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=W22276> (дата обращения: 10.02.2021).

Sources

Taranatha. A Brief History of the Six-Armed Mahakala's Practice. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.tbrc.org/#!rid=W22276> (accessed: February 10, 2021). (In Tib.)

The Ritual of Propitiation and Torma Offering for the Quick-Acting Wisdom Protector Six-Armed Mahakala. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS), Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs, Tibetan Collection. Cat. 1055. File no. TT 07694. (In Tib.)

⁷⁹ Тиб. ма мо — женские божества гневного характера, способные повелевать природными

стихиями. Считается, что они проявляют свою активность в полночь.

Литература

- Андросов 2011 — *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Бир 2011 — *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. Тибетские буддийские символы. Справочник / пер. с англ. Люки Бубенковой; под общ. ред. А. А. Нариньяни. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник / пер. с англ. Люки Бубенковой; под общ. ред. А. А. Нариньяни. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Буддийские 2015 — Буддийские ритуальные тексты: по тибетской рукописи XIII в. / факсимиле рукописи; транслитерация А. В. Зорина при участии С. С. Сабруковой; пер. с тибетского, вступ. ст., прим. и приложение А. В. Зорина. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 241 с.
- Бурмистров 2014 — *Бурмистров С. Л.* Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1(20). С. 5–30.
- Герасимова 1971 — *Герасимова К. М.* Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции Амдо, XVIII век. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. 303 с.
- Герасимова 1989 — *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 320 с.
- Зорин 2005 — *Зорин А. В.* Символика культа Махакалы в «Гимне Шестирукому Защитнику» // Вторые Торчиновские чтения: Религиоведение востоковедение (мат-лы науч. конф.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 121–125.
- Клепиков 1959 — *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюз. Кн. палаты, 1959. 106 с.
- Лепехова 2020 — *Лепехова Е. С.* Культ Ганеши и его почитание в японском буддизме // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 33–46. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46
- Сыртыпова 2003 — *Сыртыпова С.-Х. Д.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). М.: Вост. лит., 2003. 238 с.
- Терентьев 2004 — *Терентьев А. А.* Определитель буддийских изображений. СПб.: ФГУИПП «Искусство России», 2004. 302 с.
- Цыпкин 2013 — *Цыпкин Д. О.* Штемпельная маркировка образцов и краткие сведения о производителях бумаги // Фотография. Изображение. Документ. 2013. Вып. 4(4). С. 23–31.
- Янгутов 2009 — *Янгутов Л. Е.* Буддийские тексты в Центральной и Восточной Азии // Буддийские тексты в Китае, Тибете, Монголии и Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 3–9.
- Bazarov, Namgyal 2017 — *Bazarov A. A., Namgyal L.* A Catalogue of the Tibetan Script Woodblocks of the «bde chen lhun grub gling» Monastery of Aginsk in Transbaikalia // Journal of Tibetan and Himalayan Studies. 2017. Vol. 2. № 1–2. Pp. 1–46.
- Bhattacharyya 1985 — *Bhattacharyya B.* The Indian Buddhist iconography. Calcutta: Ghosh printing house private limited, 1958. 484 p.
- Jackson 1996 — *Jackson D.* A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and Their Traditions. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 1996. 456 p.
- Nebesky-Wojkowitz 1993 — *Nebesky-Wojkowitz de R.* Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Rashtra Rachna Printers, 1993. 573 p.
- Trinle 2002 — *Trinle L.* (blo bzang 'phrin las). dung dkar tshig mdzod chen mo (Great Tibetological dictionary). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2002. 2388 p.

References

- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Bazarov A. A., Namgyal L. A Catalogue of the Tibetan Script Woodblocks of the 'bde chen lhun grub gling' Monastery of Aginsk in Transbaikalia. *Journal of Tibetan and Himalayan Studies*. 2017. Vol. 2. No. 1–2. Pp. 1–46. (In Eng.)
- Beer R. The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs. L. Bubenkova (transl.), A. Narinyani (ed.). Moscow: Orientalia, 2011. 428 p. (In Russ.)
- Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. L. Bubenkova (transl.), A. Narinyani (ed.). Moscow: Orientalia, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Bhattacharyya B. The Indian Buddhist Iconography. Calcutta: Ghosh Printing House Private Limited, 1958. 484 p. (In Eng.)

- Buddhist Ritual Texts: Tibetan Manuscript of the 13th Century. Facsimile. A. Zorin, S. Sabrukova (translit.); A. Zorin (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2015. 241 p. (In Russ. and Tib.)
- Burmistrov S. L. The cult and mythology of Ganeša (based on manuscripts of the Indian Collection of IOM RAS). *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2014. No. 1(20). Pp. 5–30. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. The Aesthetic Thought of the East and Its Monuments. Tibetan Canon of Proportions. Treatises on Iconometrics and Composition from Amdo, 18th Century. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1971. 303 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Traditional Tibetan Beliefs in the Lamaist Religious System. Novosibirsk: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)
- Jackson D. A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and Their Traditions. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 1996. 456 p. (In Eng.)
- Klepikov S. A. Filigrees and Stamps on Russia-Manufactured and Imported Paper, 17th – 20th Centuries. Moscow: All-Union Book Chamber, 1959. 106 p. (In Russ.)
- Lepekhova E. C. Ganeša's cult and his veneration in Japanese Buddhism. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020. No. 1. Pp. 33–46. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46
- Nebesky-Wojtkowitz de R. Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Rashtra Rachna Printers, 1993. 573 p. (In Eng.)
- Syrtyanova S.-Kh. D. The Cult of the Guardian Goddess Palden Lhamo in Tibetan Buddhism. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 238 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A. Buddhist Iconography Identification Guide. St. Petersburg: Iskustvo Rossii, 2004. 302 p. (In Russ.)
- Trinle L. (blo bzang 'phrin las). dung dkar tshig mdzod chen mo (Dungkar Great Tibetological Dictionary). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2002. 2388 p. (In Tib.)
- Tsyupkin D. O. Stamp marking of samples and brief information on paper manufacturers. *Photography. Image. Document*. 2013. No. 4(4). Pp. 23–31. (In Russ.)
- Yangutov L. E. Buddhist texts in Central and East Asia. In: Buddhist Texts in China, Tibet, Mongolia and Buryatia. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2009. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Zorin A. V. Mahakala worship cult's symbolism in The Anthem to the Six-Armed Defender. In: The Second Torchinov Readings. Religious and Oriental Studies. Conference proceedings. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. Pp. 121–125. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 581–594, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

«Сталин и Мао слушают вас»: образы лидеров СССР и КНР на страницах журнала «Огонек» (1949–1953 гг.)

Андрей Александрович Авдашкин¹, Игорь Вячеславович Сибиряков², Татьяна Витальевна Раева³

¹ Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8169-2755. E-mail: adrianmaricka@mail.ru

² Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0003-0984-4333. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

³ Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4126-2096. E-mail: 7901634@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Авдашкин А. А., Сибиряков И. В., Раева Т. В., 2021

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении того, как происходило формирование образов Сталина и Мао Цзэдуна в текстах центральной советской печати о КНР и советско-китайской дружбе. Обращение к технологии конструирования данных образов позволит ответить на следующие проблемные вопросы: как и какие представления о политических лидерах транслировались советской аудитории, существовала ли динамика этих образов, и, если существовала, то чем она определялась. *Материалы и методы.* Основу источниковой базы статьи составили выпуски журнала «Огонек» октября 1949 – марта 1953 гг. Авторский коллектив интересовали не только текстовые упоминания, но и изображения Сталина и Мао. Исследовательской оптикой являлась историческая имагология, позволившая рассматривать образы как сложные синтетические конструкции, которые создавались с учетом внутренних и внешних факторов развития советского общества (политическая культура, особенности репрезентации в сфере международных отношений и др.). Для верификации и детализации образов привлекался иллюстративный материал. *Результаты.* Материалы журнала «Огонек» о советско-ки-

тайской дружбе содержали существенные массивы текстов и визуальных дополнений, где центральными персонажами являлись Мао и Сталин. Их тематическое распределение показало, что главными сюжетами являлись советско-китайская дружба, описание иерархии отношений, трактуемой как «учитель–ученик», масштабные и успешные социалистические преобразования в Китае и др. *Выводы.* Персонификация образов глав КНР и СССР, с одной стороны, была призвана сформировать позитивное отношение к основному союзнику, а с другой — легитимировать лидирующие позиции СССР не только в советско-китайском взаимодействии, но и в социалистическом лагере в целом. Главенствующая роль Мао в динамичных преобразованиях китайского общества подтверждала советской аудитории верность модели развития самого Советского Союза. Массированная презентация добровольной готовности китайской стороны следовать «сталинским» шаблонам развития служила маркером управляемости «большой дружбы» со стороны Москвы.

Ключевые слова: Советский Союз, Китай, советско-китайские отношения, социалистический лагерь, И. В. Сталин, Мао Цзэдун, образ, историческая имагология, пресса

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № FENU-2020-0021 (номер госрегистрации № АААА-А20-120072890030-2).

Для цитирования: Авдашкин А. А., Сибиряков И. В., Раева Т. В. «Сталин и Мао слушают вас»: образы лидеров СССР и КНР на страницах журнала «Огонек» (1949–1953 гг.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 581–594. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

“Stalin and Mao are listening to you”: Images of the Leaders of the USSR and the PRC on the Pages of the Magazine “Ogonyok” (1949–1953)

Andrey A. Avdashkin¹, Igor V. Sibiriyakov², Tatyana V. Raeva³

¹ South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8169-2755. E-mail: adrianmaricka@mail.ru

² South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-0984-4333. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

³ South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4126-2096. E-mail: 7901634@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Avdashkin A. A., Sibiriyakov I. V., Raeva T. V., 2021

Abstract. *The aim* of the article is to examine the process of constructing the images of Stalin and Mao Zedong in the material of Soviet central newspapers on the themes of the Peoples' Republic of China (PRC) and Soviet-Chinese friendship. Our focus on the techniques of such constructions allow for dealing with a number of research issues, such as which conceptions of the political leaders were rendered to the Soviet audiences and in which way was this implemented; was there a potential for dynamics in treating the subjects and if this was the case what were the factors that played a role in such dynamics. *Data and methods.* For our database of primary sources we have chosen the “Ogonyok” issues published in the period between October 1949 and March 1953. The authors of the present article were interested in references in the magazine texts but also in the images of Stalin and Mao. Hence, the research lens of historical imagology allowed us to examine the images under study as complex synthetical constructions, the constructions that were impacted by inner and outer factors in play in the Soviet society itself, including its political culture, the specific features of representations in the sphere of international relations, etc. The illustrative material was used for

the sake of further verification and detailization. *Results.* The "Ogonyok" material on the theme of Soviet-Chinese friendship included a considerable amount of texts and their visual supplements, with Stalin and Mao as their central personages. The thematical distribution of the database has shown that its main themes are Soviet-Chinese friendship described in hierarchical terms as the "teacher-pupil" relationship, the achievements of socialist transformation in China, etc. *Conclusions.* The personification of the images of the leaders of the USSR and the PRC was designed to promote the positive attitudes towards the main Soviet ally, on the one hand, and, on the other hand, to contribute to the legitimization of the USSR's leading position not only in the Soviet-Chinese interaction, but in the whole of the Socialist world as well. Mao's leading role in the transformations of the Chinese society confirmed to the Soviet audiences the correctness of the development model in the Soviet Union itself. Numerous presentations of the good will with which the Chinese side was ready to follow the "Stalin recipe" in building socialism served as a marker that the "great friendship" was under Moscow's control.

Keywords: Soviet Union, China, Soviet-Chinese relations, socialist world, I.V. Stalin, Mao Zedong, image, historical imagology, press

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation — project no. FENU-2020-0021 (state reg. no. AAAA-A20-120072890030-2).

For citation: Avdashkin A. A., Sibiryakov I. V., Raeva T. V. «Stalin and Mao are listening to you»: Images of the Leaders of the USSR and the PRC on the Pages of the Magazine «Ogonyok» (1949–1953). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 581–594. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

Введение

К важной презентационной составляющей советско-китайской дружбы на ее начальном этапе относятся образы Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна. На пике советско-китайской дружбы в 1949 г. была написана песня «Москва – Пекин», служившая символом этих отношений. Текст содержал ключевые образы того времени и слова: «Русский с китайцем — братья навек», «Сталин и Мао слушают нас». Лидеры двух стран стали своеобразными символами коммунистической идеологии, воплощали не только определенный образ будущего, но также отражали внутри- и внешнеполитический курс [Samoylov 2020: 373].

Их репрезентации формировались в сложном историческом контексте: обе страны переживали период восстановления после мировой войны и одновременно становились центральными акторами нового биполярного противостояния. Политическая элита обеих стран влияла на стратегические направления развития и тактические ориентиры, которые актуализировались через представления о главах коммунистических государств, персонифицирующих «сферы страхов и надежд» населения [Morgan 2017].

Образы вождей, содержащиеся в массовом сознании советских граждан, во многом определяли отношение к восточному соседу и легитимировали идеологическое и политическое доминирование СССР в рамках социалистического лагеря и советско-китайского альянса [Jersild 2011].

В последние годы советско-китайской дружбе посвящено немало научных исследований [Дружба навеки... 2018]. В сфере интересов ученых оказываются презентации отношений СССР и КНР в кинематографе [Chen 2004; Li 2019], журнальных изданиях и карикатурах [Гулева 2015], плакатах [Федосов 2017], периодике [Павлюкович 2011], а также при организации и проведении различных выставок [Jersild 2018].

Однако общее представление о советско-китайских отношениях характеризуется мозаичностью и наличием множества лакун. К таким пробелам относятся образы глав двух государств, которые практически не изучались с точки зрения специфики их формирования у различных групп населения (один из редких примеров см.: [Рущинская 2020]). Неясно, как и какие образы политических лидеров транслировались советскими СМИ, существовала ли динамика образов, и, если существовала, то какими

событиями и процессами она определялась. Предполагается, что та модель отношений между СССР и Китаем, которая формировалась и транслировалась в общественное сознание двух стран через образы Сталина и Мао, могла служить матрицей коммуникаций между народами и государствами в целом. При этом реальные «отношения» лидеров двух государств мало напоминали картины, созданные пропагандистским аппаратом [Галенович 2009; Pantsov, Levine 2012; Heinzig 2015].

В научный оборот только вводится массивный пласт эмпирики, позволяющей переосмыслить известные сюжеты советской действительности и периода «большой дружбы» в новых ракурсах. Такими источниками могут стать советские иллюстрированные периодические издания и печать стран восточного блока (см.: [Urbansky, Trecker 2018; Литовская, Янь 2019; Клинова, Трофимов 2020]).

Образование КНР, активизация советско-китайских отношений, растущая роль азиатского региона в мире, привели к тому, что упоминания о Китае стали все чаще появляться на страницах разнообразных советских изданий. Это объяснялось не только стремлением информировать читателей о мировых событиях, формировать дружественный образ соседней страны, но и необходимостью вписать происходящее в Китае в метарассказ о социализме.

Цель статьи — проследить формирование образов Сталина и Мао Цзэдуна в текстах центральной прессы о КНР и советско-китайской дружбе на примере еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек». Хронологические рамки включают период октября 1949 г., т. е. с момента объявления о создании КНР, и до смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. После его смерти традиционные «лидерские» сюжеты в изображении советско-китайской дружбы постепенно исчезают [Федосов 2017: 138].

В дальнейшем руководство КНР все более явно позиционирует себя как одного из лидеров коммунистического лагеря и оспаривает позиции преемников Сталина в идеологических вопросах (см.: [Wang 2000; Shen, Yafeng 2011; Li 2011; Gnoinska 2018; Marku 2020]).

Материалы и методы

Основу источниковой базы составили выпуски журнала «Огонек». В исследуемый период главным редактором был советский поэт и партийный функционер А. А. Сурков. Журнал выходил в издательстве «Правда», его цена в 1953 г. составляла 3 рубля за номер. Аудиторию «Огонька» конца 1940-х – 1960-х гг. представляла городская образованная часть населения СССР, которая могла позволить себе приобрести его в розницу, либо читать выпуски в библиотеках. В октябре 1949 г. тираж журнала составлял 381 тыс. экземпляров. В 1953 г. номера, посвященные смерти И. В. Сталина, выходили в количестве 550 тыс. экземпляров.

Материалы этого одного из крупнейших иллюстративных советских журналов могут стать основой для достоверной реконструкции ключевых образов политических лидеров в контексте советско-китайской дружбы. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в текстах и фотопубликациях журнала презентовались успехи советской промышленности и сельского хозяйства, наглядно демонстрировались масштабы строительства нового мира и героика труда. Значительную роль в этих достижениях, с точки зрения партийных идеологов, агитаторов и пропагандистов, играли политические лидеры не только самого СССР, но и стран народной демократии. Победы и успехи, достигнутые в деле построения социализма, в силу определенной культурно-исторической традиции жестко персонифицировались. В средствах массовой информации исследуемого периода эта идеологема отразилась с максимальной полнотой.

Нас интересовали не только текстовые упоминания, но и изображения И. В. Сталина и Мао Цзэдуна в материалах о Китае и советско-китайской дружбе. Журнал «Огонек» начал издаваться в СССР с 1923 г. и стал одним из первых советских изданий, который размещал материал в жанре фотопублицистики. На его страницах эффективно применялась визуальная пропаганда, направленная на эмоционально-образное воздействие на читателя. При работе с исходными данными мы ориентировались на изучение объемов, насыщенности и тематического разнообразия текстов и визуальных дополнений к ним. Интерес представ-

лял контекст упоминания лидеров СССР и КНР, созданные образы, а также способы и приемы их конструирования. Именно поэтому авторами настоящего исследования использовались разные методы работы с источниками: от контент- и дискурс-анализа до визуального метода. В его основе находится модель, предложенная Э. Панофски и существенно усовершенствованная И. В. Нарским и рядом других исследователей (см.: [Щербакова 2011; Нарский 2008]).

Научным направлением, в рамках которого возможно создание надежной теоретической конструкции, необходимой для изучения образов И. В. Сталина и Мао Цзэдуна, является историческая имагология. Данный подход нацелен на реконструкцию представлений о «другом» и его культуре, исследование этнических, национальных, географических, внешнеполитических, инокультурных образов и стереотипов.

В настоящий момент востребованы исследования, касающиеся истории формирования и особенностей «имиджей» восточных стран в России и на Западе» [Лукин 2004; Левин 2020].

Мы исходим из того, что образ Китая является порождением не только внутриво-

литической и международной конъюнктуры, но и собственного ментального мира и социокультурного «багажа» российского/советского общества [Curanović 2012; Wishnick 2017; Malinova 2018]. Использование методов исторической имагологии позволило достоверно реконструировать образы лидеров СССР и КНР в изображении прессы.

Образы лидеров: качественные и количественные составляющие

И. В. Сталин и Мао Цзэдун: частота упоминаний

Контент-анализ текстов и иллюстративных дополнений к ним определил две основные группы сюжетов. Первую образуют тексты о Мао или его изображения, а вторая посвящена совместным упоминаниям лидеров двух стран (см. табл. 1). Тематическая детализация повествований показала механизмы трансляции советско-китайского альянса, способы его персонификации, контексты упоминаний и изображений И. В. Сталина и Мао Цзэдуна. Восприятие читателя помещалось в определенные фреймы, обусловленные строгой иерархией образов, не допускающие «поводов» для их нарушения.

Таблица 1. Частота текстовых упоминаний и изображений И. В. Сталина и Мао Цзэдуна («Огонек» 1949 – январь–март 1953 гг.)

[Table 1. Mentions of Stalin and Mao Zedong published by *Ogonyok* in 1949 – January–March 1953]

Лидеры	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
И. В. Сталин	1	–	3	3	4	11
И. В. Сталин и Мао Цзэдун	12	29	31	21	26	119
Мао Цзэдун	18	41	33	30	31	153

Образы И. В. Сталина и Мао Цзэдуна

Тематически сюжеты, содержащие совместные текстовые или визуальные упоминания об И. В. Сталине и Мао Цзэдуне, распределены следующим образом:

советско-китайская дружба; Сталин как мудрый наставник и мыслитель, учитель китайских коммунистов; совместные изображения лидеров двух глав государств (см. табл. 2).

Таблица 2. Тематическое распределение сюжетов о И. В. Сталине и Мао Цзэдуна в журнале «Огонек» (1949–1953 гг.)
 [Table 2. Topics of stories about Stalin and Mao Zedong published in the *Ogonyok* (1949–1953)]

Тематика сюжетов и изображений Мао Цзэдуна и И. В. Сталина	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
Советско-китайская дружба (в том числе межгосударственное сотрудничество, совместная борьба за мир, обмены и т. д.)	8	8	11	9	14	50
Сталин как учитель, друг китайского народа и миротворец	4	7	10	4	3	28
Изучение Китая, популяризация китайской культуры в СССР	—	9	5	2	3	19
Совместные изображения И. В. Сталина и Мао Цзэдуна	—	3	3	4	2	12
Выражение признательности китайцев И. В. Сталину	—	2	2	2	2	8
Траур по И. В. Сталину	—	—	—	—	2	2

Образ политических лидеров в контексте этих сюжетов отображал иерархию взаимоотношений между государствами. Это иллюстрировалось картинками, которые подчеркивали идеологические источники победы, одержанной Коммунистической партией Китая, указывали на эмоциональную связь между народами, выраженную в благодарности и признательности китайцев:

Каждый китаец прекрасно понимает, что без Советского Союза, без его могучей моральной поддержки китайский народ не смог бы одолеть своих врагов. Вот почему портрет товарища Сталина украшает фанзу китаец! Вот почему имя товарища Сталина — самое дорогое имя в каждой трудовой китайской семье. Вот почему каждый китайский патриот бережет, как зеницу ока, нерушимую дружбу с великим советским народом [В свободном Китае 1949: 9].

В способах описания советско-китайской дружбы важное место занимали тексты, акцентирующие, с одной стороны, безусловное единство двух вождей, а с другой — подчеркивающие определенную иерархию. И. В. Сталин представал как «мудрый учитель», наделенный выдающимися

аналитическими способностями и задолго предсказавший появление КНР [Великая победа 1950: 2; Славная годовщина 1950: 2; Всепобеждающая сила 1951: 4; Тридцать лет 1951: 2; Успехи 1951: 6; Беседа о Цзинганшане 1953: 2]. Такая композиция служила маркером управляемости процессов, их протекания в едином историческом и политическом русле.

Мудрый сталинский анализ вооружил китайских коммунистов, Коммунистическая партия Китая во главе с верным учеником Ленина и Сталина привела китайский народ к победе [Тридцать лет 1951: 2].

Описания публичных действий легитимировали эту иерархию и добровольное признание лидерства «старшего товарища»:

Всякий раз, когда упоминались имена И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна¹, весь зал вставал и устраивал овации. Мао Цзэдун поднимался и долго аплодировал, когда называлось имя учителя и друга

¹ Здесь и далее по тексту написание имени лидера КНР дается авторами так, как в источниках.

всех тружеников земли товарища Сталина. Он поднимался и тогда, когда овация возникала в его честь, но старался как можно скорее опуститься на свое место, давая этим знак к прекращению аплодисментов [Праздник дружбы 1953: 18].

Китайской стороной широко заимствовались советские управленческие практики позднего сталинизма [Kaple 2016]. Пропаганда уделяла немало внимания созданию и закреплению концепта «ученичества». Трансляция этих представлений начиналась с политических лидеров и в дальнейшем проецировалась на народные массы. Широко распространился жанр плакатов, на которых изображен советский человек, передающий свое знание китайцу (агроном, врач, инженер, профессор и др.) [Samoylov 2020: 375–378].

Визуальные материалы о личной встрече И. В. Сталина и Мао Цзэдуна задавали ограниченный набор художественных решений: простая двухфигурная композиция, герои либожимают друг другу руки в знак дружбы, многозначительно смотрят вдаль, либо ведут беседу, как на картине Д. Налбандяна «Великая дружба» (1950 г.). Однако значительно чаще статьи и материалы о советско-китайских отношениях сопровождались публикацией отдельных портретов.

В материалах «Огонька», посвященных И. В. Сталину и Мао Цзэду, воплотилась общая тенденция советского дискурса 1930–1950-х гг., в котором переход к социализму выражался в различных формах борьбы, противостояния и преодоления. Им придавали положительные интерпретации, трактовали как нормы советского бытия и тем самым маркировали «правильный» путь развития не только СССР, но и его союзников, в частности, коммунистического Китая.

Эти образы использовались как средство мобилизации и упорядочения коллективного сознания граждан. Так выражались основные действия по привлечению широкой общественности к конструированию границ между «своими» и «чужими», обозначению круга «друзей», формированию и наполнению социальных идентичностей, а

также повседневных практик и отношений. Положительные образы лидеров двух государств не являлись основополагающими в презентации советско-китайской дружбы, но их наличие давало возможность поддерживать легитимность партийных руководителей. Позитивный имидж власти строился на персонификации, признании ее в качестве носителя общественно значимых ценностей и принципов: справедливости, эффективности в достижении поставленных целей, компетентности, постоянной заботе о благосостоянии трудящихся и др.

Нельзя забывать, что в массовом сознании населения СССР фигура вождя воспринималась как неотъемлемая составляющая не только внутренней политики (см.: [Gill 1980]), но и международных отношений. Это касалось круга друзей, в который вошел Китай. В образе лидера КНР, его отношениях с И. В. Сталиным закреплялись и воспроизводились установки советско-китайской дружбы. Для ее риторического выражения характерны высокая эмоциональная окрашенность дружеских чувств (братство, любовь, преданность и т. д.), указание на колоссальный охват участников («все 475 млн китайцев желают дружить с советским народом»), отсутствие каких-либо границ, культурных языковых препятствий для ее поддержания, общемировое значение союза Китая и СССР («трудящиеся всех стран связывают с ним свои лучшие надежды»). Эти установки транслировались в нарративах и изображениях, публиковавшихся на страницах «Огонька» [В новом Китае 1949: 7; Великая победа 1950: 2; Славная годовщина 1950: 2; Во имя мира 1952: 4–5].

Образы Мао Цзэдуна или сага о том, как он изменил Китай

Тематически сюжеты «Огонька» о Мао распределены так: описания и визуальные изображения лидера КНР, в том числе не привязанные к текстам, рассказы о социалистических преобразованиях в стране и борьбе за освобождение Китая, «новое» искусство (см. табл. 3). В соответствии с традициями советской политической культуры эпохи сталинизма в образе Мао Цзэдуна персонифицировались китайский народ, коммунистическая партия, достигнутые ими успехи и одержанные победы.

Таблица 3. Тематическое распределение сюжетов о Мао Цзэдуэ
в журнале «Огонек» (1949–1953 гг.)
[Table 3. Topics of stories about Mao Zedong
published in the *Ogonyok* (1949–1953)]

Тематика сюжетов и изображений	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
Изображения Мао Цзэдуэ	2	4	9	9	10	34
Социалистическое строительство в Китае (развитие сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры и т. д.)	5	13	7	4	5	34
Китайское искусство (литература, театр, кино, живопись и др.) и спорт	2	6	8	6	4	26
Борьба за освобождение китайских территорий (подвиги героев Народно-освободительной армии Китая, участие китайских добровольцев в Корейской войне)	3	6	3	2	3	17
Мао Цзэдуэ в общении с китайцами и советскими представителями	1	3	2	2	4	12
Развитие образования и науки в Китае	1	4	1	3	1	10
Эксплуатация в «старом» Китае (Гоминьдан, помещики, империалисты)	2	2	1	2	1	8
Изучение российской / советской культуры в Китае	1	2	-	1	2	6
Провозглашение (годовщина создания) КНР	1	1	2	1	1	6

Мао Цзэдуэ не сразу стал заметной фигурой советского официального дискурса. Его имя на страницах «Огонька» впервые встречается только в октябрьском номере 1949 г. [В свободном Китае 1949: 9].

Умолчание объясняется тем, что еще в августе 1945 г. советская сторона подписала договор о дружбе и союзе с правительством Чан Кайши. Признавая важность произведений, выполненных в жанре революционного плаката и лубка, для понимания многих процессов, происходивших в Китае, редакция журнала «Огонек» в № 46 за 1949 г. опубликовала несколько работ под общим названием «Китайский революционный лубок». Среди них: работы художников Хун По «Народ провожает добровольцев, вступивших в ряды Народно-освободительной армии», Ши Чжань «Под Новый год. Население подносит подарки бойцам Народно-освободительной армии», Мо По «Крестьяне восстают против своего угне-

тателя-помещика» и др. В опубликованных изображениях упоминания о Мао Цзэдуэ не встречались до определенного момента.

Приход к власти коммунистов и образование КНР направили усилия советских медиа на конструирование образа лидера нового социалистического государства. По мере нарастания политического веса и роли Мао Цзэдуэ его образ стал все чаще тиражироваться в информационном пространстве. На обложке и специальных вкладках «Огонька» неоднократно появлялись его персональные и совместные с И. В. Сталиным портреты. Но чаще это были изображения, интегрированные в сюжеты плакатов, лубков, фотографий, посвященных каким-либо событиям. Так читателю демонстрировалась значимость символического присутствия лидера в публичной жизни китайцев. Учитывая неграмотность значительной части населения, художники уделяли много внимания изображению на своих

полотнах жизни нового Китая. Так в № 40 за 1952 г. был размещен знаменитый пропагандистский плакат художника Ань Линя «Под руководством Мао Цзэдуна, вперед!» [Массовое искусство 1952: 7].

Важнейшей задачей для советских изданий являлось знакомство аудитории с лидером Китая. Причем его следовало представить как давно и хорошо известного в СССР коммуниста, верного ученика В. И. Ленина и И. В. Сталина. Риторические клише, описывающие внешность, характер, манеру общения Мао Цзэдуна, традиционно использовались для презентации советских вождей и дружественных деятелей. Благодаря им, перед читателями предстал простой и скромный, но при этом величественный и сильный человек, проникнутый судьбой своего народа, с юных лет посвятивший всю жизнь беззаветному служению его счастью [Тридцать лет 1951: 2; Испытанный вождь 1951: 11–12; Я вступил 1951: 13–14; Я был 1952: 7].

Этот понятный советской аудитории образ лидера Китая скоро дополнился новыми чертами: провидением, непобедимостью, способностью принимать верные решения и заботиться о каждом китайце. Так, в песне «Заря на востоке», опубликованной на страницах журнала «Огонек» в 1950 г., Мао Цзэдун выступал как великий спаситель народа [Литература и искусство 1950: 7]. А в рассказе, стилизованном под притчу, он предстал почти как божество, которое прожило тысячи лет и «приходит на помощь, когда китайский народ попадает в беду» [Десять тысяч 1952: 12].

Героизация лидера дружественной страны сопровождалась сюжетами о военном противостоянии коммунистов Китая с империалистами Запада, Японии и силами Гоминьдана. Эта борьба и победа в ней выступала важной несущей конструкцией репрезентаций КНР. Центральная роль здесь отводилась Мао Цзэдуну [Беседа о Цзинганшане 1953: 2]. Для солдат НОАК он являлся вдохновителем и моральным регулятором борьбы [Китай сегодня 1950: 14–15].

Высок моральный облик китайских солдат. Они свято чтут боевые заповеди Мао Цзэ-дуна о поведении в походе, при встречах с населением... И мы были свидетелями, как свято выполняли револю-

ционные солдаты наказы своего вождя [Победа 1950: 27].

Начиная с 1950 г. «Огонек» ежегодно публиковал тематические номера о Китае, обычно приуроченные к годовщинам заключения договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) и провозглашению КНР. Наряду с этим на страницах журнала формировался образ заинтересованного советского читателя. Так аудитория получала не только «правильные» представления и оценки китайских событий, но и образцы их восприятия.

Председатель колхоза... захватил с собой свежую газету, рассказал, какие статьи сегодня напечатаны, спросил, о чем хотят послушать. Всех интересовал китайский вопрос. Долго читали и обстоятельно обсуждали обзор событий в Китае... [По слову партии 1949: 4].

Социалистические преобразования в Китае являлись одним из основополагающих сюжетов в советском дискурсе. Содержательно эти тексты формировали у читателя идеологически выверенное впечатление о стране, вступившей на путь коммунистического строительства. Это достигалось сравнением процессов в Китае с тем, что уже осуществил СССР: знакомая советскому человеку «картина создания нового мира» [Письмо из Китая 1951: 13].

Единство пути обуславливалось общими целями исторического развития двух стран и восприятием советского опыта, обучением китайцев у лидера социалистического лагеря. Неотъемлемыми частями этого нарратива стали колоссальный масштаб, впечатляющая динамика и позитивный характер преобразований, сопровождавшихся подъемом трудового энтузиазма населения в Китае.

Фундаментальное значение для сюжетов о социалистическом переустройстве Китая имело представление о руководящей роли КПК и Мао Цзэдуна. Именно их усилиями обеспечивались эти «изменения к лучшему и развитие страны по счастливому пути».

Я видел, как 70-летний старик привел внука в школу. Он просил директора

принять ее. «Это первый случай в моей семье за три поколения. Теперь другие времена — оставьте ее учиться в школе». Директор школы согласилась. Дедушка подошел к портрету председателя Мао Цзе-дуна и сказал: «Это он нам дал» [В новой 1952: 16].

На начальном этапе советско-китайской дружбы литература, кино, живопись и театр презентовали советскому человеку коммунистический Китай [Дружба навеки... 2018]. В масштабных преобразованиях духовной сферы китайского общества всячески подчеркивалась руководящая роль партии и Мао Цзэдуна [Литература и искусство 1950: 7; Гравюра Китая 1950: 25; Четвертое поколение 1951: 26–27; Праздник китайского 1951: 27].

Приведем отрывок из интервью балерины Чен Тицин во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине в 1951 г.

В 1942 г. наш вождь Мао Цзе-дун поставил большие задачи перед работниками искусства. Я отправилась вглубь страны искать и изучать народные танцы. Раньше у нашего народа были танцы, в которых запечатлелись печаль и горе. Теперь в Китае много бодрых и радостных танцев. Они рассказывают о счастье победы и мирного труда [Мы мечтою 1951: 10].

Искусство воспевало антиимпериалистическую борьбу и подвиги героев, социалистические преобразования и счастливую жизнь простого народа в освобожденной стране, неизменно акцентируя внимание на роли КПК и ее вождя [В свободном Китае 1949: 9].

Оно справедливо рассматривалось как «мощное средство воспитания и объединения», действенный инструмент «революционного и пропагандистского аппарата» [Слуга народа 1951: 24; Ефимов 1957: 24].

Бурное развитие в послевоенном Китае получили и такие направления массового искусства, как лубки и агитационные плакаты [Финогенов 1950; Муриан 1958].

Праздничная коммеморация традиционно рассматривается историками как важнейший элемент формирующих идентич-

ность практик и средство конструирования коллективных представлений [Рольф 2009: 15]. Поэтому принципиальную роль в презентациях «большой дружбы» играли описания торжеств, связанных с годовщинами образования КНР, КПК, НОАК и др. Сюда относятся и фундаментально значимые для всего социалистического мира события — Великая Октябрьская Социалистическая революция, 1 мая, юбилеи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Их освещение было нацелено на формирование общей идентичности, знаменовало интеграцию Китая в советское политическое и культурное пространство, приобщало читательскую аудиторию «Огонька» к коммеморативным ритуалам советско-китайской дружбы.

Выводы и новые исследовательские вопросы

Персонификация образов двух государств в фигурах Мао Цзэдуна и И. В. Сталина сформировала позитивное отношение к основному союзнику, легитимировала лидирующие позиции СССР в советско-китайском взаимодействии. Роль Мао Цзэдуна в глубоких преобразованиях жизни китайского общества призвана была показать верность модели развития самого Советского Союза. Добровольная готовность следовать «сталинским шаблонам» служила маркером управляемости этих процессов.

Образы Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна, представленные на страницах журнала «Огонек» в 1949–1953 гг., сыграли важную роль в трансляции советским людям представлений о новом стратегическом союзнике СССР в Азии, появившемся после Второй мировой войны. Они учитывали культурно-исторические традиции восприятия Китая, которые сформировались в СССР в предшествующий период, и видоизменялись под воздействием актуальных советско-китайских отношений. «Партийный аспект» образов И. В. Сталина и Мао Цзэдуна оказался «вытеснен» на второй план, благодаря образам государственных деятелей.

Полученные результаты поставили перед авторами и другими научными коллективами ряд исследовательских проблем. Во-первых, как происходило конструирование и деконструкция образов Китая в советское время? Во-вторых, как формировался образ Китая в информационном про-

странстве стран социалистического лагеря вне прямого контроля со стороны Кремля? В-третьих, как накопленный ранее истори-

ческий background и стереотипы повлияют на изменения российско-китайских отношений в дальнейшем?

Источники

- Великая победа 1950 — Великая победа // Огонек. 1950. № 2. С. 2.
 В свободном Китае 1949 — В свободном Китае // Огонек. 1949. № 42. С. 9.
 В новом Китае 1949 — В новом Китае // Огонек. 1949. № 40. С. 7.
 Всепобеждающая сила 1951 — Всепобеждающая сила Ленинизма // Огонек. 1951. № 4. С. 4.
 Беседа о Цзинганшане 1953 — Беседа о Цзинганшане // Огонек. 1953. № 6. С. 2.
 Во имя мира 1952 — Во имя мира и дружбы народов // Огонек. 1952. № 49. С. 4–5.
 В новой 1952 — В новой китайской школе // Огонек. 1952. № 22. С. 16.
 Гравюра Китая 1950 — Гравюра Китая // Огонек. 1950. № 16. С. 25.
 Десять тысяч 1952 — Десять тысяч лет Мао Цзе-Дуну // Огонек. 1952. № 40. С. 11–12.
 Испытанный вождь 1951 — Испытанный вождь китайского народа // Огонек. 1951. № 27. С. 11–12.
 Китай сегодня 1950 — Китай сегодня // Огонек. 1950. № 8. С. 14–15.
 Литература и искусство 1950 — Литература и искусство свободной страны // Огонек. 1950. № 2. С. 7.

Sources

- Achievements of Chinese nation. *Ogoniok*. 1951. No. 40. P. 6. (In Russ.)
 As instructed by Party. *Ogoniok*. 1949. No. 36. P. 4. (In Russ.)
 Battle-tested leader of Chinese nation. *Ogoniok*. 1951. No. 27. Pp. 11–12. (In Russ.)
 China today. *Ogoniok*. 1950. No. 8. P. 14–15. (In Russ.)
 Conversation about Jinggangshan. *Ogoniok*. 1953. No. 6. P. 2. (In Russ.)
 Engraving prints of China. *Ogoniok*. 1950. No. 16. P. 25. (In Russ.)
 Feast of China's cinematic art. *Ogoniok*. 1951. No. 42. P. 27. (In Russ.)
 Feast of friendship. *Ogoniok*. 1953. No. 1. P. 18. (In Russ.)
 Fourth generation. *Ogoniok*. 1951. No. 14. Pp. 26–27. (In Russ.)

- Массовое искусство 1952 — Массовое искусство // Огонек. 1952. № 40. С. 7.
 Мы мечтаю 1951 — Мы мечтаю о мире живем // Огонек. 1951. № 32. С. 10.
 Победа 1950 — Победа китайского народа // Огонек. 1950. № 40. С. 27.
 По слову партии 1949 — По слову партии // Огонек. 1949. № 36. С. 4.
 Праздник дружбы 1953 — Праздник дружбы // Огонек. 1953. № 1. С. 18.
 Праздник китайского 1951 — Праздник китайского киноискусства // Огонек. 1951. № 42. С. 27.
 Письмо из Китая 1951 — Письмо из Китая // Огонек. 1951. № 4. С. 13.
 Славная годовщина 1950 — Славная годовщина // Огонек. 1950. № 40. С. 2.
 Слуга народа 1951 — Слуга народа // Огонек. 1951. № 41. С. 24.
 Тридцать лет 1951 — Тридцать лет героической борьбы // Огонек. 1951. № 27. С. 2.
 Успехи 1951 — Успехи китайского народа // Огонек. 1951. № 40. С. 6.
 Четвертое поколение 1951 — Четвертое поколение // Огонек. 1951. № 14. С. 26–27.
 Я был 1952 — Я был на Пекинском конгрессе // Огонек. 1952. № 44. С. 7.
 Я вступил 1951 — Я вступил в коммунистическую партию // Огонек. 1951. № 27. С. 13–14.

- Glorious anniversary. *Ogoniok*. 1950. No. 40. P. 2. (In Russ.)
 Great Victory. *Ogoniok*. 1950. No. 2. P. 2. (In Russ.)
 I joined Communist Party. *Ogoniok*. 1951. No. 27. Pp. 13–14. (In Russ.)
 I was in Beijing Congress. *Ogoniok*. 1952. No. 44. P. 7. (In Russ.)
 In free China. *Ogoniok*. 1949. No. 42. P. 9. (In Russ.)
 In name of peace and friendship between nations. *Ogoniok*. 1952. No. 49. S. 4–5. (In Russ.)
 In new China. *Ogoniok*. 1949. No. 40. P. 7. (In Russ.)
 In new China's school. *Ogoniok*. 1952. No. 22. P. 16. (In Russ.)
 Invincible power of Leninism. *Ogoniok*. 1951. No. 4. P. 4. (In Russ.)
 Letter from China. *Ogoniok*. 1951. No. 4. P. 13. (In Russ.)

- Literature and arts of liberated nation. *Ogoniok*. 1950. No. 2. P. 7. (In Russ.)
- Peace be our single dream and aspiration. *Ogoniok*. 1951. No. 32. P. 10. (In Russ.)
- Popular art. *Ogoniok*. 1952. No. 40. P. 7. (In Russ.)
- Servant of people. *Ogoniok*. 1951. No. 41. P. 24. (In Russ.)
- Ten Thousand Years to Mao Zedong. *Ogoniok*. 1952. No. 40. S. 11–12. (In Russ.)
- Thirty years of heroic struggle. *Ogoniok*. 1951. No. 27. P. 2. (In Russ.)
- Victory of Chinese people. *Ogoniok*. 1950. No. 40. P. 27. (In Russ.)

Литература

- Галенович 2009 — Галенович Ю. М. Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009. 576 с.
- Гулева 2015 — Гулева М. А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 706–729.
- Дружба навеки 2018 — Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.) / отв. ред. И. В. Турицын. М.: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.
- Ефимов 1957 — Ефимов Н. Киноискусство стран народной демократии, Л.: О-во по распростран. полит. и науч. знаний РСФСР, 1957. 50 с.
- Клинова, Трофимов 2020 — Клинова М. А., Трофимов А. В. Советский руководитель: реконструкция образа по материалам журнала «Крокодил» (1953–1964 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. № 2. С. 131–146.
- Левин 2020 — Левин Я. А. Провозглашение КНР: реакция американской прессы // Научный диалог. 2020. № 12. С. 262–270.
- Литовская, Янь 2019 — Литовская М. А., Янь Д. «Гоминьдановская клика» и «уродский СССР»: образы врага в советской и тайваньской политической карикатуре 1940–1950-х гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 99–107.
- Лукин 2004 — Лукин А. В. Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // Полис. 2004. № 6. С. 70–88.
- Муриан 1958 — Муриан И. Ф. Современный китайский лубок. М.: Гос. изд-во совр. изобр. иск-ва. 1958. 110 с.
- Нарский 2008 — Нарский И. В. Проблемы и возможности интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горький) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 55–74.
- Павлюкевич 2011 — Павлюкевич Р. В. Китай — от «жертвы милитаристов» до «брата пролетария» (эволюция образа Китая в советских СМИ. 1946–1953 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 2 (7). С. 117–124.
- Рольф 2009 — Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
- Руцинская 2020 — Руцинская И. И. «И. В. Сталин читает письмо В. И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве 1930–1950-х гг. // Диалог со временем. 2020. № 1. С. 219–234.
- Федосов 2017 — Федосов Е. А. «Вперед к великой цели!»: образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940-х – 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 136–144.
- Финогенов 1950 — Финогенов К. В новом Китае. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1950. 84 с.
- Щербакова 2011 — Щербакова Е. И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.
- Curanović 2012 — Curanović A. Why don't Russians fear the Chinese? The Chinese factor in the self-identification process of Russia // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. Iss. 2. Pp. 221–239.
- Chen 2004 — Chen T. M. Internationalism and Cultural Experience: Soviet Films and Popular Chinese Understandings of the Future in the 1950s. // Cultural Critique. 2004. No. 58. Pp. 82–114.
- Gill 1980 — Gill G. The Soviet Leader Cult: Reflections on the Structure of Leadership in the Soviet Union // British Journal of Political Science. 1980. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 167–186.
- Gnoinska 2018 — Gnoinska M. Promoting the 'China Way' of communism in Poland and beyond during the Sino-Soviet Split: the case of Kazimierz Mijal // Cold War History. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 343–359.
- Heinzig 2015 — Heinzig D. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk (New York): M. E. Sharpe publ., 2015. 488 p.
- Jersild 2011 — Jersild A. The Soviet State as Imperial Scavenger: «Catch Up and Surpass» in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960 // The American Historical Review. 2011. Vol. 116. No. 1. Pp. 109–132.

- Jersild 2018 — *Jersild A.* Socialist exhibits and Sino-Soviet relations, 1950–60 // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp 275–289.
- Kaple 2016 — *Kaple D.* Soviet Advisers and High Stalinist Management in China, 1949–1960 // *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 5–30.
- Li 2019 — *Li J.* Gained in translation: The reception of foreign cinema in Mao's China // *Journal of Chinese Cinemas*. 2019. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 61–75.
- Li 2011 — *Li M.* Ideological dilemma: Mao's China and the Sino-Soviet split, 1962–63 // *Cold War History*. 2011. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 387–419.
- Marku 2020 — *Marku Y.* Communist Relations in Crisis: The End of Soviet-Albanian Relations, and the Sino-Soviet Split, 1960–1961 // *The International History Review*. 2020. Vol. 42. Iss. 4. Pp. 813–832.
- Malinova 2018 — *Malinova O.* Russian Identity and the «Pivot to the East» // *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 66. Iss. 4. Pp. 227–239.
- Morgan 2017 — *Morgan K.* International Communism and the Cult of the Individual: Leaders, Tribunes and Martyrs Under Lenin and Stalin. London: Palgrave, 2017. 363 p.
- Pantsov, Levine 2012 — *Pantsov A. V., Levine S. I.* Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 2012. 784 p.
- Samoylov 2020 — *Samoylov N.* Visual Images of the Soviet Union and the West in China (1950s – 1960s) // *Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century*. Heidelberg; Berlin: CrossAsia-eBooks, 2020. Pp. 365–387.
- Shen, Yafeng 2011 — *Shen Z., Yafeng X.* The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split // *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 20. Iss. 861–880.
- Urbansky, Trecker 2018 — *Urbansky S., Trecker M.* Kremlinology revisited: the nuances of reporting on China in the Eastern bloc press // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 307–324.
- Wang 2000 — *Wang E.* Between Marxism and Nationalism: Chinese historiography and the Soviet influence, 1949–1963 // *Journal of Contemporary China*. 2000. Vol. 23. Iss. 9. Pp. 95–111.
- Wishnick 2017 — *Wishnick E.* In search of the «Other» in Asia: Russia–China relations revisited // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Iss. 1. Pp. 114–132.

References

- Chen T. M. Internationalism and cultural experience: Soviet films and popular Chinese understandings of the future in the 1950s. *Cultural Critique*. 2004. No. 58. Pp. 82–114. (In Eng.)
- Curanović A. Why don't Russians fear the Chinese? The Chinese factor in the self-identification process of Russia. *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. No. 2. Pp. 221–239. (In Eng.)
- Efimov N. Cinematic Art in Liberated Democracies. Leningrad: RSFSR Society for Political and Scientific Awareness, 1957. 50 p. (In Russ.)
- Fedosov E. A. 'Forward to the great aim!': the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940–1960s. *Tomsk State University Journal of History*. 2017. No. 48. Pp. 136–144. (In Russ.)
- Finogenov K. In New China. Moscow: Iskusstvo, 1950. 84 p. (In Russ.)
- Galenovich Yu. M. Stalin and Mao: The Two Leaders. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2009. 576 p. (In Russ.)
- Gill G. The Soviet leader cult: reflections on the structure of leadership in the Soviet Union. *British Journal of Political Science*. 1980. Vol. 10. No. 2. Pp. 167–186. (In Eng.)
- Gnoinska M. Promoting the 'China Way' of communism in Poland and beyond during the Sino-Soviet Split: the case of Kazimierz Mijal. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 343–359. (In Eng.)
- Guleva M. A. 'Hands off China': Chinese friends and foes in 'Krokodil' magazine (1922–1950). *Society and State in China*. 2015. Vol. 45. No. 2. Pp. 706–729. (In Russ.)
- Heinzig D. The Soviet Union and Communist China, 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk (New York): M. E. Sharpe Publ., 2015. 488 p. (In Eng.)
- Jersild A. Socialist exhibits and Sino-Soviet relations, 1950–60. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp 275–289. (In Eng.)
- Jersild A. The Soviet state as imperial scavenger: 'catch up and surpass' in the transnational Socialist bloc, 1950–1960. *The American Historical Review*. 2011. Vol. 116. No. 1. Pp. 109–132. (In Eng.)
- Kaple D. Soviet advisers and high Stalinist management in China, 1949–1960. *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. No. 1. Pp. 5–30. (In Eng.)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. Soviet leader: reconstruction of the image according to the journal 'Crocodile' (1953–1964). *Perm University Herald. History*. 2020. No. 2. Pp. 131–146. (In Russ.)

- Levin Ya. A. Proclamation of the PRC: reaction of the American press. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 12. Pp. 262–270. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-262-270
- Li J. Gained in translation: the reception of foreign cinema in Mao's China. *Journal of Chinese Cinemas*. 2019. Vol. 13. No. 1. Pp. 61–75. (In Eng.)
- Li M. Ideological dilemma: Mao's China and the Sino-Soviet split, 1962–63. *Cold War History*. 2011. Vol. 11. No. 3. Pp. 387–419. (In Russ.)
- Litovskaya M. A., Yan D. The 'Kuomintang Clique' and the 'ugly USSR': images of the enemy in Soviet and Taiwan political caricature of the 1940-1950s. *Ural Historical Journal*. 2019. No. 3. Pp. 99–107. (In Russ.)
- Lukin A. V. The image of China in Russian social thought: continuity and evolution. *Polis*. 2004. No. 6. Pp. 70–88. (In Russ.)
- Malinova O. Russian identity and the 'pivot to the East'. *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 66. No. 4. Pp. 227–239. (In Russ.)
- Marku Y. Communist relations in crisis: the end of Soviet-Albanian relations, and the Sino-Soviet split, 1960–1961. *The International History Review*. 2020. Vol. 42. No. 4. Pp. 813–832. (In Eng.)
- Morgan K. International Communism and the Cult of the Individual: Leaders, Tribunes and Martyrs Under Lenin and Stalin. London: Palgrave, 2017. 363 p. (In Eng.)
- Murian I. F. Cheap Woodcuts of Contemporary China. Moscow: State Publishing House for Fine Arts, 1958. 110 p. (In Russ.)
- Narsky I. V. Problems and possibilities of interpreting family photograph: a case study of 1966 children's photos from Gorky. In: History Manifested. Problems of Russia's Visual History, 20th Century. Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, 2008. Pp. 55–74. (In Russ.)
- Pantsov A. V., Levine S. I. Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 2012. 784 p. (In Eng.)
- Pavlyukevich R. V. China's characterization — from 'the militarists' victim' to 'the proletarians' brother' (evolution of China's image in the Soviet mass media in 1946–1953). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'*. 2011. No. 2 (7). Pp. 117–124. (In Russ.)
- Rolf M. Soviet Mass Festivals. Moscow: ROSSPEN, 2009. 439 p. (In Russ.)
- Rutsinskaya I. I. 'Joseph Stalin reads a letter from Vladimir Lenin': visual narratives in the Soviet art of the 1930s–1950s. *Dialogue with Time*. 2020. No. 1. Pp. 219–234. (In Russ.)
- Samoylov N. Visual images of the Soviet Union and the West in China (1950s – 1960s). In: Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century. Heidelberg; Berlin: Cross-Asia-eBooks, 2020. Pp. 365–387. (In Eng.)
- Shcherbakova E. I. Visual history: embracing new spaces. In: Russia's Historical Studies – III. Fifteen Years Later. Moscow: AIRO-XXI, 2011. Pp. 473–488. (In Russ.)
- Shen Z., Yafeng X. The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split. *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 72. No. 20. Pp. 861–880. (In Eng.)
- Turitsyn I. V. (ed.) Friendship Forever. Cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China, 1949–1960: Historical Essays. Moscow: Research Institute of History, Economics and Law, 2018. 250 p. (In Russ.)
- Urbansky S., Trecker M. Kremlinology revisited: the nuances of reporting on China in the Eastern bloc press. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 307–324. (In Eng.)
- Wang E. Between Marxism and Nationalism: Chinese historiography and the Soviet influence, 1949–1963. *Journal of Contemporary China*. 2000. Vol. 23. No. 9. Pp. 95–111. (In Eng.)
- Wishnick E. In search of the 'Other' in Asia: Russia–China relations revisited. *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 114–132. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 595–605, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(09)(=18/=03)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-595-605

Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей

Николай Валерьевич Беленов¹

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат педагогических наук, доцент

 0000-0002-4415-5966. E-mail: belenov82@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Беленов Н. В., 2021

Аннотация. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ географической номенклатуры села Большое Алдаркино Борского района Самарской области, основанного выходцами из верховых чувашей в 1767 г. Материалами для данной работы послужили сведения по топонимии села Большое Алдаркино и его окрестностей, полученные автором статьи в течение полевого сезона 2018 г. от местных жителей и краеведов. Для сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых топонимных единиц в работе привлекаются соответствующие материалы автора, собранные в других чувашских сёлах Самарского Поволжья на протяжении 2015–2019 гг., прежде всего — в Борском, Похвистневском и Исаклинском районах Самарской области. В результате исследования были выявлены основные элементы географической топонимной лексики большеалдаркинского говора чувашского языка, их формы бытования и семантика. Среди них можно выделить такие термины, как *вар* ‘овраг’, *ошкенъ* ‘улица’, структура, формы бытования и значения которых в данном говоре отличают его от чувашских говоров соседних сёл. Большинство представленных в статье названий этимологизируется из чувашского и русского языка, ряд топонимов в настоящее время деэтимологизирован, однако оснований относить их к какому-либо другому языку не имеется. Субстратный слой в исследуемом топонимическом пространстве отсутствует. В некоторых географических названиях прослеживаются черты верхового диалекта чувашского языка — *Одар*, *Вырас ошкенъ*, *Тихон ошкенъ*. Несколько географических названий Большого Алдаркино и его окрестностей имеют убедительные лексические и семантические параллели в топонимических пространствах других чувашских сёл региона, а также иных территорий расселения носителей чувашского языка.

Ключевые слова: топонимика, географическая лексика, чуваша, чувашский язык, лексико-семантический анализ, этимология, Самарское Поволжье

Для цитирования: Беленов Н. В. Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 595–605. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-595-605

Lexical and Semantic Analysis of the Toponymy of the Chuvash Village of Bolshoe Aldarkino, Borskii District of the Samara Region

Nikolay V. Belenov¹

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. of Pedagogical Sc., Associate Professor

 0000-0002-4415-5966.. E-mail: belenov82@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Belenov N. V., 2021

Abstract. The article *deals with* the inventory of toponyms of the village of Bolshoe Aldarkino, Borskii district, Samara region, introduced and analyzed for the first time by the present author. The village was founded by the descendants of Virjal Chuvash in 1767. The research *database* has been formed by the evidence on the toponymics of the village and its surrounding area collected by the author from locals and local historians during his field trip in 2018. Also, for a comparative analysis of the toponyms under study, he has made use of the relevant material collected by him in other Chuvash villages of the Samara Volga region in the period between 2015 and 2019; these are first of all the villages in Borskii, Pokhvistnevskii, and Isaklinskii districts. As a *result*, it was possible to identify the principal elements of the toponymic items of the Chuvash idiolect of Bolshoe Aldarkino, their particular forms and semantics. To illustrate, such terms as *var* (ravine) or *oshken* (street) have peculiarities in their structure, forms, and semantics, which make them distinctly characteristic of this particular Chuvash dialect in contrast to those spoken in the neighboring Chuvash villages. Most of the names presented in the article are etymologized from the Chuvash and Russian languages, a number of toponyms are currently de-etymologized, but there are no grounds to refer them to any other language. There is no substrate layer in the toponymic space under study. Some geographical names display the features of the Virjal dialect of the Chuvash language, including *Odar*, *Vyras Oshken*, *Tikhon Oshken*, etc. A few geographical items of the toponymic space of Bolshoe Aldarkino have convincing lexical and semantic parallels in the toponymic spaces of other Chuvash villages in the region, as well as of other settlements of Chuvash speakers.

Keywords: toponymy, geographical lexicon, Chuvash, Chuvash language, lexical and semantic analysis, etymology, Samara Volga region

For citation: Belenov N. V. Lexical and Semantic Analysis of the Toponymy of the Chuvash Village of Bolshoe Aldarkino, Borskii District of the Samara Region. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 595–605. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-595-605

Введение

Исследование топонимии того или иного населённого пункта представляет интерес сразу с нескольких сторон: в топонимии консервируется архаичная лексика, вышедшая из употребления в соответствующем говоре; в ней отражаются

этноязыковые, культурные, хозяйственно-бытовые и религиозные особенности жителей соответствующего села; субстратный топонимический слой, если он сохранился, может дать представление о том, носители каких языков населяли данные территории ранее.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот, лексико-семантический, этимологический и сравнительно-сопоставительный анализ топонимии села Большое Алдаркино Борского района Самарской области, располагающегося на территории реликтового островного массива соснового леса в степях Заволжья, известного под названием Бузулукский бор.

История села относительно полно документирована. Согласно материалам Е. А. Ягафовой, оно было основано в 1767 г. выходцами из верховых чувашей, что нашло отражение в местном языке и культуре [Ягафова 1998: 82].

Вместе с аверкинскими чувашами, проживающими в Похвистневском районе Самарской области, жители Большого Алдаркино и ряда других чувашских сёл Борского района составляют редкий, за пределами Чувашии, анклав компактного проживания носителей верхового диалекта чувашского языка.

В 1865 г. алдаркинскими чувашами, совместно с чувашскими переселенцами из других мест, было основано ещё одно село, которое называли Малое Алдаркино, а само Алдаркино, соответственно, получило эпитет Большое.

В среде жителей Большого Алдаркино имеет распространение версия, что история возникновения их села тесно связана с историей чувашского села Алдаркино-Подколки (ныне — Алдаркино Бузулукского р-на Оренбургской области), точная дата основания которого неизвестна, но, по материалам местных краеведов, приходится на период 1750–1792 гг. [Рукопись 1998: 5].

В то же время ряд сведений указывает на то, что чувашаи Большого Алдаркино находятся в ближайшем родстве с жителями чувашского села Ново-Геранькино Борского района Самарской области [ПМА 2018: инф. 1; ПМА 2018: инф. 2; ПМА 2019: инф. 3; ПМА 2019: инф. 4]. Так, до середины XIX в. село Большое Алдаркино именовалось Алдаркино-Геранькино. Кроме того, чувашские говоры указанных сёл характеризуются практически идентичным кластером географической лексики, нередко общие элементы географической номенклатуры в топонимических пространствах данных сёл, причём параллели отмечаются как лексические, так и семантические [ПМА 2018: инф. 1; ПМА 2018: инф. 2].

Историография

Одним из первых исследований, посвящённых специальному изучению чувашских географических названий, следует признать «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого и его же статью «Лингвистическая заметка о названиях *Булгар, Биляр и Моркваши*» [Насилов, Бурькин 2017: 147].

Отдельные сведения об этимологии чувашских топонимов приводятся в работах Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1902; Ашмарин 1921], среди которых следует особо отметить его словарь чувашского языка, содержащий более девяти тысяч статей, посвящённых именам собственным [Ашмарин 1928–1950], а также Г. И. Комиссарова, Н. В. Никольского [Комиссаров 1911; Никольский 1911]. В этом ряду также необходимо отметить оставшийся, к сожалению, неизданным труд В. К. Магницкого «Опыт историко-географического словаря Казанской губернии», автор которого известен работами по чувашской антропонимии [Магницкий 1905].

Далее следует отметить недавно переизданный труд В. А. Нестерова (1980) [Нестеров 2017], работу А. А. Сосаевой [Сосаева 1997].

Среди научных квалификационных работ, близких по тематике к теме нашего исследования, выделяется кандидатская диссертация А. С. Ивановой, посвящённая чувашской гидронимии [Иванова 2005].

Значительную долю внимания чувашской топонимии в своих работах по топонимике Среднего Поволжья уделяет Г. Е. Корнилов [Корнилов 2005].

Среди новейших исследований на данную тему следует отметить труды Ю. Н. Исаева [Исаев 2018; Исаев, Исаев 2018].

Топонимия чувашей Самарского Поволжья до настоящего времени не составляла предмет специального исследования. Тем не менее отдельные сведения об этимологии чувашских топонимов региона можно найти в работах по истории и этнографии чувашей Самарской Луки, Заволжья [Симаков 2008; Димитриев 1993; Ягафова 1998; Юмарт 2003], а также в общих исследованиях топонимии Самарской области [Барашков, Дубман, Смирнов 1996].

Материалы и методы

Материалы исследования получены нами в результате сбора географической номенклатуры села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей в течение полевого сезона 2018 г. Значительную часть сведений по топонимии Большого Алдаркино мы почерпнули из материалов местного краеведа, ветерана Великой Отечественной войны Дмитрия Ивановича Ерицева [ЛА 2018]. В период 2015–2019 гг. аналогичные исследования были проведены автором в ряде других чувашских сёл Борского, Исаклинского и Похвистневского районов, материалы которых легли в основу сравнительного анализа исследуемой топонимии.

Методы исследования обусловлены целью и задачами исследования, в контексте решения которых мы обратились к методикам изучения топонимии ведущих отечественных специалистов в данной области: А. А. Бурыкина, А. К. Матвеева, В. А. Никонова, Б. А. Серебренникова, В. И. Супруна [Бурыкин 2014; Матвеев 2006; Никонов 1965; Серебренников 1959; Мадиева, Супрун 2015].

Анализ топонимии села Большое Алдаркино

Рассмотрим последовательно географические названия села Большое Алдаркино и его окрестностей.

Алдаркино. Титульный ойконим исследуемого топонимического пространства. Судя по структуре названия, а также ввиду близких ойконимических параллелей (Геранькино, Сидоркино) следует указать на отантропонимный характер его происхождения. Чувашское языческое имя *Алдар* фиксируется В. К. Магницким в его специальной работе по чувашским традиционным именам [Магницкий 1905: 25]. Данное имя восходит к лексеме *алтӑр* со значением ‘большой деревянный ковш’.

В селе параллельно бытует ещё одно его название — *Турьял*. В основе последнего ойконима лежат две чувашские лексемы: *тури* ‘верхний’ + *ял* ‘деревня, село’. Происходит он либо от названия главного оврага села — *Тури вар*, либо отражает тот факт, что Большое Алдаркино по отношению к Малому Алдаркино располагается выше по течению реки *Сирмы*. Наконец,

надо отметить, что *тури*, наряду с *вирыӑл*, является названием верховых чувашей. Однако маловероятно, что топоним восходит к данному этнониму, поскольку местные чувашки именуют себя исключительно *вирыӑл*, тогда как чувашей сёл Рысайкино, Стюхино и ряда других, расположенных по правому берегу реки Кинель, разговаривающих на низовом диалекте, называют *хиртяк* ‘степняки’ [Канюкова 1965: 133].

Анат. Название южной (низинной) части улицы *Тихон вар*. В чувашском языке лексема *анат* имеет значение ‘низовье’, ‘нижняя часть чего-либо’; в некоторых диалектах имеет значение ‘восточный’. Географические названия с основой *анат* являются распространённым элементом чувашских топонимических пространств. Отметим лишь некоторые параллели из чувашской топонимии: *Анаткас* — урочище в Большом Чувашском лесу на Самарской Луке [Барашков, Дубман, Смирнов 1996: 14], *Анат пус* — поле у села Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской области, *Анат Чаткас* — параллельное название села Чепкас-Никольское Шемуршинского р-на Республики Чувашия и т. д.

Вырас ошкенъ. Название одной из улиц села, располагающейся за оврагом *Киреметь*. Согласно сведениям Д. И. Ерицева, название возникло вследствие того, что здесь поселились русские семьи, носители фамилий Осиповы, Суриковы, Скрипины; от чувашской лексемы *вырӑс* — ‘русский’. Следует отдельно сказать о термине *ошкенъ*, бытующем в большеалдаркинском говоре в значении ‘улица’. Обычно в чувашской топонимии в данном значении употребляются иные лексемы — *урам* и *касси*. По нашему мнению, большеалдаркинский термин *ошкенъ* восходит к чувашской лексеме *ушкӑн*, среди широкого спектра значений которой присутствуют также ‘часть селения’, ‘околоток’, ‘конец деревни’ [Ашмарин 1929, III: 354], в исследуемом говоре — с характерным для верховых чувашей гласным [о] вместо [у] в начальном слоге. Палатализация финального согласного, по всей видимости, явилась следствием выпадения чувашского аффикса принадлежности третьего лица [ӗ], что фиксируется Л. П. Сергеевым в ряде примеров из верховых говоров [Сергеев 2007: 86–87]. По-видимому, семантический переход в данном случае обусловлен тем,

что ранее чувашские поселения характеризовались гнездовой застройкой, дома располагались группами; улиц, в современном понимании, в них не было. Затем, когда они появились, названия прежних околотков были перенесены на соответствующие улицы.

Индюха. Пруд в Большом Алдаркино, располагавшийся в нижнем течении реки *Малды сирма*, ныне не существующей. Согласно мнению наших информантов, в основе названия пруда лежит антропоним-прозвище [ПМА 2018: инф. 1]. Отметим также, что в чувашском антропонимиконе имеются созвучные лимнониму языческие имена (см., например: *Идюха*, *Индей* [Магницкий 1905: 43–44]), которые также могли послужить основанием для предполагаемого прозвища, от которого, в свою очередь, произошло название пруда.

Ирдек. Название одного из районов Большого Алдаркино. По объяснению Д. И. Ерицева, так называлась одна из улиц села по правому берегу реки *Сирмы*, в основе названия лежит чувашская лексема *ирт* ‘миновать’, ‘проследовать мимо’. По его предположению, ещё до возникновения здесь улицы, по этому месту проходила обходная дорога мимо села [ЛЯ 2018: 2].

Карниловы кубы. Название урочища в окрестностях Скобелевского пруда. По воспоминаниям наших информантов, раньше там «варили дёготь, жгли древесный уголь» [ПМА 2018: инф. 1]. *Карнилов* — фамилия барина, организовавшего в Бузулукском бору данную деятельность. По-видимому, *кубы* — местное название печей характерной формы для перегонки дёгтя. Обмуровка котла-корчаги для производства дёгтя действительно часто имела кубическую форму.

Киреметь. Название одного из небольших оврагов, впадающих в *Тури вар*. По мнению Д. И. Ерицева, название дано по имени человека, труп которого был обнаружен в этом овраге [ЛЯ 2018: 2]. В большинстве топонимических пространств чувашских сёл урочища с такими названиями отмечают расположение мест языческих молений. При этом сам термин *киреметь* / *кереметь*, являющийся опосредованным заимствованием из арабского, в чувашском языке достаточно многозначен. Изначально, видимо, он означал могущественного духа, чаще всего — злого [Егоров 1964:

113], вследствие чего мог являться составляющим его имени собственного.

Н. И. Ашмарин приводит следующее толкование рассматриваемой лексемы: «Киремет есть место, где пребывает злой дух, например, дух какого-нибудь известного, некогда жившего на этом месте чувашина, представляющего собой героя» [Ашмарин 1934, VI: 230].

Известно несколько таких киреметей, названия некоторых из них, по мнению ряда учёных, восходят к именам политических и религиозных деятелей булгарского и ордынского периодов истории Поволжья, например, известная в прошлом у чувашей различных сёл киреметь Валем-хузя (Малем-хузя) [Ашмарин 1921].

В дальнейшем киреметями у чувашей и у некоторых финно-угорских народов Поволжья стали называться также площадки для ритуальных действий. В большеалдаркинском говоре, как и в ряде других чувашских говоров Самарского Заволжья, в данном значении термин *киреметь* был вытеснен лексемой *чүк*, что также нашло отражение в топонимии. Ранее у чувашей это были разные моления, совершаемые на различных площадках, расположение которых относительно села было строго регламентировано. В настоящее время у чувашей Большого Алдаркино и окрестных сёл подобное разделение отсутствует [ПМА 2018: инф. 2].

Представляется, что объяснение топонима Д. И. Ерицевым основано на том, что, согласно позднейшим религиозным воззрениям чувашей, киреметью также мог стать неупокоенный дух убитого либо умершего неестественной смертью человека.

Курмыш. Название одного из районов Большого Алдаркино, до середины XX в. в селе бытовали названия *Верхний Курмыш* и *Нижний Курмыш*. Термин *курмыш* имеет достаточно широкое распространение в Поволжье, встречаясь, в том числе, в названиях ряда населённых пунктов. Его происхождение остаётся неясным, однако надо отметить, что он часто встречается в мокшанских и эрзянских говорах, в которых имеется значительная доля урбонимных терминов с основой *кур*.

Максимовский пруд. Название пруда, располагающегося в верхней части села Большое Алдаркино. Являясь объектами

рукотворными, пруды чаще всего получают своё название по имени (фамилии, прозвищу) человека, который либо сам его организовал, либо являлся инициатором сооружения. Реже пруды именуются по их позднейшему владельцу, в населённых пунктах бывает и так, что название пруду даётся по имени человека, живущего в непосредственной близости от него. В рассматриваемом случае мы имеем точную информацию о происхождении названия. Со слов информантов, пруд получил название ввиду того факта, что большинство домов в его окрестностях принадлежало жителям села с фамилией Максимовы [ПМА 2018: инф. 1].

Малды сирма. Название небольшой реки, ранее протекавшей через Большое Алдаркино, в настоящее время река не существует. Топоним относится к пространственно-ориентационным и отражает относительное расположение объекта: *малти* ‘передняя’ + *сирма* ‘река’ = ‘передняя река’. Названия подобного рода относительно часто встречаются в чувашской топонимии, сравните: названия населённых пунктов *Малти Пасна*, *Малти Пукаш*, *Малти Терес*, *Малти Чипер уй*, *Малти Ишек* и др., урочище *Малти пусă*, кереметь *Малти Хурăнсур киремечё*, названия полей *Малти-карта* и *Малти-ой*.

В чувашской гидронимии подобные названия реже, но также встречаются: *Малти-йӳне* — название реки — ‘Передняя развилка’, *Малти сырма* — название поля, луга на месте пересыхающей реки в Аликовском районе Чувашии, *Малти пёве* — название пруда в Ибресинском районе Чувашии [Иванова 2005].

Согласно сведениям Д. И. Ерицева, река *Малды сирма* питалась от родников в лесу, которые в настоящее время исчезли. Вероятно, на месте данной реки в Большом Алдаркино в настоящее время располагается пруд Индюха.

Мукакино. Название части села до моста через реку Сирму. Со слов информантов, раньше там была мельница, муку мололи, со всей округи зерно свозили [ПМА 2018: инф. 1]. Если название не связано с фамильной основой, то можно предположить его происхождение от чувашского *мукка* (детское) — ‘корова’, ‘собака’, ‘страшилище’ [Ашмарин 1935, VIII: 258]; менее вероятно происхождение от русского слова *мука*.

Одар. Название урочища к востоку от Большого Алдаркино. Происхождение данного топонима информантам неизвестно. Можно предположить, что в его основе лежит чувашская лексема *утар* ‘пасека, пчельник’ (в верховом диалекте — *отар*) [Федотов 1996, II: 294], ‘местность, богатая растительностью и цветами для пчёл’ [Егоров 1964: 278].

Подобные названия фиксируются в Самарском Поволжье и в топонимических пространствах мордовских сёл, где однозначно трактуются информантами как иноязычные и связываются с чувашами; ср.: *Отарлей* в окрестностях эрзя-мордовского села Старая Шентала Шенталинского р-на Самарской области, *отар* — неэтимологизируемая информантами основа + *лей* ‘река’.

Д. В. Цыганкин также отмечает топонимы с основой *отар* на территории Республики Мордовия, где этимологизирует их от адаптированной в чувашском языке русской лексемы *хутор* [Цыганкин 2005: 256]. Это же значение для данной лексемы отмечает и Н. И. Ашмарин [Ашмарин 1929, III: 326].

Впрочем, для ряда надёжно фиксируемых топонимов формы *Одар* / *Отар* в топонимических пространствах как чувашских, так и мордовских сёл, этимологию от слова *хутор* можно заведомо исключить. Интересно также отметить, что А. В. Дыбо считает, что русское слово *хутор* само является ранним заимствованием из болгарского языка [Дыбо 2013].

Пилюлька. Пруд, располагающийся в средней части села. Согласно объяснениям наших информантов, своё название объект получил за характерную форму, напоминающую таблетку [ПМА 2018: инф. 1]. Название позднего происхождения (80–90 гг. XX в.).

Сирма. Река, протекающая через Большое Алдаркино, правый приток реки Самары, в настоящее время сильно обмелела. Потамоним восходит к чувашской лексеме *сырма* ‘овраг’, ‘небольшая река’. Официальное название этой реки — *Алдарка*, фиксируемое на картах с середины XIX в. [Карта 1867], является русским и в большеалдаркинском говоре чувашского языка не бытует.

Подобная ситуация также фиксируется для различных названий реки, протекаю-

щей через село Ново-Геранькино, чувашское население которого является родственным чувашам Большого Алдаркино. В Ново-Геранькино река, официально именуемая *Чувайка* (приток Кутулука) местным чувашским населением называется так же, как и в Большом Алдаркино, — *Сирма*. Информанты в Ново-Геранькино объясняли нам происхождение указанных названий следующим образом: «У нас одна тут река, поэтому просто называем — Сирма. Чувайкой это уже русские назвали. Почему? Ну так население здесь у нас — чуваша, потому и Чувайка» [ПМА 2018: инф. 2].

Лексема *сирма* в большинстве чувашских говоров Борского и смежных с ним районов Самарской области имеет значение ‘река’, параллельно бытующее значение ‘овраг’ для неё зафиксировано нами лишь в новогеранькинском говоре. Однако и в данном говоре *сирма*, прежде всего, используется в значении ‘река’ в разговорной речи, при этом в топонимии употребляется исключительно в значении ‘река’. В составе названий оврагов в новогеранькинском говоре употребляется русский термин *дол*.

Надо отметить, что в большеалдаркинском говоре в данном значении используется термин *вар*, который у аверкинских чувашей уже считается архаизмом, а в значении ‘овраг’ в аверкинском говоре употребляется термин *лобашка* [ПМА 2019: инф. 3; ПМА 2019: инф. 4].

Скобелевский пруд. Название одного из прудов, расположенных на территории Бузулукского бора в окрестностях Большого Алдаркино. По словам информантов, большинство названий объектов и урочищ на территории бора восходят к фамилиям местных лесников, о происхождении же данного конкретного названия им ничего не известно. В памяти местных жителей сохраняется несколько фамилий местных лесников, в зону ответственности которых входили окрестности Большого Алдаркино: в 1925–1929 гг. здесь был лесник по фамилии *Колесников*, после него — *Барбанов*. По нашему мнению, в данном случае название пруда восходит к фамилии барина одного из окрестных сёл, — так, в окрестностях бора имеется урочище *Скобелево*. Это село возникло в первой половине XIX в., его другое название — Богоявленское, по престолу местной церкви. Оно было основано на зем-

лях, пожалованных генералу-лейтенанту Ивану Никитичу Скобелеву (1778–1849 гг.), являвшемуся дедом известного русского полководца, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. Д. Скобелева. Видимо, данный пруд был сооружён по инициативе одного из помещиков этого села.

Тихон вар. Название одного из отвершков оврага *Тури вар*. Назван так по имени проживавшего некогда рядом с ним местного жителя Тихона Иванова. Термин *вар*, как мы уже указывали, употребляется в большеалдаркинском говоре чувашского языка в значении ‘овраг’.

Тихон ошкень. Одно из устаревших названий улиц в Большом Алдаркино. Ранее эта улица начиналась за оврагом Тихон вар. Что первично — название улицы или оврага — в настоящее время неизвестно.

Тури. Название района села, расположенного на северной, возвышенной стороне. По сведениям Д. И. Ерицева, здесь раньше была улица, в 1950-х гг., после войны она исчезла, а название сохранилось [ЛИА 2018: 2]. Такие названия часто встречаются в топонимии чувашских селений применительно к тем их частям, которые расположены на относительно возвышении, либо выше по течению местной реки.

Тури вар. Самый протяжённый овраг в Большом Алдаркино, в который впадают несколько малых оврагов, также имеющих свои названия. Данный топоним восходит к чувашским лексемам *тури* ‘верхний’ и *вар* ‘овраг’. Интересен спектр значений, приведённый для географического термина *вар* Н. И. Ашмариным в различных чувашских говорах, среди них: ‘обдернелый овраг с пологими краями’, ‘лог’, ‘дол’, ‘глубокий и длинный овраг с крутыми обрывистыми берегами и сухой’, ‘глубокое сухое русло ручья’, ‘безводная ложбина’; на материале ряда говоров учёный отмечает различие терминов *вар* и *сырма*: *вар* — ‘овраг в лесу’, *сырма* — ‘овраг в поле’; *вар* — ‘сухое начало сырма (без воды)’ [Ашмарин 1930, V: 167].

Чук вар. Название одного из отвершков оврага *Тури вар*. Согласно сведениям Д. И. Ерицева, овраг получил своё название вследствие того, что здесь «староверы» совершали свои религиозные обряды [ЛИА 2018: 3]. Под «староверами», видимо, следует понимать последователей чувашской

традиционной религии, а не старообрядцев, общин которых в Большом Алдаркино исторически не фиксируется. Названия мест языческих жертвоприношений в традиционной религии чувашей часто включают в себя элемент *чўк* со значением ‘жертва’, который в ряде исследований отмечается как устаревшая лексема [Егоров 1964: 328].

В разговорной речи чувашей Заволжья, действительно, эта лексема фиксируется редко, в большинстве говоров её значение утрачено. В топонимии ряда чувашских сёл Самарского Заволжья данный термин вытеснил лексему *киреметь* в названиях мест традиционных молений [Беленов 2018]. Как мы уже отмечали выше, изначальное разделение в чувашской традиционной религии мест молений *киреметь* и *чўк* в большинстве чувашских сёл Заволжья в настоящее время забыто.

Ялдра. Название одной из частей села Большое Алдаркино. По мнению Д. И. Ерицева, основа *ял* в данном названии явно указывает на то, что первые поселенцы села обосновались именно на этом месте [ЛА 2018: 3]. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения является тот факт, что в данном районе до настоящего времени проживают потомки Алдаровых, Андреевых и Максимовых — носители старейших фамилий Большого Алдаркино. Возможно, топоним восходит к словосочетанию *ял + тйра* (вариация лексемы *тавра* в ряде говоров верхового диалекта, например, в сундырском) ‘окрестность села’, где *ял* — ‘село’, ‘деревня’; *тйра* — ‘окрестность’, ‘окружающая местность’. Кроме того, известны чувашские ойконимы *Ялтйра* в бывшем Ядринском уезде [Ашмарин 1929, IV: 330–333], *Уйпуҫ Ялтйра* в Шумерлинском районе и ряд других. На территории Чувашии топонимические предания, бытующие в соответствующих сёлах, возводят данные ойконимы к имени основателя сёл — *Ялдра*.

Заключение

В топонимии села Большое Алдаркино и его окрестностей нашли отражение специфические черты верхового диалекта чувашского языка, к которому относится большеалдаркинский говор. В частности, они прослеживаются в таких названиях, как: *Одар*, *Вырас ошкенъ*, *Тихон ошкенъ*, *Ялдра*.

Географические названия большеалдаркинского топонимического пространства этимологизируются на основе чувашского и русского языков. Субстратный слой в данном топонимическом пространстве нами не выявлен, вследствие чего можно предполагать, что пришедшие на территорию Бузулукского бора в XVIII в. чувашаи либо не застали здесь предыдущих насельников, либо языковые контакты с ними были недостаточны для передачи географической номенклатуры. При этом характерно, что названия, сформировавшиеся в поздний период истории села (примерно с середины XX в.) изобилуют русизмами, которые практически отсутствуют (если исключить отантропонимные названия и географические названия, относящиеся к объектам, занимающим пограничное положение с топонимическими пространствами русских сёл) в топонимах, возникших на более ранних этапах истории Большого Алдаркино.

Часть чувашских географических названий в настоящее время деэтимологизирована, и их значение для современных носителей большеалдаркинского говора неясно, при этом чувашское происхождение данных названий ими под сомнение не ставится.

Интересно отметить высокую топогенетичность географического термина *вар* в значении ‘овраг’ в исследуемом топонимическом пространстве, особенно на контрасте с топонимическими пространствами аверкинских чувашей, а также с топонимическим пространством села Ново-Геранькино, говоры которых относятся к тому же, верховому диалекту чувашского языка.

Полевой материал автора

ПМА 2018: инф. 1 — Валентина Петровна Дробышева, 1961 г. р. Запись в с. Большое Алдаркино (Борский район, Самарская область), 2018 г.

ПМА 2018: инф. 2 — Петрова Нина Семёновна, 1950 г. р. Запись в с. Ново-Геранькино (Бор-

ский район, Самарская область), 2018 г.

ПМА 2019: инф. 3 — Раиса Николаевна Андреева, 1954 г. р. Запись в с. Ахрат (Похвистневский район, Самарская область), 2019 г.

ПМА 2019: инф. 4 — Мария Степанова, 1996 г. р. Запись в с. Среднее Аверкино (Похвистневский район, Самарская область), 2019 г.

Author's Field Data

Informant: Mariya Stepanova, b. 1996. Rec. in Srednee Averkino (Pokhvistnevsky District, Samara Oblast) in 2019. (In Russ.)

Informant: Nina S. Petrova, b. 1950. Rec. in Novo-Gerankino (Borsky District, Samara Oblast) in 2018. (In Russ.)

Informant: Raisa N. Andreeva, b. 1954. Rec. in Akhrat (Pokhvistnevsky District, Samara Oblast) in 2019. (In Russ.)

Informant: Valentina P. Drobysheva, b. 1961. Rec. in Bolshoe Aldarkino (Borsky District, Samara Oblast) in 2018. (In Russ.)

Источники

ЛА 2018 — Личный архив Д. И. Ерицева. Большое Алдаркино, 2018 г.

Рукопись 1998 — Рукопись П. Д. Лупаева (Загвоздкина) «Записки о прошлом» // Сергиевский историко-краеведческий музей (с. Сергиевск, Самарская обл.). Фонд рукописей. Д. 128.

Литература

Ашмарин 1902 — *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваш. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 133 с.

Ашмарин 1921 — *Ашмарин Н. И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-восточного археологического и этнографического института в Казани. 1921. Т. 2. С. 93–128

Ашмарин 1928–1950 — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка в 17 томах. Казань; Чебоксары: Изд. Наркомата по просвещ. ЧАССР, 1928–1950: Т. 1. 1928; Т. 2. 1929; Т. 3. 1929; Т. 4. 1929; Т. 5. 1930; Т. 6. 1934; Т. 7. 1934; Т. 8. 1935; Т. 9. 1935; Т. 10. 1936; Т. 11. 1936; Т. 12. 1937; Т. 13. 1937; Т. 14. 1937; Т. 15. 1938; Т. 16. 1941; Т. 17. 1950.

Барашков, Дубман, Смирнов 1996 — *Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н.* Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.

Беленов 2018 — *Беленов Н. В.* Эволюция названий культовых мест у чувашей левобережья Самарского Поволжья // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2018. С. 291–295.

Бурыйкин 2014 — *Бурыйкин А. А.* Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 532 с.

Димитриев 1993 — *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1993. 446 с.

Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Сюнну-Гунны. Кто же они? Стенограмма публичной лекции от

Sources

Lupaev (Zagvozdkin) P. D. Notes on the Past. Manuscript. At: Sergievsk Museum of Local History and Lore (Sergievsk, Samara Oblast), Manuscript Collection. D. 128. (In Russ.)

Personal archives of D. I. Eritsev. Bolshoe Aldarkino, 2018. (In Russ.)

24 октября 2013 г. [электронный ресурс] // Полит.ру. Лекции. 1.12.2013. URL: <https://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/> (дата обращения: 10.02.2021).

Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1964. 356 с.

Иванова 2005 — *Иванова А. С.* Типология чувашских гидронимов: дисс. ... канд. фил. наук. Чебоксары, 2005. 359 с.

Исаев 2018 — *Исаев Ю. Н.* Поволжский топоним «Шигали» (этимолого-фольклорные сюжеты) // Развитие образования. 2018. № 1. С. 5–8.

Исаев, Исаев 2018 — *Исаев Ю. Н., Исаев Л. Ю.* Чебоксары: топонимические этюды // Развитие образования. 2018. № 2. С. 7–12

Канюкова 1965 — *Канюкова А. С.* Чувашская диалектология. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1965. 147 с.

Карта 1867 — Карта Самарской губернии, составленная в 1867 г. членами Самарского губернского статистического комитета: П. А. Рихтером и И. Ф. Станевичем [электронный ресурс] // Самара: Изд. Самарского губ. стат. ком-та; Картографическое заведение А. Ильина, 1867. URL: http://www.etomesto.ru/map-samara_1867-guberniya/ (дата обращения: 10.02.2021).

Комиссаров 1911 — *Комиссаров Г. И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXVII, вып. 5. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. С. 311–432.

Корнилов 2005 — *Корнилов Г. Е.* Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми,

- Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) // Вестник Чувашского университета. 2005. № 1. С. 140–192
- Магницкий 1905 — *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1905. 101 с.
- Мадиева, Супрун 2015 — *Мадиева Г. Б., Супрун В. И.* Теория и практика ономастики. Астана; Волгоград: Перемена, 2015. 199 с.
- Матвеев 2006 — *Матвеев А. К.* Ономатология. М.: Наука, 2006. 290 с.
- Насилов, Бурыкин 2017 — *Насилов Д. М., Бурыкин А. А.* «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого как источник по ономастике Поволжья // Ономастика Поволжья. 2017. С. 145–151.
- Нестеров 2017 — *Нестеров В. А.* Над картой Чувашии: историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чувашск. кн. изда-во, 2017. 142 с.
- Никольский 1911 — *Никольский Н. В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. 114 с.
- Никонов 1965 — *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
- Сергеев 2007 — *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: ЧГПУ, 2007. 428 с.
- Серебренников 1959 — *Серебренников Б. А.* О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 36–50.
- Симаков 2008 — *Симаков В. Е.* Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. Самара: НТЦ, 2008. 404 с.
- Сосаева 1997 — *Сосаева А. А.* Хронологические пласты топонимов Чувашии // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 62–65.
- Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка в 2 томах. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 + 509 с.
- Цыганкин 2005 — *Цыганкин Д. В.* Память, запечатлённая в слове. Саранск: Красный октябрь, 2005. 432 с.
- Юмарт 2003 — *Юмарт Г. Ф.* Фольклорные и литературные штрихи // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 135–149.
- Ягафова 1998 — *Ягафова Е. А.* Самарские чуваш. Самара: ИЭКА Поволжье, 1998. 368 с.
- Ashmarin N. I. Bulgarians and Chuvashes. Kazan: Imperial Kazan University, 1902. 133 p. (In Russ.)
- Ashmarin N. I. Dictionary of the Chuvash Language. In 17 vols. Kazan; Cheboksary: People's Commissariat for Education (Chuvash ASSR), 1928–1950. (In Chuv. and Russ.)
- Ashmarin N. I. Vestiges of the Golden Horde era in Chuvash folk beliefs. *Izvestiya Severo-vostochnogo arkhеologicheskogo i etnograficheskogo instituta v Kazani*. 1921. Vol. 2. Pp. 93–128. (In Russ.)
- Barashkov V. F., Dubman E. L., Smirnov Yu. N. Toponymy of Samara Oblast. Samara: Samara State University, 1996. 192 p. (In Russ.)
- Belenov N. V. Chuvash places of worship in the left-bank Samara Volga region: evolution of the toponyms revisited. In: Language Units in Light of Modern Scientific Paradigms. Ufa: Bashkir State University, 2018. Pp. 291–295. (In Russ.)
- Burykin A. A. Personal Names as a Historical Source: Analyzing Russian Documents from the Era of Russia's Conquest of Siberia and the Far East, 17th–19th Centuries. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. 532 p. (In Russ.)
- Dimitriev V. D. Chuvash Historical Tales. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1993. 446 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. Xiongnu–Huns: Who Were/Are They? Verbatim report of a public lecture delivered on October 24, 2013. On: Polit.ru. Lectures. Posted on December 1, 2013. Available at: <https://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/> (accessed: February 10, 2021). (In Russ.)
- Egorov V. G. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1964. 356 p. (In Chuv. and Russ.)
- Fedotov M. R. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 vols. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. 470 + 509 p. (In Chuv. and Russ.)
- Isaev Yu. N. Volga toponym 'Shigali' (etymological and folklore subjects). *Development of Education*. 2018. No. 1. Pp. 5–8. (In Russ.)
- Isaev Yu. N., Isaev L. Yu. Cheboksary: toponymic sketches. *Development of Education*. 2018. No.2. Pp. 7–12. (In Russ.)
- Ivanova A. S. Typology of Chuvash Hydronyms. Cand. Sc. (philology) thesis. Cheboksary, 2005. 359 p. (In Russ.)
- Kanyukova A. S. Chuvash Dialectology. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1965. 147 p. (In Russ.)

- Komissarov G. I. Chuvashes of the left-bank Kazan Volga region. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 1911. Vol. XX-VII. No. 5. Pp. 311–432. (In Russ.)
- Kornilov G. E. Toponymy of the Volga republics: Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2005. No. 1. Pp. 140–192. (In Russ.)
- Madieva G. B., Suprun V. I. Theory and Practice of Onomastics. Astana; Volgograd: Peremena, 2015. 199 p. (In Russ.)
- Magnitsky V. K. Chuvash Pagan Names. Kazan: Imperial Kazan University, 1905. 101 p. (In Russ.)
- Map of Samara Governorate Compiled in 1867 by Members of Samara Governorate's Statistical Committee P. A. Richter and I. F. Stanevich. Samara: Samara Governorate's Statistical Committee; A. Ilyin, 1867. On: EtoMesto.ru (online database of old maps). Available at: http://www.etomesto.ru/map-samara_1867-guberniya/ (accessed: February 10, 2021). (In Russ.)
- Matveev A. K. Onomatology. Moscow: Nauka, 2006. 290 p. (In Eng.)
- Nasilov D. M., Burykin A. A. Chuvash-Russian Word-Stem Dictionary by N. I. Zolotnitsky as a source on onomastics of the Volga Region. In: Onomastics of the Volga Region. 2017. Pp. 145–151. (In Russ.)
- Nesterov V. A. Over Chuvashia's Map: Historical and Toponymic Notes. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2017. 142 p. (In Russ.)
- Nikolsky N. V. Chuvash Ethnography: A Brief Work-Book. Kazan: Imperial Kazan University, 1911. 114 p. (In Russ.)
- Nikonov V. A. An Introduction to Toponymy. Moscow: Nauka, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A. Toponymic names: research methods revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1959. No. 6. Pp. 36–50. (In Russ.)
- Sergeev L. P. Chuvash Dialect System. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2007. 428 p. (In Russ.)
- Simakov V. E. Chuvash Villages of Samara Oblast: Encyclopedia. Samara: NTTs, 2008. 404 p. (In Russ.)
- Sosaeva A. A. Chronological strata of Chuvashia's toponymy. In: Materials in Chuvash Dialectology. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1997. Pp. 62–65. (In Russ.)
- Tsygankin D. V. Memory Manifested in Word. Saransk: Krasnyi Oktyabr, 2005. 432 p. (In Russ.)
- Yagafova E. A. Samara Chuvashes. Samara: Povolzhye, 1998. 368 p. (In Russ.)
- Yumart G. F. Folklore and literary notes. In: Chuvashes of Samara Luka. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2003. Pp. 135–149. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 606–625, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-606-625

О переводе двух песен эпоса «Гесер» Б. Бергманом

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Митруев Б. Л., 2021

Аннотация. *Введение.* В 1802–1803 гг. Бениамин Бергман совершил путешествие в калмыцкие степи для сбора исторического, литературного и фольклорного материала о калмыках и калмыцкой культуре. Результатом этого путешествия стала публикация в 1804–1805 гг. в Риге 4-томного издания «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), до настоящего времени представляющего собой важный источник информации о культуре и быте калмыков XVIII–XIX в. Среди переводов различных текстов, опубликованных в этом четырехтомнике, находится перевод с калмыцкого на немецкий язык двух песен эпоса «Гесер». Этот перевод представляет собой самый ранний перевод песен «Гесера» на европейский язык. *Цель статьи.* Немецкий перевод Б. Бергмана часто упоминается в научных работах, однако эти песни не были переведены полностью на русский язык. *Материалом* данного исследования является немецкий перевод двух песен эпоса «Гесер», опубликованный в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах». *Результаты.* Для того чтобы упростить исследователям, занимающимся ойратско-калмыцким «Гесером», доступ к материалу песен, переведенных Б. Бергманом, в данной статье представлен их научный перевод на русский язык. Кроме того, в статье рассматривается вопрос о природе оригинала песен, с которого был сделан перевод. До последнего времени существовало мнение, что основой для перевода песен был устный пересказ этих песен. Однако данные, рассматриваемые в исследовании, дают основания для гипотезы о письменном характере ойратского оригинала переведенных песен. Помимо перевода глав «Гесера», в данной статье выдвигается гипотеза о письменном характере оригинала источника, послужившего основой для перевода Б. Бергманом.

Ключевые слова: Калмыкия, «Гесер», песни, *тодо бичг* «ясное письмо», Б. Бергман

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогене-

тики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина эпоса мира»).

Для цитирования: Митруев Б. Л. О переводе двух песен эпоса «Гесер» Б. Бергманом // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 606–625. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-606-625

Two "Geser" Songs Translated by Benjamin Bergmann: Russian Translation and Discussion

*Bembya L. Mitruiev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mitruiev B. L., 2021

Abstract. *Introduction.* In 1802–1803, Benjamin Bergmann made a trip to the Kalmyk steppes to collect historical, literary, and folklore material on the Kalmyks and the Kalmyk culture. The result of this journey was the 1804–1805 publication of “Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803” (Nomadic wanderings among Kalmyks in 1802–1803) in Riga, which up to the present day has not lost its importance as a source of information on the culture and life of the Kalmyks in the 18th and 19th centuries. The four-volume work contains translations of various texts from Kalmyk into German, including the two songs of the “Geser” epos. This is in fact the earliest translation of “Geser” songs into a European language. *Data.* The German translation of the two “Geser” songs published by Bergmann in his work has been used as the material for the present research. *The aim of the article.* Bergmann’s translation of the songs is often mentioned in scholarly publications, but so far, no Russian translation of the songs in full has been made. To facilitate the research of the Oirat-Kalmyk “Geser” and especially of the songs in question, this article presents their scientific translation into Russian made by the present author. Also, the article discusses the character of the Kalmyk originals of the epic songs. So far it has been believed that an oral retelling was the source for the German translation of the songs. However, there is sufficient evidence for a new hypothesis because the analysis of the data undertaken in this study indicates that apparently there was a written Oirat source for the translation. *Conclusions.* Besides the complete Russian translation of the “Geser” sagas offered here, the article puts forward the hypothesis of the written nature of the original source, which served as the basis for Bergmann’s German translation.

Keywords: Kalmykia, “Geser”, songs, Clear Script, Todo bichig, B. Bergmann

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Mitruiev B. L. Two “Geser” Songs Translated by Benjamin Bergmann: Russian Translation and Discussion. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 606–625. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-606-625

Введение

Бениамин¹ Фюрхтеготт Бальтазар фон Бергман (нем. Benjamin Fürchtegott Balthasar von Bergmann; 1772–1856) — лютеранский пастор и исследователь, в период с 1799 по 1803 гг. дважды посетивший Сарепту² и калмыцкие степи в ходе своих путешествий по России.

Находясь в Сарепте, Б. Бергман познакомился с евангелистскими братьями, от которых он узнал о калмыках, их языке и культуре и стал изучать калмыцкий язык под руководством Конрада Нейца [Митруев 2020: 186–187].

Итогом его пребывания среди калмыков стала публикация в Риге в 1804–1805 гг. четырехтомного труда «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах») [Митруев 2020: 192]. Среди богатого материала, опубликованного Б. Бергманом в этих четырех томах, находятся перевод на немецкий тринадцати рассказов «Сиддхи кюра», подробное описание жизни и обычаев калмыков «Калмыки между Волгой и Доном. Описание обычаев», перевод одной из глав калмыцкого эпоса «Джангар» «Героическая песня из Джангариады» и перевод двух глав из эпоса «Гесер»³ «Богдо Гесер-хан. Монгольское религиозное сочинение в 2 кни-

гах». Более подробно биография Б. Бергмана представлена в статье «Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре» [Митруев 2020].

Перевод песен «Гесера»

Во время своего пребывания в калмыцких степях Бениамин Бергман перевел на немецкий язык две песни, которые были опубликованы в третьем томе «Кочевнических скитаний среди калмыков в 1802–1803 годах» под заголовком «Богдо Гесер-хан. Монгольское религиозное сочинение в 2 книгах» — «Bokdo Gässärchan. Eine mongolische Religionsschrift in 2 Büchern» [Bergmann 1804: 232–284]. Эти «две книги» представляют собой перевод глав эпоса «Гесер» — VIII главы «Оживление богатырей» и IX главы «Сражение Гесера с Андудма-ханом», перевод этих глав представлен в приложении к данной статье.

Эти две главы «Гесера», циркулировавшие в виде отдельной рукописи, часто носили самостоятельное название, что имело целью подчеркнуть самостоятельность произведения, которое фактически представляло собой часть целого цикла о «Гесере» [Хундаева, Бадмацыренова 2016: 169].

Большое количество рукописей отдельных глав «Гесера» на ойратской письменности *тодо бичг* 'ясное письмо', хранящихся в разных библиотеках и фондах мира, указывает на то, что эти главы «Гесера» были популярны среди ойратов, проживавших в разных уголках мира.

Почему Б. Бергман характеризовал песни эпоса «Гесер» как «религиозное сочинение»? Одни и те же произведения монгольской литературы и фольклора могут причисляться к различным жанрам. Это явление можно объяснить нечеткостью жанровых определений и синкретизмом многих источников старой монгольской литературы [Хундаева, Бадмацыренова 2016: 169].

Предположительно, причина, по которой Б. Бергман перевел название двух песен «Гесера» как «религиозное сочинение в двух книгах», заключается в том, что название включало в себя слово «судур» или «цадиг», подобно тому, как в случае с «шойтеровской» рукописью об Андудма-хане [Хундаева, Бадмацыренова 2016: 169].

¹ Бениамин Густавович Бергман (другой вариант имени — Вениамин) — пастор, писатель, издатель и переводчик, автор самой ранней европейской документированной записи калмыцкого эпоса «Джангар» и эпоса «Гесер». В российской научной литературе встречаются разные варианты написания имени этого исследователя: Бениамин, Вениамин, Бенджамин. Однако так как Benjamin Bergmann был немецкого происхождения, наиболее правильно писать его имя в соответствии с немецким произношением: Бениамин.

² Сарепта — бывшая немецкая колония, вошедшая в административную черту г. Волгограда в 1931 г.

³ В историографии встречаются два варианта написания названия этого эпоса: «Гесер» (см., напр.: [Неклюдов, Тумурцерен 1982; Өөрд Геср 2014] и «Гэсэр» [Чагдунов 1980]). В данной статье мы используем первое написание.

Причина популярности повествования о сражении Гесера с Ангдулма-ханом заключается в том, что в этом повествовании разрабатывается исключительно воинская тематика, важное место занимает описание воинского похода и сражения с врагом. Важную роль играют сам Гесер и его богатырь Дзаса Шикер [Неклюдов 1984: 195–196].

Список рукописи этих двух глав, написанный «ясным письмом» (*тодо бичиг*), хранится в архиве Калмыцкого научного центра РАН под шифром С(Калм) Г431, 12500 [НА КалмНЦ РАН].

На первом листе рукописи дано ее название: «Гесер богдо хаани туужи». Рукопись содержит VIII главу ойратской версии «Гесера», известную под названием «Оживление богатырей», и IX главу «Сражение Гесера с Ангдулма-ханом». Факт нахождения этой рукописи в Калмыкии свидетельствует о том, что письменный текст этих двух песен «Гесера» циркулировал на территории Калмыцкой степи.

Списки «Гесера» на «ясном письме» были известны российским исследователям, которые использовали их в своих трудах. В 1896 г. А. М. Позднеев в девятом томе Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества опубликовал текст на *тодо бичиг* и перевод на русский язык IX главы «Сражение Гесера с Ангдулма-ханом», назвав ее «Сказка про сражение Гесеръ-хана съ Андалмой» [Позднеев 1896].

В «Грамматике калмыцкого языка» А. Попова опубликован «Отрывок из повести о Кессеръ-Ханѣ», представляющий собой отрывок из седьмой песни, название которой С. А. Козин перевел как «Гесер в аду» [Попов 1847: 377–379].

Все упомянутые отрывки песен «Гесера» на *тодо бичг* («ясное письмо») были получены авторами в Калмыцкой степи, что указывает на популярность этого сказания среди калмыков в XVIII–XIX вв.

Перевод Б. Бергмана был широко известен исследователям «Гесера» по всему миру. В предисловии к своему немецкому переводу эпоса «Гесер» Я. И. Шмидт пишет, что Б. Бергман в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» предоставил перевод на основе калмыцкого оригинала [Schmidt 1839: VII] и что имени *Буйдонг* в версии Б. Бергмана соответству-

ет *Буйдонг* из монгольской версии, переведенной им; имени ханши Альмур — Ашу Мерген, а Сяхли — Санглун [Schmidt 1839: VII–VIII].

Кроме того, Я. И. Шмидт пишет, что слово «хошочи», которое Б. Бергман перевел как «безрассудный» или «отчаянный», имеет значение «командующий военным подразделением», от *хошигу* — «военное подразделение» [Schmidt 1839: VII–VIII]. Вероятно, Я. И. Шмидт был знаком с калмыцкой версией «Гесера», с которой работал Б. Бергман, так как Б. Бергман опубликовал лишь свой перевод без оригинального калмыцкого текста «Гесера», а без знакомства с текстом калмыцкого «Гесера» Я. И. Шмидт не смог бы сделать такие замечания.

Примечательно, что Е. Ф. Тимковский в первом томе своей книги «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» разместил текст двух рассматриваемых здесь песен «Гесера» на русском языке [Тимковский 1824: 280–297]. Скорее всего, они представляют собой перевод с немецкого текста Б. Бергмана. На это, в частности, указывает то, что в его тексте второй песни герои описываются как «отчаянные», определение, о котором писал Я. И. Шмидт.

Я. И. Шмидт также пишет, что волжские калмыки называют «Малым Гесером» свой вариант «Гесера», в отличие от переведенного им монгольского эпоса, которого, как он думает, уже нет у волжских калмыков, но о существовании которого они хорошо знают. Он пишет, что этот так называемый «Малый Гесер» также хорошо известен монголам; однако они считают его всего лишь восьмой главой «саги» о Гесере [Schmidt 1839: VIII].

Я. И. Шмидт сообщает, что в богатой коллекции Русской академии наук есть монгольский экземпляр [«Малого Гесера»], который — без первой книги Б. Бергмана (т. е. 8-й главы «Гесера»), начиная со второй книги «саги» (т. е. 9-й главы «Гесера»), — рассказывает о битве Гесера с пятнадцатиглавым гигантом.

Эта первая книга из текста Б. Бергмана, так называемого «Малого Гесера», — не что иное, как краткое изложение некоторых более ранних событий, повествует о воскрешении костей тридцати героев, недавно павших в войне с шарайголами, для их

повторного появления на сцене в борьбе с пятнадцатиглавым гигантом. Я. И. Шмидт пишет, что легко увидеть, что эта восьмая глава, или так называемый «Малый Гесер», относится к более позднему времени, когда героическая «сага» уже сложилась и является дополнением, лишь слабо связанным с основной «сагой» [Schmidt 1839: VIII].

Другой известный исследователь «Гесера» С. А. Козин в предисловии к своему переводу «Гесера» пишет: «Б. Бергман, опубликовавший в 1802 г. немецкий перевод двух песен Гесериады, по калмыцкому изводу, не обинуясь причислял Гесериаду к религиозным книгам буддистов. Стиль перевода Бергмана (VIII и IX песен) с особенной выразительностью подчеркивает эту его концепцию» [Козин 1935: 9].

По всей видимости, С. А. Козин считал текст «Гесера», переведенный Б. Бергманом, «изводом», что предполагает его письменную природу.

Интересно отметить, что И. С. Брагинский в своей статье говорит о том, что С. А. Козин перевел «вторую часть» Гесериады, песни 8–13, но перевод не был опубликован [Брагинский 1955: 27].

Вальтер Хайссиг в книге «Гэсэроведение. Исследования повествовательного материала в „новых“ главах монгольского цикла Гэсэра» пишет: «С открытием версии глав VIII–IX у волжских калмыков в 1802/03 г. Бениамином фон Бергманом мы получаем, однако, подсказку о времени

возникновения частей цикла монгольского Гесера. Бергман четко идентифицирует свой оригинал как „Богдо Гесер-хан. Монгольское религиозное сочинение в двух книгах“, но без записи, было ли это „религиозное сочинение“ записано монгольским или калмыцким письмом, используемым с 1648 года, которая облегчила бы датировку» [Heissig 1983: 514].

Таким образом, В. Хайссиг также не испытывал сомнений относительно письменной природы источника Б. Бергмана.

В ходе изучения перевода на немецкий язык двух указанных песен мы пришли к заключению, что Б. Бергман обладал достаточным знанием калмыцкого языка, чтобы самостоятельно осуществить письменный перевод. Перевод Б. Бергмана очень подробный, в нем сохранено множество деталей, что позволяет предположить, что перевод был сделан с письменного источника.

При сравнении перевода девятой песни, выполненного Б. Бергманом, с переводом А. М. Позднеева и ойратским текстом рукописи из фонда Калмыцкого научного центра РАН [НА КалмНЦ РАН] обнаруживается большое сходство между переводами Б. Бергмана и А. М. Позднеева, хотя перевод Б. Бергмана несколько короче и имеет ряд расхождений с переводом А. М. Позднеева. Для примера мы приводим некоторые из них ниже в таблице.

Перевод Б. Бергмана	Перевод А. М. Позднеева
33 000 миллионов обыкновенных воинов	33,300,000 войска
разбил 500 миллионов царств	подчинил себе население пяти провинций местности
Тук	Так
500 миллионов земель...	пяти провинций
Какой хан Джампутиба восстает против него?	«есть ли в этом царстве хан выше меня?!»
Центр его тела защищают четыре могучих тэнгрия.	в срединной части своего тела он снабжен (телом) четырех еретических гениев
Верхняя часть тела — восемь видов сил тьмы...	а в нижней части тела исполнен силами восьми ракшасов
Триста просторных крепостей окружают его обитель	дом, в котором он живет, — трехбашенный город
Его жена Падма Рака сияет, как золотисто-желтое солнце светит на его...	жена его — прелестная ханша, по имени Бадмарага, обладает красотой, превосходящей свет золотых солнца и луны;
«Нас не заботит отдаленность его царства».	вообще же, в силу дальности расстояния, я не узнал его как следует

Тогда герои Шумар и Нанзон молвили следующее: «Твоя речь удовлетворяет все девять желаний, посланный судьбой Властелин. Приготовившись, запрыгни на волшебного гнедого и собери героев в поход. Почему мы мешкаем?». Когда она сказала так на коленях...	Нанзан и Шумар, преклонив колена, говорят августейшему повелителю десяти стран: «О, счастливый и августейший наш, произносящий речи, способные удовлетворить девять пожеланий! О, Донроб августейший наш, преодолевающий всех злобных десяти стран! Что было бы, если бы сел ты на своего умного, гнедого коня, надел свои приготовленные, драгоценные, военные доспехи, приказал следовать за собою своим готовым тридцати богатырям, да поскорее отправился?». И с этими словами они поклонились августейшему.
---	---

При сравнении с ойратской рукописью заметно, что некоторые места в переводе были упрощены для облегчения понимания западным читателем. Например, слову *suburqan* в ойратской рукописи соответствует немецкое слово *vest*, означающее «замок». Естественно, что Б. Бергман видел в степи множество субурганов и знал о том, что это такое, но, видимо, для того чтобы сделать понятным свой перевод тем, кто

не знаком с такими реалиями калмыцкого быта и религии, он использовал переводческий прием симплификации.

Ниже приведен перевод двух песен из «Гесера» на русский язык, выполненный с немецкого перевода Б. Бергмана.

Перевод

(В сносках представлен перевод сноска из оригинального немецкого перевода)

[233⁴] Богдо Гесер-хан

Первая книга

Богдо Гесер-хан был рождён, чтобы истребить корень десяти видов зла⁵. Правящий во всех десяти небесных регионах, храбрый, как лев, Богдо уничтожил магическими проявлениями двенадцатиглавого Мангаса⁶, который намеревался поглотить все на Джампутубе, забрал Арулу⁷, возвышенную жену, и стал жить в золотом жилище двенадцатиглавого Мангаса. Арула, возвышенная супруга, вероятно, была одной из милосердных богинь, но из-за того, что ненависть наполнила её душу, [234] она смешала волшебное зелье, вручила его Богдо и произнесла эти слова: «Правитель всех 10 регионов неба, ты рождён разрушителем десяти видов зла, ты единолично преследовал и убил двенадцатиголового Мангаса, ты поселился в его золотом жилище. Радость твоей супруги [Арулы] велика. Соболаговали, мой Богдо, попробовать этого напитка». Хотя Гесер-хан обычно помнил обо всех обстоятельствах, едва он попробовал этот на-

питок, как тотчас он все забыл. Богдо провел двенадцать лет в земле двенадцатиголового мангаса. Три хана из Шарайгольского царства приблизились к золотой земле Нулум⁸, разрушили страну, рассеяли народ; но Гесер-хан не знал об этом.

Тогда три прославленные сестры правителя [Гесера] посмотрели с небес и так молвили с наполненными печалью сердцами: «Волшебное зелье Арулы сделало непобежденного побеждённым. С помощью волшебных сил Шарайгольское царство было основано Гесер-ханом, прежде чем он отправился сражаться с двенадцатиголовым мангасом. [235] Ты пришел на землю двенадцатиголового мангаса и все там забыл». Так они сказали, и написали послание на наконечнике оперенной стрелы Зесе-[Шикера], и отправили стрелу к правителю [Гесеру]. Теперь, когда правитель заметил послание на стреле, он сказал: «Это написал Зесе, мой брат». Сказав так, правитель [Гесер] вспомнил о произошедших событиях. Но Арула, возвышенная жена, сказала заботливо: «Ты болен, мой Богдо (Сиятельный)». Так молвив, она дала ему волшебное зелье. Не успел правитель попробовать напиток,

⁴ Цифры в квадратных скобках относятся к нумерации страниц в немецком издании.

⁵ Корень десяти видов зла. Этот оборот речи относится к десяти монголо-тибетским запретам, направленным именно против морального зла.

⁶ Мангас — род злых духов.

⁷ Арула — жена убитого Мангаса.

⁸ Земля Нулум, которую мы называем Шарайгольское царство, была основана Гесер-ханом, прежде чем он отправился сражаться с двенадцатиголовым мангасом.

как он снова все забыл. В царство Мангаса снова явились три прославленные сестры и произнесли с печалью следующие слова: «Верхняя часть твоего тела оберегалась всеми богами десяти областей. — Где твоя божественная жена, мой Гесер? Средняя часть твоего тела оберегалась четырьмя могучими тенгриями. Где твои тринадцать двухэтажных храмов? Где твой драгоценный талисман? Где все это, мой дорогой? Нижняя часть твоего тела чортен 88 Бурханов. — Где твоё [236] чудесное жилище, мой Гесер? Где твоё второе я — Зесе Шикер, твой брат? Где герой Шумар? Где юный Нанзон с крепкой силой? Где же 30 смельчаков⁹, где 300 героев? Где победитель восемь раз восемидесяти мангасов, старый восемидесятилетний Царгин? Где три племени широко распространившегося народа? Три хана Шарайгольского царства уничтожили все, а ты и не слышал об этом, потому что заклинание Арулы одолело тебя. Сейчас же садись на волшебного гнедого».

Когда три прославленные сестры так молвили, правитель избавился от [действия] волшебного зелья и снова вспомнил о том, что случилось. Тогда он издал львиный рык так, что земля задрожала, завертелся, как вихрь: в восемьдесят восемь раз больше золотого жилища и в три раза больше стены города. Все было уничтожено пламенем, а правитель забрал возвышенную супругу Арулу, и вскочил на волшебного гнедого, и вернулся в свою страну.

[237] Создав тысячу хубилганов, он уничтожил правителей всего Шарайгольского царства, взял божественную супругу и снова установил себя в городе с тринадцатью двухэтажными храмами и 108 просторными крепостями.

Восемидесятилетний Царгин подошел к правителю десяти областей неба в окружении дочерей и детей героев. «Вот» (сказал правитель), — «Вот и пришли мои герои». Божественная супруга ответила следующими словами: «Это приближается старый Царгин с дочерьми и детьми героев». Так она сказала, и правитель померк, встал с могучим возгласом, начал вспоминать своих героев: «Ты, ястреб

⁹ Смельчаки и герои. Для первых в оригинале стоит слово «хошучин», а для вторых — «баатур». Баатуры настолько храбрее обычных воинов, насколько хошучины храбрее баатуров.

среди людей, твое благородное сердце устремляется ко всем, мой брат, мой дорогой Зесе Шикер, где ты? А ты, орел среди людей, который, не колеблясь, как слон, отбросил все назад, ты, мой великолепный Шумар, где ты? А ты, сокол среди людей, одаренный каменным сердцем, с самого начала дал мне силы, ты, мой Буянтик, где ты? Львиный коготь правителя, подобный [238] соколу, схватившему добычу, раздавив её с силой 88 человек, мой пятнадцатилетний Нанзонг, где ты? Ты, подобный свирепому тигру, всепобеждающий Барс¹⁰, мой герой с каменным сердцем, где ты?». Так он говорил громким и чистым голосом, вспоминая исчезнувших героев, и вихрем трижды облетел по кругу стены.

Посредством облаков благовоний сын Хурмусты вновь укрепил мир и начал с этими словами: «Седлайте волшебного гнедого, украсьте его требуемыми драгоценностями. Теперь я ищу останки моих героев, так покажи мне, Царгин, место, скрывающее кости». Когда он сказал это, Царгин, склонившись, произнёс такие слова: «Моя душа была затуманена, так что я все забыл. Я достиг берега реки Хаттун, когда Зесе Шикер исчез, и я его более не видел». [239] Старый Царгин едва мог говорить со слезами на глазах, и правитель в печали едва слышал его слова. Затем правитель взошёл на поле боя героев, а Царгин направо и налево (бредя зигзагом) вел большого буланого коня позади правителя. На месте поля битвы раздавались громкие стенания повелителя. При виде костей героев Барса и Буянтика правитель упал на землю без чувств. Затем старый Царгин, видя правителя, лежащего на костях, произнес следующие слова: «Как же, Богдо! Ты лежишь на костях героев! Наполовину ты кажешься таким же безжизненным, как мертвец; наполовину ты кажешься живым, судя по твоим стенаниям. Правитель всех десяти регионов неба, очнись! Не подобает лежать на их костях». Так он сказал, и, вырывая¹¹ волосы из своей бороды, он привел правителя в чувство. Затем Гесер-хан повел взглядом туда и сюда. Он лежал по-

¹⁰ Барс. Сравнение героя с тигром, несмотря на игру слов, в оригинале более ярко, чем в переводе, потому что слово «барс» на монгольском означает «тигр».

¹¹ Versengend — буквально «подпалив». — Прим. переводчика.

среди костей героев Барса и Буянтика. Кроме того, правитель заметил две огромные кучи костей и произнес следующие слова: «Это кости несравненных героев Нанзонга и Шумара». [240] Так он заговорил и снова чуть не лишился чувств. Но душа Нанзонга стала львом, а душа Шумара — слоном, и правитель вернулся к жизни. Глядя на слона и льва, правитель издал громкий возглас и, обнимая слона и льва, поблагодарил богов всех десяти регионов, и, рыдая, он произнес следующие слова: «Вы, мои несравненные герои! Вы, Нанзонг и Шумар, — моё второе „я“! И ты, мой брат, дорогой Зесе Шикер! И ты, яростный среди множества людей, бушующий Барс! С раннего детства вы давали мне силы. Ты был светильником, освещающим ночь, дорогой Буянтик, и вы, все мои герои, и вы, мои священники, и мой народ, вы стояли непоколебимо, как скала. Правда, я — правитель Богдо, но в то время, когда я победил двенадцатоголового мангаса, я сам был побежден волшебным зельем Арулы». Так он говорил ясно и громко. Как на небесах синий дракон посылает гром на землю, так же звучали стенания правителя. Затем души героев, приняв вид слонов, тигров и волков, трижды обошли вокруг правителя, плача. [241] Три прославленные сестры правителя, услышав стенания, покинули жилище Хурмусти и произнесли следующие слова: «Богдо Гесер-хан был рожден, чтобы уничтожить корень десяти видов зла, чтобы править во всех десяти областях неба. Теперь его окружают души героев. Снова и снова видит [их], и увеличивается его горе. Снова и снова думает о [них], и преумножаются его стенания. Кости героев, наваленные друг на друга, окружают правителя, словно стены. Воды реки Хаттун протекают сквозь кости шарайгольских ханов».

Затем три прославленные сестры так [обратились] к правителю: «Милый брат! Не приличествует тебе стенать так постоянно. Так плачут лишь женщины». Так они молвили, и правитель всех десяти областей оставил слона и льва и начал [свою речь] следующими словами: «О, мои прославленные сестры, я оставил небесное царство по приказу Шагджамуни и по слову моего отца Хурмусти. Я отринул свои тело и кровь, тело с великими качествами, и спустился на землю во плоти. Но сколько [242] спутников меня сопровождало тогда? Сколько

сопровождает меня теперь?». Так он произнес с новым плачем, и три прославленные сестры ответили: «Дорогой брат, не горюй! Не подобает тебе так жаловаться. Теперь мы возвращаемся к Хурмусте, твоему отцу, и скажем ему: „Судьба не допустит, чтобы души тридцати героев покинули жизнь правителя. То, что они всегда дают ему силы, решено самой судьбой“».

Когда три сестры поднялись наверх к Хурмусте, предводитель преисполнился радости, и, видя, как дух оживляет его героев, он вспомнил всех богов и наслаждался благословенной пищей. Но, когда три прославленные сестры приблизились к Хурмусте, они молвили следующие слова: «Мы трое спустились вниз на землю, чтобы утешить нашего брата. Пока наш брат находился с величественной супругой Арулой в земле двенадцатоголового Мангаса, пришли разоряющие всё три хана Шарайгольского царства, разрушили великолепный храм и украли из золотого дворца дарующий жизнь талисман и божественную [243] супругу правителя, а тридцать героев были все убиты. Когда наш дорогой брат вернулся из земли Мангаса обратно, он преследовал врагов и достиг желанной цели. Теперь он вернулся в свою страну и в печали лежит на костях героев. Мы втроем тщетно пытались утешить его. Мы произнесли эти слова, чтобы доложить вам об этом». Тогда Хурмуста открыл Книгу судьбы, называемую «Найман Донгли», и начал читать следующие слова: «Гесер-хан со своими героями был отправлен по воле судьбы из царства тенгриев, но судьба запретила его героям умирать прежде своего правителя. Прежде Гесер-хан, верша свое дело, девять раз победил трех мятежных богов, которые однажды победили его на земле». Так сказал Хурмуста и предстал в окружении тенгриев пред ликом Шагджамуни и, поклонившись, произнес следующее: «Учитель богов! Тридцать его героев были отправлены посланниками на Землю. Его задание было выполнено, но, стеная, лежит Вершитель деяний на костях героев. Эти три [244] девы были с ним и принесли мне эти вести. Услышав это, я пришел, чтобы коленопреклоненно доложить вам об этом». После этих слов с благосклонной улыбкой Учитель богов начал с этих слов: «Почему же тогда Вершитель деяний ещё не пришел сюда? Прежде чем

свершить это самое дело, он победил девять раз трех мятежных тенгриев. В то время три тенгрия так сказали ему: „Хотя ты победил нас девять раз, но один раз победим мы, когда мы трое примем рождение в виде трех могучих ханов, и тогда один раз мы обречем победу над тобой“. — Силой прежнего благословения это сбылось. Тогда взял учитель богов аршан из чёрной патры¹² всех 1 000 Бурханов, налил его в бумбу¹³ и, протянув чашу Хурмусте, произнес следующие слова: «Отправьте этот аршан Вершителю деяний [со словами]: „Если одну каплю этого аршана капнуть на кости героев, [245] тогда их кожа и их плоть снова обретут силу; если он прольет вторую каплю на восстановленное тело, тогда они снова обретут жизнь и душу. Если он прольет третью каплю, то они снова полностью воскреснут“». Так молвил Учитель богов и затем начал говорить вновь: «Если это произошло, то необходимо ещё один раз дать выпить этот второй аршан, чтобы вернуть обратно в тело потерянного духа-хранителя вместе с пятью великими качествами (махамуд) и полностью обновить его». Так молвил Учитель богов и протянул аршан Хурмусте; Хурмуста взял аршан, передал его трем прославленным сестрам со следующими словами: «Так поговорите с Вершителем деяний о вашем деле: „Что случилось с тобой? Верхнюю часть твоего тела оберегают боги десяти областей, среднюю часть твоего тела защищают четыре могучих тенгрия, нижнюю часть тела — 88 могучих Бурханов. Над поясом властвуют 80 богинь, Богдо Гесер-хан! Ты правишь во всех десяти регионах неба, ты — творение Хурмусти! Если бы ты всегда был со своими [246] героями, тогда бы тебе не пришлось сожалеть об их смерти“. Так поговорите с Вершителем деяний о его деле».

Когда Хурмуста так молвил, три прославленные сестры взяли аршан и спустились с небес с сильным громом, как будто бы вызванным двадцатью драконами. Когда правитель услышал этот шум, молвил следующее: «Вы, мои три прославленные сестры, что может означать ваш радостный ответ? Верно, мои тридцать героев возвра-

щаются к жизни». Так он сказал, и старый Царгин ответил, обнажая свою голову, следующими словами: «Ты правишь во всех десяти регионах небес, разрушая корень десяти видов зла! Пред тобой склоняюсь девять раз со сложенными [у груди] руками! Пусть будет так в соответствии с твоей возвышенной речью! Пусть мои пожелания принесут мне радость! Пусть силой твоего благословения враги твои будут растоптаны под пятками твоих ног». Затем подошли три богини, и правитель десяти областей неба сказал следующие слова: «О, мои прославленные сестры, достигнута ли цель вашего путешествия?». [247] Так он спросил, и богини ответили следующее: «Мы бы не вернулись обратно, если бы мы ещё не достигли своей цели».

Когда Гесер-хан услышал такие речи, он обнажил свою голову, чтобы поклониться перед тремя богинями, но три богини произнесли следующее: «Не подобает тебе, дорогой, преклоняться перед нами». Так они говорили, и Гесер-хан ответил следующими словами: «Мягкие, как свет солнца, вы освещаете лучами все существа! Подобно Оточи Бурхану, появляетесь перед ними! Где бы я ни был, вы всегда следуете за мной тенью! Словно драгоценный талисман, вы способны исполнить все желания». Когда он склонился и, молвив так, сел на золотом троне, три прославленные сестры произнесли следующее: «Так сказал Учитель богов! „Судьба запретила его героям умирать раньше правителя. Когда Вершитель деяний, спустившись на землю, победил трех тенгриев девять раз, судьба решила, что три тенгрия в будущем смогут [248] нанести поражение один раз“. — Учитель богов продолжил далее: „Если ты брызнешь одну каплю этого аршана на кости героев, то их кожа и плоть снова обретут силу. Если ты брызнешь вторую каплю на восстановленные тела, тогда они снова обретут жизнь и душу. Если ты брызнешь третью каплю, то они снова полностью воскреснут“. Так молвил Учитель богов и пожаловал этот напиток аршана, который возвращает духа-хранителя души с пятью великими характеристиками тела». Когда правитель десяти регионов услышал эти слова, его десятикратно святая душа была наполнена солнечными лучами радости. «Речь Хурмусти — истинная правда, — сказал правитель, — Омрачённый

¹² Бадир — священный сосуд, с которым всегда изображен первый из Бурханов.

¹³ Этот кувшин (бумба) используется для хранения святого аршана из шафрановой воды.

магией Джампутиба, я был побежден, мои крепости были уничтожены; все из-за того, что я в течение семисот лет не помнил речь Шагджамуни, услышанную от отца. Совершенно истинна речь Хурмусты». Затем Гесер-хан встал, поклонился девять раз по девять перед Учителем богов и девять раз перед Хурмустой, своим отцом, и взял [249] святой аршан. Теперь же он пролил первую каплю на кости героев, чтобы дать силу их коже и плоти. Когда он пролил другую каплю, их тела и души были обновлены. Когда же он пролил третью каплю, они снова полностью воскресли, поднялись с земли и приняли позу молитвы. Они выпили второго аршана, и потерянный дух-хранитель вернулся обратно. Как будто они вернулись из путешествия домой, все тридцать героев встали и приблизились к правителю, и снова правитель со львиным рыком произнес следующее: «Из царства Хурмусты вы были отправлены со мной как мои спутники». Затем пришел Шумар, ястреб среди людей, а также пятнадцатилетний Нанзонг и Буянтик, знающий шесть языков, со всеми тридцатью героями и, ухватившись за кончик платья правителя, произнес следующие слова: «Правитель десяти регионов неба! Разрушитель корня десяти видов зла! Ты силен, как четыре пояса горы Сумеру! Ты властвуешь над всеми живыми существами, могучий Богдо! Когда ты увядал с Арулой, возвышенной супругой, в землях двенадцатоголового [250] Мангаса, приблизились три хана из Шарайгольского ханства. Зесе Шикер, твой брат, и все тридцать героев отпавились против вражеских полчищ. Завязалась храбрая битва, храбрые воины были захвачены в плен. Тогда злобный принц Цотон вернулся от врага и обманул нас всех, но Зесе Шикер так сказал нам: „Разве вы не видели, как Цотон пошел к врагу? А теперь он вернулся и говорит обманчивые слова“. Так он сказал, и мы разошлись, все из-за обмана Цотона. Беду, вызванную Цотоном, невозможно передать словами. Когда правитель удалился, с нами все еще оставался Зесе Шикер. Не жалея своих жизней, мы вступили в гущу битвы и разрубили врагов до земли. Но количество врагов было велико, и мы не могли убить их всех. Говорят: „Давайте будем беречь свою жизнь“. Но бегство от врага покроет бесчестьем героев на тысячу лет. Не заботясь о своей жизни,

мы все искали смерти. Теперь мы снова вернулись при помощи божественных сестер, благодаря Хурмусте, благословению божественного Учителя, [251] и благодаря тебе, правитель десяти регионов неба, мы снова воссоединились с тобой. Оставь же сейчас, правитель, плач».

Когда они говорили так на коленях, правитель преисполнился радости. «Но где же серый полосатый тигр, где падающий сокол, где синий дракон, посылающий молнии в небе, где ястреб среди людей, Зесе Шикер, мой старший брат?». Так он сказал, вспоминая о своем брате, и три раза издал крик, потрясший мир. Правитель собрал воскресших героев с тремя племенами людей, и праздник радости гремел, как море. Клубились облака благовоний, и два сияющих цветка линго проросли из земли. Никакие глаза не могли смотреть на них днём. Ночью они служили вместо светильников. Одетые в нетленные одежды, герои склонились перед правителем. По окончании трех месяцев радостных празднеств все вернулись домой. Львиная сила правителя воскресила героев. Все было завершено, а Богдо Гесер-хан жив, спокоен и счастлив.

[252] Богдо Гесер-хан. Вторая книга

Богдо Гесер-хан, правящий во всех десяти направлениях неба над духовенством, подобно солнцу, а над людьми, как скала. В земле Докуртиб¹⁴ правил Андулман-хан, обладавший чудесным телом с сотней рук и сотней глаз и совершенной дьявольской силой. Центр его тела защищали четыре мятежных тэнгрия. Верхняя часть тела была защищена восемью видами сил тьмы. У него насчитывалось 71 воплощения-хубилгана. Его приказам подчинялись 360 смельчаков, 3 000 героев и 33 000 миллионов обыкновенных воинов. Его желто-пегий конь был силен, как тринадцать драконов. На берегах земли Тук [253] он разбил 500 миллионов царств и послал князей местных жителей к Богдо Гесер-хану, чтобы передать ему эти слова: «С земли Докуртиб пришел Андулман-хан. Который из ханов Джампутиба поднимется против него? Мы те, кто был им побежден и подчинился ему. Ему подчи-

¹⁴ Докуртиб. Монголы располагают вокруг горы Сумеру четыре основных и восемь второстепенных регионов мира. Последний регион, который населен мангасами, – это Докуртиб.

няются 3 000 героев. Его желто-пегий конь силен, как тринадцать драконов. До его царства в Докуртибе нам пришлось путешествовать пятнадцать лет».

Когда он так сказал, он дал каждому из трех князей и каждому из 300 спутников по 100 лошадей и сказал: «Путешествуя днем и ночью, вы достигнете царства через три года и вернетесь обратно через три года, но затем вам потребуется еще девять лет, чтобы приехать в мою страну».

По прошествии трех лет посланники добрались в землю Правителя и, приблизившись ко дворцу на расстояние, с которого может быть слышен голос, сделали девять по девять раз поклонов до земли. Люди увидели незнакомцев и сказали: «Из какой страны приехали эти незнакомцы?»

[254] Тогда Гесер-хан послал гонца, и чужестранцы так сказали гонцу: «Нас отправил Андулман-хан с берегов земли Тук к властелину десяти областей небес. Наши князья отправили следующее послание: „Из земли Докуртиба пришел Андулман-хан с 3 000 героями и 33 миллионами обычных воинов, они завоевали наши 500 миллионов земель. Какой хан Джампутиба восстанет против него? Мы, побежденные, подчинились ему“. Так [Андулман]-хан сказал, вернувшись домой, и послал гонцов в эту область». Как только гонцы точно передали Правителю [Гесеру] приказ своих ханов, Правитель собрал своих героев и обратился к ним со следующими словами: «Вы, наверное, слышали, что Андулман-хан покинул земли Тук как победитель. Как думаете, что нам теперь делать?» Смеясь, Шумар-герой ответил следующим образом: «Воистину мы слышали действительно прекрасные речи».

Когда он так говорил со смехом, мудрый Буянтик рассудительно молвил: «Почему, [255] мой Шумар, ты всегда смеешься? Пусть сначала говорит Правитель, мы выскажемся после». После того, как Правитель все обдумал, он сказал: «Как вы, мои герои, знаете, в царстве Докуртиб живет пятнадцатиголовый Андулман-хан с сотней рук и сотней глаз. Центр его тела защищают четыре могучих тэнгрия. Верхняя часть тела — восемь видов сил тьмы. У него насчитывается 71 воплощение-хубилган. Его желто-пегий конь силен, как тринадцать драконов. Триста просторных крепостей

окружают его обитель. Его жена Падма-Рака сияет, как золотисто-желтое. Нас не заботит отдаленность его царства».

Тогда герои Шумар и Нанзон молвили следующее: «Твоя речь удовлетворяет все девять желаний, посланный судьбой Властелин. Приготовившись, запрыгни на волшебного гнедого и собери героев в поход. Почему мы мешкаем?».

Когда он сказал так на коленях, Правитель, улыбаясь, начал [со следующих слов]: «Орёл [среди] людей, мой Шумар, подожди! Ты, мой Нанзонг, с могучими орлиными крыльями, подожди! [256] Давайте подумаем, сколько воинов нам нужно».

Так он молвил, и, [стоя] справа на коленях, знающий шесть языков Буянтик начал со следующих слов: «Давайте отправим десять посланников и с каждым посланником десять миллионов всадников; и пусть они идут по своему пути днем и ночью. С собравшимися господами следуйте своему пути». Так он сказал, и правитель одобрил [его] речь.

Затем Шумар-герой повесил на сверкающий панцирь черный тяжеловесный лук вместе с колчаном с восьмьюдесятью восемью широкопёрыми стрелами, повесил сбоку меч длиной в девять сажений, сел на вороного коня и, приблизившись к Правителю, произнес следующие слова: «Наводящий ужас Правитель, я пойду против пятнадцатиголового Мангаса один. Он завоевал пятьсот миллионов наших стран, почему же мы мешкаем?».

Так он молвил, и правитель ответил так: «Храбрый Шумар, ты сказал совершенно верно».

Другие герои тоже в свою очередь вооружились, и войско правителя собралось. [257] Богдо услышал шум и сказал: «Андулман-хан пришел с войском».

Так он сказал, и Шумар-герой ответил: «То, что я думал, случилось». Сказав так, он достал свои меч длиной в девять сажений из своих ножен и поспешил на вороном коне. Но Правитель присмотрелся и узнал своих воинов. Тогда Буянтик приблизился к стремительному Шумару и сказал: «Ты ринулся, как яростный тигр!».

Шумар услышал голос Буянтика и, громко смеясь, придержал своего вороного коня. Тогда Нанзонг сказал следующие слова: «О, Шумар, сначала мы найдем во-

йско Андулман-хана, а потом мы можем смеяться».

Пока они смеялись, собралось множество людей, тридцать отчаянных, Нанзонг и Шумар приблизились к Правителю и на коленях произнесли следующие слова: «Правитель десяти областей неба! Может быть, пятнадцатиголовый Андулман-хан и насчитывает 71 хубилган, но боги подарили тебе тысячу хубилганов. Так кто же может победить нас? Не нужно великое [258] количество воинов. Уже только твоих трехсот героев достаточно».

Так они молвили. Правитель одобрил речи Шумара и Нанзонга и обратился к Буянтику со следующими словами: «Буянтик, правильно или неправильно говорят эти двое?».

На эти слова Буянтик ответил: «Правитель десяти областей неба! Ваша светлость может решить сама».

После этого правитель приказал вернуться войскам обратно и приготовиться собраться в поход. Пока герои собирались в поход, Правитель намерился совершить поход, который обычно занял бы двенадцать лет, за двенадцать месяцев. Он оставил восьмидесятилетнего Царгина дома заботиться о своем народе и стадах. Но теперь старый восьмидесятилетний Царгин обратился к Правителю со следующими словами: «Богдо! Может, мне и восемьдесят лет, но я хотел бы увидеть великую войну. Когда Хурмуста-тенгери отправил тебя на Джампутиб, были предвозвещены два великих сражения. Первая война была с шарайгольскими ханами. Теперь приближается вторая война. Много дней я прожил, [259] мало их осталось мне. Поэтому дозвожь, Богдо, мне пойти с тобой в бой».

Так ясно произнес старик, и правитель не мог удержаться от слез. Тогда подошел Нанзонг и сказал: «Ты всегда повиновался приказам Повелителя, почему же теперь ты поступаешь вопреки его слову?».

Старый Царгин ответил на эти слова: «Пятнадцатилетний Нанзонг, подумал ли ты обо мне? Твой восьмидесятилетний Царгин согбен старостью. Мой соловый конь едва щиплет старую траву. Седые волосы покрывают мою темя. Еще раз желаю биться я пред очами Правителя в твоей компании, мой Нанзонг».

Так говорил в слезах, и все герои плакали с ним. Тогда Богдо взял свою рубашку, и отдал её старику, и сказал: «Царгин, мой дорогой! Совершенно верно ты ведешь речи. Но ты всегда слушался моих слов, так что оставайся здесь и служи народу».

Так он молвил, и старый Царгин ответил следующее: «Совершенно верно ты сказал, Богдо. Когда я был молод, я всегда исполнял твои приказы, как же может теперь старый [260] Царгин нарушить их? Мои кости иссохли. Моя черная кровь застыла в моих венах. Возраст согнул меня. Я лишь хотел вступить в битву, чтобы умереть на твоих глазах. Ты говоришь: „У тебя нет сил, Царгин! Остайся!“ Так как мои силы исчерпаны, я остаюсь».

Так ясно молвил старик и ушел с глаз Правителя. Однако, когда правитель начал поход против пятнадцатиголового мангаса, он сказал Улану и Буянтику следующее: «Отправляйтесь вперед. Но когда вы придете на вражескую землю, тогда скажите так: „Гесер-хан, правящий Джампутибом, наступает со своими армиями, чтобы отделить от тела все пятнадцать голов мангаса одну за другой“».

Так он сказал, а Улан и Буянтик радостно сели на коней и достигли вражеской земли. Оба напали на белый табун хана, увели 11 000 белых лошадей и с грохотом, так что земля под ногами задрожала, они унеслись с лошадьми прочь.

Когда Андулман-хан заметил дрожь земли, он сказал: «Кто бы это мог быть, [261] кто пришел? Ко мне не осмеливается подойти ни одно существо на земле. Это прибыл Хурмуста».

И пришли пастухи и доложили следующее: «Пришли грабители и забрали 11 000 белых коней».

«Насколько сильно (спросил Андулман-хан) было войско?».

Пастухи ответили: «Сначала мы подумали, что их было более 10 000, и только затем мы узнали, что их было двое».

Тогда хан произнес эти слова: «Наверное, это князья, присланные злодеем Гесером». Так он рек, а затем обратился к героям Архаю и Шархаю: «Возьмите 1 000 воинов и скорее отправляйтесь в погоню за бегающими. Но не убивайте их. Приведи их сюда живыми, а табун пригоните обратно».

Когда он так сказал, Архай и Шархай и 1 000 воинов погнались за героями.

Тем временем Улан и Буянтик с табуном достигли вершины Львиных гор и, выбрав одну лошадь, зарезали её. Затем оба, склонившись перед Правителем земли, [262] помолились. Буянтик, услышав громкий шум, сел на лошадь и посмотрел вниз с вершины Львиных гор. Когда он увидел героев Архая и Шархая с 1 000 воинов, он сказал следующее: «Улан, садись на свою лошадь! Враги рядом».

Громко смеясь, Улан вскочил на лошадь и таким же образом оглянулся вокруг. Затем Буянтик сказал: «Если мы не победим, Улан, наши имена будут опозорены!» Когда он так сказал, Улан ответил: «О, дорогой Буянтик! Как можем мы не осилить эту кучку!». С этими словами он стегнул своего коня кнутом, обнажил свой черный стальной меч и с громким криком, вращая красными глазами¹⁵, он с грохотом понесся туда. Буянтик также стегнул своего коня кнутом и с грохотом поскакал. Тогда мужество героев Архая и Шархая испарилось. Улан и Буянтик воззвали к духу-защитнику Правителя. Буянтик так ударил героя Архая, что его голова, вращаясь, улетела вместе со шлемом. Улан одним ударом [263] меча отрубил обе руки героя Шархая. Но Буянтик сказал: «Нет, мой Улан, не убивай его!». После этих слов он одним взмахом своего меча срубил 1 000 воинов.

Затем они расспросили героя Шархая, и Шархай-герой доложил то, что ему приказал Андулман-хан, а затем произнес следующее: «Вы, два небожителя, благоволите оставить меня в живых, молю вас». Тогда Буянтик так ответил: «Не подобает нам слышать такие слова, они уместны только по отношению к Правителю десяти областей. Оставим ли мы тебя в живых или нет, теперь это зависит от нас. Сейчас возвращаясь обратно и так скажи хану: „Наводящий ужас Гесер-хан, правящий Джампутибом, приближается со своим войском, чтобы одну за другой срубить все головы пятнадцатоголового Андулман-хана и править его народом. Мы оба лишь слуги нашего хана и посланы сказать тебе эти слова“».

Так они сказали, и привязали обрубки рук к ремню героя, и отправили его обрат-

но. Шархай-герой приблизился к [264] Андулман-хану и доложил следующее: «Мы думали, что будем биться с двумя людьми, но, ведя битву, мы думали, что их будто бы больше чем 10 000. Я был побежден и отправлен с этим донесением: „Ужасный Гесер-хан, правящий в Джампутибе, приближается к пятнадцатоголовому Андулман-хану, чтобы одну за другой отделить от тела все пятнадцать голов и править его народом“. Так меня послали передать вам эти слова».

Когда он так сказал, Андулман-хан всплеснул руками и произнес следующее: «Два героя, отправленные с тысячей воинов, были побеждены двумя людьми, а один воротился без рук и ног!». Сказав это, он убил Шархая-героя.

В этот момент Андулман-хан ударил в большой барабан и собрал все войско. Затем Андулман-хан ударил в малый барабан и собрал избранный отряд войска. Сам он встал среди своих трех тысяч героев и сказал: «Все вы, наверное, знаете, что надвигается злобный Гесер. Двое из его людей украли 11 000 наших белых [265] лошадей. Я отправил в погоню этих двоих героев: Архая и Шархая, и 1 000 воинов, но Арчай и Шархай и 1 000 воинов были убиты. 11 000 белых лошадей больше нет. Что же теперь делать?»

Так он молвил, и все герои молчали. Андулман-хан сказал: «Почему вы все молчите?». Тогда предводитель правого крыла, герой Хата-хара произнес: «Если бы мы не захватили землю Тук, то никакие враги не смогли бы приблизиться к нам. Гесер-хана сверху оберегают боги десяти областей, снизу — восемьдесят восемь могучих Бурханов. Четыре великих тэнгрия и сто восемь богинь охраняют среднюю часть его тела. Если злобный Гесер-хан действительно отправится на нас, тогда нам точно не будет покоя».

Так он молвил, и Зан-тушимэль — предводитель левого крыла и 360 смельчаков, произнес следующие слова: «Гесер-хан всегда был существом-хубилганом! Наш хан тоже. Так что без промедления необходимо сесть на коней и выдвинуться навстречу врагу». [266] Андулман-хан похвалил эти слова, сел на свою желто-пегую лошадь и, надев девятёрной панцирь из золота, выступил впереди всей армии против врага.

¹⁵ В оригинале героя зовут не просто Улан, но Улан Нидун, что значит «Красные глаза».

Улан и Буянтик прибыли с 11 000 белых лошадей к правителю Гесер-хану и доложили следующее: «Мы оба выполнили приказы Правителя и вернулись с 11 000 белыми лошадьми мангаса. Нас преследовали 1 000 воинов и герои Архай и Шархай, когда мы с ними столкнулись, мы, помолившись духу-хранителю Правителя, убили одного из двух героев вместе с 1 000 воинов. Другому же прикрепили обрубки рук к его ремню и привязали его к коню, чтобы отправить приказ Повелителя к мангасу. Затем мы вернулись обратно».

Так они доложили, и Правитель десяти областей неба сказал следующее: «Как может наш поход не увенчаться успехом, когда Улан и Буянтик благополучно вернулись! 11 000 белых лошадей — счастливый знак». Так он сказал и повелел разделить лошадей между героями.

[267] Когда герои совершили путешествие длиной в три месяца, они увидели город Андулман-хана и произнесли такие слова: «Смотрите! Это город Андулман-хана». Тогда Правитель отпустил поводья волшебного гнедого коня. Герои, исполнившись радости, отпустили поводья лошадей и последовали за Правителем.

В то время, когда Гесер-хан надвигался на своих врагов, Андулман-хан увидел, что поверхность земли покрыта сотнями тысяч миллиардов [воинов], и произнес следующее: «Как! Не под поступью ли врага трясется земля?». Так он молвил, охваченный ужасом.

Затем Гесер-хан сказал своим героям следующие слова: «Словно камень, ваши сердца, мои герои! Правда, что количество врагов велико, но, если вы устанете убивать, тогда молитесь мне — Гесер-хан обладает в десять раз большими силами и освежит вашу мощь. Даже если вы покрыты ранами, обратитесь с молитвой — Гесер-хан может исцелить ваши раны без снадобий. Если вы мучаетесь в битве, изнемогая от жажды, тогда молитесь мне — Гесер-хан даст вам напиток аршан». [268] Так он сказал, и все герои наполнились радостью и обратились [к нему] со следующими словами: «Возвышенный Правитель всех десяти областей! Ты был рожден, чтобы уничтожить корень десяти видов зла! В тебе наше утешение».

Когда они, поклонившись, так сказали, Правитель одобрил эти слова и снова сел

на коня. Доспехи Наводящего ужас с семью драгоценными камнями сияли, как солнце и луна. Через плечо висит черный тяжеловесный лук вместе со сверкающим колчаном. С левой стороны бряцает длинный стальной меч. Так Правитель надвигается на мангаса, чтобы вступить в битву. Громок, как грохот тысячи драконов, его голос. Девятицветная радуга засияла лучами на его шлеме, окруженном пятью крыльями Гаруди. Из ноздрей до неба вспыхивает божественное пламя. Его лоб подобен лику Махагалы¹⁶. Искры летят от копыт волшебного гнедого, от каждого его волоска исходит пламя. Так Правитель, держа в руке длинный стальной меч, несется на врага.

Все тридцать героев вскочили на коней, наполнившись радостью, будто они нашли вечный волшебный камень, [269] они кричат друг другу: «Будем храбры пред врагами!».

Шумар — орел [среди] людей, в сверкающем панцире, повесил по бокам черный тяжеловесный лук вместе с колчаном с восьмьюдесятью восьмью широкопёрыми стрелами и девятисаженный меч и сел на вороного коня; голос его громок, как двадцать драконов. Пятицветная радуга сияет вокруг его головы, как будто лик Очирвани. Искры летят от копыт коня. Ничего не слышит Шумар. Отпустив поводья, Шумар несется мимо Правителя на мангаса. Раньше остальных вражеских героев его узнал Хата-хара в сияющих доспехах с трехсаженным мечом в руке и поскакал к спешащему Шумару. Но, когда он увидел на лице героя сияние Очирвани, он был охвачен ужасом и не мог нанести ни одного удара мечом. Шумар же девятисаженным стальным мечом отсек голову героя вместе с его шлемом и привязал ее к хвосту своего коня. Он вытянул свой девятисаженный меч на девяносто девять сажений. Так бросился Шумар на врага [270] и каждым ударом своего меча разрубал 10 000 воинов. Оглядываясь назад, Шумар еще глубже вошел в толпу врагов.

Правитель десяти областей неба в сопровождении тридцати героев издал крик, ужасный, как тысяча его драконов. Правитель сделал свой меч длиннее на пятнадцать сотен сажений и каждым ударом срубал несколько десятков тысяч [врагов]. Гесер-хан убил более одного десятка тысяч, владею-

¹⁶ Один из ужасных богов монголов.

щий шестью языками Буянтик — 1 000 десятков тысяч; пятнадцатилетний Нанзонг — тысячу и ещё несколько десятков тысяч; герой Барс — восемь десятков тысяч; герой Улан — пять десятков тысяч; герой Орса — восемь десятков тысяч, а другие герои, срубив кто много, а кто мало, снова собрались рядом с Правителем.

Когда все собрались возле Правителя, отсутствовал только Шумар. «Где же наш Шумар? Верно, его убил Андулман-хан», — когда сказал так Правитель, герои доложили: «Шумар неохотно возвращается из вражеского войска раззадоренный. Его огромный вороной конь стал темно-коричневым, [271] а стальная броня — красной, как огонь».

Так они сказали. Тут подъехал Шумар и со смехом молвил: «Наверное, вы голодны или испытываете жажду, что собрались все здесь». Так говоря, он сел рядом с Правителем и сказал: «Не было удовольствия в моем возвращении, но я вернулся, потому что не увидел Правителя».

Тогда Правитель ответил: «Орел [среди] людей! Будто камень, твое сердце, мой Шумар! Сколько врагов, по-твоему, ты сегодня убил?».

Так молвил Правитель, и Шумар со смехом произнес: «Я убил сто одну тысячу, а затем я вернулся».

Правитель сказал: «Насколько все еще сильно сейчас вражеское войско?».

Шумар доложил: «Вероятно, вражеского войска еще осталось триста три тысячи».

Когда он так сказал, Гесер-хан произнес: «Приготовьте аршан. Когда аршан снова укрепит наши силы, мы сядем обратно на коней». [272] Все выпили аршан, и Гесер-хан ринулся на Андулман-хана, а герои атаковали вражеское войско на обоих флангах. Когда Гесер-хан приблизился к мангасу, он отрубил пять голов огромным мечом, но головы мгновенно снова восстановились.

Зан-тушимэль вырвал с корнем дерево, которое не могут обхватить пять человек, и, размахивая им туда и сюда, отбросил всех обратно. Нанзонг и Шумар, с трудом победив, убили героя.

Правитель десяти областей неба снова отрубил пять голов мангаса, но мгновенно головы восстановились. Удивленный, Правитель опустил к земле свой меч. Тогда Андулман-хан разрубил Правителя от левого

плеча до подошвы, но тело Правителя мгновенно снова восстановилось, и он произнес: «Хурмуста, мой отец, я не могу убить этого хана».

Так сказав, он стал молиться трем прославленным сестрам: «Три прославленные сестры! И вы, три могучих тэнгрия! С тех пор, как я [273] был послан моим отцом, Хурмустой, уничтожить корень десяти видов зла, не было у меня ни одного врага, подобного этому».

Три прославленные сестры услышали слова Правителя и доложили о том, что слышали, Хурмусте. Тогда Хурмуста молвил следующее: «Как Вершителю деяний, спустившемуся на Джампутиб, ему были предсказаны две великие войны. Он теперь ведет последнюю войну. Кто спустится, чтобы помочь ему?».

Так сказал Хурмуста, и три тэнгрия дали такой ответ: «Мы спустимся». Но Зесе Шикер подошел к Правителю и произнес следующее: «Правитель десяти областей уже начал биться с пятнадцатоголовым мангасом. Его сил не хватает, и сил трёх тэнгриев недостаточно, чтобы победить вражеского хана. Я пойду посмотрю, что я могу сделать. Я уже был с Правителем прежде и знаю его дела». Хурмуста ответил на эти слова: «Очень хорошо, мой Зесе. Спустись». [274] Когда Хурмуста так сказал, Гимсун обратилась к своему мужу: «Ты уже покидал меня однажды, когда Правитель десяти областей был вдали от своей страны, и теперь, когда судьба воссоединила меня с тобой, ты снова меня оставляешь! Как же я останусь без тебя? Во второй раз Злодей Цотон причинит тебе несчастье, а я снова умру».

С вершины золотой башни Гимсун бросилась на землю и, возродившись богиней, воссоединилась с Зесе. Тогда Зесе Шикер сел на серого восьмикрылого коня. Повесив на плечо сверкающий колчан, наполненный оперенными стрелами, и черный тяжеловесный лук, Зесе [надел] сияющие доспехи. Удаляясь вместе со своей супругой Гимсун, он сказал: «Особенно вы, Хурмуста, а также все остальные, пребывайте в здравии и покое. Я же отправляюсь к Правителю десяти областей неба». Так он сказал и покинул царство богов. Цзаса Шикир посмотрел во всех четырех сторонах света на расстояние пяти дней пути и, наконец, обнаружил Правителя, [275] бьющегося с мангасом. Тогда

Зесе так обратился к Гимсун, своей супруге: «Полагаю, мне не удастся приблизиться, чтобы порубить мангаса на куски. Душа¹⁷ вражеского хана находится в глазах. Если Правитель узнает обо мне, тогда его лицо омрачится».

Так сказав, он прицелился в глаза мангаса, находившегося на расстоянии пяти дней пути, и выпустил стрелу, которая пронзила глаз, в котором находилась душа. Подобно обрушивающейся горе, мангас упал со своей желто-пегой лошади.

Затем Гесер-хан произнес следующее: «Это была ваша работа, три прославленные сестры! Это была ваша работа, три прославленных тенгрия!».

Так молвив, он сдвинул волшебным кнутом уздечку желто-пегой лошади и, посмотрев, узнал стрелу. Взяв стрелу, он обнял её и произнес: «Этот [276] острый блестящий наконечник стрелы принадлежит твоей оперенной стреле, брат мой. Где ты находишься сейчас?».

Так он сказал, и Зесе Шикер отпустил поводья серого восьмикрылого коня, бросился с обнаженным мечом, и порубил, как овец, остатки вражеского войска, и рассеял их, как пепел, по ветру. Он сделал это одним ударом своего меча и повернулся к Правителю.

Теперь Правитель узнал дорогого [Зесе Шикера], мгновенно прыгнул с волшебного гнедого в объятия брата и сказал: «Дорогой брат! Враги разрубили тебя на куски. Несравненный брат, куда ты сейчас направляешься? Откуда ты пришел?».

Тогда Зесе Шикер ответил следующее: «Правитель десяти областей неба, рожденный, чтобы уничтожить корень десяти видов зла! Пока ты побеждал двенадцатиголового мангаса, пришли три разрушающие хана из Шарайгольского царства. Тогда, не жалея тела и жизни, Зесе Шикер выступил против врага. Черная кровь текла из ран. Выпив из реки Хаттун, [277] я был побежден вражескими силами. По прошествии времени силой твоего благословения я снова родился в царстве Хурмусти, тут пришли три тенгрия и сказали следующее: „Внизу в

Джампутебе Правитель со своими героями ведет изнурительную битву с пятнадцатиголовым мангасом“. Когда я услышал эти слова, я оставил тенгриев и обратился к Хурмусте: „Дайте мне это дело, помочь брату“».

Так он молвил, и Правитель десяти областей неба и Зесе Шикер издали крик, который три раза перевернул мир, но Правитель десяти областей неба и Зесе Шикер вернули землю обратно на свое место. Тогда Нанзонг и Шумар подошли, и оба обняли Зесе.

После победы над пятнадцатиголовым мангасом все его люди, его жена Падма Рака были захвачены. Тогда сказал Шумар-герой: «Я возьму эту женщину в жены».

Пятнадцатилетний Нанзонг в ответ возразил: «Шумар, я младший брат, я бы предпочел, чтобы эта женщина стала моей женой».

[278] Но Шумар сказал: «Проси у старшего брата, чего ты хочешь, только не эту плененную женщину, в противном случае могут возникнуть омрачающие душу мысли».

Тогда Зесе Шикер встал и произнес следующие слова: «Во-первых, я — тот, кто убил Андулман-хана. Во-вторых, я — старший брат, и поэтому имею право взять эту [женщину] в супруги».

Так он молвил, и Шумар ответил следующее: «Ты всегда заботишься лишь о своей славе, Зесе. Тем не менее оставь эту женщину либо старшему, либо младшему».

Тогда Правитель встал и сказал следующее: «Какое вы имеете право требовать эту женщину? Если она должна принадлежать кому-то, то либо мне, либо Зесе Шикеру, [моему] брату».

Так он молвил, и его великий стальной меч сам собой высунулся наполовину из ножен. Тогда Правитель спросил: «Почему этот меч высунулся из ножен? Такое случилось, когда я убил двенадцатиголового мангаса. Такое случилось, когда я убил трех шарайгольских ханов. Такое случилось, когда я снес головы Андулман-хана. [279] Это случилось снова, и вынуждает меня отрубить голову этой женщине».

Так сказав, он обнажил свой великий стальной меч и отделил голову женщины от тела. Тогда Зесе Шикер спросил: «Почему ты убил эту женщину?».

¹⁷ Монголы и калмыки называют жизнь и душу общим термином «амин» (монг. амин, калм. эмн). Этот термин мало отличается от двух латинских выражений «animus» и «anima».

Повелитель десяти областей неба ответил: «Зесе Шикер, ты не знаешь почему? Когда этот стальной меч вылезает из ножен сам по себе, это всегда подразумевает голову злодея. Исследуй это дело, и тогда ты увидишь это сам».

Так он сказал, и Зесе Шикер, вскрыв тело ханши мечом, обнаружил пятнадцатоголового мальчика-шумнуса, чей возраст был уже девять месяцев. Тогда Зесе Шикер сказал: «Правитель десяти областей неба! Сколько вреда он причинил бы!».

Затем мальчик был уничтожен пламенем, они сожгли пятнадцатоголового Андуман-хана, спалили город и захватили людей. Гесер-хан же взял своего брата и множество людей. Они уже проделали пятнадцатидневное путешествие от места, где Зесе Шикер убил пятнадцатоголового мангаса, спустившись с неба, [280] когда они увидели приближающихся божественную ханшу Альмур, многие тысячи спутников, включая старого восьмидесятилетнего Царгина и старого Сякля, разделенные на три группы. Тогда к Правителю обратился брат Зесе Шикер: «Приближается божественная ханша, я поспешу вперед на встречу к ней».

Так он сказал, и Правитель ответил: «Правильно, мой Зесе, скачи вперед на встречу к ней». Зесе Шикер быстро отправился вперед с Нанзонгом, и весь народ был наполнен радостью, потому что увидел Зесе, и [они] сказали следующее: «Правитель едет впереди». Но старик Царгин ответил: «Что вы там говорите? Повелитель определенно не едет впереди. Возможно, это Зесе Шикер приближается». Когда он так сказал, божественная ханша [произнесла]: «В самом деле старый Царгин сказал совершенно верно, это — Зесе Шикер, скачущий на крылатой серой лошади».

«Где! Где!» — закричал старый Царгин, подстегнул своего большого буланого коня кнутом и, поспешив к Зесе Шикеру, произнес: «О, дорогой Зесе Шикер! Откуда ты так неожиданно появился? Крепок ли ты и здоров?». [281] Так он сказал, и, улыбаясь, Зесе Шикер подъехал к старику, поднял его на свою лошадь и обнял. Тогда старый Царгин произнес следующие слова: «Ты, как яростный тигр, спускающийся с вершины горы. Ты, как расвирепевший морж в глубине моря. Эй, дорогой Зесе, куда ты торо-

пишься? Откуда ты идешь? Отправившись на трёх шарайгольских ханов, ты отдал свою жизнь и теперь возвращаешься к своему Правителю, могучий Зесе».

Так он сказал, и все они приблизились, но князь Цотон [подошел] последним. Когда Зесе увидел его, он сказал: «Это пустые речи, что остальные думали обо мне, лишь Цотон и только Цотон действительно вспоминал обо мне».

Когда Зесе так сказал, остальные ответили: «Это верно!». Но князь Цотон промолчал. Повелитель десяти областей неба отправился обратно вместе с братом Зесе Шикером в свою землю, в город тройных двойных храмов¹⁸ и ста восьми просторных крепостей. Там, в огромном дворце, был устроен радостный пир, и благородный Зесе Шикер, опорожнив двадцать чаш водки, заметил князя Цотона. [282] Зесе Шикер произнес эти слова: «Правитель десяти областей неба! Цотон внес смуту в умы священников и народа. Он уничтожил благородного Зесе, привел священников и народ в шаткое положение, опечалил душу Правителя и разрушил все. Черна, как сажа, твоя душа, злобный Цотон! Подчиняясь трем нечестивым ханам, ты бросил Правителя и отнял мою жизнь и тело. За этот причиненный вред я съем твою плоть».

Когда он, так говоря, обнажил свой меч, Цотон был охвачен ужасом. «О, горе мне, Правитель!». Так закричав, он спрятался под кроватью.

Тогда Правитель произнес следующие слова: «Дорогой Зесе, не убивай злодея! Если ты убьешь его, что же нам останется? Если его лишить жизни, ты больше не победишь десять видов зла».

Так он молвил, и Зесе Шикер произнес следующие слова: «Правитель десяти областей неба, все десять зол наполняют злодея Цотона. Я никогда не видел, чтобы он был впереди в бою. Разрушение золотого жилища — это его работа. [283] То, что ты потерял божественную супругу, — это его рук дело. То, что я, расставшись с Правителем десяти областей, потерял жизнь и тело, —

¹⁸ Нем. dreifach gedoppelten Tempels. Возможно, здесь ошибочно написано dreifach 'тройных' вместо dreizehn 'тринадцать'. В переводе А. М. Позднеева: он построил тринадцать драгоценных храмин. — прим. переводчика.

его работа. Ты, зловредный Цотон, предал тридцать героев, обманул священников и народ и рассеял всех нас. Согласно воле трех шарайгольских ханов ты принес нам всем несчастье, зловредный Цотон. Как я могу забыть твои преступления?»

Так говоря, Зесе Шикер встал, и князь Цотон снова лишился чувств¹⁹.

Тогда Правитель десяти областей неба сказал: «Мой Зесе Шикер, подожди! Не подобает его убивать. Дух Цотона поддерживает нас, даже когда мы спим, напоминает нам, когда мы забыли, и позволяет нам сейчас наслаждаться едой. Ничего бы не произошло без Цотона. Зловредный Цотон — один из тысячи моих хубилганов. Без силы моего благословения Цотон, чей ум черен, уже давно был бы уничтожен. Почему я всегда его спасал, теперь вы увидите сами».

Когда народ ушел, Правитель сказал: «Подойди, Цотон!». [284] Так он молвил, и князь Цотон подошел, упал и предстал пред

¹⁹ В оригинале сказано: «Он лежал посередине, между бодрствованием и небодрствованием».

Заключение

1. Предположительно причина, по которой Б. Бергман перевел название двух песен «Гесера» как «Богдо Гесер-хан. Монгольское религиозное сочинение в двух книгах», заключается в том, что название включало в себя слово «судур» или «цадиг», подобно тому, как в случае с «шойтеровской» рукописью об Андулма-хане.

2. Мы предполагаем, что Я. И. Шмидт был знаком с письменным текстом калмыцкой версии «Гесера», с которой работал Б. Бергман. Я. И. Шмидт пишет о том, что Б. Бергман неверно перевел слово «хошо-

ликом Правителя, и Правитель десяти областей неба стал одним с князем Цотоном. Тогда Зесе Шикер понял это и произнес: «Какой же ты счастливый человек, что правитель защищает тебя!». Так сказав, он вложил свой меч обратно в ножны.

Затем Правитель десяти областей даровал Зесе желто-пегую лошадь мангаса, которая обладала силой тринадцати драконов. Девятерной панцирь мангаса он отдал герою Шумару. Большую серую лошадь Зан-тушимэла он дал старому Царгину, а красный, как пламя, панцирь — пятнадцатилетнему Нанзонгу. Точно так же он сделал подарки всем другим героям. После того, как все это было сделано, наводящий ужас Гесер-хан стал жить в золотой земле Нулум, в своем внутреннем дворце, в соответствии с образом святого тэнгэри, умиротворенно и счастливо.

Повелитель десяти областей неба, наводящий ужас Богдо Гесер-хан уничтожил корень десяти видов зла, победил пятнадцатоголового мангаса, вернул брата Зесе Шикера и осчастливил все существа.

Книга завершена.

чи» как «безрассудный» или «отчаянный» вместо «командующего военным подразделением». Такое замечание возможно только в случае, если Я. И. Шмидт был знаком с письменным текстом, с которого Б. Бергман сделал перевод.

3. При сопоставлении русского перевода девятой песни «Гесера» А. М. Позднеева и немецкого перевода этой же песни Б. Бергмана обнаруживается большое сходство между переводами Б. Бергмана и А. М. Позднеева. Это также поддерживает гипотезу о письменной природе оригинала песен «Гесера», переведенных Б. Бергманом.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Geser boqdo xānituujī // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Шифр С(Калм) Г431, 12500.

Литература

Брагинский 1955 — Брагинский И. С. Об изучении эпического творчества народов Советского Востока (Гургули и Гэсэр) // Советское востоковедение, 1955. № 3. С. 18–35.

Sources

Geser boqdo xāni tuujī: The Story of King Geser the Great. At: Kalmyk Scientific Center (RAS). Archival call number: C(Калм) Г431, 12500. (In Oirat)

Козин 1935 — Козин С. А. Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 245 с.

- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 176–202.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов, Тумурцерен 1982 — *Неклюдов С. Ю., Тумурцерен Ж.* Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. М.: Наука, 1982. 373 с.
- Өөрд Геср — Өөрд Геср. Шинжэнэ өөрдирин баатрлыг дуулвр (= Ойратский Гесер: Героический эпос синьцзянских ойратов). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 210 с. (На калм. яз.)
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Калмыцкие сказки VII (Текст и перевод) // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. Т. IX. С. 41–58.
- Попов 1847 — *Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1847. 390 с.
- Тимковский 1824 — *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть первая: Переезд до Пекина. СПб.: Тип. мед. департ. Мин-ва внутр. дел, 1824. 388 с.
- Хундаева, Бадмацыренова 2016 — *Хундаева Е. О., Бадмацыренова Д. Б.* Текстология списков о Гэсэре на старомонгольской письменности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 168–172.
- Чагдуров 1980 — *Чагдуров С. III.* Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 272 с.
- Bergmann 1804 — *Bergmann Benjamin.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Dritter Theil. Riga: C. J. G. Hartmann, 1804. 302 s.
- Heissig 1983 — *Heissig Walther.* Geser-Studien Untersuchungen zu den Erzählstoffen in den «neuen» Kapiteln des mongolischen Geser-Zyklus // Abhandlugen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 69. Göttingen: Westdeutscher Verlag, 1983. 530 s.
- Schmidt 1839 — *Schmidt Isaac Jacob.* Die Thaten Bogda Gesser Chan's, des Vertilgers der Wurzel der zehn Übel in den zehn Gegenden: eine ostasiatische Heldensage. St. Petersburg, Leipzig: bei Leopold Voss, 1839. 287 + 16 s.
- Ten Countries of the World. Moscow; Leningrad, 1935. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. B. Bergmann and his work on Kalmyks and Kalmyk culture. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2020. No. 4. Pp. 176–202. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongolic Peoples: Oral and Literary Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu., Tumurtseren J. Mongolian Tales of Geser. New Records. Moscow: Nauka, 1982. 373 p. (In Russ.)
- Popov A. B. Kalmyk Grammar. Kazan: Imperial Kazan University, 1847. 390 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Kalmyk tales: part VII (text and translation). *Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva.* 1896. Vol. IX. Pp. 41–58 (In Russ.)
- Schmidt I. J. Die Thaten Bogda Gesser Chan's, des Vertilgers der Wurzel der zehn Übel in den zehn Gegenden: eine ostasiatische Heldensage. St. Petersburg, Leipzig. 1839. 287 + 16 p. (In Germ.)

References

- Bergmann B. *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803.* Part 3. Riga: C. J. G. Hartmann, 1804. 302 p. (In Germ.)
- Braginsky I. S. Koroghlu and Gesar: epic poetry of Eastern Soviet peoples revisited. *Sovetskoe Vostokovedenie.* 1955. No. 3. Pp. 18–35. (In Russ.)
- Chagdurov S. Sh. The Geseriad and Its Origins: A Comparative Historical Study of the Ancient Vocabulary. Novosibirsk: Nauka, 1980. 272 p. (In Russ.)
- Heissig W. Geser-Studien Untersuchungen zu den Erzählstoffen in den neuen Kapiteln des mongolischen Geser-Zyklus. In: Abhandlugen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Vol. 69. Göttingen: Westdeutscher Verlag, 1983. 530 p. (In Germ.)
- Khundaeva E. O., Badmatsyrenova D. B. The textual criticism of the records about Geser in the Old Mongolian writing. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2016. No. 11(65): in 3 parts. Part 1. Pp. 168–172. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Geseriad. The Tale of the Merciful Geser Mergen Khan, Eradicator of Ten Evils in

-
The Oirat Geser Tradition (Öörd Gesr): A Heroic Epic of Xinjiang Oirats. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 210 p. (In Kalm.)	Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821. Part One: Traveling to Peking. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Medical Department), 1824. 388 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 626–634, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-626-634

К вопросу о создании образа героя башкирской волшебной сказки

Гульнур Равиловна Хусаинова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, заведующий отделом

 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хусаинова Г. Р., 2021

Аннотация. *Введение.* Для языка народной волшебной сказки характерно широкое использование изобразительных средств, в том числе эпитетов, которое объясняется мировоззрением, эстетическими представлениями, определенными понятиями, сложившимися в ходе исторического развития народа, с народной философией, особенностями языка. До настоящего времени изучение художественно-изобразительных средств именно башкирских волшебных сказок специально не проводилось, в связи с чем статья посвящена вопросу изучения эпитетов башкирской народной волшебной сказки, которые придают образную выразительность языку сказки. *Целью* исследования является выявление и рассмотрение эпитетов, характеризующих главного героя сказки с разных сторон, по методике А. И. Алиевой, а также определение структурных типов эпитетов волшебных сказок башкир по методике алтайской исследовательницы М. А. Демчиновой. *Материалы и методы.* В качестве материала исследования использованы тексты башкирских волшебных сказок, опубликованные в двух книгах научного свода «Башкирское народное творчество» на башкирском языке. В работе применялись текстологический, аналитический методы исследования. *Результаты.* В процессе работы над статьей из двух книг сказок научного свода «Башкирское народное творчество» выявлены эпитеты. Основательно рассмотрены эпитеты, характеризующие главного героя: его внешность, семейное положение, социальный статус, его одежду, жилище и др. Совокупность эпитетов, характеризующих героя башкирской волшебной сказки, предстает как система. Комплексная характеристика героя народной сказки представляется в определенной последовательности и создает образ идеального героя, который, несмотря на бедность, добр, щедр и готов всегда прийти на помощь нуждающемуся. Во второй части статьи эпитеты рассматриваются по структурному типу и выделяются простые, сложные эпитеты.

Ключевые слова: фольклор, сказка, волшебная сказка, башкирская сказка, язык, изобразительные средства, эпитет, простой, сложный, главный герой, характеристика, структурный тип, формульные конструкции

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Хусаинова Г. Р. К вопросу о создании образа героя башкирской волшебной сказки // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 626–634. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-626-634

Hero in Bashkir Magic Tale: Means of Artistic Manifestation Revisited

Gulnur R. Khusainova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Head of Department

 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khusainova G. R., 2021

Abstract. Introduction. The language of the folk magic tale is characterized by a wide use of artistic means, including epithets; this may be explained by the worldview, aesthetic ideas, certain concepts that developed in the course of the people's history, as well as with folk philosophy and the specific features of the language. So far there has been no special study devoted to imaginative-expressive means of Bashkir magic tales; hence, to fill in the gap, the present article undertakes the study of epithets of the stock of artistic means characteristic of the Bashkir folk magic tale that add to the expressiveness of the language in magic tales. Thus, the study *aims at* identifying and analyzing epithets that characterize the main character of the magic tale from different sides; A. I. Aliyeva's method has proved useful for this part of the research, while the examination of their structural types draws on the method elaborated by the Altai researcher M. A. Demchinova. *Data and research methods.* The sources for the research data were the texts of magic tales published in the Bashkir language in the two books of the scholarly collection *Bashkir Folk Art*; the analysis of the data was carried out with the help of textual and analytical methods. *Results.* The texts of the tales were examined first to identify epithets; then, the analysis focused on the epithets that characterize the main character: their appearance, marital status, social status, clothing, housing, etc. It appears that the epithets that characterize the protagonists in Bashkir magic tales have a systemic character. There is a certain sequence in the complex portrayals of personages that help to create the image of an ideal hero who may be poor but, also, kind, generous, and always ready to help those in need. The second part of the article focuses on the structural types of the items, including simple and complex epithets. Each of the type is illustrated with examples.

Keywords: folklore, folk tale, magic tale, Bashkir tale, language, artistic means, epithet, simple epithet, complex epithet, main character, portrayal, structural type, formula

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Khusainova G. R. Hero in Bashkir Magic Tale: Means of Artistic Manifestation Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 626–634. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-626-634

Введение

В системе художественных средств башкирской волшебной сказки эпитеты являются одним из основных приемов созда-

ния образности. Сопутствуя определяемому слову, эпитет характеризует, оценивает, индивидуализирует предмет, явление или человека, перенося на определяемое слово

свое значение и участвуя в создании определенного художественного образа. Портретные характеристики сказочных персонажей влияют на формирование этнокультурных представлений об облике человека вообще и открывают народный взгляд на человека, и на мир в целом [Мещерякова 2017: 359].

Язык башкирских народных сказок рассматривался в отдельных лингвистических статьях [Киекбаев 1966; Зайнуллин 1974; Зайнуллин 1976; Псянчин 1984; Галяутдинов 2000; Ягафарова 2016; Кульсарина 2009; Кульсарина 2020].

В башкирской фольклористике данный аспект поэтики жанра сказки специально, но лишь частично рассмотрен Н. Т. Зариповым на материале башкирской богатырской сказки. Резко контрастное изображение всего в богатырской сказке обусловило изучение автором антитезы и гиперболы — «традиционных способов художественного воплощения противоположных эстетических категорий героического и низменного, прекрасного и безобразного, высокого и низкого и т. д.» [Зарипов 2008: 209].

Рассмотрению сравнений и гипербол в башкирской богатырской сказке посвящена статья молодого исследователя Р. Р. Зинуровой [Зинурова 2009].

Цель данной статьи — показать систему изобразительных средств, характеризующих героя башкирской волшебной сказки.

Источником для исследования послужили две книги волшебных сказок научного свода «Башкирское народное творчество» на языке оригинала. Дословный перевод примеров с башкирского языка на русский осуществлен автором статьи.

В работе применялись текстологический, аналитический методы исследования.

Социальная характеристика героя

Самый яркий и запоминающийся образ волшебной сказки — это главный герой, который воплощает в себе народные представления о справедливости, доброте, верности и становится художественным выражением идеала. Положительные черты, присущие герою одного сюжета, повторяются в героях других сказок, т. е. в сказках изображается единый народный характер, который нашел воплощение в разных типах героев.

Основной герой волшебной сказки, в сущности, один: обобщенный собиратель-

ный образ положительного героя. Мужественный, добрый, справедливый, красивый герой преодолевает трудные препятствия на своем пути и достигает своей цели: добывает целебное средство, женится на царевне, побеждает врага родины. Герой этот един, независимо от того, беден он или богат, женат или не женат, борется с мифическими существами или выполняет трудное задание царя.

Исследователь А. И. Алиева выделяет три типа положительных героев [Алиева 1986: 62], которые характерны и башкирской волшебной сказке: герой-богатырь, который ищет похищенную сестру («Булансы Мэргэн»), дочь падишаха («Умыс», «Молниеносный меч»), жену/невесту («Езтырнак», «Зайнулла и Красата», «Сайфелмулюк», «Биранхылу — дочь бире»); «иронический удачник», многократно демонстрирующий свое превосходство над теми, кто прежде мог куражиться над ним (старшие братья или старшие зятья) («Златохвостый-Серебряногривый», «Незнай», «Таз батыр», «Кинзебулат»); герой, который достигал цели с помощью чудесных предметов или помощников («Умный кот и Плешивый», «Яшма», «Волшебный перстень»).

Главный герой волшебной сказки обычно бывает из народа и социально обездоленным, что подтверждается на материале башкирской сказки и с помощью эпитетов. Например, эпитет часто характеризует героя как единственного сына: *бер егет* / *бер ул* ‘один парень / один сын’ [БХИ 1976, I: 99, 116, 145, 264, 101, 102, 148, 187; БХИ 1976, II: 29, 39], *карттың улы* ‘сын старика’ [БХИ 1976, I: 180, 292], а также акцентирует внимание на социальном происхождении героя: *бер етем малай йэшэгән* ‘один мальчик-сирота жил’ [БХИ 1976, I: 257], *бер ярлы ғына егет* ‘один бедный парень’ [БХИ 1976, I: 118, 270], *бер йолкош, иң түбән егет* ‘нищий, молодой человек низкого происхождения’ [БХИ 1976, II: 188]. В последнем примере использован эпитет «бедный» по отношению к главному герою башкирской волшебной сказки, но есть сказки, в которых называется род занятий, указывающий на низкий социальный статус героя: *малай өйзән-өйгә йөрөп һоранып тамак туйзырган* ‘мальчик ходил по домам, попрошайничал, чтоб прокормить себя’ [БХИ 1976,

I: 257], *хезмэтсе малай* ‘мальчик-прислуга’ [БХИ 1976, I: 152], в большинстве сказок он является охотником [БХИ 1976, I: 97, 99, 104, 112, 116, 129, 144, 148, 163, 167, 169, 197, 305; БХИ 1976, II: 85, 152, 209, 268] и очень редко *иген игэ* ‘занимался хлебопашеством’ [БХИ 1976, II: 164], *урмансы булган* ‘лесником был’ [БХИ 1976, I: 250, 272].

Низкое социальное положение героя в некоторых сказках показывается через характеристику его родителей: *ярлы булгандар* ‘бедные были’ [БХИ 1976, II: 81, 161], *фэкир карт йэшэгэн* ‘бедный старик жил’ [БХИ 1976, I: 307], *ул йыл да харык көтэ ине, ти* ‘он каждый год пас овец’ [БХИ 1976, I: 128], одежда: *кейгэн кейеме куюн тиреһенэн тегелгэн* ‘одежда на нем была из заячьей шкуры’ [БХИ 1976, I: 99], *кейер кейеме булмаган* ‘одевать одежды не было’ [БХИ 1976, I: 228], *аягындагы катаһынан башка байлыгы булмаган* ‘кроме кожаных галош на ногах, другого богатства не было’ [БХИ 1976, I: 307]; наличие имущества: *торор ере булмаган* ‘ему нигде было жить’ [БХИ 1976, II: 136], *эсәһенән калган күк һыйыр* ‘оставшаяся от матери сивая корова’ [БХИ 1976, I: 228]; характеристике жилища: *кыш һыуыктан, йэй ямгырзан һаҡлар ете терәү өйө булган* ‘дом с семью подпорками, который спасал зимой от холода, летом — от дождя’ [БХИ 1976, I: 253]; по описанию их жизни и быта: *бик ярлы йэшэгэндәр* ‘жили очень бедно’ [БХИ 1976, I: 167], *ас-ялангас гүмер итә биргән* ‘жили в голоде, одежду не имели’ [БХИ 1976, I: 222], *бабай һунарға йөрөгән, вак-төйәк йәнлек алып кайткан, шуның менән көн күргәндәр* ‘старик на охоту ходил, мелких зверюшек приносил, чем и питались’ [БХИ 1976, I: 253]; *өй эсе шундай който, үгез мөгөзөнә элп сығырлык сепрәк-сапрак заты юк* ‘дом был неприглядным, внутри было пусто, не нашлось бы тряпки, которую можно было бы зацепить за рога быка’ [БХИ 1976, II: 277], *фэкир генә көн күргәндәр* ‘жили в нищете’ [БХИ 1976, II: 147, 161, 210]. Во всем этом содержится особый смысл. Отсутствие одежды, еды, питья не только подчеркивает аскетизм его жизни, но и становится знаком жизни праведной [Мещерякова 2017: 364].

Перечисленные выше примеры показывают степень бедности главного героя. Однако очень скоро он богатеет — таков сюжетный поворот в сказке. Вместе с тем

богатство героя сказки никогда не описывается. Очень редко подчеркивается, что у него были стада или табуны. Он никогда не стремится за богатством, потому что в сказке достоинством героя является не богатство, а храбрость, смекалка, находчивость и вообще лучшие нравственные качества. Цель же героя сказки: делать добрые дела, спасать попавшего в беду, помогать нуждающимся.

В ряде сказок герой является человеком высокого статуса: *батша улы* ‘царский сын (царевич)’ [БХИ 1976, I: 156, 163; БХИ 1976, II: 43, 50, 52, 101, 110], *саузагәр улы* ‘сын купца’ [БХИ 1976, I: 152; БХИ 1976, II: 50, 92, 95], *бик бай бер кеше йэшэгән* ‘жил один очень богатый человек’ [БХИ 1976, I: 261; БХИ 1976, II: 104].

В одной сказке мальчика-сироту берет на воспитание сам царь: *батша Зәйнулланы үзәренең улы итергә, кейендереп, укытып, үзән алмашка әзерләргә ниәт иткән* ‘царь решил усыновить, переодеть, выучить мальчика и подготовить себе на смену’ [БХИ 1976, I: 257], т. е. по случайному везению низкий статус героя меняется на высокий. Несмотря на высокий статус, герой ничем не отличается от героя низкого статуса. Цель и функции у них одинаковы.

В сказках иногда герою дается оценочная характеристика: *Түземгол үзе матур, үзе батыр, кыйыу за, сос та булган. Кулынан килмәгән эше булмаган уның* ‘Түземгул сам был и красивый, и смелый, и ловкий. На все руки мастер был’ [БХИ 1976, I: 169], *егет шундай һылыу, көслө, шундай мөһабәт, ти* ‘очень красивый, сильный, величественный молодой человек’ [БХИ 1976, I: 255], *теремек тә, акыллы ла малай* ‘шустрый, умный мальчик’ [БХИ 1976, I: 257], *саф күңелле, таза фекерле, тыңлаусан улым* ‘мой с чистой душой, со светлыми помыслами послушный сын’ [БХИ 1976, II: 139], *бынамын тигән егет: шул тиклем мөһабәт, шул тиклем матур, әйтеп бөтөргөһөз!* ‘превосходный молодой человек: такой статный, такой красивый, словами не описать!’ [БХИ 1976, II: 188].

Как видно из примеров, герой волшебной сказки наделен только положительными чертами с помощью эпитетов «красивый», «смелый», «ловкий», «умный», «сильный» и т. д.

И конь у него красивый, особенный: *ис киткес матур колон* — *алтын койрокло, көмөш яллы* ‘очень красивый жеребенок — златохвостый и серебряногривый’ [БХИ 1976, II: 20], бывает он разной окраски: *күк* ‘белый’, *һары* ‘сивый’, *кола* ‘саврасый’ [БХИ 1976, II: 124], *кара* ‘черный’ [БХИ 1976, II: 138], *ерән* ‘рыжий’ [БХИ 1976, II: 140].

Одна из важных особенностей создания сказочных образов и предметов в том, что оно построено на мифологических представлениях народа. В большинстве случаев в волшебных сказках герои рождались чудесным образом (от съеденного родителями чудесного яблока, рыбы и т. д.), могли иметь золотые волосы, серебряные зубы; героини способны были оставлять в своем следе золото, а герой — расти не по дням, а по часам. Только в волшебных сказках имели место такие волшебные предметы, как: сапоги-скороходы, летающие кошмы, летающие лодки, летающие кони, с помощью которых герой добирался туда, куда ему надо; шапка-невидимка, делавшая героя невидимым; лебединое молоко, хрустальный мост, медовые реки, молочное озеро, добытые героем по требованию царя; золотой, серебряный, медный леса, которые герой проходил на своем пути и т. д. Крылатые кони, например, с давних времен были частью мифологии многих культур и были напрямую связаны с божеествами, и о них обычным людям известно мало. В башкирском фольклоре это был тулпар, крылья которого никто не должен был видеть, иначе он погибал.

Эпитет как основное изобразительное средство создания образности

Интересна методика изучения эпитетов в алтайской волшебной сказке у М. А. Демчиновой, которая рассматривает их по структурному типу. Например, цветовые эпитеты она делит на: простые, состоящие из определяемого и определяющего слов, и сложные, являющиеся по своему составу сложными [Демчинова 2003: 80]. Данная методика приемлема и при изучении башкирских волшебных сказок.

В волшебных сказках башкир часто встречаются простые эпитеты типа *һылыу кыз* ‘красивая девушка’, *ярлы егет* ‘бедный егет’, *затлы кейем* ‘дорогая одежда’, *бейек*

тау ‘высокая гора’, *кара урман* ‘густой лес’, *кара болот* ‘черное облако’ и т. д. Они описывают явления и предметы окружающего мира, выделяя их существенные признаки. В подобных эпитетах наблюдается тенденция одинакового восприятия предмета.

В башкирской волшебной сказке постоянные эпитеты используются для определения цвета: *кызыл һандык* ‘красный сундук’, *ак йылан* ‘белый змей’ (по представлениям башкир, это царь змей, священная змея. Он встречается редко кому и приносит счастье, если перед ним успеть постелить белый платок, где он оставляет свой рог, который необходимо беречь [Надршина 1986: 101]), *куңыр һыйыр* ‘бурая корова’ (священное животное, в котором заключалось благополучие, плодovitость табуна); возраста: *ике йөз йәшлек әбей* ‘двухсотлетняя старуха’; выражения физического и духовного состояния персонажей: *көслө егет* ‘сильный парень’, *бахыр килең* ‘несчастливая невестка’; отображения внешности: *шазра битле* ‘рябая девушка’; указания на качество-сущность: *алйот таз* ‘глупый плешистый’, *убырлы мулла* ‘мулла-людоед’, количество, длину, высоту, величину и материал: *ун ике башлы дейеу* ‘двенадцатиголовый дэв’, *кырк коласлы сынйыр* ‘сорокааршинная цепь’, *баһырау буйы ер* ‘расстояние со слеги’, *ат башындай алтын* ‘золото величиной с конскую голову’ (один из примеров о представлении башкирами богатства) и т. д.

Излюбленным эпитетом башкир, как и у многих народов, являются слова *алтын* ‘золотой’ и *көмөш* ‘серебро’: *алтын башлы, көмөш күтле* ‘золотоголовый, с серебряным задом’, *алтын сәсле* ‘с золотыми волосами’ [БХИ 1976, I: 85], *алтын эз* ‘золотой след’, *көмөш теһле* ‘с серебряными зубами’, *көмөш таяк* ‘серебряная палка’ [БХИ 1976, I: 231], золотыми в башкирской волшебной сказке бывают дворец, дом, ложка, лес, птица, рыбка, клетка, кольцо и т. д. Они ориентированы на представление о мифологическом содержании соответствующих людей, животных и предметов. Золото и серебро наделялись свойствами оберега, ассоциировались у русских со здоровьем, крепостью и чистотой [Мещерякова 2017: 362], у башкир серебро, например, тоже выполняло обережно-отгонную функцию, поэтому в национальной одежде башкирки было много серебра, которое, по народному поверью,

оберегало невесту от сглаза, нечистых сил и болезней. Предметы же из золота, очень качественные и хорошие, в народном понимании принадлежали именно миру сказки.

Сложные эпитеты имеют следующие разновидности:

1) образованные сложением двух основ путем полного удвоения. Они имеют усиливающее значение и состоят из парных слов: *озон-озон юлдар* 'длинные-длинные дороги' [БХИ 1976, I: 113], *матур-матур кыззар* 'красивые-красивые девушки' [БХИ 1976, I: 136], *өйөр-өйөр йылкы* 'табун-табун лошадей' [БХИ 1976, I: 190], *өлкән-өлкән таиштар* 'большие-пребольшие камни' [БХИ 1976, I: 194], *йоморо-йоморо йомгак* 'круглый-круглый клубок' [БХИ 1976, I: 238], *сокор-сакыр ерзәр* 'места, где много рытвин' [БХИ 1976, I: 238]. Встречаются также сложные эпитеты, образованные путем неполного удвоения: *ап-ак һакаллы карт* 'старик с седой-седой бородой' [БХИ 1976, I: 197, 262], *йәп-йәш егет* 'молодой-премолодой парень' [БХИ 1976, I: 128], *йәм-йәшел ағастар* 'зеленые-презеленые деревья' [БХИ 1976, I: 122], *кап-кара эт* 'черная-пречерная собака' [БХИ 1976, I: 248], *йөзө һап-һары булған* 'лицо желтое-прежелтое стало' [БХИ 1976, I: 266], *һап-һау кәйнәһе* 'здоровая-прездоровая свекровь' [БХИ 1976, I: 217], *тап-таза яулык* 'чистый-пречистый платок' [БХИ 1976, I: 216], *тип-тигез ер* 'ровная-преровная поверхность' [БХИ 1976, I: 216].

2) составные эпитеты. Например: *киң кәүҙәле, зур йөзрокло һыбайлы* 'широкоплечий, с большим кулаком всадник' [БХИ 1976, II: 45], *күккә еткән күк һарай* 'синий дворец высотой до неба' [БХИ 1976, I: 109], *утта янмай, һыуза батмай, үзе кылыс үткәрмәй торған һугыш кейеме* 'одежда воина, которая в воде не тонет, в огне не горит, мечом ее не проткнуть' [БХИ 1976, II: 30], *таиштары күкте тишеп торған, түбәһе лә күренмәслең тау* 'гора с невидимой вершиной, с камнями, протыкающими небесный свод' [БХИ 1976, II: 38], *алама бакталы ябағай бер ат* 'лошадь с шерстью после весенней линьки' [БХИ 1976, I: 191], *сикһез йыуан, сикһез бейек тирәк* 'очень толстый, очень высокий тополь' [БХИ 1976, I: 195], *тыуган-үскән, кендек кишкән ер* 'место, где родился, вырос, где пуповину перерезали' [БХИ 1976, I: 201], *алты колас ала бейә*

'шестиаршинная пегая кобыла' [БХИ 1976, I: 205], *донъя көтөрлөк кыз үстәргән кеше йорто* 'дом человека, воспитавшего достойную дочь' [БХИ 1976, I: 213], *таиш имсәктән ком һәт* 'песочное молоко из каменного вымени' [БХИ 1976, I: 218], *ер йөзөн ете әйләнгән сәмрегош сукушы* 'клюв самригуша, который за день семь раз облетал земной шар' [БХИ 1976, I: 224].

Формульные конструкции

В башкирских волшебных сказках имеют место также формульные конструкции, создающие своеобразный стиль и поэтику жанра. «К разряду формульных стереотипов можно отнести атрибутивные сочетания прилагательного с существительным, которые носят традиционный устойчивый характер и относятся в большинстве случаев к общеклассическому фонду, используются в разных жанрах» [Разумова 1991: 46].

В башкирском фольклоре к ним можно отнести формулы изображения удивительной красоты, богатства, мудрости героев типа *күз күрмәгән, колак ишетмәгән батыр* 'слухом не слыханный, видом не виданный батыр' [БХИ 1976, II: 127], *ак һакаллы, алтын акыллы карт* 'старик с белой бородой, золотым умом' [БХИ 1976, II: 66], *ап-ак йөзлө, ап-ак сәсле карт* 'старик со светлым лицом, с седыми волосами' [БХИ 1976, II: 121]; способности: *ошта булған был һунарсы: ауламаған йәнлеге, атмаған кошо, тотмаған балығы калмаған* 'отличный был охотник: не было зверя, за которым бы он не охотился, не было птицы, которую бы он не застрелил, не было рыбы, которую бы он не поймал' [БХИ 1976, II: 191]; скорости: *сабып ат етерлек, карап күз әйәре-рлек түгел* 'конем не догнать, взглядом не поймать' [БХИ 1976, II: 201], дальности расстояния: *ат еткән ер, хат еткән ер* 'место, куда конь дойдет, место, куда письмо дойдет' [БХИ 1976, II: 128, 136, 156], *күз күрмәс, колак ишетмәс ер* 'место, о котором не слышали, не видели' [БХИ, II 1976: 164]; длину пути: *таяк таишам ер* 'расстояние, на которое можно палку бросить' [БХИ 1976, II: 157]; пение соловья: *моңлоларзың моңон баһа, моңһозларзың күзен аһа* 'печальных утешит, беспечных отрезвит' [БХИ 1976, II: 136], живой воды: *йән үлтерә, йән терелтә торған шифалы һыу* 'убивающая душу, оживляющая душу целебная вода'

[БХИ 1976, II: 86]; пространство мифического противника: *йорондай ғына ерзән торондай ғына төтөн сыга* 'из незаметного места еле-еле видный дым идет' [БХИ 1976, I: 263], *үтеп йөрөй алмаслык кара урман* 'непроходимый черный лес' [БХИ 1976, I: 270] и т. д.

Для языка башкирских волшебных сказок характерны и более сложные формульные конструкции, например, подчеркивающие бедность семьи: *һиңә ашатырға ашыбыз, һуыйрға малыбыз, астыңа түшәргә кейеҙебез, өстөңә ябырға юрганыбыз, баш астыңа һалырға мөндәребез юк* 'у нас нет еды, чтобы тебя накормить, нет скотины, чтобы зарезать на мясо, нет кошмы, куда бы ты мог лечь, нет одеяла, чтобы ты мог укрываться, нет подушки под твою голову класть' [БХИ 1976, II: 245–246]; трудность задания: *күккә еткән һезҙең йорттан минең йортка тиклем улың хрусталь күпер һалдырһын, уның астынан һөт, бал йылғаһы ағып ятһын. Күперҙең ике яғында төрлө емеш ағастары үсеп, беһеп, емештәре ергә төшөп ултырһын, һандугастар туктауһыз һайрап торһондар* 'пусть твой сын от вашего дома до моего дома построит высотой до неба хрустальный мост, чтобы под мостом текли молочная и медовая реки. С обеих сторон моста чтобы фруктовые деревья росли, а фрукты поспевали и на землю падали, чтобы там безостановочно соловьи пели' [БХИ 1976, I: 110]; место нахождения души мифического противника: *анауында күл бар, күл өстөндә утрауҙа тирәк үсеп ултыра. Шул тирәк башындағы ояла йомортка бар. Шул йоморткала минең йәнем*

'вон там есть озеро, на озере есть остров, а на острове растет тополь. На вершине тополя есть гнездо, в гнезде — яйцо. Вот в этом яйце находится моя душа' [БХИ 1976, I: 115]; *минең йәнем бер һыузың астында. Бер йәшник эсенә күгәрсен ике йомортка һалған, үрмәксе ау корған, йәнем шунда. Йоморткаларҙы берәү зә таба алмай* 'моя душа находится под водой. В один ящик голубь снесла два яйца, над ней паук свил паутину, там моя душа. Яйца никто не может найти' [БХИ 1976, I: 119] и т. д. Как видно из примеров, душа мифического противника находится либо в верхнем, либо в нижнем мире, и достать ее может только главный герой сказки.

Заключение

Изучение эпитетов в текстах башкирских волшебных сказок показало, что они действительно являются активно используемым в них тропом, способствующим раскрытию героя с разных сторон. Как показывают примеры, при характеристике героя и его верного друга-коня использованы эпитеты в основном с положительной оценкой. При описании одежды героя, его жилья, уровня жизни, социального статуса используются эпитеты, показывающие высшую степень его бедности, которые способствуют еще большей идеализации героя волшебной сказки, ибо для него важно не богатство, а нравственные ценности.

В статье также показаны выявленные в башкирских волшебных сказках простые и сложные структурные типы эпитетов башкирской волшебной сказки, которые закреплены соответствующими примерами.

Литература

- Алиева 1986 — Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
БХИ 1976, I — Башкорт халык ижады. Экиәттәр. 1-се китап (= Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1) / төз. М. Х. Минһажетдинов һәм Ә. И. Харисов; инеш мәкәлә авт. М. Х. Минһажетдинов; аңлатм. авт. Л. Г. Бараг менән М. Х. Минһажетдинов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976. 376 б.
БХИ 1976, II — Башкорт халык ижады. Экиәттәр. 2-се китап (= Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 2) / Төз. М. Х. Минһа-

жетдинов һәм Ә. И. Харисов. Инеш мәкәлә авт. М. Х. Минһажетдинов. Аңлатмалар авторҙары Л. Г. Бараг менән М. Х. Минһажетдинов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976. 376 б.

Гаялутдинов 2000 — Гаялутдинов И. Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.

Демчинова 2003 — Демчинова М. А. Алтайская волшебная сказка. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 164 с.

Зайнуллин 1974 — Зайнуллин М. В. Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1 / отв. ред. проф.

- Т. М. Акимова и проф. Л. Г. Бараг. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1974. С. 92–98.
- Зайнуллин 1976 — *Зайнуллин М. В.* О выражении экспрессивности в башкирских народных сказках // *Фольклор народов РСФСР*. Вып. 2 / отв. ред. проф. Т. М. Акимова и проф. Л. Г. Бараг. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1976. С. 45–49.
- Зарипов 2008 — *Зарипов Н. Т.* Башкирские богатырские сказки. Уфа: Гилем, 2008. 240 с.
- Зинурова 2009 — *Зинурова Р. Р.* Батырзар тураһындағы башкорт әкиәттәрендә һүрәтләү саралары: гипербола һәм сағыштырыу (= Художественно-изобразительные средства в башкирских богатырских сказках: гипербола и сравнения) // *Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 29 июня 2009 г.)*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. С. 215–217.
- Киекбаев 1966 — *Киекбаев Дж. Г.* Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы (= Лексика и фразеология современного башкирского языка). Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1966. 275 б.
- Кульсарина 2009 — *Кульсарина Г. Г.* Язык и стиль башкирских народных сказок. Уфа: БашГУ, 2009. 144 с.
- Кульсарина 2020 — *Кульсарина Г. Г.* Этноязыковая картина мира в текстах башкирского фольклора. Уфа: Китап, 2020. 352 с.
- Надршина 1986 — *Надршина Ф. А.* Халык хәтере (= Память народа). Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1986. 192 б.
- Мещерякова 2017 — *Мещерякова О. А.* Языковые особенности портрета и его функции в волшебной сказке // *III Всероссийский конгресс фольклористов (г. Москва, 3–7 февраля 2014 г.)*, сб. науч. ст. в 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики / сост. В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, А. Б. Ипполитова. М.: Роскультпроект, 2017. С. 358–367.
- Псянчин 1984 — *Псянчин В. Ш.* Телдең күркәмлек саралары: укытыусылар өсөн кулланма (= Изобразительные средства языка). Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1984. 128 б.
- Разумова 1991 — *Разумова И. А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 163 с.
- Ягафарова 2016 — *Ягафарова Г. Н.* Фольклорные имена: о чем они говорят (на примере башкирских богатырских сказок) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. Т. 18. 2016. № 2 (151). С. 155–169.
- Book 1. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1976. 376 p. (In Bash.)
- Mingazhetdinov M. Kh., Kharisov A. I. (comps.), Zaripov N. T. (ed.) *Bashkir Folklore: Tales*. Book 2. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1976. 376 p. (In Bash.)
- Nadrshina F. A. *Memory of the People*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1986. 192 p. (In Bash.)
- Psyanchin V. Sh. *Artistic Tools of the Language*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1984. 128 p. (In Bash.)
- Razumova I. A. *Russian Magic Tale: Stylistic Ritualism*. Petrozavodsk: Kareliya, 1991. 163 p. (In Russ.)
- Yagafarova G. N. *Folklore names: what they speak about (with reference to Bashkir heroic tales)*. *Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2016. Vol. 18. No. 2 (151). Pp. 155–169. (In Russ.)
- Zaripov N. T. *Bashkir Heroic Tales*. Ufa: Gilem, 2008. 240 p. (In Russ.)
- Zaynullin M. V. *Bashkir folktales: expressive means revisited*. In: Akimova T. M., Barag L. G. (eds.) *Folklore of the RSFSR's Peoples*. Vol. 2. Ufa: Bashkir State University, 1976. Pp. 45–49. (In Russ.)

References

- Alieva A. I. *Adyghe Magic Tales: Poetics and Style*. Moscow: Nauka, 1986. 279 p. (In Russ.)
- Demchinova M. A. *Altai Magic Tale*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2003. 164 p. (In Russ.)
- Galyautdinov I. G. *The Two Centuries of Literary Bashkir*. Ufa: Gilem, 2000. 448 p. (In Russ.)
- Kiekbaev J. G. *Modern Bashkir: Vocabulary and Phraseology*. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1966. 275 p. (In Bash.)
- Kulsarina G. G. *Bashkir Folklore Texts: Ethnolinguistic View of the World*. Ufa: Kitap, 2020. 352 p. (In Russ.)
- Kulsarina G. G. *Bashkir Folktales: Language and Style*. Ufa: Bashkir State University, 2009. 144 p. (In Russ.)
- Meshcheryakova O. A. *Magic tale: linguistic features of portrait and its functions*. In: Dobrovolskaya V. E. et al. (comps.) *The Third National Congress of Folklorists. Collected scholarly papers (Moscow; February 3–7, 2014)*. In 5 vols. Vol. 1: *Topical Issues of Folklore Studies in Russia*. Moscow: Roskultproekt, 2017. Pp. 358–367. (In Russ.)
- Mingazhetdinov M. Kh., Kharisov A. I. (comps.), Zaripov N. T. (ed.) *Bashkir Folklore: Tales*.

Zaynullin M. V. The language of Bashkir folktales: tense and modal forms. In: Akimova T. M., Barag L. G. (eds.) Folklore of the RSFSR's Peoples. Vol. 1. Ufa: Bashkir State University, 1974. Pp. 92–98. (In Russ.)

Zinurova R. R. Artistic tools of Bashkir heroic tales:

hyperbole and comparison. In: Topical Issues of Contemporary Folklore Studies. Conference proceedings (Kazan; June 29, 2009). Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and History (Tatarstan Academy of Sciences), 2009. Pp. 215–217. (In Bash.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 635–648, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

История и поэтика карачаево-балкарской загадки

*Бурхан Абуясуфович Берберов*¹

¹ Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора

 0000-0001-5417-8144. E-mail: burhan_berberov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Берберов Б. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Жанр загадки, отражающий миропонимание народа, широко представлен в карачаево-балкарском фольклоре. Однако собранный за десятилетия богатейший художественный материал до сих пор не получил научного осмысления. *Цель* исследования — с опорой на труды ведущих зарубежных и отечественных теоретиков идентифицировать историю и поэтику карачаево-балкарской загадки. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: определение социокультурных предпосылок появления жанра загадки в национальном фольклоре, описание пяти основных проблемно-тематических кругов, изучение ключевых структурных формул карачаево-балкарской загадки и выявление ее экспрессивных средств. *Материалы и методы.* В качестве материала исследования выступают загадки, опубликованные в официальных источниках, в том числе дореволюционных. В работе использовались сравнительно-исторический, системно-структурный, семиотический, текстологический, аналитический методы исследования. *Результаты.* Карачаево-балкарская загадка является двухполюсной художественной субкультурой, одна сторона которой обращена к архетипическому инварианту, а вторая — к национальной вариативности, продиктованной историческими и географическими условиями, ландшафтом северокавказского региона, условиями жизни, культурными традициями горцев. В загадках процесс концептуализации мира осуществляется посредством пяти основных онтологических концептосфер: антропоцентрическая, этнокультурная, природная, космогоническая, ментально-этическая. Выборку образов чаще всего определяют этнически маркированные предметы. Отличительными чертами карачаево-балкарской загадки являются интенция к рифмованным стихотворным формам, использование сказовых формул, имен собственных, а также богатство экспрессивных средств (метафора, сравнение, аллитерация, антитеза, сарказм, юмор). Загадки обладают большим воспитательным потенциалом. *Выводы.* Проведенный анализ карачаево-балкарских загадок позволил выявить особенности концептуализации мира, свойственные северокавказским горцам, а также их ценностную картину в материальном и духовном измерениях.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, загадка, табу, концептуализация мира, этнокультура, тематический круг, антропоцентризм, микропоэтика, просветительский потенциал

Для цитирования: Берберов Б. А. История и поэтика карачаево-балкарской загадки // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

History and Poetics of the Karachay-Balkarian Riddle

Burkhan A. Berberov¹

¹ Research Institute for Social Sciences and Humanities of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS (18, Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Head of Sector of Karachay-Balkar folklore

 0000-0001-5417-8144. E-mail: burhan_berberov@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Berberov B. A., 2021

Abstract. Introduction. The riddle which reflects the world outlook of the people is a popular genre in the Karachay-Balkar folklore. However, the richest materials collected over decades have not been studied so far. The present study *aims at* examining the history and poetics of the Karachay-Balkar riddle drawing on the works of leading foreign and Russian theorists. This has involved i) the discussion of the socio-cultural factors that were conducive to the emergence of the genre, ii) the description of the five principal thematic circles, iii) the analysis of the key structural formulas of the Karachay-Balkar riddle, and iv) the description of the expressive language of the puzzle. *Data and research methods.* Academic collections, including pre-revolutionary sources, were used as the database for the research, which involved comparative-historical, system-structural, semiotic, textological, and analytical methods. *Results.* The Karachay-Balkar puzzle may be seen as a bilateral artistic subculture, with one side facing the archetypal invariant, and the other characterized by variability, granted the historical and geographical contexts, the landscape of the North Caucasus, the life, and the culture of the highlanders. The conceptualization of the world in riddles involves five main ontological conceptual spheres: anthropocentric, ethnocultural, natural, cosmogonic, mental, and ethical. The riddle images are most often associated with ethnically marked objects. The distinct character of the Karachay-Balkar riddle is due to frequent use of rhymed poetic forms, verse formulas, proper names, as well as to a wealth of their expressive devices (metaphor, comparison, alliteration, antithesis, sarcasm, and humor). Also, the riddles have a great pedagogical potentiality. *Conclusions.* The analysis of the Karachay-Balkar riddles resulted in identifying the distinct features in the conceptualizations of the world by the North Caucasian highlanders, as well as in drawing a picture of their values in the material and spiritual spheres.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, riddle, taboos, conceptualization of the world, ethnoculture, thematic circle, anthropocentrism, micropoetics, pedagogical potentiality

For citation: Berberov B. A. History and Poetics of the Karachay-Balkarian Riddle. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 635–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

Введение

Мир полон тайн, которые волнуют каждого сознательного человека. Одним из самых действенных способов их раскрыть

является загадка — древнейший фольклорный жанр, корни которого уходят к первобытнообщинной эпохе, а именно к охотничьим традициям. Согласно «Литературной

энциклопедии терминов и понятий», загадка — «фольклорный жанр малой формы, известный у всех народов» [Литературная энциклопедия 2003: 272]. Здесь же указывается на то, что основу «загадочного комплекса» составляет иносказание или метафора, и приводится интересное хрестоматийное определение Аристотеля, который называл загадку «хорошо составленной метафорой» [Литературная энциклопедия 2003: 272].

Следует сказать о том, что на сегодняшний день наука о фольклоре дала теоретически и практически аргументированные ответы на многие актуальные вопросы, связанные с жанровыми границами загадки, ее генезисом, принципами классификации, а также логически обусловленными структурными компонентами «загадочного» микротекста и т. д. В основном эти вопросы освещаются в трудах таких авторитетных зарубежных и отечественных авторов, как: [Фрэзер 1980; Аникин, Круглов 1983; Топоров 1994; Мелетинский 1995; Цивьян 1994; Селеева 2014].

На наш взгляд, следующим этапом является изучение этнической вариативности загадки, выявление ее жанрово-стилистических особенностей, предопределенных явлениями исторического, географического этнокультурного порядка.

Начало сбору карачаево-балкарских загадок было положено венгерским ученым В. Прёле, который в 1916 г. в журнале «Keleti Szemle» опубликовал несколько «верхнебалкарских» загадок [Карачаево-балкарский фольклор 1983: 377].

Дело венгерского ученого продолжила лингвистическая экспедиция Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, организованная летом 1939 г. в Черекское, Хуламо-Безенгийское, Баксанское и Чегемское ущелья. Участниками экспедиции В. И. Филоненко, В. П. Сухо-тиным, Я. И. Фроловым, А. М. Аппаевым, Ю. Либединским, В. Козиным был собран богатый фольклорный материал, частично опубликованный в «Материалах и исследованиях по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» [Материалы 1962].

Заметным вкладом в национальную фольклористику стал сборник «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» 'Карачаевские народные загадки' [Алиев 1984]. Специализированные разделы, посвящен-

ные загадкам, имеются также в сборниках: «Къарачай-малкъар фольклор» 'Карачаево-балкарский фольклор' [Къарачай-малкъар фольклор 1996]; «Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» 'Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки' [Алгъышла 1997]; «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» 'Карачаево-балкарские притчи и загадки' [Къарачай-малкъар ойберле 2010]; «Загадки народов Карачаево-Черкесии» [Загадки народов 2011].

Весь этот богатый фольклорный материал пока не подвергался комплексному научному исследованию. Все авторы ограничиваются краткой ознакомительной информацией во вступительных статьях к сборникам загадок. В такой же лаконичной форме дана характеристика национальным загадкам в «Очерках истории карачаевской литературы» [Караева 1966: 23], «Очерках истории балкарской литературы» [Очерки истории 1981: 31].

Основной целью данной статьи является исследование поэтики карачаево-балкарской загадки в тесной соотнесенности с вопросами национальной истории и культурных традиций.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступает сборник карачаево-балкарских загадок «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» [Алиев 1984], а также соответствующие разделы в сборниках [Къарачай-малкъар фольклор 1996; Алгъышла 1997; Загадки народов 2011], на основе которых рассматривается поэтика загадки в ее северокавказском преломлении. Для этого в работе применялись сравнительно-исторический, системно-структурный, семиотический, текстологический, аналитический методы исследования.

Концептуализация мира в загадках

1. Исторический экскурс

Древний человек, помещенный в систему двоемирия, слепо верил в существование злых, низших сил, способных помешать ему в осуществлении своих жизнеобеспечивающих замыслов при строительстве хижины, изготовлении орудий труда, рождении ребенка, на охоте и т. д. В этих условиях для него важно было «не проговориться», «не выдать тайну», держать в секрете сакральную для него информацию. Оттого в диало-

ге с соплеменником он был вынужден прибегнуть к иносказательной речи. Ключевым словом «табу» происхождение жанра загадки объясняет Дж. Фрэзер, который убежден, что первобытный человек не был в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами [Фрэзер 1980: 277].

В своей энциклопедической книге «Золотая ветвь» шотландский ученый приводит многочисленные примеры табуирования единиц предметного мира — табу на железо, оружие, растения, животных, местность, имена собственные, болезни и т. д. Запрет на произношение целого пласта слов приводил к зарождению «языка в языке» [Фрэзер 1980: 283]. Таким образом, речь архаичного человека состояла из двух «словарей» — нормативно-канонического и заместительно-функционирующего, целиком состоящего из придуманных слов, призванных завуалировать табуированный объект номинации.

Естественно, наличие в этнокультуре двух постоянно действующих «языков» вынуждало каждого члена общины быть вечным «переводчиком» с тайного, метафорического языка на общеупотребительный и наоборот. Из скрещения этих двух «языков» зародился жанр загадки, который постепенно трансформировался в особый вид художественного творчества. Старинные иносказательные номинации объектов мироздания, перифразы, эвфемизмы народной фантазией имели свойство разворачиваться в описания предметов и явлений живой действительности. Целеустановкой жанра загадки стало испытание человека на догадливость, наблюдательность, способность раскодировать зашифрованную информацию путем логических корреляций. Следует взять на заметку и этимологию слова «загадка» у славянских народов: слово образовано от глагола «гадати», что означает «говорить», «думать», «рассуждать» [Аникин, Круглов 1983: 106].

История карачаево-балкарской загадки типологически сходна с универсальной историей, описанной ведущими специалистами мирового фольклора. В монографии М. Джуртубаева в разделе «Табу» приводятся многочисленные магические запреты, связанные с охотничьим промыслом, с произношением названий определенных предметов, животных, болезней, имен род-

ственников. Балкарский ученый пишет: «Магические запреты, как и другие виды магии, представляют собой основанные на иллюзии способы взаимодействия первобытного человека с действительными и воображаемыми силами, чья мощь во много раз превышала его собственные. Вводя табу, человек как бы ограждал себя от непознанного, полного опасностей мира невидимой стеной. Эти опасности мыслились им как нечто всегда готовое обрушиться на его голову, стоит только нарушить одно из бесчисленных табу, открыть брешь в этой невидимой стене» [Джуртубаев 1991: 22].

2. Загадка и джаз тил. В карачаево-балкарском языке имеется специальный термин *джаз тил*, с помощью которого обозначается факультативный, альтернативный, иносказательный язык, способствующий сокрытию истинных наименований табуированных объектов мироздания. Обозначая какой-либо предмет, безымянные авторы загадок на передний план выдвигали лишь один его признак, прибегали к перифразам. Самый яркий тому пример — слово *акъ* ‘белый’, которым до сегодняшнего дня карачаевцы и балкарцы продолжают именовать молоко и молочные продукты. По словам нашего информатора Д. Тебуева (1930 г. р.), до недавнего времени обиходным было и производное слово *акъчы*, обозначающее профессиональную деятельность человека, занимавшегося производством молочных продуктов, — молочник, маслодел, сыродел и др. [ПМА 2018].

По законам *джаз тил* карачаево-балкарец лису может иносказательно назвать не *тюлко*, а *хыйлачы* ‘хитрая’, волка — не *бёрю*, а *жанлы* ‘одушевленный’, кошку — не *киштик*, а *ырнык* ‘когтистый’. Из соображений «не накликать беду» в народе любое инфекционное, смертельно опасное заболевание именуется эвфемизмом *аман ауруу* ‘плохая болезнь’, хотя в официальном языке имеются слова, обозначающие оспу, холеру, чуму и т. п. Естественно, *джаз тил* с его потенциалом скрывать информацию стал основным генератором для появления жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре.

Другой, не менее продуктивной, предпосылкой в этом плане стала внутренняя тяга северокавказских горцев, как и других народов, к метафоризации предметов

окружающего мира. Приведем несколько характерных примеров: «радуга» — *Тейри кылыч* 'Божий меч', «эх» — *къая кызы* 'дочь скалы', «божья коровка» — *татлы-хан* 'сладкий король'.

М. Джуртубаев справедливо считает, что «астральная мифология у предков балкарцев и карачаевцев была хорошо разработанной» [Джуртубаев 1991: 137] и приводит несколько интересных примеров: *Ёксюэле жулдузу* 'Звезда Сирот', *Уллу Жиян* 'Большая Змея', *Гитче Жиян* 'Малая Змея', *Суу Жиян* 'Речная Змея', *Сюрюучю жулдуз* 'Звезда — Пастух' [Джуртубаев 1991: 138].

Само слово «загадка» в карачаево-балкарском языке выражено метафорическим термином *элберле*, что в буквальном переводе означает «то, за что дают селения». В столь причудливом названии нашла отражение концепция интеллектуальной игры-состояния, где загадывающий в случае поражения игроков может заработать себе очки в виде выигранных им «сёл и городов». Приблизительный сценарий народной игры «умников и умниц» приводится в одном из фольклорных сборников, предназначенных для студентов педколледжа [Алгышла 1997].

Общей методологической установкой поединка между ведущим и участником является девиз: *Мен айттайым шартын, сен айтаса атын* 'Я назову признаки, а ты угадай имя' [Алгышла 1997: 19]. Далее озвучивается текст загадки: *Аны кишиде иши жокъ, аны тюртмеген киши жокъ* 'Ему ни до кого нет дела, но каждый его толкает' [Алгышла 1997: 19]. Участники думают, гадают, отгадать не могут, и тогда один из самых нетерпеливых и любознательных участников «сдается» со словами «Пусть Жемтала будет твоей, скажи ответ!». Игра есть игра, вследствие чего ведущий сначала произносит соответствующую прибаутку, а затем называет искомый предмет: *Жемтала мени болсун, хатасы кери болсун, адамы къазагъым-къулум болсун, элберни жууабы уа «эшикди»* 'Пусть Жемтала будет моей, пусть беды будут вдали, пусть жители станут моими подданными, а ответом к загадке являются «двери»' [Алгышла 1997: 19].

Нетрудно заметить, что режиссура народной «загадки-отгадки» по зрелищности, наличию «призового фонда», статусу ведущего, мозговому штурму участников на-

поминает современные интеллектуальные игры типа «Что? Где? Когда?», «Умники и умницы», «Кто хочет стать миллионером».

В мировой фольклористике сложилась традиция системного изучения национальных загадок с разделением всего материала на разные тематические группы. Как один из удачных образцов можно расценивать рубрику русских сказок, составленную по принципу «от частного — к общему» и включающую в себя такие основополагающие понятия, как «человек», «жилище», «земледелие», «животные», «природа» [Аникин, Круглов 1983: 106].

Мы поддерживаем целесообразность выявления «тематических кругов» в изучении загадок, но хотели бы отметить необходимость учета и этнического фактора, который может внести определенные коррективы в идентификацию онтологических кругов.

Из сказанного нами следует, что при выстраивании тематических кругов карачаево-балкарской загадки закономерно появление неких акцентов, обусловленных явлениями ландшафта, климата, национальной истории, особенностями духовной и материальной культуры. Акценты такого рода философ Г. Д. Гачев называет «национальным Космо-Психо-Логосом» [Гачев 2003: 34]. Следует взять на заметку и высказывание Е. М. Мелетинского о том, что «подобно мифу, загадка — это средство концептуализации мира» [Мелетинский 1995: 325].

В ходе работы нами всего было исследовано более 1 500 загадочных микротекстов. Арифметический подсчет показал, что наибольший удельный вес среди них занимают загадки, связанные с телесностью человека: метафоризированы и зашифрованы в загадках соматические термины «голова», «глаза», «брови», «ресницы», «лоб», «язык», «зубы», «волосы». Следующий круг — одежда человека, как правило, этнически маркированная и детализированная с включением в систему многих элементов, вплоть до «пуговиц». Такого рода антропоцентрический перекося объясняется тем, что человек постижение универсума, как правило, начинает с самого себя, со своего микромира, постепенно добавляя в личностный контекст следующие по отдаленности от него бытийные круги — природный (земледельческий,

скотоводческий), космогонический. Более поздние напластования — загадки, связанные с духовно-нравственной практикой, просвещением, творческой деятельностью, артефактами цивилизации.

Возвращаясь к вопросу о доминирующем характере антропоцентричных загадок, следует объяснить, что их повышенный количественный состав объясняется не только врожденной тягой человека к самопостижению, но и серверными функциями соматических элементов человеческого организма. На самом деле понятиями «глаза», «нос», «руки», «ноги», «спина», «пояс» определяются не только анатомические особенности *homo sapiens*, но и структурные компоненты предметов домашнего

обихода, природных объектов, космических тел. Другими словами, на долю соматических лексических единиц в загадках выпадает двойная роль: они выступают в прямом значении — как определяемые, искомые слова, и в переносном — как определяющие — для того, чтобы метафорически завуалировать тот или иной предмет. Далее по порядку рассмотрим несколько тематических кругов карачаево-балкарской загадки.

3. Антропоцентрический круг. Логичным и закономерным считаем помещение в центр данного круга загадки, в которой содержится личное местоимение *мен* 'я', выражающее высокий уровень самоосмысления человека:

*Иеси — мен,
Жюрютген — эл.*

(Адам ат)

Хозяин этому — я,
Но пользуется общество.

(Имя)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Алгышпа 1997: 280]

Отгадкой является «имя человека». Воспитательный потенциал подобной загадки заключается в формировании у подрастающего поколения диалектического воззрения на гражданина, который одновременно яв-

ляется «самим собой» и в то же время принадлежит социуму.

Приведем еще несколько характерных пословиц из антропоцентрической серии.

*Бир тѣбеде — джети тешик.
(Баш, аны юсюнде: кѣзле,
кѣулакѣла, бурун тешикле, аууз)*

На одном холме — семь отверстий.
(Лицо, на нём: глаза, уши,
ноздри, рот)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 100]

Следующая «соматическая» загадка рассчитана на системное мышление отгадчика, который должен в единую панора-

му соединить весь комплекс описываемых предметов (борода, рот, нос, глаза, брови, лоб, волосы):

*Эм тѣбюнде — чыккачыкъ,
Аны башында — эл ашагѣан эмеген,
Аны башында — эки муш-муш токѣлу,
Аны башында — эки жанган жулдуз,
Аны башында — эки кѣара кѣундуз,
Аны башында — деппан талачыкъ,
Аны башында — кѣалын биченлик.
(Сакѣал, аууз, бурун, кѣзле,
кѣашла, мангылай, чач)*

В самом низу — холмик,
А выше — эмеген (чудовище), пожирающий селения,
А выше — два сопящих ягненка,
А выше — две горящие звезды,
А выше — два черных бобра,
А выше — бугристая поляна,
А выше — густая трава для покоса.
(Борода, рот, нос,
глаза, брови, лоб, волосы)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Кѣарачай-малкѣар фольклор 1996: 487]

В отдельных случаях составители загадок зашифрованное имя предмета целиком

могут спрятать под облик человека. Вот один из таких примеров:

Сырт юсюнде — акъ бийче.
(*Акъланган оджакъ*)

На плоскогорье — белая княжна.
(Побелённая печная труба)
(*Пер. Р. А.-К. Ортабаевой*)
[Загадки народов 2011: 116]

Здесь же приведем примеры серверной функциональной роли соматических единиц для характеристики деревьев:

Бети — акъ,
Чачы — бурма.
(*Къайын терек*)

Лицо белое,
Волосы — кудрявые.
(Береза)
(*Пер. Р. А.-К. Ортабаевой*)
[Загадки народов 2011: 91]

Бели — узун,
Чачы — къысха.
(*Наз терек*)

Талия — длинная,
Волосы — короткие.
(Пихта)
(*Пер. Р. А.-К. Ортабаевой*)
[Загадки народов 2011: 91]

В антропоцентрических загадках нередко описывается целое театральное действо,

где в качестве персонажей выступают части человеческого тела.

Отуз адам тирмен тарта,
Джангыз адам баугъа ата.
(*Тишле бла тил*)

Тридцать человек молотят,
А один в чулан бросает.
(Зубы и язык)
(*Пер. Р. А.-К. Ортабаевой*)
[Загадки народов 2011: 115]

Нередки случаи, когда рассказчик сам перевоплощается в субъект загадки и от его имени ведет повествование, предлагая слушателям отгадать как имя актанта, так и описываемый процесс. Вот один из характерных

примеров:

Не айтайым,
Не айтайым.
Кёк тайчыкъгъа минейим,
Кёб джылкъыны сюрейим.
(*Баш джюлюген*)

Что мне сказать,
Что мне сказать,
Дай-ка я сяду на серого жеребёнка
Да погоню большой табун.
(Бритьё головы)
(*Пер. Р. А.-К. Ортабаевой*)
[Загадки народов 2011: 112–113]

4. Этнокультурный круг. В него включаются загадки с тематикой о материальной культуре горцев, включая одежду, жилище, домашнее хозяйство, инструменты земледельческого и животноводческого труда.

При этом легко прослеживается эволюция артефактов, попадающих в текстовое пространство национальных загадок. В самых ранних микросистемах речь идет о таких архаичных предметах, как ножная деревян-

ная молотилка для зерна (*кели*), веретено, казан над открытым костром, войлочные ковры. В более поздних же объектами шифровки выступают такие инновационные продукты цивилизации, как очки, книга,

деньги, радио, карандаши, самовар, телефон, телевизор, экскаватор, самолёт. Приведем несколько примеров, отражающих динамическое движение предметного мира в карачаево-балкарских загадках.

*Къара ийнекни тубюнде –
къызыл бузоу.*

(Чоюн тубюнде от)

Под чёрной коровой —
красный телёнок.

(Огонь под котлом)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)

[Загадки народов 2011: 108]

В следующей загадке обращает на себя внимание весьма удачное сравнение чер-

нильной ручки с шестым пальцем человека:

*Алтынчы бармакъчыгъым
Мерекеден тояды,
Алымдагъы дефтерде
Жолун, ызын къояды.*

(Къалам)

Мой шестой пальчик
Напивается чернил,
И в моей тетради
Дорогу, след оставляет.

(Ручка)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Алгышшла 1997: 288]

*Бир къушум барды да,
къанат къакъмай учады.*

(Самолёт)

Есть у меня орёл,
Который летает,
Не взмахивая крыльями.

(Самолёт)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Алиев 1984: 119]

5. Природный круг является по количественному составу одним из самых представительных и включает в себя загадки с вегетативными, анималистическими, ландшафтными, климатическими смысловыми

компонентами. По этим загадкам юные натуралисты лучше узнают специфику родного края, повадки разных животных, богатство растительного мира.

*Анасындан — гитче,
Атасындан — уллу.*

(Къадыр)

Меньше, чем мать,
Больше, чем отец.

(Мул)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)

[Загадки народов 2011: 87]

В приведенной загадке зафиксирована генетическая особенность мула — гибридного животного от скрещивания осла и кобылицы.

Для сознания горца привычна концеп-

туализация даже микроскопических предметов через объект «гора» — отсюда становится возможным его появление в таком неожиданном контексте при характеристике жука:

*Бир къара кишичик
таудан аууб барады.
(Къамыжакъ)*

Чёрный мужичок
переваливает через гору.
(Жук)
(Пер. Р.А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 94]

По нашему наблюдению, представители скотоводческих народов (к которым относятся балкарцы и карачаевцы), при концептуализации большинства артефактов прибе-

гают к анималистическим образам. Вот как народный ум фактуру бусинок, их конфигурацию и двигательную функцию соотносит со стадом домашних животных:

*Бир сюрюуюм барды да,
Джатсала да — бирге,
Къобсала да бирге,
(Мынчакъла)*

Есть у меня стадо,
В котором все одновременно ложатся,
Все одновременно встают.
(Бусы)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 99]

Особую ценность среди вегетативных загадок представляют загадки с философ-

ским содержанием, показывающие наглядный пример закона «отрицания отрицания»:

*Аналары ёле тура,
балалары къоба тура.
(Картоф)*

Мать находится в процессе
умирания, дети — в процессе роста.
(Картошка)
(Подстр. пер. авт. статьи).
[Алгышла 1997: 290]

6. Космогонический круг. Как отмечают мифологи С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский, «космос часто представляется в мифах живым великаном, из частей которого может быть создан мир, тотемические предки рисуются существами двойной — зооморфной и антропоморфной природы и с легкостью меняют свои обличья» [Токарев,

Мелетинский 1991: 12]. Сказанное имеет прямое отношение к загадкам, где природно-космические силы персонифицируются, эмоционально приближаются к человеку, соотносятся с привычными существами и явлениями. К примеру, вот как концептуализируются в карачаево-балкарской загадке луна и звезды:

*Бир ананы — минг баласы.
(Ай бла джулдузла)*

У одной матери — тысяча детей.
(Луна и звезды)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 92]

В загадках очень часто наблюдается наделение астрального, солярного, лунарного объекта атрибутивными признаками извест-

ных предметов из национальной кухни. Вот один из примеров:

*Къабакъ башында — табакъ джау.
(Ай)*

Над селом — тарелка с маслом.
(Луна)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 107]

Как видим, здесь в основу загадки закладывается визуальное сходство лунного диска и тарелки с маслом по цветовым и геометрическим (круг) показателям.

Тау башында — джарты гырджын.
(Джарты ай)

Для характеристики «полумесяца» народная «астрономия» также безошибочно выбирает из кухонного мира соответствующий эквивалент:

Над горой — половина лепёшки.
(Полумесяц)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 117]

Человек с развитым ассоциативным мышлением, отгадывая загадку, легко уви-

дит сходство тумана с белой шерстью:

*Четен толу джюнде,
Къолума алалмайма,
Билезик эталмайма.*
(Тубан)

Полная корзина шерсти,
В руки взять не могу,
Кудели делать не могу.
(Туман)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 121]

7. Ментально-этический круг загадок в карачаево-балкарском фольклоре занимает важное место. Он сформирован из индизнаказательных микротекстов, тематически связанных с такими абстрактными понятиями, как «ум», «знания», «честь» и др. В этих загадках обобщен социально-исторический

опыт народа, стремящегося в дидактической форме передать подрастающему поколению представление о нормативах этического кодекса, а также культ знаний, потребность к получению качественного образования. Вот одна из загадок, в которой опозитизирован человеческий разум:

*Багъасына багъа жетмеген,
Ёмюрюнде сыйы кетмеген.*
(Акъял)

Ни одна цена к нему не применима,
Вовеки веков он почитаем.
(Ум)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгышла 1997: 280]

При метафоризации такого понятия, как «знание», народная фантазия прибегает к вертикальным, асцензиональным образам

«лестница» и «небеса», в которых содержится идея возвышения человека:

*Дунияны бачхычы,
Кёклени ачхычы.*
(Илму)

Лестница мироздания,
Ключ к небесам.
(Наука)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгышла 1997: 287]

Разностороннюю, исчерпывающую, остроумную, но в то же время завуалированную характеристику в карачаево-балкарских загадках получают такие понятия, как «ученик», «учитель», «письмо», «книга». Стилистике просветительских загадок при-

сущ в основном несколько высокопарный слог, подчеркивающий уважительное отношение людей к знаниям. Здесь же приведем одну из редких загадок о книге, стилистическую основу которой составляет саркастический юмор по отношению к невеждам:

*Къалау-къалау тѣшекле,
Аны билмеген — эшекле.*

(Китапла)

Стопками-стопками матрасы,
Не угадавшие — ослы.

(Книги)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Алгышла 1997: 287]

Рифма, содержащаяся в оригинале (*тѣшекле-эшекле*) в визуальной и аудиальной форме служит идее четкого разграничения грамотных и безграмотных людей, сатирическому осмеянию неучей, сопоставимых с «ослами».

По нашему предположению, процесс формирования всего пласта карачаево-балкарских интеллектуальных загадок может быть отнесен к относительно позднему историческому периоду, а именно к эпохе Просвещения (XVII–XVIII вв.) с ее культом разума.

8. Микропозтика. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», микропозтика предусматривает

*Баши — таракъ,
Къуйругъу — оракъ.*

(Гугурукку)

Голова — гребешок,
Хвост — серп.

(Петух)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)

[Загадки народов 2011: 90]

Их немного, но есть случаи, когда загадка задается в обычной форме вопроситель-

Алтындан багъалы не затды?

(Акъял)

ного предложения.

Что дороже золота?

(Ум)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)

[Загадки народов 2011: 86]

Очень многие загадки имеют сказовую манеру повествования, то есть начинаются с присказок: *Бир къызым барды да...* 'Есть

у меня дочь...', *Бир атым барды да ...* 'Есть у меня конь...'. Например:

*Бир къызым барды да,
Халкъны кийиндиреди да,
Кеси къымыжалай къалады.*

(Ийне)

Есть у меня дочь,
Всех одевает,
А сама остаётся голой (без одежды).

(Иголка)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)

[Загадки народов 2011: 98]

*Бир атым барды да,
Чапса — жерни
къыртышин къобарады.*

(Сюрме)

Есть у меня конь,
Если бежит, то сдирает
покров земли.

(Рубанок)

(Подстр. пер. авт. статьи)

[Алгышла 1997: 288]

Думается, такие повествовательные формы загадки являются интертекстуальной отсылкой к сказкам, своеобразной стилизацией или рудиментарным фрагментом народной сказки.

*Къуйрукълу Наурусхан
къазандагъын тауусхан.*

(Чолпу)

*Ичмесенг — Ануар,
Ичсенг — жаныуар.*

(Аракъы)

По нашему наблюдению, в загадочный комплекс включаются только звучные, рельефные имена, легко рифмующиеся с ключевым словом фольклорного иносказательного текста.

Большая часть карачаево-балкарских загадок носит рифмованный характер. Рифмы, как правило, подбираются максимально точные для облегчения запоминания загадки: *тала — бала, ашы — башы, акъ — жан-*

*Балтадан ауур,
Балдан татлы,
Баурдан къаты,
Базарда сатылмагъан,
Къолда тутулмагъан.*

(Жукъу)

Очень часто для демонстрации бинарного устройства мира в загадках используется антитеза, противопоставляющая белое и черное, сухое и мокрое, съедобное и

*Бир аягъы — узун,
Бир аягъы — къысха.*

(Сагъат)

Еще одним интересным композиционным приемом в карачаево-балкарских загадках является использование собственных имен, придающих микротексту нарративный характер:

*Хвостатая Наурусхан
Опорожнила весь казан.*

(Половник)

(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 292]

*Не пьешь — Ануар,
Напьешься — животное.*

(Водка)

(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 280]

шакъ, боюнлу — къоюнлу, эшикде — тешикде. Нередки случаи, когда используется и внутренняя рифма.

Аллитерация — еще один художественный прием, который продуктивно используется в карачаево-балкарских загадках. Приведем пример, где согласный звук «б» служит «орнаментальным приемом выделения и скрепления важнейших слов» [Литературная энциклопедия 2003: 27]:

*Тяжелее топора,
Слаще меда,
Жестче печени,
На базаре не продается,
В руки не дается.*

(Сон)

(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 283]

несъедобное, высокое и низкое, большое и маленькое, длинное и короткое. Приведем один пример, где антитеза служит системообразующим приемом:

*Одна нога — длинная,
Другая нога — короткая.*

(Часы)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 92]

Такова общая характеристика карачаево-балкарской загадки, происхождение и функционирование которой вызвано интенцией старшего поколения транслировать потомкам весь накопленный интеллектуальный и духовный опыт.

Выводы

Поэтика карачаево-балкарской загадки, наряду с сохранением универсальных жанровых форм, отличается ярко выраженной вариативностью. Историко-культурной предпосылкой зарождения жанра загадок в национальном фольклоре стала древнейшая практика северокавказских горцев *джаз тил* — использование табуированного языка-оберега от воздействия враждебных чело- веку сил.

Системный анализ карачаево-балкарских загадок позволил провести классификацию и выделить пять тематических кругов, расположенных в следующем порядке по количественному критерию убывания: антропо-

центрический, этнокультурный, природный, космогонический, духовно-этический. Судя по предметному миру (артефактам) загадок, прослеживается эволюционное развитие изучаемого жанра от архаичных времён до конца XX столетия.

Структурно-композиционное построение карачаево-балкарской загадки отличается широким вариативным спектром: формула одного вопросительного предложения, рифмованные двустихия, одна развернутая метафора, полистихия, сказовые модели, амёбейные параллели, бинарные оппозиции.

Поэтологическую сторону изученных загадок определяет богатство экспрессивных средств в виде ярких метафор, эпитетов, антитез, аллитераций, интертекстем, иронично обыгрываемых имен собственных. Карачаево-балкарские загадки обладают выраженным воспитательным потенциалом и являются составной частью народной педагогики.

Полевые материалы автора

ПМА 2018 — Инф. Д. Тебугев (1930 г. р.), записано в ИГИ КБНЦ РАН (г. Нальчик), 2018 г.

Литература

- Алгышшла 1997 — Алгышшла, нарт таурухла, жомакъя, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...). Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору. На балкарском языке / сост.: Биттирова Т. М., Габаева А. Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.
- Алиев 1984 — Алиев С. Ч. Къарачай халкъны эл берген джомакъялары (= Карачаевские народные загадки). Черкесск: Ставропольск. кн. изд-во (Карачаево-Черкесское отд.), 1984. 216 с.
- Аникин, Круглов 1983 — Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество: пособ. для студентов нац. отд-ний пед. ин-тов. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 367 с.
- Гачев 2003 — Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
- Джуртубаев 1991 — Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Sources

Informant: D. Tebuev, b. 1930. Rec. at Humanities Research Institute (Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS; Nalchik, Russian Federation) in 2018. (In Russ.)

- Загадки народов 2011 — Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык. Составители и переводчики Р. А.-К. Ортабаева, А. И. Сикалиев, Х. С. Братов, О. А. Гудимова, Л. А. Борокова / под общ. ред. А. В. Шишкановой. Черкесск: РГБУ КЧИГИ 2011. 310 с.
- Караева 1966 — Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. 320 с.
- Карачаево-балкарский фольклор 1983 — Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
- Къарачай-малкъар фольклор 1996 — Къарачай-малкъар фольклор (= Карачаево-балкарский фольклор). Хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
- Къарачай-малкъар ойберле 2010 — Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (= Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М. М. Ольмезов; пер. с кар.-балк. Х. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.

- Литературная энциклопедия 2003 — Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
- Материалы 1962 — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 200 с.
- Мелетинский 1995 — Мелетинский Е. М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Наука, ГРВЛ, 1995. С. 325–337.
- Очерки истории 1981 — Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. 400 с.
- Селеева 2014 — Селеева Ц. Б. Вариативность калмыцких народных загадок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 151–156.
- Токарев, Мелетинский 1991 — Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А-К. С. 11–20.
- Топоров 1994 — Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
- Фрэзер 1980 — Фрэзер Джеймс Джордж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Цивьян 1994 — Цивьян Т. В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.
- Folklore: Chrestomathy. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p. (In Balk.)
- Meletinsky E. M. Minor folklore genres and issues of genre evolution in oral tradition. In: Minor Folklore Genres. Collected articles dedicated to G. Permyakov. Moscow: Nauka — GRVL, 1995. Pp. 325–337. (In Russ.)
- Nikolyukin A. N. (ed.) Encyclopedia of Literary Terms and Definitions. Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS). Moscow: Intelvak, 2003. 1600 clm. (In Russ.)
- Olmezov M. M. (comp.) Karachay-Balkar Tales and Riddles. Kh. Dzhurtubaev (transl.). Nalchik: Elbrus, 2010. 456 p. (In Balk. and Russ.)
- Seleeva Ts. B. Variability of the Kalmyk folk riddles. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies – Elista)*. 2014. No. 3. Pp. 151–156. (In Russ.)
- Shishkanova A. V. (ed.), Ortabaeva R. A.-K. et al. (comps.) Riddles of Peoples Inhabiting Karachay-Cherkessia: Original Texts and Russian Translations. Ortabaeva R. A.-K. et al. (transl.). Cherkessk: Karachay-Cherkess Humanities Research Institute, 2011. 310 p. (In Russ., Kar., Cherk.)
- Tokarev S. A., Meletinsky E. M. Mythology. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World: Encyclopedia. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. Vol. 1: A-K. Pp. 11–20. (In Russ.)
- Toporov V. N. Some observations over riddles. In: Exploring Balto-Slavic Spiritual Culture. Riddle as Text. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 10–117. (In Russ.)
- Tsivyan T. V. Answer in a riddle: answer to the riddle? In: Exploring Balto-Slavic Spiritual Culture. Riddle as Text. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 178–194. (In Russ.)
- Aliev S. Ch. Karachay Folk Riddles. Cherkessk: Stavropol Book Publ. (Karachay-Cherkess Dept.), 1984. 216 p. (In Kar.)
- Alieva A. I. (comp., foreword, etc.) Karachay-Balkar Folklore: Records and Publications of the Pre-Revolutionary Era. Nalchik: Elbrus, 1983. 432 p. (In Russ.)
- Alieva S. U. (ed.) Balkar Literature: Historical Essays. Nalchik: Elbrus, 1981. 400 p. (In Russ.)
- Anikin V. P., Kruglov Yu. G. Russian Folk Poetry. Leningrad: Prosveshchenie, 1983. 416 p. (In Russ.)
- Bittirova T. M., Gabaeva A. B. (comps.) A Chrestomathy of Karachay-Balkar Folklore: Well-Wishing Texts, Nart Legends, Folktales, Songs, Riddles. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balk.)
- Boziev A. (ed.) Balkar Dialectology, Vocabulary and Folklore Studies: Materials and Studies. Nalchik: Kabardino-Balkaria Book Publ., 1962. 200 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. et al. (eds.) Kalmyk Myths, Legends and Tales. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dzhurtubaev M. Ch. Ancient Beliefs of the Karachay-Balkar People: A Brief Review. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russ.)
- Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Politizdat, 1980. 831 p. (In Russ.)
- Gachev G. D. Mentalities of the World: Similarities and Differences. Moscow: Eksmo, 2003. 544 p. (In Russ.)
- Karaeva A. I. Karachay Literature: A Historical Essay. Moscow: Nauka, 1966. 320 p. (In Russ.)
- Khadzhieva T. M. (comp., foreword) Karachay-Balkar

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2021. Т. 14. № 3

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 06.10.2021.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 26,5.
Тираж 100 экз. Заказ 13-21.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8